

22 СЛОЯ
БЕСКОНЕЧНОСТЬ,
ПЛЮС-МИНУС

Самое сокровенное начинается с желания жить, а не существовать. Даже в многомиллионной толпе мы чувствуем друг друга и сохраняем прочную связь между нами. Пока она цела, каждый из нас — бесконечность, имеющая неповторимую форму.

Пока живы ваши звуки и цвета — я никогда не умру. Каждая капля моей искренности и осознанности — ваша заслуга.

Пусть я боюсь покровителей, их голосов и теней, мой смысл им не украсть. Даже если солнце начнёт жечь ещё сильнее, а от речи их некуда будет бежать, до последнего момента я буду оставаться человеком.

И когда жёлтый город готов будет вот-вот вспыхнуть от жары, голос и бесконечность соприкоснутся.

Предисловие

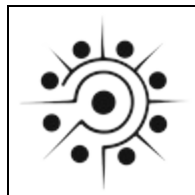
Я — 22 слоя.

За моей маской есть вселенная, которую я слой за слоем хочу тебе показать. С её образами, особенностями и пока ещё непривычными для тебя звуками. Здесь тесно переплетаются цвета, буквы и мелодии. Начиная с малого, я хочу услышать стук твоего сердца, чтобы потом дать расслышать свой.

У меня много историй, но первую, про бесконечность, я расскажу постепенно. Для меня эта книга — куда большее, чем наспех написанный рассказ о приключении маленького человека. В ней — обретение собственного лица, индивидуальности, родственных душ и своей бесконечности, с которой ты уже никогда не сможешь расстаться. Я свою отыскал и был бы рад знать, что ты нашёл свою. Но если ещё нет, может оказаться так, что меж моих страниц запылились её первые проблески. Поищи, оно того стоит. В большом мире, который я тебе покажу, мы отыщем её вместе.

Приятного чтения.

Терсида

Солнечные эпизоды важны.

Они рассказывают о простом, без которого не бывает важного.

Это обычные дни, что создают основу истории.

Без них были бы только чувства без смысла.

О смысле люди читают до наступления темноты.

Йеталь

Лунные эпизоды очаровательны.

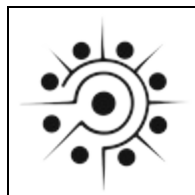
Они гармонируют с музыкой и умеют задевать.

Если получается, их не трогают, пока солнце не спрячется.

Потому что ночью появляется сокровенное, что ведёт за собой.

А в нём и сами мы.

ЖЕЛТИЗНА

— Вы намного хуже душегубов. Подобные вам сразу откусывают руку своего друга по локоть. Быть эгоистом и жить вопреки всем нам — это можно назвать целью? Нет, это невозможно и противоестественно. Именно поэтому вы виновны безоговорочно и безусловно. Вы виновны навсегда.

Спокойный мужской голос вещал. Рупоры, словно проводники размеренной речи, доносили до каждого правду. Тот самый спелый плод правды, от которого нельзя отказаться, умеренно сладкий, возведённый в истину. Иначе говоря — подлинный, самый настоящий и сочный среди всех других сортов. Нужно было иметь талант, чтобы передать его

исключительный вкус. Этот голос, узнаваемый каждым жителем города, имел что-то притягательное и изумительное, сравнимое с даром. Он никогда не звучал на повышенных тонах и всегда оставался прав: не только для себя — для подавляющего большинства. На фоне тихой оркестровой музыки слышался диалог, напоминающий не критику действий, а разговор двух единомышленников. Рупоры, висящие на высоких столбах, позволяли насладиться беседой любому прохожему. Слушать или закрыть ладонями уши — дело каждого, но главное, что у него есть выбор.

— Вы ведь понимаете, господин Тóкир, что это огромная ошибка с вашей стороны? Понимаете всю опасность, которой могли подвергнуть наш город, правда? Сейчас вы берёте на себя ответственность, а завтра ваше изобретение приводит к трагичным последствиям. Кому вы будете доказывать то, что это несчастный случай? Родственникам жертв? Обездоленным? Пострадавшим?

— Я вас прекрасно понимаю, — усталым и куда менее уверенным голосом заверил собеседник. — Прекрасно понимаю, о чём вы говорите, господин Мёндакс.

— Ваш поступок очерняет не только ваше имя, господин Токир. Вы — муж, отец и сын. Вы, в конце концов, механик. Не учёный, дорогой мой, не изобретатель, а механик. Вы знаете, что это значит?

— Что нечего искать в области, для которой я не создан. Это ошибка, которую я смог осознать только сейчас.

— Верно, верно! — кающемуся начали было аплодировать, но решили, что и пары хлопков будет достаточно. — У нас есть учёные, вы это знаете. Они занимаются своим делом, а вы — своим. Несложно запомнить.

— Да, совсем несложно.

— Ведь поймите, я говорю с вами, и сердце сжимается. Не хочется, чтобы вы погубили своё будущее. Вы — замечательный механик, благодаря вам наш Мейёрф сохраняет свет даже ночью. Вот только не пытайтесь сделать наш город ярче, просто поддерживайте в нём свет. В противном случае это может кончиться тем, что мы сожжём сами себя.

— Прекрасно понимаю ваш посыл, — с трепетом в голосе согласился обвиняемый.

— Значит понимаете и глубину своей вины. Признаёте, что ответственны перед всеми нами? Перед каждым жителем Мейёрфа, который мог бы пострадать от ваших опытов. Вы опасны, а ваши действия, не побоюсь этого слова, порочны.

Теперь голос обвиняемого снова звучал тихо, уверенно, но виновато. Трепет вытеснился стыдом — не обязательно было смотреть на лицо говорящего, чтобы понять это.

— Конечно признаю, мистер Мендакс. Виновен и опозорен. Я говорю это полностью осознанно, — раскаялся обвиняемый. — Лучше уж сейчас, чем никогда.

— Вот здесь вы правы. Правы, как никогда. В таком случае, господин Токир, хотелось бы, чтобы мы оба пошли друг другу навстречу. Вы знаете, что такого рода произвол предусматривает длительный срок заключения. Мы с вами прекрасно понимаем, что из этого следует, — мужчина на время замолчал, будто до самой последней секунды не был уверен, стоит ли ему продолжать. — Но как вы отнесётесь к тому, если Мейёрф даст вам шанс?

— Мне... простите?

В голосе обвиняемого слышалось удивление. Никакого восторга, никакой вины. Словно заданный вопрос был невозможным, не вписывался ни в одно существующее правило и не имел права даже прозвучать.

— О каком шансе вы говорите, мистер Мендакс?

— Единственном для вас. Согласитесь ограничиться строгим выговором в обмен на публичное уничтожение этого гадкого изобретения? Это ошибка, и если ваши сожаления искренни, я прошу показать это на деле, перед всеми. Учтите, такое предложение я бы назвал исключительным случаем. В конце концов, вы... муж, отец и сын. Не хотелось бы, чтобы молодой человек ваших лет сгнил в отвратительном месте вроде Мыса Хохотунов[1]. Вместе с сумасшедшими, насильниками и другими сумасбродами. Вы можете там оказаться, потому что ваше изобретение — пошлый жест в сторону каждого, кто вас слышит. Я это понимаю, но в то же время мне хочется сказать, что вы этого не заслужили. Вы ошиблись, ведь так? Мне важно понимать, что вы сможете взять контроль над этим мальчишкой-авантюристом внутри вас. Важно, чтобы вы осознали ошибку в полной мере и оградили от неё других молодых людей, которые способны... заблудиться. Я бы хотел, чтобы вы стали примером для тех, кто полагает, что может двигать этот мир вперёд. И если вам действительно есть что сказать, если вы чувствуете вину — просто выскажите всё в микрофон перед вами, господин Токир. Но учтите, я не заставляю вас делать это. Прежде всего — ваше право выбирать.

За несколько секунд никто не сказал и слова. Только дыхание, тихий шум микрофона и оркестровая музыка. Но затем послышался голос человека: напуганного, сломленного, променявшего одну свободу на другую.

— Разрабатывая эту катушку, я думал о создании чего-то, что можно будет назвать движением вперёд. Думал, что это прогресс. Но, к сожалению, пренебрёг тем, что это может оказаться опасностью. Я не учёл ключевой детали: новые идеи очень редко могут быть полезны обществу, которое уже и так стабильно. Особенно если они создаются неквалифицированными в этой сфере людьми. Поэтому я призываю каждого, кто слышит меня, не повторять этой ошибки. Не пытаться создавать подобное и не думать, что вы можете двинуть человечество вперёд. Для вас создана самая удобная и короткая дорога к счастливой жизни. Поэтому я даю слово, что с чистым сердцем самолично растопчу свою же ошибку и больше не создам ничего подобного. И благодарю господина Мендакса за... шанс. Шанс жить.

После этих слов ведущий похвалил и даже поблагодарил собеседника. Ещё пара минут болтовни, и вещание закончилось привычными словами: «С вами была станция “Просвещение”. Спасибо за внимание и будьте осторожны».

Как и другие люди, Мия слышала диалог, передаваемый рупорами. Звук просачивался через окна заведений, пробирался в тонкие улочки и даже самые далёкие комнаты домов — важно было, чтобы его мог уловить каждый. Волоча за собой две тележки с чемоданами, она старалась сконцентрироваться на чём угодно, только не на физической усталости. После того, как радиовещание закончилось, Мия задумалась о том, как много людей слышало этот разговор. Десятки рупоров, сотни улиц, тысячи человек и одно солнце над головой — вот он, город-государство, простирающийся на половину континента.

Мейярф, этот огромный и густонаселённый мегаполис, всегда начинал свой день по одной и той же схеме. Стоило только выйти на улицу поутру, как глаза ослеплял целый океан лучей: невидимых, но очень горячих. Звезда над этой частью города казалась нагретой бомбой, которая вот-вот взорвётся и сожжёт всё, до чего сможет дотянуться. Единственный

цвет, который мог ассоциироваться с Мейяром, — жёлтый. Под ногами плавилась дорога, вымощенная кирпичом лимонного цвета, с удовольствием впитывая ту температуру, которую ей дарил светил на небе. Менее крупные улицы покрывал тонкий слой песка, не такой красный, но такой же горячий, как тлеющий уголь. Из-за того, что большинство улиц были широкими, спрятаться в тени удавалось лишь отклонившись от курса и зайдя в какой-то узкий переулок.

Все бродячие собаки здесь были похожи на шакалов, а птицы — на пыльные комки с крыльями. Цветами они не пестрили и редко когда издавали красивые звуки. Обычно это звучало как откашливание песка, попавшего в горло. Самыми цветастыми были редкие деревья, чудом не выцветшие под солнцем.

В этом городе всегда кто-то куда-то шёл. Нёс он ящик на голове, вёз за собой тележки или просто хотел напиться — не важно, ведь он становился частью потока, движущегося по ярко-жёлтому раскалённому покрывалу. В такую жару Мия даже вспомнить не могла, что из себя представляет Мейярф ночью. Она смутно помнила прохладу, приятный холодок песка под ногами и возможность свободно посмотреть на небо. Сейчас это представлялось так смутно, словно прошло пару лет, — пропало ощущение реальности, которое она испытала ещё несколько часов назад. Вечер казался даже дальше, чем край этого города.

Единственный способ отвлечься от жары и усталости — занять свои мысли чем-то другим. Каждый раз Мия следовала этому правилу, и зачастую оно помогало: пустые или нет, но мысли позволяли скоротать время по пути к цели.

«Что-то не то. Я точно делаю что-то не то».

Впервые за три флации[2] эта мысль в голове пронеслась настолько ярко и целостно. Мия попыталась забыть о тележках с чемоданами, которые машинально тащила за собой, забыть о хозяине и даже палящей жаре. Чтобы хоть ненадолго отвлечься, она подняла голову, но ментально сощурилась и отвернулась. Сейчас смотреть вверх было просто невозможно.

До склада Марлеса удалось добраться за час. Ремесленник открыл чемоданы, пересчитал товар и начал выписывать талончик — доказательство, что всё доставлено вовремя и в нужном количестве. Она в который раз отдаст бумажку Заужу, а тот спросит почему так долго. Хоть со всех ног беги, хоть совершенно выбейся из сил, он всё равно отчитает и всучит новый товар. Настолько надоевший круговорот, что от мыслей о нём нахлынула злость.

Обратный путь всегда казался легче, ведь чемоданы оставались пустыми. Можно было позволить себе идти узкими улочками, прячась от солнца под размашистыми крышами невысоких зданий. А там, в тени, появлялся шанс собраться с мыслями и вспомнить что-то важное. Сейчас в голове роилось с десятков разных идей, но ничего цельного, ничего такого, что можно было назвать важным.

«Почти за месяц[3] я ни разу не опоздала по-настоящему, — она задумалась и закусила губу. — Хотя и два раза проспала. Даже если не задержусь, Зауж меня отругает. Но разве это важно? Почему я вообще думаю об этом?»

Разум, словно желающий докопаться до правды, пытался из бесполезной пыльной кучи мыслей выудить важные и нужные. Мия не знала, какие вопросы считать важными, а какие нет, не знала, можно ли найти на них ответы и как они должны звучать. Но точно понимала — есть повседневные рутинные мысли, а есть что-то большее. Хотелось откопать в своей

голове хотя бы крупицу, не связанную с работой, желанием поесть и попытками вспомнить прошлое.

Ещё пару шагов, и тень от крыш исчезнет — улочка выведет на всё ту же широкую жёлтую дорогу. Мия остановилась в переулке, приставила ладонь ко лбу, чтобы заслонить глаза от солнца, и посмотрела в небо.

Не так далеко прямо в воздухе уже который день находилось что-то, напоминающее облачный комок. Для настоящего облака он казался невелик, размером с небольшой дом. Словно кусочек тучи оторвался от общей массы и завис в воздухе. Когда на него ни глянь, он оставался на своём месте даже когда небо было кристально синим. Лишь иногда, если долго всматриваться в этот перистый шар, можно было увидеть, как внутри сверкает что-то, похожее на разноцветные молнии. Неподадёку висело ещё одно облачко, но уже насыщенного янтарного оттенка. А где-то там, вдалеке, пятнышек было больше, но отсюда они казались размером с крупицу соли. Нельзя было отличить даже цвет — так далеко они находились.

— Но это же не просто тучи, — заверила себя Мия. — Наверно они что-то значат...

Когда все облака плыли, эти маленькие ватные комки оставались неподвижны. Ночью и утром, все эти дни они вызывали любопытство. Словно пазлы из другой, куда более красочной картины. Наверняка даже этот огромный мир, Виоландо[4], не знал, откуда появилась застывшая красота.

Напрочь забыв о времени, Мия смогла наконец оторвать взгляд и сделать шаг вперёд. Улица вела всех людей плавно, словно имела своё течение. Достаточно было просто следовать ему, чтобы вскоре оказаться дома.

Зайдя в таверну, она не успела сказать ни слова — мужчина её опередил. Не нужно было никакого зрительного контакта, чтобы почувствовать себя виноватой, — достаточно того, с каким упрёком он говорил.

— Почему так долго? Я же дал тебе ровно полтора часа. Ты опоздала на пятнадцать минут, а они играют роль, уж поверь мне. Потому и есть будешь уже вечером.

— Простите, господин Зауж. Я и правда виновата. Зарекаюсь перед Предвечной, что такого больше не повторится.

Поднять голову значило бросить вызов. Поэтому её взгляд был прикован к полу, а голова наклонена, выражая максимальную покорность. Именно покорность тешила этого человека достаточно, чтобы осуждающий тон в его голосе сменился на другой, чуть более строгий, но гораздо более щадящий.

— Зарекаюсь перед Предвечной, — передразнил мужчина. — Не первый раз замечаю за тобой, что ты зарекаешься перед ней не делать что-то. Ты же даже не знаешь, кто она такая, так зачем мелешь языком? Важны ей, а в первую очередь мне, твои клятвы?

Вопросы остались без ответа — оба понимали, что незачем что-то говорить. Несколько секунд спустя, отполировав один бокал до блеска, мужчина взялся за второй. Лишь после он достал из-под стойки поднос и мотнул головой в его сторону.

— Быстрее иди обедай и принимай новый заказ, — Зауж приподнял бокал и начал рассматривать его свету, — привезёшь его не в два часа, а в три.

— Да, господин Зауж. Спасибо вам, я мигом, обещаю. Спасибо!

Взяв поднос со стойки, Мия в который раз задумалась, что хозяин таверны — человек

действительно важный и занятой. После полудня у него постоянно много людей, а оттого и целая гора забот. Он строгий, но может это его способ справиться с кучей навалившихся дел.

В моменты отдыха он казался Мие не таким уж плохим. Зауж — человек суровый и чересчур требовательный, но вряд ли злой. Пусть его худощавое вытянутое лицо выглядело уставшим и невесёлым, но ничего отталкивающего в нём не было. Наконец, она выбросила отвлекающие мысли из головы и поднялась в свою комнату.

* * *

В таких коробках как её комната, люди должны умирать, а не жить. Мия не представляла как должны выглядеть нормальные комнаты в Мейярге, но злость брала оттого, что Зауж это наверняка знал. Знал и пользовался.

Она практически не чувствовала запаха еды из-за пыли. Место, где Мия жила, было завалено десятком сваленных сервантов и горой старой посуды. Чтобы прибраться здесь, нужны были минимум несколько дней кропотливой работы. Зауж с этим не спешил, а у самой Мии после рабочего дня просто не оставалось сил. За всеми этими сервантами, в самом конце помещения была кровать, и это было единственное место, куда широкий слой пыли ещё не добрался — Мия прикрывала его куском ткани перед уходом.

Она обедала на поваленном шкафу, который успел стать и столом, и в то же время местом для сидения. Вилка проткнула разваренную картошку, уткнувшись своими зубцами в твёрдое стекло. Мия давила совсем не сильно, боясь повредить посуду, но вложила в этот тихий удар всю скверну своего настроения.

«Отвратительный вкус. Отвратительные условия. Я делаю что-то не то. Неправильно».

Эти мысли были навязчивы и ядовиты. Порыв злобы, которую попросту некуда выплеснуть.

«Почему он игнорирует мои вопросы? Отвратительный человек. Отвратительный!».

Изо дня в день было страшно поднять голову и задать хоть какой-то вопрос, не связанный с работой. Когда они только познакомились, Зауж дал понять, что можно следовать только его правилам. Любая фраза и любое действие, выходящее за рамки прямого послушания, провоцировало циничный, абсолютно унижающий взгляд хозяина, словно он говорил с умалишённой. Мия редко задавала вопросы, а Зауж на них очень неохотно отвечал. Отвечал так, словно даже попытка узнать что-то новое является чем-то мерзким и неуместным для такого примитивного человека, как она. Мужчина видел, что колесо, в которое он её усадил, работало, стоит лишь предложить дом и еду.

Взрыв эмоций победил. Стиснув зубы, Мия поставила тарелку на упавший сервант, сжала кулаки и вышла из комнаты. Спустившись на первый этаж, она готова была обратиться к нему с прямым вопросом, который человек имеет право задать другому человеку.

«Что за странные облака летают в небе?»

Людей на первом этаже сидело много, как и в любой другой день, когда время приближалось к полудню.

«Нужно спросить так, чтобы услышал только он, — пронеслось в голове. — Так и сделаю. Это простой вопрос, нельзя же наказывать человека за простое любопытство. Он-то ведь наверняка знает ответ. Это не так сложно».

Пара шагов, и она оказалась перед владельцем заведения, который болтал с одним из посетителей. Хозяин обратил внимание и вопросительно поднял брови.

«Но если он разозлится, то может лишит меня еды. Или выгнать на улицу. У него совсем не добрые глаза. Он мне не поможет. Если я спрошу об этом ещё раз, то он разозлится. Наверняка разозлится».

— Мия, если тебе что-то нужно, то спрашивай немедленно.

«Чужой человек. Он спрячет знания любой ценой. Враг не ответит мне, — сейчас она непоколебимо была уверена в этой истине. — Ни сегодня, ни когда-либо».

Трусость взяла верх и в ответ получилось только промямлить:

— Могу я взять ещё стакан воды, пожалуйста? Мне нечем запивать.

Мужчина тут же перевёл взгляд на собеседника и продолжил говорить, машинально нащупывая стакан и наполняя его водой из бутылки. Зауж не оторвал свой взгляд от собеседника и тогда, когда протянул Мие полный стакан воды. Та поблагодарила его, а потом тихо, словно ветерок, вернулась в свою комнату на втором этаже.

После обеда нужно было доставить следующий груз, и так до вечера, пока не стемнеет. Мия это знала, поэтому растягивала трапезу как могла. Закончив, она перевела взгляд на своё левое предплечье, где находилась стигма чёрного цвета — символ её покорности и принадлежности. Любопытство, променянное на еду, и разум, отданный за тёплые ночи. Как бы ни хотелось полноценной жизни, без крыши над головой и еды долго не протянуть. Потому сначала существовать, а только потом жить. Это кардинально разные понятия, но для Мии они работали именно в таком порядке.

— Важно просто оставаться на плаву, — выдохнула она. — Просто быть. Ничего не изменится, узнай я, для чего нужны эти тучи.

Последний глоток воды, и снова работа.

Следующий адресат находился дальше, чем предыдущий, а чемоданы были ощутимо тяжелее. Неважно. Забивая голову мыслями, можно пройти хоть десятки улиц, пока эти мысли не выветрятся из головы.

«Нужно убить в себе эту наглость».

Это правило прочнее и прочнее заседало в голове.

«Задушить на корню, иначе я останусь без еды и дома. Сейчас всё не так плохо, как может стать. Он бы точно разозлился из-за моего вопроса. Точно бы разозлился».

Доставив груз и получив талончик, она возвращалась всё с тем же вихрем мыслей в голове: обещания крутились вместе с клятвами не делать что-то, злость смешивалась со

страхом, не давая прийти к какому-то конкретному решению.

Мия остановилась. В паре шагов от неё находилась книжная лавка, украшенная множеством резных табличек. Она не мешкала, достаточно было просто увидеть заставленные полки и стеллажи. В помещении не было покупателей, лишь два торговца занимались своими делами. Старик протирал пыль с полок, а тот, что помоложе, со скучающим видом читал один из журналов. И снова, когда нужно было с кем-то заговорить, ощущались неловкость и страх. Чаще всего приходилось общаться с Заужем, но тот никогда не шёл на контакт. Сейчас перед ней сидел не такой хмурый и не такой сердитый мужчина, а более добрым, хоть и унылым взглядом. Едва-едва, потратив несколько секунд на то, чтобы побороть себя, Мия подошла к нему и спросила:

— Добрый день. Извините. У вас есть какие-то книги о... вот тех... — она показала вверх, словно крыша здания была прозрачной. — Облаках? Этих маленьких тучах, которые никогда не исчезают.

Продавец призадумался, затем кивнул и встал, направившись к одной из полок. Свой журнал он забрал с собой, используя указательный палец как закладку. Недолго поискав, он достал одну книжку и положил её перед Мией. Не швырнул, а именно аккуратно положил. Та заметила это и в благодарность кивнула.

— Самая простая. Остальные посложнее, да и не факт, что правда. Эти облака мало кто изучает, поэтому на страницах куча теории и сложных слов. Думаю, тебе они не нужны.

— А сколько она стоит?

— Один триптих. Не так и много, для такой-то книги.

За месяц пребывания в Мейярге разобраться с местной денежной системой совсем не получилось. Посетители таверны Заужа заказывали еду, тратя только треугольные монетки — этюды. Лишь единожды на её памяти полноватый мужчина заказал уйму еды и расплатился квадратными монетами, но Мия не знала, как те называются. Эти квадраты, наверно, и были триптихами, но спрашивать о таком и выглядеть глупой не хотелось.

Она кивнула, открыла книжку и начала листать страницы. Часто попадались картинки: согласно им, облака бывали красные и зелёные, бывали даже огромные чёрные облака, словно сгусток дёгтя. Текст же был сложным для понимания. Мия могла читать буквы по отдельности, могла даже понимать короткие написанные слова, но язык совершенно не выглядел родным и понятным. Большинство букв выглядели незнакомыми и даже их произношение вызывало трудности. В устной речи всё было проще, но длинные предложения, связанные между собой грамматическими конструкциями, казались непосильными для восприятия. На картинки хотелось смотреть часами, но приходилось быстро пролистывать страницы, чтобы увидеть как можно больше.

— Покупаешь? — вернул её к реальности голос продавца.

Пальцы неуверенно перелистнули ещё пару страниц и закрыли книгу.

— Я... Я ещё зайду. Потом. Пока что не хватает денег. Спасибо огромное и, — замешкалась она, — чудесного вам дня.

Торговец улыбнулся и кивнул, после чего продолжил читать свой журнал. Домой нужно было добраться как можно скорее.

Почти в самом конце пути, когда идти оставалось не больше пяти минут, все рутинные мысли исчезли, словно мимо промчалось торнадо и забрало их с собой. В её голове появился образ, который приходил и до этого. Каждый раз это пугало, потому что только он появлялся, как пропадало зрение и слух. Очень резко всё вокруг становилось одного тона,

каждый раз разного. Не удавалось увидеть ни своё тело, ни что-то ещё. В этом пространстве существовал только шёпот и глаза яркого жёлтого цвета. Они не были похожими на человеческие и вообще не имели постоянной формы. В них легче было рассмотреть играющий огонь от двух костров, чем что-то ещё.

Шёпот этот приходил несколько раз до этого, но всегда ночью. Сейчас же он забрал Мию себе посреди дня. Забрал и практически сразу отпустил. Не сказал ни слова, не поделился каким-то образом и даже не изменил форму. Показал ей яркий жёлтый цвет и исчез.

Восприятие реальности стало прежним: слух и зрение вернулись. Мия пришла в себя и осмотрелась — ни одного удивлённого взгляда. Каждый человек куда-то шёл, что-то делал или с кем-то говорил, но не обращал на неё внимания. Ручки телег всё ещё были в руках.

Каждый раз, когда шёпот давал о себе знать, Мию как прошибало. Она бегом направилась домой, пытаясь не уронить чемоданы с тележек. Зайдя на территорию таверны, Мия обошла здание и оставила их рядом. Здесь, среди коробок, досок и ящиков всё и началось. Так говорил Зауж. Он заверял, что это место — самое начало.

А шёпот говорил ей о другом. В одну из ночей он показал картину того, как было на самом деле. Всё началось совсем не с ящиков и досок. Жёлтые глаза появились, чтобы напомнить об этом ещё раз.

На протяжении оставшегося дня не раз вспыхивал страх, что они вот-вот появятся опять. Что снова нахлынет это чувство, сковывающее тело и заставляющее чувствовать себя беспомощной. Но день закончился обыденно, без шёпота и без единой стоящей мысли в голове. Словно забирая за собой пламя, вечер крал и мысли. Тот приятный холодок, который несколько часов назад просто не мог существовать, становился искусителем. Он подговаривал отдыхать, не спешить, спать, только не думать. Под лучами звезды становилось тяжело рассуждать о чём-то, но без них — невозможно. Уже не приходилось маневрировать между огромных куч спешащих куда-то горожан — к вечеру толпы рассасывались, оставались лишь небольшие группки людей. Дома ждал ужин, зачастую гораздо более вкусный, чем завтрак или обед. Он прогонит голод, кровать позволит расслабить мышцы, а сон растопит усталость. От всего плохого вскоре не останется и следа. На следующий день вся эта околесица начнётся заново, но ужин, кровать и сон снова спасут положение.

— Удобная схема, — призналась она сама себе. — Примитивная, отвратительная, но поразительно удобная.

* * *

Одним утром Мия проснулась, боясь сделать хоть шаг из комнаты.
Будто шёпот всю ночь твердил ей:

«Ты сгоришь под солнцем. Совсем скоро ты сгоришь под ним!»

Она плохо понимала всё вокруг. Не знала, стоит ли беспрекословно слушаться или идти наперекор, хочется ли чтобы начался новый день или закончился старый. Не понимала как

относится к Заужу, что думать об облаках и какой смысл во всём, что лежит за порогом. Хозяину она не верила, а в своих чувствах сомневалась. Всё путалось с каждым днём сильнее и не хватало ни уверенности, ни осознанности, чтобы как-то этому помешать.

Верила только шёпоту, что изредка приходил к ней. Даже себе не получалось объяснить почему верила. Он был страшным, он всегда появлялся неожиданно и ничего о себе не рассказывал, но не врал. Если сказал, что она скоро сгорит, значит так оно, наверно, и будет.

Мия посмотрела на свои кисти: взгляд упал на ногти, затем на форму пальцев, едва заметные мутно-синие ручейки под кожей. Ладони же были расписаны линиями, словно ветками, украшающими дерево и делающими его неповторимым. Взгляд скользил по гравюре, созданной природой, застывая на штрихах этой тяжёлой, неопишимо интересной работы. Она чувствовала тепло — ту жизнь, которая протекала под кожей, ту энергию, которая казалась горячее, чем полуденная звезда над Мейярфом.

Губы аккуратно коснулись центра ладони. Они, такие тёплые и мягкие, способны ощутить жизнь за тонким слоем кожи. Целая система реакций, целая сеть ручейков из крови. Всё это существует, бьётся и движется, но...

— Зачем? — шепнула Мия в ладонь, словно делилась секретом со своим самым близким другом.

Хотелось произнести что-то ещё, но нужные слова всё никак не приходили на ум. Мысли витали, но им сложно было придать физическую форму: дотронуться языком до зубов, чтобы произнести согласную, или приоткрыть рот шире, чтобы выдать мягкий гласный звук. На ум не приходило подходящих слов и тогда захотелось выразить чувство.

Тягу к просторам Виоландо и стремление забраться на самую высокую крышу, чтобы видеть как можно дальше — вот, что хотелось выразить словами. Желание не обращать внимание на жару и отыскать в этом мире снег. Жажду пролить на этот город сильнейший из всех ливней. В этих желаниях не было преступления. От любого, кто мог бы осудить за них, хотелось бежать. Даже если Мия знала, что не добежит, даже если преодолела бы всего пару шагов. А так бы оно и было, наверняка. Помимо тусклой надежды её опоясала тоска и безнадёжность. Губы тихо-тихо шепнули, несмело, со страхом, но всё же осмеливаясь выразить засевшее в ней чувство.

— Я хочу жить.

— Мия! — раздался снизу громкий мужской голос. — Спускайся быстро!

От одного лишь крика повседневные чувства вернулись на своё место. Она улыбнулась, продолжая смотреть на свою ладонь. Улыбка и взгляд словно предназначались чему-то далёкому и несбыточному, о чём человек с меткой на руке не имел права даже думать. Мия выбросила это из головы и направилась вниз — рабочий день начался.

Пока колёса ехали по тонкому слою нагретого песка, замедляясь и словно желая утонуть в нём, в голову не пришло ни одной стоящей мысли. Ничего, связанного с необходимостью что-то изменить, и ничего, твердящего, что вся эта вереница — лишь вопрос дисциплины. Мозг казался целостным снаружи, но где-то очень глубоко вскипал, словно его положили на раскалённую звезду.

Думать стало просто не о чем. Всё, чем была забита голова в последний месяц, просто увяло, надоело, даже опротивело. Не хотелось задавать вопросы, на которые из раза в раз не получалось найти ответы. Прочь всю эту тяжесть из головы.

— Кон... Эр. Вэ. И ещё Эр.

Мия читала все буквы, что только могла прочесть, и заглядывалась на каждое заведение, имевшее вывеску. Затем снова считала шаги, считала количество людей, мимо которых прошла, и даже секунды. На обратном пути ничего не поменялось, как и по пути ко второму, третьему, четвёртому адресату.

Вечером полегчало. Настроение поднялось до нейтрального и перед очередной вылазкой можно быть хоть немного отдохнуть. Сносно. Не плохо, а сносно — это уже результат.

Зауж попросил пройти с ним на задний двор таверны после того, как она поест. Хозяин грузил звенящие мешочки в чемоданы, а Мия ему помогала.

— Крупный и срочный заказ. Ох и стрельнуло же, да? Последний на сегодня, но очень важный. Тебе нужно к Тальясу в харчевню. Решил себе все вилки поменять, потому что те уже никуда не годятся. Помнишь, где это?

— Да.

— Отлично. Чемоданы с тележками оставишь у Тальяса — он попросил. Эта партия будет тяжёлой, так что постарайся хорошенько. Зато последний заказ на сегодня.

После этих слов оба молчали, складывая мешки с вилками во второй чемодан. Это заняло не больше пяти минут. Редкий наплыв смелости, который вырвался сам собой:

— Зауж, скажите, пожалуйста, а что это за облака странные? — Чтобы убедиться, что они ещё существуют, что они не предали её в самый важный момент и не растворились, Мия покосилась наверх. — Которые не двигаются с места? Не знаете?

Трактирщик выдохнул так, будто что-то в этом вопросе было не так и помотал головой, мол так дело не пойдёт.

— Послушай, Мия, а зачем тебе это знать? — он закрыл второй чемодан и выпрямился. — Ты ведь доставляешь товары. Это почётно для тебя и прибыльно для меня. Пока ты делаешь это хорошо, я обещаю, что ты будешь сыта и у тебя будет место для ночлега. Зачем же отвлекаешься на такие пустяки и морочишь себе голову?

Зауж дружелюбно похлопал её по плечу.

— Постарайся научиться не задавать вопросов, что мешают тебе. Вот спроси ты как чинить колёса на тележках, так я научу, потому что это тебе нужно. А облака эти, — он сам окинул их взглядом, — да какое до них вообще может быть дело? Это не важно для тех, кто работает в трактире и возит чемоданы. Правильно?

— Да. Правильно.

— Тогда пожалуйста, больше не задавай мне таких вопросов и хватай вот эти два чемодана. — Очевидный приказ, а не просьба. — Хоть и последний заказ на сегодня, но идти далековато. Вперёд.

Мия вышла на центральную улицу. В этот раз не привычные чемоданы, а настоящие два валуна за спиной. Казалось вилок столько, что хватит на весь Мейярф. Даже чтобы сдвинуть тележки с места, нужно было хорошенько постараться.

Мия сама себе делала хуже. Прозвучавший вопрос был проявлением не смелости, а безрассудства. В который раз она напомнила себе, что важно построить эту высокую стену внутри себя. Из-за неё нельзя будет выглянуть, но стена эта не даст внешним силам разрушить то небольшое, что она имела. Любопытство могло привести к гибели организма, который следовал примитивному инстинкту — хвататься за жизнь вопреки всему. Пришлось поклясться своей жизнью, что больше не прозвучит никаких бесполезных вопросов.

Подчинение в её случае — это выживание, а любопытство — осознанный шаг к смерти.

Вскоре эти мысли улетучились, но настроение так и осталось скверным. Когда удалось добраться до Тальяса, наступил поздний вечер. Голос ростовщика звучал тускло: он задавал вопросы, но отвечать на них получалось совсем вяло.

— Завтра мне нужно столько же ложек, ножей и таджео[5]. Две-три ходки должно хватить. Тележку с чемоданами оставляй, Зауж знает, что я не буду разбираться с этим сейчас. Отдам завтра.

— Хорошо.

— Только обязательно передай ему. Ложки, ножи и таджео.

— Я передам, конечно. Сразу как вернусь.

— Ты такая умница. Не подвела и всё доставила вовремя. За старания.

Заказчик протянул ей квадратную монетку и Мия аж рот приоткрыла от удивления. Обычно если заказчики и давали деньги, то только треугольной формы. А тут настоящая находка: она была и больше, и наверняка ценнее треугольной, и даже узор на ней отличался. Она не знала, как благодарить в таких случаях, поэтому просто повторила “спасибо” несколько раз.

Настроение сразу подпрыгнуло. Первые пару минут по пути домой было сложно отвлечься от обычной, казалось, игры: стоило поднести треугольную монетку к центру квадратной, как та вмагничивалась, и две частицы сливались в одну. Настоящий единый организм, но надави пальцем на сердцевину, и два фрагмента снова оказываются порознь. Настроение взлетело, а усталость отошла на второй план. Мия уже представляла, как будет соединять и разъединять эти побрякушки перед сном, но в голову пришла пусть и неоднозначная, но как минимум любопытная идея.

Никакого открытого любопытства. Никаких вопросов и попыток убедить Заужа хоть в чём-то. Всё найденное и узнанное должно быть спрятано, а выражение её лица должно всегда оставаться спокойным. Если Зауж не будет знать, значит всё хорошо. В этом и был весь смысл: нужно не перестать искать ответы, а сделать так, чтобы Зауж и его знакомые об этих поисках не узнали.

Доставленный заказ точно был последним на сегодня, ведь после девяти хозяин никогда не заставлял её работать. Таверну он закрывал к половине одиннадцатого, потому возвращаться было не к спеху. Можно было неспеша пройтись и не бояться, что её отругают за нерасторопность. Спешку можно было отложить до завтрашнего утра. На врученную ей монетку уж что-то можно было купить. Несмотря на вымотанность, Мия понеслась напрямиком к книжному магазину, что находился по пути.

Добежать получилось за каких-то пять минут, не больше. Прежде чем войти, нужно было отдышаться, иначе продавцы подумают, что с ней что-то неладное и точно ничего не продадут. Она выждала без малого минуту — слишком не терпелось, чтобы ждать больше.

Внутри практически не было посетителей. Только девушка, что стояла прямо на пути и читала какой-то листок, сложенный гармошкой. Спустя несколько секунд девушка повернулась, ойкнула и уступила Мие место, продолжив читать в стороне.

— Здравствуйте! — ненамного, но дыхание было всё ещё быстрее обычного. — Я недавно к вам заходила. Искала книгу о странных цветных тучах. Она... ещё осталась у вас?

— Осталась. Принести?

— Да, ага!

Совсем скоро книга оказалась перед лицом. В этот раз никаких картинок. Сейчас нужно

было выглядеть как можно серьезнее и отрешеннее. Мия намеренно бросила безразличный взгляд на книгу и даже не открыла её. Пальцы оказались в кармане и разом схватили все монетки, что там были.

— Так, сколько она там стоит?

— Один триптих.

Она решила взять уверенностью. Если вести себя беспристрастно, то ситуация будет играть по её правилам куда охотнее, чем без этого.

— Что ты нам суёшь?! — заворчал пожилой торговец, но второй успокоил его лишь парой жестов и вклинился в разговор.

— Девочка, здесь не хватает на эту книгу.

Он точно заметил квадратную монетку посреди горстки треугольных. Заметил, но только пожал плечами, будто там и смотреть не на что было.

— Совсем?

— Да, совсем. Накопи вот так ещё четыре раза и приходи.

— Поняла. — Отступить было ещё рано. — А азбука у вас есть? Или на неё тоже не хватит?

— Азбука? Так сразу и не вспомню. Сейчас.

Торговец помоложе ушёл и Мия осталась ждать перед стойкой. Его пожилой и совершенно неприятный напарник копошился в бумажках и лишь пару раз бросил на Мию пренебрежительный взгляд. И минуты не прошло, а казалось, что старик уже насквозь просверлил, так неприятно там было находиться.

— Вот, на эту хватит, — вернулся мужчина. — Тут картинки на каждую букву, как и полагается. Хорошая азбука, правда.

— Отлично, я беру.

Тот кивнул и принялся отсчитывать монетки с руки. Не спешил, но в конце концов у Мии осталось ещё два треугольничка, которые тут же оказались в кармане.

Стоило только выйти, как она метнулась к ближайшему источнику света. Это был небольшой фонарь, который позволял увидеть, что же там, внутри книги. Мия в предвкушении раскрыла азбуку и сразу поняла — покупка стоила того. Там и красивые прописные буквы, и рисунки зверей и птиц, некоторые из которых казались ей точно вымышленными. Страниц оказалось немного, но на каждой из них прямо какое-то искусство, где буквы были частью красивого рисунка.

— Привет.

Мия тут же закрыла книгу и обернулась. Её прервала девушка, которая недавно читала листок-гармошку в лавке. Она держала руки за спиной и не выглядела очень уж уверенно. Вся такая серая и блеклая, а оттого и отталкивающая.

— Тебе интересны эти странные облака, да?

Не сразу было понятно, как правильно ответить. Такие вещи просто так не спрашивают и что-то здесь было не так. Зауж не поощрял всех этих долгих взглядов вверх и излишней любознательности. А ещё у него было очень много знакомых. Человек перед ней точно был на его стороне, хоть и совсем безобидный на вид. Ответ Мия “да” и что-то нехорошее наверняка бы произошло.

— Прости, если напугала. Можешь не отвечать, если не хочешь. Вот, это тебе.

Девушка вытянула руку, в которой была книга. Именно та: с десятками разных картинок, рисунков и слов, что рассказывали про странные тучи в небе. Радость быстро

сменила тревога — здесь должен быть подвох, но найти его пока не получалось.

— В этом ничего такого нет. Просто возьми, не бойся.

Мия положила ладонь поверх обложки — ничего не случилось. Незнакомка не принялась уличать её в чём-то, а из ниоткуда не появился Зауж, чтобы начать отчитывать. Эти мысли казались совершенно глупыми, но очень навязчивыми. Хотелось убедиться окончательно в том, что всё это — выдумка. Книга оказалась в руках и всё было так же спокойно, как и прежде.

— Вот так. Не думай, что я хочу сделать тебе какую-то гадость. Просто подумала, что можно было бы поговорить. Если не против. У тебя есть время?

— Нет. Ну вообще, наверно... Не много. Скоро мне нужно будет бежать домой.

— О, — та замахала руками, — понимаю, правда. Я не задержу.

— А о чём поговорить?

— Просто. Лёгкий вечерний разговор, ничего больше.

Мимо них прошёл гра́стия — один из караульных, который патрулировал улицу. Сейчас, вечером, дозорных становилось больше. Девушка осмотрелась и после показала пальцем на широкий переулок.

— Здесь есть старая обсерватория. Совсем недалеко, но место весьма тихое для разговора. Я правда не обманываю, но, если не веришь, можем и тут пообщаться.

— Я знаю это место. Там ещё палка торчит из крыши?

— Да, вроде того. Называется телескоп. Ну, там уединённей, чем здесь. Что думаешь?

Мие не приходилось бывать внутри, но порой, когда она шла переулками обратно в таверну, то проходила мимо упомянутого старого здания. В этом районе много навесов и днём лучше улочки не сыскать, чтобы укрыться от раздражающего солнца.

— Да, — всё равно неуверенно выдавила Мия. — Можно и туда.

Темнело. По пути всё, чем они перекинулись, это имена. Мия сразу подумала о том, насколько сложно написать “Фрида” на бумаге. Из этих букв она знала как пишутся только “Р” и “А”, потому увидеть красиво ли оно смотрится на листе было невозможно. Оставалось ориентироваться на слух. Мие это имя казалось совсем не благозвучным.

На куполообразной верхушке обсерватории было много дыр, а не только от палки, что торчала изнутри. Само здание вряд ли бы вызвало положительные эмоции даже у умеющих находить прекрасное в мелочах. Невысокая, с выбитыми круглыми окошками и одной единственной потресканной деревянной дверью. Внутри всё было ненамного лучше, но сносно. Помещение освещалось сумеречным светом, а сидеть здесь можно было разве что на поручнях, полу или ужасно запыленных столах. В крайнем случае можно было запрыгнуть на огромную палку, которая выходила через дырявую крышу, но вряд ли это был самый удобный вариант.

Мия не спешила садиться. Она со всех сторон обошла большое изобретение, пытаясь догадаться для чего оно могло быть построено.

— Нужно смотреть сюда, в этот окуляр. Но можешь не стараться — тут нет линзы, так что ничего не увидишь. По правде, этот телескоп — та ещё развалюха. Ударишь ногой, и он точно рассыпется.

— Странное место. Такое спокойное для Мейярфа. И совсем тихое.

— Эту обсерваторию вот-вот должны снести, но это “вот-вот” длится уже очень много

лет. Везёт ему что ли, этому месту.

— Ну... — Мия не сразу решила, нужно ли вообще выражать своё мнение. — Ну понятно, что хотят снести. Мейярф — это же город, в котором все куда-то спешат. А такие места как это — не для больших толп. И не для скорости и шума. Потому, наверно, и хотят снести, чтобы построить... э-э-эм...

— Что-то более подходящее Мейярфу.

— Вот, да. Спасибо.

Боковым зрением Мия заметила, что Фрида упёрлась спиной о стену. Ей казалось, что так становятся только уверенные в себе люди, которые вот-вот будут говорить о чём-то очень серьёзном. Такие разговоры никогда не были Мие по душе.

— Вы где-то недалеко живёте?

— А? — оторопела собеседница. — Нет, я здесь не часто бываю. Просто сейчас по делам приехала.

— Поняла. Спасибо, что ответили.

— Пожалуйста. Только не нужно так формально, очень прошу. Мне от этого чуть не по себе, — она хмыкнула. — А я вот думаю, зачем же ты купила азбуку, а не продолжила копить на книгу, которую хотела? Захотелось растратить что есть?

— Нет. Эта книга с тучами... Она очень мне нравится картинками. Но в лавке я задумалась, что мне стоит лучше понимать, о чём там написано. А читать я пока не умею.

— Не умеешь?

— Пока что. Поэтому это мой первый шаг. Выучу все буквы и буду уже понимать.

Собеседница перестала задавать вопросы и от этого появилась скованность. Было неловко торопить, но Фрида всё стояла и молчала, будто это Мия попросила её заскочить сюда. Уже надоело даже рассматривать телескоп, но начать листать подарок было бы нагло. В эти самые секунды хотелось пропасть, настолько не было понятно, чего от неё хотят.

— Знаешь, Мия, как-то так вышло, что ты очень часто попадалась мне на глаза. В городе, где заблудиться проще простого, это особенно удивительно. Когда я заскочила перекусить в таверну, то заметила, как ты спускаешься со второго этажа с двумя чемоданами. И почему-то запомнила этот момент. А через пару дней я видела, как ты с этими же чемоданами идёшь, наклонив голову вниз. И вот сейчас в книжной лавке. Мы опять пересеклись.

— М-м-м... А это что, плохо?

— Нет, совсем нет, — девушка зажестикучировала руками. — Просто... Ты выбиваешься на фоне других жителей Мейярфа. Скажи, ты местная?

Мия почесала голову и не знала как ответить. Ответ “да” или “нет” — получится не полная правда. Потому она пожалала плечами.

— Невольница? Невольничество строго наказывается, если ты не знала. Ты не должна никому прислуживать.

— Нет. Не невольница, честное слово.

— А что тогда? Что с тобой случилось?

— Ничего такого. Я просто работаю на человека. Его зовут Зауж. Он строгий, но он мне по-настоящему много даёт. Без него я бы пропала. Я доставляю его товары, а он мне даёт еду и даже разрешает спать в его таверне. Поэтому всё не так страшно, как кажется. Я устаю за день. Но ещё я отдыхаю вечерами.

По реакции Фриды было видно, что эти слова её не успокоили. Она нахмурилась и

засмотрелась в одну из дыр на крыше. Мия не умела читать людей. Волнение Фриды казалась неподдельным, но люди умеют выглядеть и вести не так, как чувствуют на самом деле. Зауж часто улыбался, говоря с посетителями, но это выглядело не по-настоящему. Будто показывал зубы врачу, а не делился искренностью.

— Я может слишком настойчивая. Прости, — Фрида произносила это аккуратно, не с тем рвением, что слышалось в предыдущих её фразах. — У меня такое случается. Если тебе не трудно, можешь сказать как ты к нему попала? Что-то случилось с твоей семьёй?

— Наверно..., — Мия всю старалась подбирать слова, чтобы собеседница не подумала лишнего. — У меня очень странная история. Сама не знаю, как было на самом деле.

— Не знаешь? Или он запретил тебе рассказывать? Если так, то не бойся. Всё останется между нами.

— Он не запрещал. Просто у меня в голове есть одна версия. Ну, в которую я верю. Вот только Зауж говорит, что у меня большие проблемы с головой. И что я всё выдумала. Я понимаю почему он так считает. Но доказать что права не могу. Всё так... — хватило только сил пожать плечами.

Фрида кивнула. У неё, казалось, пропадало желание задавать вопросы. Как бы Мия ни пыталась красочно ответить, как бы ни хотела звучать красиво — её предложения были короткими, мысли запутанными, а описания и ответы на вопросы совершенно скудными.

— Давай тогда поступим вот как. Я расскажу тебе один совершенно, — собеседница даже издала смешок на этом моменте, — неправдоподобный факт обо мне. Вот услышь его обычный человек, точно бы решил, что я вру. Но я скажу правду о себе. А потом ты можешь поделиться со мной, и я обещаю, что поверю. Как тебе такой обмен секретами?

— А у меня совсем нет шансов угадать твой секрет?

— Совсем. Ни единого шанса.

— Тогда подходит, — интерес не на шутку дал о себе знать. — Но только ты первая. Если можно.

— Конечно.

Фрида уселась на край стола, но тот скрипнул так, что любой бы вскочил как ужаленный. Мия засмеялась, да и на лице Фриды проскочила неловкая улыбка. Она отряхнула одежду и просто упёрлась спиной в стенку.

— Ну хорошо. Некоторые люди для меня, скажем, излучают свет. Есть обычные, а есть те, рядом с которыми я вижу фиолетово-серое мерцание. И у тебя оно тоже есть. Вот здесь, возле солнечного сплетения. Это, наверно, меня и поразило. Ты ходишь туда-обратно по много раз в день и при этом мерцаешь. Для меня это настолько несовместимо, что в какой-то момент я просто отвлеклась от всех своих дел и смотрела на тебя. Вот ты идёшь с этими чемоданами за спиной, идёшь и светишься.

Мия внимательно смотрела на Фриду, пока та была близко. Справедливости ради, нельзя было её вот так спешно называть серой и блеклой. Сейчас, посмотрев на этого человека заново, хотелось сказать, что она олицетворяет не серость, а серебро, которое Мия по незнанию не разглядела. Такого цвета были её волосы, и, если лунный свет не обманывает, глаза. Одежда её была сочетанием серого, бежевого и холодного жёлтого цвета. Фрида была выше и старше Мии. Когда слушала, каждый раз поджимала губы и смотрела не в глаза, а чуть мимо. Будто уже обдумывала ответ. На это могло уйти какое-то время, но когда она задавала вопросы и отвечала, все слова находились на своих местах. Возникало

чувство, что с губ этого человека срываются только тщательно обдуманые вопросы и утверждения, что граничат с истиной. Всё это не было чем-то неоспоримо хорошим, но то, что Мия поспешно присвоила этому человеку серость и тусклость, было однозначным промахом.

— А что, мерцающие люди чем-то особенные?

— Да, — она произнесла это серьёзнее всех других фраз. — Да, Мия, ещё как. Но как бы мне ни хотелось, у меня не хватит времени объяснить, чем именно. Эти люди, они... некоторые из них играют важную роль в моей судьбе, скажем так.

Мия осмотрела свои руки и не заметила ничего такого, как ни всматривайся.

— И даже сейчас я свечусь для тебя?

— Да. Всегда.

— Но это не плохо, да? Это не болезнь какая-то?

— Нет! Такого предположения я ещё не слышала. Нет конечно!

Фрида впервые рассмеялась. Это был красивый смех, но пришлось отвлечься от мыслей о нём. Нужно было думать о том, как красивее донести свою мысль. Уже был вечер, но солнце, казалось, ещё днём выжгло все остатки здравого рассудка. Мия решила говорить как есть. По-настоящему, а там уже как получится.

— А что насчёт тебя?

— А, я... Да. У меня, это... В общем! Со мной во снах разговаривает какое-то существо с жёлтыми глазами. И в одну из ночей оно рассказало, что настоящая я — целый океан крови, представляешь? И иногда даже спрашиваю себя, почему мне это только снится, если так и есть? Это кажется мне странным, но очень правдивым, потому что голос точно не обманывает. Будто он — это единственное, в чём я могу быть твёрдо уверена. Даже ловлю себя на мысли, что я ведь должна быть жидкой, а вместо этого хожу и таскаю чемоданы. Но Муж говорит, что нашёл меня на заднем дворе своей таверны среди ящиков и досок. Совершенно не в себе, нёсшую полную чушь и просящую о помощи. Вот он меня и приютил. И в этом есть смысл, вот только я не верю ему. А знаешь, что мне говорит голос во снах?

— Что?

— Вот была большая бочка, внутри которой находилось кровь. Эта бочка упала с большой высоты и разбилась. И кровь вместо того чтобы растекаться в стороны, начала собираться и обретать форму. Вот так я и появилась.

Какое-то время они остались сидеть в тишине. Некомфортная тишина. Никакого взаимопонимания в этой тишине не было. Такая бы тишина образовалась, если бы человек признался в преступлении. Когда говорила Фрида — всё было замечательно, но каждый раз, как очередь доходила до Мии, хотелось сгореть от стыда и дискомфорта.

— Это... необычно. И воспоминаний о детстве и родителях у тебя нет? О том, что было до этого.

— Нет. Потому что и никакого “до этого” и нет.

Собеседница не спешила с вопросами.

— А давно это произошло?

— Что?

— Эта история с бочкой. Не помнишь?

— Не знаю точно, — Мия стыдливо пожала плечами. — Месяц назад, наверное. Я не сумасшедшая, просто в это воспоминание я верю больше, чем во что бы то ни было. Оно точно было, но я не знаю, как его доказать или проверить.

— Я верю.

Мия кивнула, потупив взгляд. Неловко. Слова Фриды сейчас не звучали твёрдо, но почему-то хотелось в них верить. Сразу так и не скажешь почему. Хотелось, и всё, даже если это острые шипы лицемерия, на которые ей придётся стать, чтобы набраться опыта.

— Я верю настолько, насколько получается. Для меня это трудно представить, но я не думаю, что ты врёшь или выдумываешь глупости. Просто нужно немного времени.

— Спасибо. Думаю, много кто даже не захотел бы слушать до конца. Или бы вообще рассмеялся. Если ты х...

Её перебил куда более приятный и воодушевляющий голос, который Мейярфу был куда нужнее.

— *Говорит станция “Просвещение”. Этим вечером у нас весьма интересная сводка новостей. С вами я, Маттиас Мендакс, и мой собеседник на этот вечер...*

Разговор из рупоров был довольно громким. Из-за выбитых окон и дырявой крыши звук проникал сюда проще простого. Оставалась либо подождать, либо общаться на повышенных тонах. Мия насупилась и, подойдя к Фриде поближе, крикнула:

— Представляешь, у нас тут такое каждый день! По несколько раз! Даже в рань!

Фрида кивнула. Её этот факт почему-то не удивил, и она принялась ждать, пока диалог закончится. Девушка молчала и смотрела прямо на Мию, но ответить тем же не хватало духу. Приходилось то коситься, то пару секунд рассматривать собеседницу, то снова делать вид, что ей интересен потолок.

— *Тут существует разница между “нажаловался” и “пресёк безрассудство”.*

— *Я-то это понимаю, — тараторил кто-то в ответ Маттиасу Мендаксу. — Я-то вижу, что она что-то прячет. И в один день я, значит, захожу в подвал, а там краска везде! И на полу, и на стенах, значит! Ну Маттиас, вы бы видели этот свинарник.*

— *Какое, напомните, её настоящее ремесло?*

— *Так врачеватель! Врачеватель, в том и дело! А она рисовала всё это время, представляете? А там — ну мазня, ну ничего общего с искусством! Я, конечно, пошёл к вам и рассказал об этом. Ну а как? Давайте теперь каждый такое маранье начнёт рисовать и назовёт это картинами. Простите что на эмоциях говорю, но как есть!*

— *Прекрасно вас понимаю. Оно ведь никому и не нужно, поэтому я и говорю, друг мой, разница есть. Горжусь...*

Вскоре, после того как Мия вслушалась в разговор, мысли уже не крутились вокруг Фриды. Она слушала диалог и ловила себя на мысли, что настоящая суть таких бесед ускользала от неё. В этот раз критиковали художницу, которую сочли ненормальной. Не рассказывали ни о том, что она нарисовала, ни о каких-то странных действиях, но каждый раз повторяли, что она ошиблась. Звучало это так, будто ошибка была уже в том, что захотелось нарисовать картину. Глупость. Мия, видимо, прослушала какое-то важное предложение и не так всё поняла. Что-то, где объясняется, почему художницу называли ненормальной.

Кто-то оказался прав, а кто-то виноват. Так всегда кончались такие диалоги. Людям по ту сторону нравилось вечно кого-то обвинять, но Мия успела к этому привыкнуть. После

началась оркестровая музыка, такая колыбельная для этого города. Она всегда поднимала настроение, даже сейчас. Начинаешь слушать, и сразу окутывает умиротворение. А значит приятное возвращение домой обеспечено. А там, в своей комнате, можно будет рассмотреть каждую картинку не боясь, что кто-то подгонит. Намечался лучший из вечеров.

— Ой, нужно уже бежать! — вскочила Мия. — Когда закончат играть, значит ровно десять часов. Очень удобно сделали, правда? А ещё! У нас будет ещё возможность увидиться или ты совсем скоро уедешь?

Та не ответила. Смотрела на одно из выбитых окон, будто в них было что-то интересное. Мия повернула голову чтобы проверить. Совсем ничего.

— Или ты... может, не хочешь? А?

— Мия.

— Что?

— Если я предложу тебе уехать отсюда, ты согласишься?

Этот вопрос был здесь неуместен. Ни от незнакомого человека, ни даже от доброго приятеля — о таком спрашивать нельзя. Ответ на него очевиден, а значит, зачем вообще он должен звучать?

Перестала радовать музыка и заколотилось сердце. Это первое, что Мия ощутила. Она не думала уже ни об облаках, ни почему этот вопрос прозвучал, ни о чём-то ещё. Только чувствовала, как сердце начало стучать быстрее, будто хотело вырваться из грудной клетки, чтобы самому ответить на этот вопрос.

— Как... как уехать? Куда?

— Далеко за Мейярф. На юг Эмиронии[6].

— Нет, — она замотала головой чтобы показать, что и не думала об альтернативе. — Нет конечно. Я никуда не поеду.

— Почему?

Мия не хотела отвечать. Это было не дело Фриды. Она сделала несколько шагов спиной к выходу и застопорилась после того, как Фрида снова задала тот же вопрос.

— Почему, Мия?

Она точно не была на стороне Заужа. Пусть это можно скрыть словами, можно спрятать за милым лицом и не выдать поведением, но разница между ними была. Зауж ассоциировался с песком. Вообще все люди в этом городе ассоциировались с пылью, песком, горячими лучами и солнечными ударами. А Фрида была как ниоткуда взявшееся серебро, которому здесь не место. Непонятная стихия, но точно не имеющая ничего общего с песком.

Оставалось просто стоять, боясь и уйти, и сделать шаг навстречу. Фрида сама подошла к ней. Плавными шагами, будто резкие движения были запрещены. Стоять вдруг стало не так легко и захотелось на что-то опереться.

— Я не могу никуда уехать, — Мия засучила рукав и показала предплечье собеседнице. — Нельзя такое. Это... Это ведь и правда что-то очень плохое?

Та не постеснялась коснуться знака на руке. Это было первое её прикосновение, но в нём не было ничего отталкивающего или страшного.

— Не невольница, ну да... А ты называла этого человека хорошим, — Фрида всматривалась в знак и всё водила по нему пальцами. — Так клеймят за фальшивомонетничество. Очень плохой знак.

Зауж не говорил ей этого. Только дал знать, что выкини Мия какую глупость, попробуй

сбежать или ещё чего, и ей конец во всех смыслах. Он покажет этот знак грастиям[7], и её просто не станет — он повторил это несколько раз. Зауж с самого начала знал, что такие случаи как этот будут. Что искушение рано или поздно встретит Мию. Он ведь часть самого Мегалополиса. Он — одна из пар глаз этого громадного города с острыми зубами.

— За такое меня очень, очень накажут. Сначала грастии, а потом Зауж. Он мне сам говорил... Он... Ты не знаешь его, он...

Слова напрочь вылетели из головы. Мия быстро дышала ртом и вскоре от этого стало не по себе. Стены начали будто шататься, губы совсем высохли, а ноги стали ватными.

— За такую метку... — ей очень нужны были паузы между словами. — За такую метку меня грастии могут просто убить. Это же преступление. А даже если нет, тогда... Тогда Зауж отвернётся от меня, и я пропаду. Поэтому я не могу никуда поехать. У меня сейчас есть не так много, но без этого я не смогу. Я научусь читать. И дальше будет лучше. Постепенно. Я выкручусь.

Фрида помогла ей сесть на землю. Нужно было отдышаться. Стало стыдно за свою странную реакцию. Со стороны Мия казалась себе слабой. Собственные никчёмность и уязвимость раздражали, но сейчас не было сил с ними бороться.

Собеседница попросила дышать помедленнее и через нос. Она стала на колени и прикрыла рот Мии, чтобы контролировать дыхание.

— Вот так, — несколько раз произнесла она.

Потом смотрела прямо в глаза и ни в какую не уводила взгляд. Будто забыла, что всего несколько минут назад уже выиграла в этом состязании. Они были серыми, эти глаза. Такая глупость, но стало стыдно, что Мия самолично обозвала их блеклыми. Сейчас, может из-за музыки, они казались такими живыми, такими дружелюбными. И либо из-за них, либо из-за музыки пробежали мурашки. Фрида обратилась к ней так и не уводя взгляд.

— А представляешь, чего будет стоить, если у нас всё получится? Если окажется, что большой солнечный мегаполис не всесилен, и мы сможем оставить его? Мне кажется, что этот город для тебя такой же чужой, как и для меня. А за ним есть много других цветов. Облаков. Людей и звуков. Не представляешь, сколько там всего, за этими границами.

Она легко сжимала запястье Мии и больше ничего. Сидела на коленях, сжимала запястье и смотрела прямо в глаза. И это была очаровательная простота. За хрупкой деревянной дверью находилась обыденность: песок, запах города и всё те же люди, которые являются частью потока. Здесь этого ничего не было, словно они находились в обсерватории на другом краю мира. Только оркестровая музыка Мейярфа давала понять, что это не так.

— Мой дом находится далеко отсюда. И пока звучали рупоры, не представляешь, как мне захотелось, чтобы ты его увидела. Вдруг он понравится настолько, что станет домом и для тебя? Это ведь возможно.

— А если нет? — Мия нашла в себе силы, чтобы задать важный вопрос. — Если не станет, что со мной будет?

— Это не страшно. Мы найдём другое место, которое станет. Я тебя не брошу.

Как голос Фриды оставался таким хладнокровным? Как она вообще находила в себе силы лить слово за словом, не путая их и не уводя взгляд? У Мии всё было не так. Её голос искажался из-за странного кома в горле, который появился не пойми откуда. Фриде нужно было уметь различать невнятные слова.

— Если у нас не получится... И... И если Зауж узнает, он...

— Он не узнает. Каким бы ни был исход на границе — Зауж не узнает. Мия, я понимаю

твои страхи. Правда понимаю, ведь у меня никаких гарантий нет. Я не знаю, что будет на границе. Но в моём доме живёт человек, который знает о странных облаках больше, чем кто-либо. Ты сможешь спросить его про них. Надеюсь, ты понимаешь, что я хочу тебе донести. Только скажи “да”, и мы рискнём. Если нет сил, можешь молчать, — Фрида протянула ладонь. — Дай руку, и это тоже станет ответом. Ты только реши, хочешь ли рисковать.

Дело было не только в облаках. Это был выбор между маленьким шансом на перемены или гарантией того, что у неё уже было. Это риск ради того, чтобы услышать что-то помимо гула, разговоров из рупоров и скрипа колёс. Компромисс с Заужем был прост и безопасен — удобства в обмен на жизнь. Пытаться поменять условия или что-то узнать — всё равно, что кричать на ветер, приказывая прекратить так сильно дуть. Что-то примитивное внутри говорило, что пара дней, и подобных мыслей даже не возникнет. Замечательная и совершенно беззаботная пора: сердце не отбивало бы такой бешеный ритм, разум стал бы беззвучным, не наполненный никакими шумами мыслей, а дома всегда ждал вкусный ужин — лучшая часть любого дня. Предчувствие подсказывало: стоит упустить жажду жить — и её уже не догнать. Отсутствие интереса к ней просто лишит всех способов что-то искать. Сражаться против этого механизма, где она была пылью, — означало вести войну с собой. Жажда находить ответы на вопросы рано или поздно лопнет от своего бессилия.

— Тогда пообещай мне, пожалуйста, — Мия проскулила эти слова — на большее ни сил, ни смелости не хватило. — Моя жизнь мало чего стоит. Совсем ничего, если честно. Но мне она очень нужна. И если ты меня обманешь — мне конец. По-настоящему. Пообещай, Фрида, что не обманешь и не бросишь меня.

— Я клянусь тебе.

И больше она ничего не добавила. Такая хладнокровность в словах, которой просто невозможно научиться. Не знаешь, что за ней прячется. Мия обняла руку Фриды, которую та держала протянутой. Всю, чтобы чувствовать, что рядом с ней — настоящий живой человек. Рука незнакомого, но очень сильного человека, который старше, опытнее и умнее Мии во много раз. Которого даже необъятный Мейярф напугать не может.

Она обнимала руку до тех пор, пока оркестровая музыка не кончилась. И так, уже под полностью тёмным небом, тишина будто стала не концом очередного дня, а началом целой жизни.

[1] Мыс Хохотунов — исправительное учреждение, занимающееся реабилитацией лиц, признанных опасными для общества. В отличие от других учреждений подобного рода, в Мысе Хохотунов занимаются как людьми с небольшими отклонениями, так и совершенно неменяемыми индивидами.

[2] Флатия — единица измерения времени, равная восьми дням.

[3] Месяц на материке равен всегда тридцати двум дням и состоит ровно из четырёх флатий.

[4] Виоландо — название планеты, на которой разворачиваются события книги.

[5] Таджео — столовый прибор, имеющий и чашечку, и два зубца для накалывания еды.

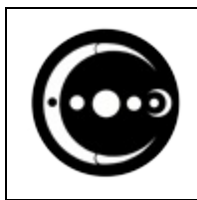
[6] Эмирония — западный материк Виоландо, на котором происходят события рассказа.

[7] Грастия — участник дозора, обеспечивающий порядок на улицах города. В большинстве городов “Грастийство” занимается не только караулом и патрулём улиц, но и

пресечением, выявлением и раскрытием большинства видов преступления.

Глава 2. Насквозь

В этой главе появится шанс.

В такое позднее время Мия ни разу не ходила по улицам даже возле собственного дома. Когда город становился другим, она зачастую уже спала в своей кровати. Сейчас было не по себе от каждого шороха, от проходящих мимо подозрительных людей и возгласов, что доносились из переулков. У одной из таверн ссорились трое мужчин, после где-то за зданием разбилось окно. Бродячие звери, казалось, тоже становились сами не свои и скалились из закоулков. Она сжала руку Фриды ещё крепче. Проводница шла быстро и поспеть за ней оказалось не так просто.

Ночью грастий на улицах становилось куда больше. Одни стояли на постах, другие ошивались возле питейных заведений, третьи же проходили совсем недалеко от самой Мии. Сейчас Мейярф кишел теми, в чью сторону даже голову страшно повернуть. Атмосферу никак нельзя было назвать дружелюбной или узнаваемой, похожей на ту, что господствовала днём. Казалось, вот-вот кто-то сорвётся с места и схватит её за руку. Навязчивые мысли, что все вокруг знают об их преступной затее, никак не выходили из головы.

Поток людей, в котором легко было спрятаться, где можно было почувствовать себя лишь незаметной крупницей, пропал. Ночью каждый на улице был сам по себе, на виду у остальных.

— Куда это ты намылилась! А ну стой! Стой говорю! — крикнули слева, и Мию передёрнуло.

Грастия метнулся за собакой, которая наглым образом стащила с его тарелки что-то вкусное и рванула в переулок. Оставшийся за столом мужчина смеялся, другой же пробежал не так много и рассержено топнул ногой.

Сущий пустяк ведь, но дыхание сбилось. Мия словила себя на мысли, что оно подводит в самые важные моменты. Глупое дыхание и глупый пот, что проступил от волнения. И эта усталость, которая нагрянула так невовремя. Даже ребёнку было бы видно, что она не на шутку переживает, стоит только глянуть в её сторону.

Мейярф точно злился на неё и хотел поскорее поймать. Но как бы быстр ни был шаг, как бы страшно не становилось, главное — не отпускать руку Фриды. Казалось, стоит только ослабить хватку, пусть даже случайно, и единственный шанс тут же проскользнёт сквозь пальцы, разобьётся об землю и исчезнет. Мия потеряется в наступившей ночи и больше даже желтый шёпот не сможет её найти. Сильнее, сильнее сжимать руку, иначе Мейярф найдёт её.

Сейчас город казался живым. Настоящим гигантом, который лишь выглядел не как человек. Очевидно, что рупоры — его голос и уши, песок и асфальт — кожа, а само тело, если её не обманывали местные, занимало почти половину всего континента. А вот его

глаза... Глазами Мия считала невиданных размеров здания, которые чем-то повторяли форму грибов. Они были не просто выше всех остальных, нет. С них можно было смотреть на город свысока, заметить любую мелочь как в трущобах, так и в благоприятных районах. Даже такое грязное пятно, как сама Мия и её мысли, противоречащие правилам и порядку. Это если глядеть снизу, с высоты обычного человека на огромные белые ленты, что доставали почти до земли, на широкую шляпку и непрозрачные окна, то могло показаться, что здание спит. Что это просто постройка, ничего более. А Мейярф не спал и потому знал всё. Каждую заслугу и каждый проступок.

Фрида свернула в один из узких переулков, и они отошли подальше от основной улицы.

— Мия, — проводница погладила её по плечу, — тебя трясёт. Не переживай так. Сейчас вряд ли какому грастию придёт в голову пристать к обычным прохожим. Мы скоро придём в одно место, куда ни грастии, ни кто-то ещё не ходят. Только совсем немного потерпи, хорошо?

— Да, да. Прости, я сама не знаю, — она начала махать головой и разводить руками, чтобы попробовать оправдаться, — почему так...

— Это нормально, — Фрида держала себя в руках куда лучше, пусть и тоже нервничала. — У меня слишком быстрый шаг. Не все успевают, поэтому пока отдышись и займи мысли какими-то пустяками. Тем, о чём тебе не страшно думать ближайшие пятнадцать минут. Справишься?

— Да, — хотелось звучать как можно увереннее. — Конечно. Ещё раз, э-э-э... прости. Всё в порядке.

Когда они продолжили свой путь, Мия что есть силы пыталась не накручивать и думать о простом. Фрида, как и многие в Мейярфе, была одета во флайо[1], и тяга к такого вида одежде летом казалась совсем непонятной: длинный подол, пояс, из-за которого флайо не поносишь нараспашку, даже широкие рукава — всё это просто не могло быть удобным. Фриде не хватало только широкой шляпы, которую носил здесь чуть ли не каждый второй. Вечером такое одеяние ещё куда ни шло, но ведь его носили и днём, когда звезда над головой словно трещала от жары. Ладно местные игнорировали здравый рассудок, но приезжие... С ними-то тоже было что-то не так?

— Всё, наконец на месте.

Они завернули в один из таких переулков, в которые зайдёшь разве что если очень нужно срезать путь. Совсем небольшая улочка, где каждая дверь и окно казались давным-давно заброшенными. К одной из таких непримечательных дверей, что находилась почти посередине улицы, подошла Фрида и открыла её ключом. Заходить не торопилась и пропустила Мию вперёд.

Ничего особенного. Старая библиотека, которая не поражала ни размерами, ни количеством книг. Скорее просторное пыльное помещение для тех, кто хочет побыть один, нежели полноценное хранилище сотен книг. Много столов, много стульев и книг, но не так много света. Не больше десяти язычков пламени, что мало, для такого-то помещения.

В дальнем углу за стойкой сидел человек — к нему Фрида и направилась. Он оторвался от какого-то своего дела и встал со стула, нерешительно помахав рукой. Из-за лунного света и свечи на столе его можно было разглядеть. Мужчина был среднего возраста, как Зауж, но благороднее на вид, долговязый, в очках и с лысеющей макушкой.

Только они с Фридой подошли, как незнакомец окинул Мию взглядом и потёр нос.

— Ну и ну, — тот не мог скрыть замешательства. — Серьёзно, да?

— Да, Мачери, — Фрида рассмеялась. — Выходит, что серьёзно. Но ты не переживай. И спасибо, что всё время остаёшься здесь.

— Ну ты что, ты что? Мне же не в тягость, совсем. Вы, если что, идите. Ребята у себя, но некоторые уже спят... Сама понимаешь.

Незнакомец общался вежливо, даже обходительно, стараясь подобрать слова. Мие казалось, что такие как он не могут грубить, рывкать на кого-то или использовать ругательства — совсем не в их духе. Фрида повела дальше, а мужчина ещё какое-то время смотрел вслед.

За хрупкой на вид деревянной дверью был маленький холл, который был красивее библиотеки во всех смыслах. Ничего общего ни с улочкой, в которую они зашли, ни с атмосферой пыльного помещения. Холл был новее, освещение здесь оказалось куда ярче, а спёртый запах пропал. На стенах было полно гравюр и подсвечников, но ни одна свеча не горела. Вместо этого здесь были фонарики, прямо как на улицах Мейярфа. В помещении была одна-единственная дверь кроме той, через которую они вошли, а рядом с ней несколько красивых обшитых тканью стульев. Перед самой дверью Фрида бросила:

— Я сейчас вернусь, подожди.

Мия не отпустила руку. Напротив, лишь крепче её обняла и только виновато посмотрела в глаза. Своенравный жест, во многом даже хамский. Не ей здесь диктовать условия, задавать вопросы или не соглашаться с чем-то. Нужно молчать и слушаться — это понимала голова, но руки вели себя предательски. Такое странное поведение сложно аргументировать. Не удавалось выдать ни слова, пока Фрида не заговорила сама.

— Я никуда не пропаду. Зря боишься.

Проводница остановилась, но ощущение спешки никуда не делось. Она торопилась, как и всю дорогу до этого. Пусть сейчас и стояла на месте, но меж тем, наверно, думала, как бы поскорее разорвать эти неуместные объятия.

— Знаю, — руки нырнули за спину, будто это могло исправить неловкость ситуации. — Я знаю, извини.

Та кивнула и поспешно вошла внутрь. Мия села на один из стульев, но ждать пришлось недолго. Фрида и правда вернулась, но не одна. Сразу за ней вышла незнакомая девушка.

— Ух ты.

— Да, ух ты. На секунду, Хлоя.

Они отошли в угол холла, Мию же попросили подождать. Незнакомая девушка легонько покачивалась вперёд-назад и на протяжении всего разговора улыбалась. Со стороны эти двое казались разными, но когда они возвращались, контраст между ними стал очевидным: одна — это спешка и напряжение, вторая же — какая-то поразительная лёгкость и озорство.

— Мия. Вот человек, который нам поможет уехать отсюда как можно быстрее. Зовут её Хлоя.

— Зовут меня Хлоя, — кивнула та.

— Всё, наконец. Я предупрежу остальных и пойдём. Подождите меня немного.

Девушка села рядом. Они ждали всего пару минут, но на это время темп всей этой суматохи замедлился. Хлоя выглядела так легко, будто ей было плевать на поспешный ритм, сон, пугающих грастей и комендантский час. Эта её лёгкость коснулась и Мии — новые события ненадолго перестали наслаиваться друг на друга, а паника внутри затихла.

— Нервничаешь?

С такими непросто было говорить на равных. Сразу возникло ощущение, что они не на

одном уровне, потому Мия просто пожала плечами.

— Всё шикарно. Это будет гладкая ночь, так что нервничать не нужно. Думаю, ты и сама это понимаешь.

Девушка произнесла это с настоящим удовольствием и осталась на своей волне, какой-то слишком уж невозмутимой, чтобы Мия сделала то же самое. Хлое не нужно было ни отрицание собеседницы, ни её согласие. И пяти минут не прошло, как Фрида вернулась.

— Всё, встаём, встаём! — Фрида захлопала в ладоши чтобы растормошить спутниц. — Мы же спешим!

Только они вышли из здания, темп стал ещё быстрее, чем был до этого. Хлою это не больно волновало и та шла с комфортной ей скоростью. Так и вышло, что Фрида то и дело вырывалась вперёд, потом осматривалась, будто что-то искала, а остальные двое тем временем догоняли её. Лишь иногда звучали суматошные “Быстрее давайте, быстрее!”, пока она выбирала в какой из переулков нырнуть дальше. Темп Хлои для Мии был куда привычнее.

— Зачем так нестись?

Проводница не ответила: то ли с головой ушла в выбор пути, то ли просто не услышала. Случалось так, что по дороге Фрида даже бормотала что-то самой себе, будто совет какой давала.

— Думает, что уже к утру тебя могут искать, — объяснила Хлоя. — Ну, знаешь, если тот мужлан, на которого ты работала, как следует начнёт бить тревогу, то грастии на границе нахмурят свои брови и будут делать вид, что они-то эту проблему решат.

— Ах-х... Выходит, нужно опередить его? Тогда проблем будет меньше, да?

— На процентик, может, — она равнодушно пожала плечами. — Всё будет здоровски и так, просто ей нет смысла это доказывать.

Хлоя кивком показала на спешащую Фриду, которая махнула им рукой и завернула в один из переулков.

— У неё винты иногда не выкручиваются.

— Винты? Какие винты?

— Вот она считает, что важно до утра, и ты хоть триста причин приведи почему это не так — не переубедишь. И так в целом, не только в этой ситуации. А когда человек может изменить своё решение, то значит “винты выкручиваются”. Уловила?

— Кажется да. Уловила.

Хлоя цокнула языком — это и был весь её ответ.

Ещё пара поворотов, и все трое вышли на странную улицу с целой кучей разрушенных зданий. В темноте многих деталей было не различить, но даже так этот квартал казался наименее благополучным из всех, через которые им довелось пройти. Ни одно из строений по обе стороны улицы не выглядело жилым: где-то не хватало части стены, а у некоторых и вовсе не было крыш и окон. Потому здания здесь напоминали скорее горы мусора, что едва не рассыпались, нежели полноценные дома или заведения.

На разрушенных ступенях, выбитых окнах и кусках камней вдоль улицы сидели люди. Некоторые поворачивали головы вслед за гостями, но большинству было откровенно всё равно. Местные люди не выглядели дружелюбно и даже подсознательно вызывали страх. Одни таранились и почему-то хихикали, другие были не в себе и что-то бубнили, катались

по земле и издавали мычание, похожее на плач.

Почему-то не они с Хлоей ускорили шаг, а Фрида стала идти медленнее. Мия взяла её за руку и крепость этой хватки была взаимной. Они хоть и не переговаривались, но точно думали об одном — нужно идти прямо и стараться не оборачиваться. Чувства Хлои было прочесть сложнее: она просто сунула руки в карманы и шла с таким же безразличным видом, что и до этого.

Вся уверенность рухнула тогда, когда кто-то присвистнул в их сторону.

— Красавицы, милые, вы куда так бежите?

Два человека спрыгнули с металлической балки, что торчала из фасада одного из зданий, и увязались следом. Фриде хватало смелости не повернуть голову, Мие же её не доставало, чтобы сделать обратное. Оба голоса были мужскими и через несколько секунд к ним прибавился один женский.

— Ау-ау! Стоп говорю!

— Голову-то хоть поверни.

Они звучали неприятно: какой-то гадкий ком грязи из агрессии, глумлением и хамства. Несколько раз прозвучали вульгарные слова, но те попросту игнорировались. Терпение лопнуло когда один из них тронул Хлою за плечо чтобы та обратила внимание.

Остановились все: Фрида держала Мию за руку, Хлоя только раздраженно цокнула языком, а тройка преследователей стояла вокруг них.

— Товарищ, сегодня ты, конечно, сам на себя не похож, — Хлоя обратилась к мужчине с бородой. — Мы же гости. Гости, которые спешат. А ты мне рассказывал, как приезжих любишь, когда мы с тобой пили. Их любишь, а местных грастий на дух не переносишь, разве не так? Не история выходит, а обман какой-то, получается?

Она подошла к мужчине вплотную и зачем-то начала застёгивать его распахнутую порванную накидку. Говорила Хлоя спокойно, даже, как Мие показалось, будто дразня собеседника. Она не делала больших пауз, но ни одно слово не было произнесено быстро.

— Ты что, знаешь её?

— Мы так уж на грастий похожи? — в ответ мужчина отрицательно помахал головой, а вопрос друга остался проигнорированным. — Правильно, товарищ, не похожи. Ну так и ты кулаки побереги для кого следует, а приезжих не трогай, с них спрашивать нечего. Хорошо?

— Я ды-бы... — бородатый начал подбирать слова, пытаюсь загладить вину. — Дрянь, да просто ночью ничего не видно, я если б видел, я честно б даже с места не встал, ты сама понимаешь, я б...

— Остановимся. На том, что приезжих обижать нельзя. Так ты мне говорил, когда мы познакомились?

— Да, — уверенно сказал тот. — Нельзя. С них брать нечего.

Хлоя сунула руки в карманы и благодарно кивнула. Она смотрела на собеседника, тот тоже не мог отвести глаз. Продолжалось это недолго, чтобы у других не появились вопросы. После девушка покосилась на остальных и едва заметно мотнула головой в сторону других незнакомцев.

— А? — бородатый прямо испугался.

Хлоя наклонилась вперёд и что-то совсем тихо ему шепнула. Тот вмиг вышел из себя и с кулаками налетел на своего товарища.

— Ах ты сволочь! Тварь! Нельзя трогать приезжих, ты не понял?! Тебе же уже сказали, что мы ошиблись! Нельзя!

Бородатый повалил друга на землю и началась драка. Женщина начала орать и просила прекратить, упавший только защищался и не бил в ответ. Крики и ругательства привлекли внимание остальных.

— Не нужно было вот так, — холодно заметила Фрида.

— Нужно было.

— Нет.

— Фрида, давай мы просто пойдём, а не будем стоять в этой законченной дыре.

Все молча согласились друг с другом. Хлоя не спешила и шла как обычно и Мия прямо-таки чувствовала, что Фрида готова взорваться из-за этого. К счастью, так продолжалось недолго и вскоре они вышли из неблагополучного района. Переход был резким и стоило подняться по длинной каменной улочке, как они оказались на людной площади.

По правую сторону было огромное количество омнибусов[2], точно станция какая. Таких роскошных Мия ни разу не видела в своём районе — здесь совсем другой масштаб. Слева же находилось много по-настоящему красивых на вид заведений, где еда стоила наверняка дороже, чем у Заужа. Люди сидели в заведениях, за столиками на верандах, на красивых широких скамьях и даже на ободке фонтана, что находился в центре.

Жизнь здесь кипела даже ночью, и это было ещё одним большим отличием от района Заужа. Мие это нравилось. Люди даже сейчас куда-то уезжают, едят со своими любимыми, смотрят на фонтан, на огоньки вокруг него и не даже не думают ложиться спать. Звуки здесь были не громкими, но они были, и в них ощущалась романтика ночной жизни. Тревога не нарастала, ведь, казалось, люди в таком месте просто не могут обидеть, хоть на лавочке засыпай — никто тебя и пальцем не тронет.

И даже ночью здесь звучали рупоры. Их было немного и звучали они не так громко, но Мия готова была поклясться, что если уж человек на той стороне желает жителям спокойно провести ночь, то слышит эти слова одновременно каждый в Мейярфе. Оказалось, что это работает не так.

— Район невероятный. Вы тут были когда-то?

— Да, — Фрида всё искала кого-то взглядом, но Хлоя с радостью поддержала разговор. — Это не совсем район. Просто развлекательная площадь, которых в Мейярфе с пару десятков. А называются они кораллами. Ты знаешь, что такое коралл на самом деле?

— М-м-м... Штуки в воде? Не знаю как...

— Да, штуки в воде! Правильно. А здесь мало кто догадывается, что коралл — это что-то помимо этих вот площадей. Я очень удивилась, когда узнала. И это глупость какая-то, что многие океана в жизни не видели, потому что у Мейярфа есть к нему выход. Странные здесь люди.

Все трое остановились у высокой каменной стенки, недалеко от омнибусов. Хлоя держала руки в карманах и послушно ждала, как и Мия. В уши всё лез красивый мужской голос — захотелось послушать этот разговор.

— Ваша музыка, она не то что плоха, — диалог, очевидно, шёл не с самого начала. — Просто жаль, что вы не у дел. Вы помните, что всегда можете вступить в ряды грастий. Вы знаете, да и ни для кого не секрет, что платят там хорошо. С нашим грастийством не каждая армия сравнится, так сделайте же его ещё сильнее! И дело чести, и побираться точно не будете.

— Господин Мендакс, каждое ваше слово я ценю, поверьте. Но я клянусь, я вам чем угодно клянусь, что могу писать музыку, которая понравится людям. Им понравится!

— Музыка... — мягкий как велюр голос звучал безобидно, будто не хотел задеть собеседника. — Это хорошо. Но у нас музыкантов хватает, больше не нужно. Просто музыка сейчас не сказать, что очень нужна. Ни людям, если честно, ни вам. А не хотите стать караванщиком? Попадете в другие города и столько всего увидите!

— Господин Мендакс...

— Или зодчим! — говорящий звучал воодушевлённо. — У вас такие талантливые руки, они ведь могут сотворить настоящую красоту. Вот им я всецело доверяю. Точно, решено! Зодчество — ваша стезя, мой дорогой. Знаете, меня только что будто озарило, никаких шуток! Вот зодчество — то, что вам нужно, будьте уверены. Руки у вас, конечно, чудесные. Ну смотрю и вижу создателя перед собой.

Мия отвлеклась от диалога на своих спутниц.

— Хлоя, он не мог уехать раньше?

— Не мог.

— Хорошо, — произнесла Фрида и добавила: — Прости, что сорвалась.

В ответ собеседница только сдержанно рассмеялась и довольно угукнула. И минуты не прошло, когда на свободное место перед ними подъехал омнибус.

— Предвечная, какое облегчение, — Фрида взяла Мию за руку и направилась к извозчику.

Транспорт оказался средних размеров: в салоне могло уместиться около шести человек, но при этом он был высоким — хоть в полный рост становись. Через открытую дверцу удалось разглядеть, что там есть подушки, столик и даже небольшие полочки.

Извозчик поздоровался со всеми тремя, сел на подножку омнибуса и закурил. Между ним и Хлоей возник какой-то странный и вялый диалог. Они перебрасывались спокойными фразами, но полностью были сосредоточены на дыме папиросы.

— Серьёзная поездка будет, да?

— Около того. И не такое с вами проходили.

— Эх-х... Хорошо, что вы здесь, Хлоя.

— Однозначно хорошо. Скоро вернёмся в родной край.

— Это да. У меня тут от жары голова постоянно чешется. Но ночью хорошо. Ночью я б здесь, может, и жил.

— Может и жили бы, может. — Она засмотрелась на какую-то точку и долгое время даже не моргала. — Хорошо, что по графику приехали. Люблю вашу пунктуальность.

— Такая работа, — флегматично произнёс мужчина и пальцами зачесал волосы назад, чтоб в лицо не лезли. — Такая работа.

Фрида тоже приняла участие в разговоре, а Мия отступила на пару шагов и смотрела на запряжённое животное, что пило из большого таза. Зверь этот был большим и волосатым как як, но без рогов и не так похож на быка. Загривок и спина были бурыми, а остальная шерсть белой, и лишь часть морды вокруг глаз и носа имели серо-синий оттенок. Животное это называлось “койóрми”. Мия не раз видела его за месяц жизни в Мейярфе, но ни разу не подходила так близко. Взгляд существа казался дружелюбным и даже величественным, будто оно было питомцем какого-то правителя, а не обычным перевозчиком телег и омнибусов. Рука аккуратно легла на его ушко, чтобы погладить, и то задёргалось, будто прогоняло надоедливое насекомое.

— Можно ехать.

Извозчик завернул окурок в вынутый из кармана кусочек ткани. Все трое зашли в салон,

закрыли за собой дверь и сели. Хлоя облокотилась на столик, наблюдая за двумя другими пассажирами перед собой. Фрида же копошилась в сумке, которая лежала возле диванчика с самого начала. Она выкладывала на стол разные продукты и напитки. Фрукты, выпечка, овощи, сладости и несколько бутылочек с жидкостями — всё это оказалось перед глазами.

— Вот, выбирай. Пока перекуси, а уже по приезде мы накормим тебя нормальной едой. Это, — уточнила Фрида, указывая на каждую из бутылок по очереди, — обычная вода, метиар, ягодный сок.

— Они вкусные? Не вода, а метиар и сок. Воду я пила.

— А... Метиар, он как сладкое молоко. Но немного острое послевкусие. Ты когда-то пила молоко?

— Ладно, — сдалась она и устало улыбнулась, — думаю, лучше просто самой всё попробовать. Извини.

— Обязательно попробуй, да. Он ещё и полезный, потому что помогает усвоить пищу. Поэтому начни с него.

Нахлынуло настолько сильное желание есть, словно настоящего голода до этого не существовало, и только сейчас он в одночасье проявил всю свою силу. Несмотря на это, в голове засела мысль, что даже в такой ситуации важно сохранить самообладание. Как бы голод ни был силён сейчас — нельзя превращаться в животное.

— А вы? Вы обе не будете есть?

— Я не голодна. Хлоя, если хочешь, тоже бери.

— Пас. Поем уже дома.

Пока ела, Мия пару раз бросила взгляд на Хлою — было в её повадках и поведении что-то изящное и красивое. Она даже сидела, даже лица своего касалась так, что попросту становилось приятно смотреть. Хлоя совсем не была похожа на Фриду. Такого же возраста, около тридцати на вид, но по своей природе совсем другая. Это сочетание двух мягких цветов: персикового и розового. Никакой серьёзности во взгляде, скорее провокация, а ухмылка — точно вызов всякому, кто на неё глянет. На вид она — сама раскрепощённость и вальяжность во плоти. Таких людей сложно представить напуганными или замкнутыми. Они, казалось, вовсе не знают о таких понятиях.

Закончив, Мия ещё раз поблагодарила за еду и посмотрела на Мейярф через окошко — всё та же темнота. Огоньки заведений, звёзд и уличных фонарей пытались бороться с ней, но она казалась всеобъемлющей и непобедимой. Того огнедышащего гиганта в небе, прожигающего в полуденное время и кожу, и асфальт, нигде не было видно. В эти часы город не потухал и не исчезал, а просто становился другим. Сложно было представить, куда теперь шли эти люди, пусть и не сливаясь с толпой, пусть и не в таком количестве. Вероятно, пьяные возвращались к трезвым, уставшие к отдохнувшим, а сонные к уже спящим. Как ни гадай, но утром всё начнётся заново: звуки сотен разных разговоров, сливающихся в один непонятный рокот, быстро утопят эту тишину.

Расстояние до городских ворот неумолимо сокращалось, а тело начинало предательски дрожать. Предчувствие давало знать, что они вот-вот окажутся совсем рядом. И не успокаивала ни музыка, доносящаяся из круглосуточных заведений, ни мягкие огни фонариков. Они мерцали слишком далеко, чтобы согреть, — телу становилось всё холоднее и холоднее. Мия всеми силами хотела скрыть панику: не отрывая взгляда от меняющейся картины за окошком, она старалась думать о чём-то другом.

Знакомый голос вернул ощущение реальности, а та, в свою очередь, породила ещё

большой страх. Сейчас они стали ближе, куда ближе, чем до этого. В эти секунды риск казался очевидным, а наказание за неудачу — неизбежным.

— Итак, мы подъезжаем к границе. Мия, ложись на колени Фриде и просто сделай вид, что спишь. Если вдруг будут звать — не откликайся. Твоя единственная задача — просто спать. Несложно, правда?

— А если они вдруг решат зайти внутрь? Или увидят, что я притворяюсь? Или... или увидят метку? Что нам тогда делать? Они могут напасть на нас?

— Просто сделай так, как она говорит, — попросила рядом сидящая спутница, коснувшись своими пальцами пальцев Мии. Фрида словно знала, что ей нужно делать, — ей не дали ни одной команды. Пока Хлоя что-то высматривала через окно, она сняла свою накидку и взглядом указала на колени.

— Ложись, не бойся.

Та спешно скинула обувь и легла на бок, поджав под себя ноги. Фрида накрыла её накидкой: от самых ступней и до плеч. Мия съежилась ещё сильнее — тело дрожало, и угаить этот факт оказалось не так просто.

Как только глаза закрылись, Мия почувствовала, как тёплая ладонь её защитницы коснулась волос. Ласковыми и аккуратными движениями она касалась головы, с каждым прикосновением открывая ей природу заботы. Это чувство, что появилось абсолютно внезапно, было незнакомым и пугающим. Ни разу за этот месяц Мия не стремилась ощутить его, не представляла его, когда лежала в постели или просто отдыхала. Она не задумывалась о том, что прикосновение человека может вызвать чувство успокоения и даже удовольствия — на это не хватало времени. Сейчас же, когда практически незнакомый человек касался её волос, чувство наслаждения опоясывало мысли и эмоции, давая призрачный шанс побороть переживания, панику и неизвестность.

Омнибус остановился. Словно музыкальная шкатулка, что перестала играть. Мелодия, которая напоминала о прошлом и погружала в свой маленький зыбкий мир будущего, затихла.

Хлоя вышла наружу, оставив дверь открытой. Мир за пределами тёмной пелены перед глазами не существовал — лишь звуки и запахи. Мия не могла открыть свои глаза, ведь у страха они были куда больше.

Мужской голос снаружи разил уверенностью, ни намёка на компромисс. Настоящий блюстителю закона, умеющий наказывать тогда, когда того требует устав. Мия мгновенно пришла к выводу, что человека с таким голосом сложно провести — он любит то, что он делает. Басистый и звонкий, но вражеский, куда более пугающий, чем голос из рупора. Голос человека, который мог бы вцепиться в шею нарушителя и сжать свою челюсть так, чтобы треснули зубы, лишь бы задушить.

Начало тошнить. Паника двигалась к своему зениту. Фрида наверняка чувствовала дрожь, как и сама Мия. Она не выдержала — дыхание начало звучать прерывисто. Психологическое давление одного только голоса втаптывало всё самообладание в землю.

«Он победит. Это голос победителя».

Пальцы переплелись. Рука Фриды стала неожиданным тепловым ударом в самые холодные морозы. Горячая ладонь, которую не хотелось отпускать даже на миг. Дрожь унималась, а холод постепенно отступал. Руке стало немного теплее.

Она попыталась подумать о том, есть ли там, куда её везут, эти мягкие огни и тихая музыка. Так ли сильно там жжёт солнце, как много невольников в тех краях, насколько это

густонаселённый город и есть ли там эти непонятные цветастые тучи над головой. Вопросы казались нужными и даже важными, но только не сейчас. Стало невозможно думать ни о чём, кроме страха.

Доброжелательные запахи Мейярфа отгоняли смрад, издаваемый собственным страхом. Блеклый аромат города сейчас ощущался как никогда. Стихия, сформированная из примеси алкоголя, выпечки, овощей и застоявшейся воды. Запах прогонял чужого ребёнка, не желая ему зла, но отказываясь стать ему родным. Он выталкивал за ворота, он одурманивал дозорного и в последний раз напоминал о себе.

Послышался ещё один противный звук. Ещё один голос умелого человека, голос беспощадный. Этот звучал подозрительно спокойно. Люди с таким тембром могут без особых эмоций задавать вопрос за вопросом чтобы раскрыть все тайны. Он брал не норовом, а упорством и дотошностью. И стоит только собеседнику осечься, грастия произнесёт: “Я знаю, что вы — нарушители. Вы — враги. Выходите немедленно”. И после этого никуда не убежать, ведь догонят, куда бы ни спрятался.

Невероятно хотелось крикнуть: «Я здесь! Хватит меня мучить, я здесь, я не сплю!»

Сожаление и отчаяние — всё это потом. Но это длинная, растянутая вдвое дальше, чем положено, струна наконец лопнула бы. Мия приоткрыла рот, пока лишь для того, чтобы тихо-тихо всхлипнуть.

Одно-единственное чувство позволяло не сломаться. Фрида оставалась рядом. Снова касалась головы, снова проводила ладонью по волосам. Пальцы её правой руки до сих пор сплетались с пальцами Мии, словно спаянная цепь. Пальцы левой были мягкими и едва прикасались, словно перья.

Мия поджала губы, и весь остаток сил, эту нелепую смехотворную горстку эмоций, направила на то, чтобы не заплакать. Она до сих пор слышала шипящий голос змей снаружи, чувствовала запах чужого города, дрожала от мысли о последствиях, но не готова была проиграть. Пока ладонь водила по её волосам, пока её пальцы сплетались с пальцами Фриды.

Секунда. Ещё одна секунда. Тактильная колыбельная отпугнула самовозгорание, которое казалось просто неизбежным.

Дверь захлопнулась. Хлоя вернулась в омнибус, устроилась, положив ногу на ногу, и потянулась. Транспорт ожил и двинулся вперёд, проезжая мимо открытых ворот. Пара минут, и ворота остались позади — теперь за право проехать через них предстояло побороться кому-то ещё. Мия лежала с открытыми глазами, но почти не двигаясь. Возникла неприятная тишина. Хлоя смотрела на Фриду и улыбалась как-то гордо, даже надменно. Взгляда Фриды Мия не видела, но догадывалась, что сейчас он недружелюбен и суров. На какое-то время возникла очень напряжённая и режущая тишина.

— Сейчас мне просто хочется встать и залепить тебе пощёчину. Хоть это и не в моём духе.

— Всё же прошло хорошо. Остынь.

— Если есть аромат, зачем так... — Фрида была зла и растеряна. — К чему это сумасбродство? Это безрассудно. Это неправильно. Ты подвергаешь риску и нас, а не только себя.

Хлоя на время стала серьёзнее и никакого самодовольства или ребячества в ней не осталось.

— Я даю тебе своё слово, что ситуация была полностью под моим контролем и я бы не

дала ей выйти из-под него. Ни разу, ни разу не было даже мысли, что вот-вот пойдёт что-то не так. Правда. Но если это и правда было слишком халатно, то прости меня. Такая у меня глупая голова...

Хлоя прикрыла руку подруги ладонями и погладила её. Фрида не ответила, но покивала, словно хотела убедить себя, что всё хорошо.

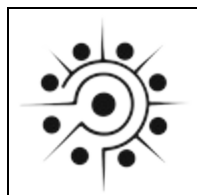
Понадобилось время, чтобы напряжение сошло на нет и неприятная атмосфера пропала. Обе девушки переключили своё внимание на Мию. Явно не без труда, она приняла сидячее положение и, отодвинув шгорку, посмотрела в окно.

Очертания знакомого города удалялись и сейчас вокруг господствовала природа. Стены города, построенного людьми, становились меньше и меньше. Запахи, голоса, узкие улочки и, казалось, даже яркая звезда, которая будет светить поутру, — всё оставалось там.

— Пожалуйста, — она не отрывала пустого взгляда от стен Мейярфа, — Фрида, разреши мне поспать на твоих коленях ещё немного. Сил совсем не осталось.

— Хоть всю ночь. Представляю, насколько тебе сейчас нужен отдых.

Мия смотрела ещё несколько секунд на стены города, в котором уместился целый месяц жизни. Потом закрыла глаза и подалась назад, чуть ли не упав на колени спутницы. Мегополис выцвел из памяти, словно светило над головой сыграло с ним злую шутку.

Солнечный свет. Где бы они сейчас ни ехали, а здесь он был другой: мягкий и, что ли, робкий. Под такой подставляешь руку и не возникает мысли, что он обожжёт.

Проснуться получилось уже без чувства панической спешки. Не нужно больше было бояться отпустить руку, шарахаться от чего ни попадя и стараться себя успокаивать. Мия поднялась и тихо потянулась — остальные ещё спали. Фрида всё так же, сидя, будто за ночь даже не сменила положение, а Хлоя лежала напротив, закинув босые ноги на небольшой диван и прикрыв глаза запястьем.

За окном — красота. Это зелёная стихия, в которой проступал мягкий, даже воздушный жёлтый цвет. Растения здесь всё равно что песок в Мейярфе — их было много и росли они повсюду. Возле ручейков, возле редких домиков, запряжённых животных и прямо у дороги, по которой они ехали. Ветер здесь дул не сильно, но протяжно, потому листья могли шелестеть и с десятков секунд, и даже дольше. Никто не спешил: люди никуда не бежали, койорми спокойно шли по тропинкам, редкие листочки кружились и беззвучно падали на землю, а небо плыло так, что взгляд не оторвать, так оно очаровывало.

Ничего конкретного, что бы могло привлечь внимание, но Мия смотрела и умиротворение буквально окутывало её.

— Стеокс.

Фрида смотрела в окошко и сонно улыбалась.

— Так называется этот город. Хотя мне кажется, это слово жутко не подходит, — она зевнула в ладонь и выпрямилась. — Доброе утро.

— И тебе. У меня, это... вообще слов не хватает, чтобы выразить мысли. Такие яркие

вещи совсем недалеко от пустыни, я и подумать не могла. Вы что, получается, где-то посреди этой красоты живёте? Зачем вообще ездить в Мейярф, когда есть такое вот прямо здесь?

— Мы живём не так далеко отсюда. На юге Стеокса. Не все же ездят в Мейярф чтобы полюбоваться на пейзажи. Иногда это просто дела.

— Не все, да.

Фрида попыталась прогнать сон, легонько шлёпнув себя по щекам. Пока она приходила в себя, хотелось ещё немного посмотреть: на озёра, чтобы запомнить, как смешно по ним плавают птицы с жёлтыми носами, на качели под широкой веткой дерева и качающихся детей, на пушистый жёлто-чёрный комок с крылышками, что едва не залетел внутрь омнибуса. На удивительные мелочи, которым счёта не было — на всё это хотелось смотреть часами и всё равно было бы мало.

— Мия, на секундочку тебя отвлеку, — лицо Фриды тоже было тем, на что сейчас приятно было смотреть. — Хочу поговорить с тобой. Только не пугайся. Обычно эта фраза почему-то всех страшит.

— Я сейчас очень далеко от того, чтобы пугаться чего-то. Всё в порядке, не переживай.

— Отлично. Хорошо, — Фриде понадобилось несколько секунд перед тем, как продолжить. — Знаешь, что ночью, что сейчас думаю о том, чем ты со мной поделилась. Я про твой рассказ о бочке крови.

— А-а-а... Ага.

— Я могу себе это представить. И дружеский голос в твоей голове, и как из крови появляется человек. Я верю, что эта история настоящая. Но ты уверена, что это произошло около месяца назад?

— Может быть даже раньше. На неделю где-то. Но точно не позже, потому что потом я считала дни.

— Тебе слово “Скрежет” знакомо? Как событие, а не обычное слово.

— Как событие — нет.

— Значит мы что-то пропускаем, потому что у меня не сходится. Объясню. Помнишь я говорила, что вижу свечение рядом с тобой?

— Помню, — кивнула Мия и на секунду стало не по себе оттого, что теперь это не так.

— Вот. Восемь лет назад произошло одно очень масштабное событие, которое повлияло на каждого, кто... — Фрида подбирала нужное слово, но в итоге только отрицательно махнула головой. — Нет, не так. Я попробую упростить. Событие повлияло на весь Виоландо как таковой, без преувеличения. На каждое живое существо. И тогда я научилась видеть это свечение в людях. Но светиться могут только те, кого задел “Скрежет”. Они и никто больше — в этом я уверена. Понимаешь, о чём я?

Перед тем как ответить, разум изо всех сил пытался найти логический ответ, который не смогла уловить Фрида. Казалось где-то есть лазейка, но как ни крути, а слова собеседницы строго противоречили всему тому, что навеял голос с жёлтыми глазами.

— Да. Но Фрида, я тебя не обманывала.

— Нет-нет, — сразу успокоила та, — я не о том! Совсем не о том. Я просто делюсь и хочу, чтобы со временем мы вместе нашли ответ. Я верю, но и ты поверь в мою историю.

— Хорошо, — от души отлегло. — Я тебе полностью верю. Может тогда голос очень правдоподобно шутит надо мной и никакой бочки с кровью не было? Я по всем законам логики должна была жить как минимум восемь лет назад.

— Как минимум, но ты выглядишь гораздо старше. Может ты и правда прожила от своего рождения около двадцати или... Столько, в общем, на сколько выглядишь. Может быть, ты появилась и после Скрежета, но тогда я ума не приложу, откуда в тебе амарантин. Свечение рядом, — объяснила та. — Называется амарантин. Но мы попробуем выяснить как было на самом деле. Может быть нужно время.

— А что за “Скрежет” такой? Это из-за него ты видишь возле людей свечение?

— Да. Могу рассказать. Хотя это так странно, рассказывать кому-то про то, что должен знать вообще каждый из живущих. По крайней мере, мне так всегда казалось.

Фрида призадумалась, а Мия устроилась поудобнее, взяв со стола первую попавшуюся булочку.

— Есть вещи, знаешь, что происходят внезапно и происходят вопреки всем законам, которые должны работать. Так и со Скрежетом. В один из дней, восемь лет назад, с неба начал идти дождь, а...

— Чё? — перебила проснувшаяся Хлоя, не меняя положения и даже не убрав руку с лица. — А про небо ты не расскажешь? С него же всё началось.

— Доброе утро, — бросила Мия и в ответ ей только помахали свободной рукой.

— Ну да, просто я немного забежала вперёд. Что же, хорошо. Всё и правда началось с того, что небо начало меняться. Очень необычным образом меняться, потому что перестало быть похожим на то, к которому мы привыкли. И в один момент хлынул дождь. Удивительный дождь! Он не ощущался физически, но...

Хлоя отчаянно выдохнула и очень резко приняла сидячее положение. Она тяжёлым взглядом посмотрела на Фриду и сложила ладони вместе.

— Ну правда, так себе выходит. Пожалуйста.

— Попробуй, — та была явно не согласна, — если думаешь, что сможешь лучше. Мне не принципиально.

Хлоя довольно улыбнулась, благодарно кивнула и негромко хлопнула ладонями по столу. Слова её звучали оживлённее и горячее. Каждую строчку она произносила так, будто какое-то сказание описывала.

— Мия, чудо моё, а теперь представь, что ты живёшь себе в чередке привычных дней. Никого не трогаешь, смотришь на солнышко, небо, всё как всегда. И в один день ты поднимаешь голову, а там пропадает твоё любимое небо и затягивается каким-то мыльным пузырьём. Оно начинает скрипеть так, будто превратилось в шлифовальную шкурку и каждый её кусочек трётся о булыжник. Невыносимый скрежет. До безобразия пугающее зрелище. И всё это не только там, где ты, нет. Оно по всему миру. Абсолютно по всему миру, Мия. В самом дальнем уголке планеты от тебя — даже там небо покрывается какой-то гадостью, но чем именно не знаешь ни ты, ни кто-то другой. Небо переливается, рябит и колышется, как паутина. Может это плёнка, может пузырь, а может масло какое-то. Думай что хочешь. Представила?

— Представила.

— И тут, когда небо полностью затянулось, скрежет прекращается и начинается дождь. Он льёт, льёт и не даёт даже шанса спрятаться. Дождь проходит сквозь любые крыши и одежду. Любые одеяла и даже самые толстые слои металла. Он про-хо-дит сквозь всё, — она произнесла слоги членораздельно, чтобы подчеркнуть. — Сквозь всё неживое, попадая на твою кожу. У тебя нет времени думать. Ты просто видишь, как капли разбиваются, но совершенно их не чувствуешь. У них нет веса, и ты замечаешь, что они и на воду-то не

похожи. Ты видишь это, но ещё сильнее испугаться не успеваешь, потому что засыпаешь. Ты засыпаешь.

Мия даже прикрыла глаза, чтобы представлять всё ярче. Хлоя так сладко произносила последние слова, что время начало тянуться чуть медленнее.

— Как и каждый в мире. Всё превращается в один большой сон для Виоландо, где глаза всего человечества оказались закрыты. И начинается настоящий “Скрежет”. Небо начинает кипеть. Кипеть по-настоящему. Вверху — тысячи пузырьков, что вместе с дождём падают вниз. Каждый из них — самая настоящая шаровая молния. Они опадают медленно, но дождь не даёт убежать ни одному человеку. Все лежат на своих местах. И когда молния касается случайного человека — он перестаёт существовать. Сам становится кучей пузырьков, что лопаются и разносятся по воздуху. Человек пропадает. Один, десяток, сотня, тысяча, десятки тысяч, Мия. Жизни огромного количества людей обрываются почти одновременно. Каждой молнии — свой человек.

Тело не двигалось, ведь сознание было там, в воображении. Мия лежала в каком-то маленьком доме, беззащитная, как и все остальные. До неё молния не добралась, но жаль стало вымышленного человека, который спал в соседнем доме. Жаль из-за того, что от таких ненастий ведь никак и не спасёшься. Родился, научился ходить, десятки лет прожил и столько опыта впитал, кого-то научил и чему-то научился, а в один неудачный день лёг отдохнуть у себя в кровати и даже отскочить от злосчастной молнии не мог.

— Но кому-то повезло больше, — томно продолжала Хлоя. — В них попадала молния и... трагедии не происходило. Наверно она оставалась внутри, а может и проходила насквозь, оставляя часть себя. В этих людях появился амарантин, и они стали его носителями. В этот раз им повезло, и они проснулись вместе с остальными. Конец. Занавес. Аплодисментов не нужно.

Мия открыла глаза и по телу пробежали мурашки. Хлоя хорошо меняла интонацию и умела подбирать нужные слова, чтобы всё в воображение рисовалось само собой. Сейчас она выглядела очень довольной собой и улыбалась, прыгая взглядом то на Фриду, то на Мию.

— Ух ты. Даже слов нет. Ты очень интересно рассказываешь. Я всё очень ярко представляла.

— Спасибо. Рада, что справилась. А пока я хочу ещё немного поспать. Пять раз за рассказ зевнуть хотелось, — она легла в уже привычную позу и показала раскрытую ладонь. — Пять раз...

— Я бы справилась не хуже, — пожала плечами Фрида. — Но так оно действительно и было, просто не так красиво.

— Получается, издают свечение для тебя те, на кого упали молнии, но которые пережили Скрежет, да?

— Именно так. Я вижу носителей и сама им являюсь.

— А как ароман...

— Амарантин, — помогла Фрида.

— Да, он. Как он влияет на человека? Это же не просто свечение возле человека, правильно?

— Нет, совсем нет. Тут другое. Если очень захотеть, амарантин помогает...

— Воплощать, — коротко подсказала Хлоя.

— Спи уже! Да, помогает “воплощать” мысли, назовём это так.

— А какие мысли можно воплощать?

— Разные. Очень разные, но это я тебе расскажу потом. Тема довольно обширная.

Мия чувствовала, как волнуется. Хотелось и самой воплотить какие-то мысли, раз уж амарантин был и в ней. Может голос в голове правда решил пошутить и выдумал историю с кровью, кто его знает зачем.

— А Хлоя — носитель амарантина?

— Угу, — тихий голос напротив звучал безразлично.

— Да, — Фрида покосилась в сторону подруги. — Там, куда мы едем, почти все носители.

— А на животных падали капли с молниями? Существуют животные носители?

— Считается, что все животные тоже усыпали. Я... — Фрида приподняла брови, не зная, что и сказать. — Не задумывалась о таком. Думаю нет. Думаю, что для воплощения амарантина нужно сознание. Это не так просто.

Вопросы сами возникали друг за другом и их было так много, что точно половина из них вылетала, пока звучали ответы.

— Ну да... Ну да, я понимаю о чём ты. А как люди прекратили весь этот “Скрежет”, если спали?

— Он прекратился сам по себе. Примерно через девять часов после того, как начался. Молнии и дождь кончились, а люди проснулись. Я даже помню, как на улице, где я жила, собралась немыслимого размера толпа, которая никогда до этого не собиралась. И все смотрели как затягивается странное маслянистое небо. Как оно становится обычным. И единственное, что осталось после “Скрежета” до сих пор...

— ... это они? — приободрилась Мия и показала пальцем за окно, на одно из цветных облаков. — Вот я тоже думала, что они как-то выбиваются из всего, что они не такие привычные, как обычные облака! Я же права, да?

Фрида выглянула в окно и будто пришла в себя. Она достала из небольшой сумки гребень и принялась приводить причёску в порядок.

— Да. Они остались ещё с тех пор. Но почему они не пропали и совсем неподвижны никто не знает. О Скрежете в целом мало кто что знает. Что за небо, что за дождь, что за молнии... И почему так случилось. В общем, оставил он после себя много открытых вопросов. Очень интересное явление.

— Да, именно “явление”, ага. Это клятый катаклизм, ау, — возмутилась Хлоя, убрав руку с лица.

— А ты бурчи поменьше. И спи, а то скоро приедем.

— Я уже перехотела спать. А вот говорить о таких вещах нужно как есть. Это катастрофа для всего Виоландо, Мия, а не “любопытный случай”. Не слушай её, — Хлоя снова приняла сидячее положение, одним движением руки зачесала волосы набок и продолжила говорить куда напористее, чем до этого, иногда стуча пальцем по столу. — Вся эта история звучит как вздор, в этом и главная трагедия, чтоб его. Её невозможно передать потомкам, потому что ещё и десяти лет не прошло, а она выглядит как легенда для каждого, кто лично не пережил всю ту чушь. И это бесит! “Скрежет” настолько ломает здравый смысл, что мемуаристам остаётся только приписывать после каждого абзаца: “Всё в точности так и было, клянусь вам!” Вы бы уже спустя полвека не поверили в эту ахинею, напиши её незнакомый вам человек. А если бы поверили, так я бы не поверила. И была бы права.

Она хотела ещё что-то добавить, но напоследок только стукнула указательным пальцем

по столу. Эти её слова, хоть сказаны и не на повышенных тонах, — далеко не ребячество и шутки, пусть и возмущение не было направлено на кого из собеседников.

— Хлоя, полегче.

— А что такого? Я сейчас — легче не бывает.

— Да. Не бывает.

Фрида отложила гребень и выждала небольшую паузу. Видимо что-то ей не понравилось, раз она даже насупилась. Вскоре она заговорила своим размеренным голосом:

— Знаешь, я сперва подумала, что ты интересуешься этими облаками с научной точки зрения, но когда ты сказала, что знать не знаешь откуда они взялись, я не на шутку удивилась. Значит при “Скрежете” тебя могло ещё не быть, но эти тучи всё равно кажутся тебе необычными. Это интересно, — она ещё раз выглянула в окно и ойкнула. — Пост. Уже скоро будем дома.

Проехав ещё немного, они остановились. Местный пост ничем не был похож на мейярфский: очередь туда была максимум из двух-трёх омнибусов, а у ворот стояли пожилой мужчина и женщина в возрасте, только и всего. Никаких тебе грастий с оружием. К двери подошёл усатый юноша в шляпе и аккуратно, даже вежливо постучал в дверцу.

— Всё в порядке, наш человек, — Фрида достала какие-то бумаги из кармана флайо и вышла наружу. Оба поприветствовали друг друга и направились к извозчику. Оставшаяся собеседница сидела упёршись лбом в стол, и не было видно, спит та или нет.

— Хлоя, — хотелось звучать потише, чтобы ненароком не показаться надоедливой.

— М-м? — та подняла голову и не выглядела сонной или раздражённой.

— Э-э-э... Фрида говорила мне об одном человеке, который живёт в её доме. Который знает о странных облаках больше, чем кто-либо. Она имела в виду тебя, да?

— Что? Нет, Предвечная береги. Конечно нет. Я не исследователь, а дипломат. Мне, понимаешь, интересны более насущные вопросы. Она говорила про Ская. Ты с ним познакомишься. Он лёгкий тип во всех смыслах этого слова. Так что всё в полном порядке. В полном. В самом полном из всех порядков.

— Хорошо, я буду этого ждать. А кто ещё с вами живёт в доме? Или вы втроем?

Хлоя приподняла брови и натянуто улыбнулась, чтобы передать всю неловкость ситуации. Её, судя по всему, смутил сам вопрос.

— Так-к-к... Фрида, конечно, удивительная. Не рассказала о том “куда”, “к кому”, ничего. Ничего, да?

— Просто мы говорили о другом. Совсем.

— Мы живём в замке, а не в доме. Замок — это наш дом, но главное не представляй его как вот эти мелкие хибарки, мимо которых мы проезжаем.

Мия пару раз моргнула так, словно эта информация вовсе не вязалась с любыми возможными вариантами. Затем отодвинула шторку и немного высунулась из окошка — ничего, похожего на замок, видно не было. Только едва просыпающаяся небольшая площадь, неподалёку от которой стояло несколько домиков. Ничего масштабного и удивительного: небольшой пруд посередине, несколько заведений и пара-тройка домов рядом — вот и вся площадь. Поблизости виднелась ещё одна, только чуть поменьше.

— Прямо замок-замок?

— Да, представляй себе замок-замок, но не перефантазируй, а то накрутишь себе, а потом увидишь и разочаруешься. Средний такой солидный замочек. Хорошо?

— Хорошо...

— А живёт нас не трое, — Хлоя принялась считать, но сбилась и плюнула на это дело. — Честно, не до точных цифр сейчас. Двадцать или около того. Это так, общая информация чтобы сгладить углы. А то ожидать парочку людей в доме, а увидеть что-то совершенно другое — даже я б, наверно, растерялась.

— Спасибо. Это и правда хорошо, что уточнила. Теперь представляю замок и много людей.

Захотелось задать ещё вопрос, но тот показался слишком наглым. Не было ясно, можно ли такое спрашивать или это что-то личное, чем даже не с каждым другом принято делиться. Мия поджала губы, но собеседница как-то уловила, что у неё на уме.

— Спрашивай, трусишка. Мне с тобой легко говорить, поэтому с удовольствием отвечу.

— Хлоя, а вот как ты... Ну, ты же носитель, так? Я, это... имею в виду... Вот ты, как носитель...

— Какой у меня аромат, да?

— А... аромат?

— То, как я воплощаю свой амарантин. Называется “ароматом”. Это тебя интересует?

— Ну... Да. Это.

— Я знала, — азартно закончила предложение девушка. Она выглядела уверенной в себе, словно её спросили о самой сильной стороне. Взяв с полочки карандаш, Хлоя скрыла его между ладонями, затем завернула нижнюю его часть в маленький кусочек ткани и протянула собеседнице.

— Я умею превращать вещи в еду. Это, например, теперь невероятно вкусный бисквит, а не карандаш. Поэтому держи аккуратно и попробуй откусить небольшой кусочек. Ничего вкуснее ты точно ещё не ела.

Мия осторожно взяла презент. Сперва она нахмурилась, ставя под сомнение то, в чём заверила её Хлоя. Но нет, карандаш действительно стал другим. Присмотревшись, стало понятно, что грифель теперь был ничем иным, как шоколадной прослойкой, а сам карандаш — мягким бисквитом, который вот-вот раскрошится. Впервые со вчерашнего вечера появилось чувство голода — видеть перед собой такую вкусность и даже не надкусить... Невозможно устоять.

Только Мия приблизилась ртом к бисквиту, готовясь откусить кусочек, кто-то уверенным движением руки забрал сладость и сломал пополам.

— Это неправильно, — с укором сказала Фрида, окинув Хлою строгим взглядом.

— Новый же карандаш.

— Это неправильно. Ты позоришь нас, — отрезала та, взяла какой-то ключ с полки и снова направилась к извозчику.

— Вечно она ворчит когда не надо, — буркнула Хлоя, после чего уже голосом, лишённым азарта, добавила: — Мой настоящий аромат — влияние на восприятие человека. Прости, если обидела этой выходкой.

— То есть никакого бисквита не было?!

Хлоя усмехнулась, словно вопрос и тот удивлённый тон, с которым его задали, немного подняли ей настроение. Мия же не нуждалась в ответе — она полностью ощущала то, что её провели. Но это чувство обмана вызывало восторг, а не обиду. Мираж показался таким настоящим, что дух захватывало.

— Бисквита — нет, но карандаш был настоящим.

— Вот как это выглядит на практике... Я понимала, что вы не шутите, но такое!

Хлюю, судя по всему, забавлял восторженный тон. Она пожала плечами, мол, ничего такого, даже захотела что-то сказать, но в омнибус вошла Фрида и закрыла за собой дверь. Атмосфера сразу изменилась.

По пути Мия не прекращала задавать вопросы, всё дальше и дальше уходя в детали. Вопросов не становилось меньше — на месте старых возникали новые. Но насколько же сладостным оказалось ощущение того, что на вопросы, хранимые в мыслях целый месяц, постепенно находят ответы. Картина этого мира приобретала контуры, пока едва заметные, но лишаящие пустой лист его надоедливой белизны.

Омнибус заехал на холм и Мия увидела очертания не самого огромного, но действительно большого замка, что стоял прямо посреди луга. Особенно чёткую форму имели башни, не большие, но очень разные. Виднелись и высокие, и низкие, и остроконечные, и плоские сверху — каких только не было. С такого расстояния сложно рассмотреть всё и сразу. Очевидным становилось одно — он очень выделялся на фоне низеньких строений, что встречались до этого.

Когда они приближались, Мия рассматривала замок. Хотелось немного отдохнуть от разговоров — всё это ещё успеется.

Омнибус не стал съезжать с дороги и остановился в деснице[3] от здания. Девушки вышли, попрощались с извозчиком, и тот поехал куда-то дальше по широкой тропе. Все трое медленно шли, ступая по низкой мокрой траве.

— Хлюя, я хочу поговорить с Мией наедине, не против?

Девушка не остановилась. Вполоборота она показала какой-то неизвестный Мие жест пальцами обеих рук, улыбнулась, а затем развернулась в сторону замка и ускорила шаг.

Мия и Фрида остались вдвоём. Обе смотрели вверх, то ли на башни, то ли в небо. Вполне вероятно, их взгляды были направлены на одну и ту же точку. Фрида держала руки за спиной и выглядела впервые за всё время их знакомства мечтательной. Мия заговорила первой, что удивило даже её саму.

— И... Всё равно как будто какая-то дыра в мыслях. Я задала кучу маленьких вопросов, но самый важный из них не сформулировала.

— Зачем я тебя привезла? — собеседница усмехнулась.

— Если хочешь, то так. Мне хочется понять главный мотив всего.

— Для меня — стать ближе. Это даже мотивом нельзя назвать. Скорее просто надежда на лучшее, — Фрида точно смотрела на башни. Смотрела с любовью и лаской, словно на живого человека, любимого и обожаемого. — Когда-то мы построили этот дом и назвали его Орторус. Но неправильно сказать, что это просто название замка. Для меня это скорее понятие, чем нарицательное имя. Передо мной — Орторус. Но и я сама — Орторус. Каждый живой человек внутри тоже. Моя цель, чтобы и ты им стала.

— Тогда моя цель такая же? Стать его частью?

Фрида, казалось, разговаривала в первую очередь с замком, а диалог с Мией был второстепенным. Она скользила взглядом по своему дому, словно наблюдала за невидимым огоньком, который вот-вот ускользнёт.

— Я бы стала твоим худшим врагом, если бы сказала, какая у тебя цель. Потому что её осознать может только человек, которого зовут Мия. Пока не задумывайся о сложном, пожалуйста. Живи, общайся с людьми, найди свою страсть и не переставай двигаться вперёд. Ты быстро сойдёшь с ума, если постоянно будешь думать только о чём-то недостижимом и важном.

Она говорила без той уверенности, с которой умела произносить слова. Голос даже подрагивал, но Мия не могла понять почему. Сейчас не было никакой причины делать это — ни разговор, ни атмосфера не располагали к этому. Но произнося фразу за фразой, Фрида казалась здесь куда уязвимее, чем там, в Мейярфе.

— Нужные мысли либо придут, либо нет. И, возможно, одна и та же фраза сейчас и потом будут звучать для тебя совершенно по-разному. Если повезёт, то даже не одна. Но пока...

Фрида устало выдохнула. Она говорила запутанно, хотя что-то в её словах притягивало. Мия прекрасно понимала каждое слово по отдельности, но только они связывались в узелки, как смысл ускользал. Он оставался виден, но лишь едва, как марево. Волноваться было не о чем — Фрида не пыталась донести каждое слово так, чтобы его поняли. Её улыбка и взгляд, её голос, речь и даже то, как она стояла — сейчас перед Мией был вовсе не тот человек, встреченный в столице. Всё вокруг пестрило новизной, и лишь себя она ощущала пустым белым листом.

— Пока постарайся жить, и ты поймёшь, как это восхитительно и в то же время сложно.

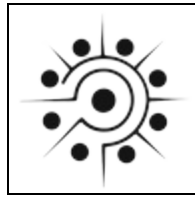
[1] Флэйо — верхняя одежда, популярная во всех уголках Эмиронии. Напоминает собой полуприлегающее пальто, но зачастую кроится из плотных тканей, иногда из кожи. Классическая версия имеет длину ниже колен, длинные рукава и орнамент как на внутренней, так и на внешней стороне рукавов, стоячий ворот, но не имеет пуговиц и запахивается на пояс или ремешки. Сейчас существует огромное разнообразие флэйо и везде, в зависимости от региона или даже города, свои особенности. В Мейярфе материал для флэйо только на вид выглядит плотным, но на деле напоминает накидку, которая защищает от солнца и позволяет телу не вспотеть.

[2] Омнибус — вид транспорта, распространённый на материке. Являет собой запряжённую животным повозку, что может вместить от одного до пары десятков человек.

[3] Десница — единица измерения длины в Эмиронии. Эквивалентна 130 метрам.

Глава 3. Слоистый замок

В этой главе познается чувство уюта.

Вид замка вблизи вызывал трепет. Здание перед глазами было домом для многих людей, каждый из которых когда-то перешагнул порог впервые. Сейчас это предстояло сделать Мие и волнение брало от того, что перед собой она видела не только замок, не огромное строение, а обитель. Пальцы коснулись чёрного камня и здание представилось живым. Сперва с ним нужно было познакомиться.

Без чёткой формы, где-то треснувший, где-то грязный, один блок подпирает другой, такой же не идеальный. Камни, прикасаясь друг к другу, когда-то стали тем, на что сейчас не глянешь с безразличием. Там, за слоем камня, находится что-то очень отличное от всего, что Мия привыкла видеть.

Она убрала руку, нужно было заходить внутрь. Большая серая дверь перед ней, казалось, открывалась очень редко. Ниже, прямо в ней, был вход поменьше, точно под рост высокого человека. Мия ещё раз осмотрела башни и испытала восторг. Сейчас он брал верх и над стеснённостью, и над волнением. Она, наконец, оказалась внутри.

Это было то место, которое имело родной запах. Незнакомцы или редкие гости всегда его чувствуют, а те, кому стены уже стали родными, привыкали и уже не замечали. Здесь, в холле, он был мягким и слегка сладким, будто недавно кто-то пёк сдобные булочки с крошкой и поливал их мёдом. Если повезёт, Мия тоже однажды перешагнёт порог, и этот аромат не покажется ей новым.

В помещении справа от них, что находилось через арку, что-то упало и звук был протяжным, словно металлическая крышка всё катается по полу и никак не может упасть. Оттуда же послышался глухой разговор. Широкая разветвляющаяся лестница, что походила на разрезанный пополам стебель, молчала. Молчал и длинный узкий коридор слева, на стенах которого было много не ярко светящихся ламп.

Под ногами — узоры, различные, но не очень цветастые. Плотная ткань, названия которой Мия не знала, была разукрашена и укрывала собой почти всё пространство холла. По такой бы красоте да босой ходить, но раз Фрида обувь не снимала, значит не положено было здесь разуваться.

Ступени парадной лестницы сужались к центру, а после снова расширялись, точно песочные часы. Поручни — изящество, которые лучше бы не трогать, чтобы не поломать. Сама хрупкость на вид, напоминающая дерево, расписанное хрусталём. По бокам, на стенах холла, висело множество светильников, большинство из которых не были зажжены.

Фрида повела Мию за собой, в сторону помещения, откуда доносились звуки. Чем ближе они подходили, тем ярче и слаще становился запах. Они прошли под аркой и оказались в небольшой комнатке с деревянным поблёскивающим столом и расшитыми

стульями вокруг него. Окна напротив арки пропускали солнечные лучи, которые разделяли помещение ровными бледными линиями. В дальнем уголке лежала и разделочная доска с ножами, и овощи, но кухней это место не назовёшь: в таком помещении в первую очередь положено отдыхать, а уже во вторую что-то готовить.

На ближайшем из стульев сидел мужчина. Он бросил взгляд на вошедших, и детали интерьера сразу потеряли свою ценность. Незнакомец казался спокойным на вид, опрятным и в хорошей форме для такого зрелого возраста. На бороде и волосах проступала седина, усы же остались почти не тронуты ею. Ногти у него были длиннее, чем у других мужчин, которых Мия встречала в Мейярге. Вопреки опасениям, незнакомец не приближался, а продолжил неспешно протирать подсвечник.

— С приездом. Ну и ну. — Мужчина приподнял брови, но больно удивлённым его было не назвать.

Ему не успели ответить, как единственная дверь в помещении приоткрылась. Сперва вышла Хлоя с двумя тарелками в руках, а следом девушка, с которой она разговаривала. Помещение вмиг наполнилось шумом.

— ... ну и короче я его послала. А чего мне терпеть, правильно? Правильно. Он сделал свой выбор, а я сделала свой в пользу быть счастливой и без него. О-о, вот, кстати, она. Я ж говорю похожа, а? — она обратилась уже к Мие. — Вот Мелисса, вон Вилсон, я предлагаю нормально поесть после поездки. Выпечка и фрукты, конечно, хорошо, но нормальная еда — это нормальная еда.

— Ага! — воскликнула светловолосая девушка будто собиралась что-то добавить, но мысль так и не продолжила.

Пока они с Фридой мыли руки, та тихонько повторила имена новых знакомых и зачем-то уточнила кто есть кто. Вскоре все пятеро сидели за столом, но Вилсон с Мелиссой не ели. Разговор вела Хлоя и все кроме Мии переговаривались между собой о чём-то своём, совершенно непонятном. Мия старалась не выглядеть зажатой, но зрительного контакта избегала.

— Кстати-кстати... Есть же небольшая загвоздка с таннавейром. Это так, думаю, совсем по мелочи, но Парадокс передал очень большие и искренние извинения.

— В каком это смысле загвоздка? — Хлоя нахмурилась, но Мелисса совершенно непринуждённо продолжала отвечать ей.

— Ну...

— Он его что, сломал?

— Что? Ну нет, вряд ли сломал. Он не уточнял что произошло, только сказал, что то ли загвоздка, то ли неувязочка... Просто с крыши увидел, как вы ехали и попросил передать искренние извинения. Сам показываться категорически не готов. Но вот ты его прости, и, я уверена, покажется, — Мелисса говорила виновато, будто это она что-то учудила. — Он это искренне, ты же знаешь, что...

— Стоп. Сейчас стоп. Значит загвоздка...

Хлоя как-то злобно протянула эти слова, отодвинула тарелку и расправила воротник. Пара секунд и она, казалось, иголками обросла.

— Нет, ну вот почему ты так?

Только та встала, Мелисса сделала то же самое и заговорила быстрее.

— Парадокс сказал, что если будешь мстить, то потеряешь друга! Он соберёт вещи в скатерть, повесит на палку и уйдёт ходить по миру, никому не нужный. Ты этого хочешь?

Судя по виду, Хлою сейчас мало какие слова могли растопить. Она уверенно кивнула головой, сказала “да” и вышла из помещения, полностью игнорируя слова собеседницы.

Мелисса располагала к себе простотой. Зелёные глаза, белокурые волосы, что собраны в хвост, тихий смех и хорошая осанка — вот то, за что зацепилось внимание за время разговора. Такие люди, казалось, не могут выкинуть то, чего ты от них никак не ждёшь. Если задают вопрос, едва ли они на самом деле знают ответ. А когда смеются или не понимают шутки, так вряд ли кривят душой.

— Ну и что теперь делать?

Флегматичный мужчина набивал трубку табаком и как-то умудрился передать всё взглядом. Ему не нужно было пожимать плечами, а тем более говорить, чтобы ответить. Он просто посмотрел, и стало понятно, что ничего не делать. Просто сидеть и ничего не делать.

— Это мелочи, — согласилась Фрида, но суть проблемы оставалась непонятной Мие.

Она закончила есть и задумалась. Стало интересно, чем могла обернуться возникшая проблема и как часто в замке происходят подобные происшествия. Даже в этом маленьком инциденте было так много сторон: виновник происшествия и тот, кто шёл намылить ему шею, безучастный свидетель, и человек, который всем сердцем сочувствовал виновному. Захотелось даже быть причастной к одной из таких интрижек. Быть объектом, пусть даже виновницей, лишь бы не наблюдателем. Мия думала о том, сколько имён ей предстоит запомнить, как допустить минимум ошибок при общении и вызвать у других симпатию, а не отторжение. Но не было ни каких-то знаний этики, ни схемы, которой достаточно следовать, чтобы всё удалось. Каждое новое знакомство выливалось и в радость, и в страх одновременно. Не получилось даже лично представиться Вилсону с Мелиссой, хотя все понимали, кто здесь гостя. И сейчас, сидя за одним столом с ними, слыша, как они болтают между собой, было неловко вдруг заявлять о себе и привлекать внимание. Но именно из-за этого хотелось становиться лучше. Даже ответить на новый вопрос секундой быстрее — уже прогресс.

В конце концов получилось немного разговориться с Мелиссой о готовке, но разговаривали они недолго. Закончив завтрак, Фрида попросила пойти с ней. Попрощавшись с новыми знакомыми, она начала подниматься по лестнице на второй этаж.

— Мне вот что интересно: а как у тебя с восприятием окружающего мира? Если всё, что ты помнишь — это месяц жизни в Мейярфе и ничего больше, то как ты реагируешь на всё, с чем не сталкивалась в столице? За месяц ведь многого не увидишь.

— Ну, э... — Хотелось описать это чувство в полной мере. — Много для меня, как... впервые. Непривычно. Но это как посмотреть. Если подумать, то видела и слышала я куда больше, чем всё остальное. Знаю как выглядит очень много вещей. Много животных и растений знаю, но в Мейярфе никогда их не видела. И звуки тоже. Птицы пели, когда мы ехали, помнишь? Вот. Я слышала звуки такой природы не первый раз. Не первый, хоть и не могу понять, когда же.

— Но метиар, например, тебя смутил.

— Да, о нём я узнала впервые. И буквы на вывесках, когда оказалась у Заужа, и много чего из посуды, и непонятные облака, и странные флайо, и ещё куча всего, — перечислила Мия, поворачивая по коридору. — Но с запахами, вкусами и... вот когда прикасаешься к чему-то — с этим тяжелее. Если они новые, то я и правда их будто в первый раз открываю. Не знаю почему так.

— Ты, конечно, удивительная, — сказала та и открыла дверь в комнату. — Ладно,

думаю со временем мы разгадаем твои загадки. А пока заходи.

Как же проста была комната Фриды. Казалось, что очень даже в её духе. Ничего лишнего, только чистота, порядок и сдержанность.

— Ух ты, это красиво. Чуть пусто, да, но, э-э... И ведь не заставлено кучей вещей. У тебя интересный вкус. Видно, что ты следишь за этим местом.

— Видно? Нет, ты меня совсем не так поняла. Это твоя комната, не моя. Ближе всего к лестнице, мне кажется удобно. Но ты можешь выбрать другую, просто они все почти одинаковые.

— То есть так, что... моя личная, выходит?

— Верно.

— Просто я думала, что потом. Не сразу. А ты даришь мне...

Мия не договорила. Только медленно обошла комнату, зачарованным взглядом осматривая всё, что попадалось на глаза. Пальцы касались всего, что вызывало хоть какой-то интерес и к чему она могла дотянуться. Даже пыльный воздух в комнате не мешал и сразу успел стать в голове символом новизны. На столе стояла лампа, кровать выглядела просто бархатной, а окошко над ней создавало уют. Ванная комната тоже смогла удивить: технологии здесь не были знакомы, но казались куда интереснее всего того, которые довелось увидеть в столице.

— Дело же не в том, сразу или нет. Сядь рядом, пожалуйста. Кое-что расскажу.

Мия устроилась рядом и перестала рассматривать комнату.

— Когда этот замок строился, я думала, что здесь будут жить без малого десятки, если не сотня людей, обладающих амарантином. У меня довольно трепетное отношения к носителям, и я хотела дать им место. Своё место, думаю ты понимаешь о чём я. Особенное. Искала и даже находила, но из раза в раз понимала, что люди не подходят. И амарантин есть, и всё как я представляла, а человек просто не подходит этому месту. Или оно не подходит ему.

Лишь толика мечтательности в словах. Она всё так же подбирала слова — ответственно и осознанно. Не так, чтобы звучать лишь красиво и связно, а чтобы попробовать достучаться. Мия чувствовала себя очень уязвимой перед ней, потому что слова долетали. Потому что на деле это был секрет. Фрида делалась так, будто рассказывала свою сокровенную тайну.

— Вышло так, что все важные мне люди пришли сюда сами. Далеко не сотня, как я представляла, а даже меньше, чем два десятка. Всё сложилось именно вот так. Но люди мне эти стали дороже всего, что я представляла до того, как этот замок появился. И я, если честно, не хочу, чтобы порог этого места переступало слишком много людей. Я давно никого не ищу. Уже нет. Сейчас хочу быть с теми, кто когда-то пришёл сам. А вот с тобой... невероятно захотелось попробовать ещё один раз. Привести человека, которому это место могло бы стать домом. Может, в этот раз всё и правда получится впервые. Я надеюсь на это. Вот так и... получается всё.

Волосы не слушались и постоянно лезли на лицо. Хотелось выглядеть серьёзной во время такого разговора, а вместо этого приходилось воевать с собственными локонами.

— Только сейчас в замке многих нет. У них тоже дела в Мейярфе, как и у нас с Хлоей. Потому нам с ней скоро нужно будет уехать обратно. Но я хочу, чтобы ты не боялась открывать для себя это место и людей, которые тут живут. Даже без меня. Я даю тебе слово, что пока ты здесь, никто тебе не сделает плохо и больно. Ты можешь не найти здесь что-то своё, но никто у тебя не будет отбирать что бы то ни было. Просто живи здесь, хорошо?

Просто живи так, как тебе хочется жить.

— Хорошо.

Мия не умела выражать чувства. Хотелось ответить так же искренне как она, но вырвалась бы какая-то глупость. Неуместное слово или больно уж импульсивное действие.

— Спасибо, Фрида. Это “спасибо” — оно на самом деле.

Собеседница кивнула, будто это она благодарила Мию. Тембр голоса немного изменился и от этого разговор стал незатейливым.

— Вот как я представляю наш первый шаг, слушай. Есть человек, который по духу напоминает тебя. Здесь, в замке, я имею в виду. Хочу вас познакомить.

— Конечно. А этот человек, это... не Скай случайно?

— Не Скай. У него пока дела, но не в Мейярфе. Скоро ты с ним встретишься, не переживай. Облака никуда не убегут.

— Знаю, что не убегут. Я понимаю, да. Не всегда нужно спешить, прости.

— Не всегда. Человека, с которым я хочу тебя познакомить, зовут Эстер. Вы чем-то похожи, но никак не могу найти нужное слово. Не суть. Лучше на деле увидеть, поэтому мы можем идти.

— Ага. Одну секунду.

Сложно было удержаться и не осмотреть комнату ещё раз. Немного, но всё вокруг принадлежало ей. Место, из которого предстояло сделать что-то по-настоящему своё. Сейчас можно было только смотреть и прикасаться к предметам, но даже это приносило удовольствие. Она уже планировала, куда и что могла бы поставить, где её будущему цветку будет комфортно, а где нет. Вертелись мысли и о предстоящей ночи. Можно будет спокойно уснуть, не боясь, что утром её разбудит гадкий голос.

— «Мой дом», — звучало в голове снова и снова.

Сначала она сделала акцент на первом слове. Это была её маленькая крепость в большом замке. Захочет — закроет на замок и никого к себе не пустит. А вещи будут лежать именно там, где она скажет.

Затем произнесла то же самое, но с ударением на второе слово. Дом, а не ночлег. Чувствовалось в этом слове что-то, чем хотелось гордиться и что хотелось защищать.

— Я бы ещё смотрела и смотрела, если честно. Но пока можно идти.

* * *

Они поднялись на третий этаж и свернули в левую часть замка. Там, посреди коридора, была комната с двумя нарисованным на двери медузами — одна была зарисована зелёным, но без чёткого контура, другая наоборот имела лишь очертание. И пяти секунд после стука не прошло, как дверь открылась.

Фрида познакомила и разговор с Эстер сразу пошёл налегке: говорила в основном она, но не было чувства, что слова звучат только чтобы не было неловкой тишины. Вскоре Фрида ушла, но внутри так и не появилось волнения.

— Медузы — это символ удачи, потому их так много здесь, — объяснила Эстер видя, что Мия рассматривает комнату. — Я их ещё на двери нарисовала, чтоб на всякий. Люблю разные знаки, обереги, символы и всё в таком духе. И созвездия тоже, поэтому разукрасила ими потолок.

— Так много всего, аж всё рассмотреть не успеваю. Это ты что получается, из обычной

комнаты сделала вот эту красоту?

— Да, давно уже. — Её дружелюбный тон располагал к разговору. — Ты заходи ко мне, если вопросы будут. Ну, или просто захочешь поговорить. Или порасспрашивать. Да ты даже просто так заходи.

Эстер была первой из всех встреченных ранее знакомых, с кем разница в возрасте выглядела не такой очевидной. Это не Фрида или Хлоя, которые наверняка старше, и уж тем более не кто-то по типу Вилсона, разница в возрасте с которым была очевидна. Эстер выглядела чуть постарше, но Мие сразу захотелось назвать её ровесницей.

Лицо её было дружелюбным: то ли из-за редких веснушек, то ли из-за того, что она постоянно чуть щурила глаза и казалось, что она слегка улыбается. Она не смотрела на Мию с безразличием или скукой — только они разговорились, как зелёный цвет радужки будто вспыхнул ещё ярче от интереса. Эстер то и дело поправляла каштановые волнистые волосы и то слушала, то задорно рассказывала.

На её флайо хотелось смотреть и смотреть: красота травянисто-жёлтых цветов с редкими узорами и пёстрой окантовкой. В образе этом читалась воздушность и женственность, которая пойдёт далеко не каждой девушке.

— Давай пройдемся, покажу тебе основные места здесь? Так, основы основ, — они вышли, а Эстер продолжила, — Хорошо, что у тебя комната на втором этаже. Главное, что не на верхнем. Мне кажется, что весь четвёртый этаж продувает, да ещё как, кошмар просто! Тебе бы там не понравилось. Я однажды заснула там, а потом заболела, но было это поздней осенью. Хотя я и летом как-то умудрилась простыть...

Она иногда задавала вопросы, но те были простыми: с кем Мия уже успела познакомиться, жила ли в Стеоксе раньше и есть ли у той любимая еда. К счастью, ни слова о прошлом — рассказ о голосе в голове и странном рождении из крови вряд ли был бы сейчас к месту.

— А с ароматом как? Вот смотрю на тебя и интуитивно кажется... Ну, ты — созерцатель, да?

— Э-это... Наверно он. У меня в теории просто есть амарантин, так Фрида сказала. И пока это всё.

— И всё? — Она призадумалась, а после охнула от радости. — Ну так это даже ещё интересней! Лучше не придумай. Вот, смотри.

Эстер потянула за собой, и они вышли на веранду. Позади замка была территория, где чего только не увидишь: и большие соломенные куклы, упавшие и стоящие, и бруски из дерева, на которых лежали бутылки с камнями, и листы бумаги с мишенью посередине.

— Тут сейчас немного не убрано, да. Но вообще, здесь мы тренируемся и развиваем свои ароматы. Я что подумала? Хотела предложить практиковаться вместе, ну, как партнёры, понимаешь? А сейчас у меня даже лучше идея возникла, — она прокашлялась. — Я же могу тебя научить чему знаю, правильно? Стой-стой, сразу лучше не отвечать. Учитель я не плохой. У меня не было опыта, но человек я ответственный. И это не гордыня, просто такое важно знать. Подготовлю всё так, что тебе понравится. А?

— Это очень хорошо, — Мия ответила сразу, как только собеседница сделала небольшую паузу. — Ну, что ты предложила. Я хочу научиться, но не знала стоит ли с Фридой в первый день, как бы сказать... поднимать такую тему, вот. Я думала подобрать момент чтобы попросить, а тут ты сама предложила. Но мне нужно совсем-совсем с начала. Я пока не очень...

Стоило только покачать головой, чтоб Эстер уловила всё с полуслова.

— Мы постепе-е-енно, шаг за шагом, обещаю. Так что не загружай себе голову, а влейся в поток, — наставница улыбнулась и было в улыбке что-то настолько доброжелательное, что этому человеку хотелось раскрыться ещё больше. — Спасибо. Для меня это больше, чем просто спонтанная идея. Только сначала уберу этот бардак. Терпеть не могу бардаки, тем более в местах, которых общие.

— А я могу помочь. Вдвоём мы с этими соломенными человечками справимся быстрее. А вот... Вот то что? Это часть замка или чей-то дом?

Палец указывал на строение с матовыми стёклами и треугольной крышей, что находилось примерно в ста шагах от площадки. На фоне окружения здание выделялось и даже выглядело неуместно, но, почему-то, притягивало внимание.

— Оранжерея. Я там иногда бываю. Просто она связана с человеком, который тебе её сам покажет, если подвернётся случай. Тут у каждого, знаешь, есть любимое место, что ли. Хотя у меня это, если подумать, и не место. Скорее деталь интерьера. Да, скорее так. Сейчас увидишь.

Эстер взяла Мию за руку и ускорила шаг. Вернувшись к середине коридора, они оказались перед невысокой аркой, которая походила на вход в вертикальный тоннель из кирпичей. Внутри всё освещалось более тусклым светом, чем в тех частях замка, где ей довелось побывать. Спиральная металлическая тропинка вела и вверх, и вниз. Не составило никакого труда догадаться, для чего нужна эта пристройка.

— Не знаю почему, но я без ума от винтовых лестниц. Вот есть в них что-то загадочное. Как вход, но не на другие этажи, а в неизвестность.

— Словно вместо того, чтобы спускаться по основной, которая у всех, э... ну, на виду, ты схитрила и прошла здесь, да?

— Да! Да-да, вот это чувство. — Они спустились на первый этаж и вышли через такую же небольшую арку. — Тут маленькие лампы, а не огромные огни, как везде. Места не так много, а ступеньки не такие массивные. Хотя я всегда кошмар как боюсь с них упасть, честное слово. А вот трапезная. Тут мы едим.

Девушки вошли в помещение, расположенное в левой части замка, но внимательно рассмотреть его не удалось. Мия была вся в разговоре и лишь поверхностно осмотрела это место, запомнив, что здесь положено есть, а недалеко находится винтовая лестница. После они направились в сторону центрального холла.

— Понимаю! — Этот страх показался ей родственным. — Там, где я раньше жила, тоже была узкая тонкая лестница. А я жила на втором этаже, но находится он высоко. И никаких оград там не было. Потому один неосторожный шаг и точно свалишься. Насмерть или нет не знаю, но страх... ну, он мне понятный!

— Я вообще высоты побаиваюсь. А вместе с ней и переломов, и всего, что с этим связано. И смерти в том числе. Упасть головой вниз, это же ужас!

Они поднялись на второй этаж и остановились перед красивой дверью с плоскими ручками.

— Ну а кто смерти-то не боится? Меня вот один мой друг уверяет, что ему при мысли о смерти ни холодно, ни жарко, но я ему не верю. Он любит говорить не всерьёз даже если речь о таких темах. Так, ладно, не хочу о мрачном. Смотри, тут, — они вошли внутрь, — место, если захочешь как-то расслабиться. Зал отдыха, в общем. Только пожалуйста, снимай обувь на пороге, а то я слишком часто в последнее время чищу ковры.

Мия послушалась и босыми ногами ступила на ворс. Перед ней открылось огромное помещение размером с настоящий бальный зал. Потолок был высоким, потому что второй и третий этажи были соединены. Здесь всё пестрило не дороговизной, но изыском и утонченностью. Где-то в замке могло быть не прибрано, где-то пыльно и беспорядочно, но в этом месте, казалось, все подобные вольности были немыслимы.

Первое, что привлекло внимание — какая-то коробка-певец, на которой крутилось плоское чёрное блюдо с цветным центром. Из коробки доносилась музыка, негромкая и умиротворяющая, как раз для этого места.

В левой части помещения стояли стеллажи с книгами. Мия провела пальцем по корешку самой красивой из них — настоящая. Рядом в углу стояли кресла с пледами на спинках и несколько пуфов под ноги.

— Ух ты! Чудесное место, мне оно нравится даже больше чем то, внизу. Где рисунки на стульях.

— Серьёзно? Тут красиво, но я сюда не так часто захожу, знаешь. Это сейчас здесь спокойно, а бывает ещё как шумно, да-да. Скажешь не веришь, ну так и я бы не поверила, но ты ещё успеешь убедиться. Внизу редко кто ошивается, там даже заснуть можно и никто не разбудит. А тут же может собраться и с дюжину людей, сама понимаешь. А ещё музыка! Её часто ставят громче положенного. Я говорила, говорила ставить потише, а думаешь меня кто-то слушает?

Спутница то и дело рассказывала о чём-то и почти не делала пауз. Казалось, дай ей волю, она заболтается так, что и не заметит, как её собеседник уснул или отлучился.

— ...тогда, если ты просто голодна, то можешь обратиться к Мелиссе — она отвечает за еду. Но если хочешь, то сама можешь приготовить. Продуктов у нас хватает. Едим мы в трапезной, вот вон там, где проходили, помнишь?

— Конечно. За общим столом, правильно?

— Ну, знаешь, обычно мы только обедаем вместе, но сама понимаешь, никто не обязывает. Можешь взять еду и пойти куда хочется. Я вообще...

Только Мия открыла дверь чтобы выйти, как увидела перед собой девушку в бордовом флайо, которая выглядела перепуганной и дышала так быстро, будто пробежала не один этаж. Она только мельком посмотрела на Мию.

— Эстер, это что?! Тебя Хлоя везде ищет по всему замку, где ты ходишь?

— Ме-меня? — та аж встрепенулась. — Зачем я ей вдруг?

— Сказала, ты таннавейр сломала. Он треснутый лежит и все делают вид, что всё в порядке. А о таких вещах нужно говорить, вообще-то. Так, на будущее.

— Я сломала? Как это я? Докс же сломал! Я этот таннавейр в глаза не видела.

— Вот и нет. Они поговорили и пришли к выводу, что виновата ты. Потому меня попросили позвать тебя, — девушка нервно выдохнула и добавила: — Быстрее только, это же важный вопрос!

— П-п-п... Да я правда не ломала ничего!

Собеседница взяла инициативу на себя.

— Просто объясни ей, может это недопонимание. Я постою с нашей гостьей прямо здесь, подожду тебя. Ну давай уже, беги! Хлоя или на улице, или где-то у себя.

— Подожди меня, я скоро вернусь. — Эстер направилась к лестнице и напоследок бросила: — Но я правда ничего не ломала! Это чистая правда!

Эстер и на первый этаж спуститься не успела, как новая знакомая многозначно

посмотрела на Мию и закрыла дверь в зал отдыха. Тяжёлое дыхание и испуг вмиг куда-то подевались, будто и не было их до этого.

Почти сразу после этого к спине прикоснулся призрак. Кто-то, кто не отбрасывал тени, не издавал ни звука и умел появляться просто из ниоткуда. Парень шепнул шуточное “бам” прямо под ухо и Мия аж подпрыгнула.

— Тихо-тихо, сегодня без убийств, — с улыбкой пообещал парень и показал пустые руки.

В конце концов её окружили две стихии, яркие и дополняющие друг друга. Парень походил на ломтик лайма и очевидно питал слабость к зелёному цвету, достаточно просто посмотреть на его одежду. Улыбался он скорее дурашливо, чем красиво, но в улыбке этой харизмы было больше, чем во всей Мие. Девушка же казалась воплощением нового элемента, созданного сочетанием бордового цвета, стойкого запаха цитрусов и броского макияжа. Рукава её флайо были завязаны на поясе, а поверх корсажа красовалось множество маленьких кожаных ремешков. Костюмы этих людей по яркости и фасону очень отличались от всех, что видела Мия. На кого ни глянь, становилось понятно, что этим людям чужды скованность, тишина и посредственность.

— Вот так да, вот так да. Казалось бы, обычная встреча, а любопытство, оно же прямо в воздухе витает, ну? Ладно, что это я, вокруг да около. Меня, значит, Кейтлин зовут. И более того, — она занесла палец вверх, — тебя зовут Мия. Я стояла за дверью и слушала.

— Вот. А у меня всё проще, я был прямо здесь. Сидел тут прятался, надеялся, что всё пройдет как надо. Я тебя, честно скажу, ещё с крыши увидел, когда вы с Фридой стояли. Сначала думал меня разглядываете, ан нет, замок, оказалось.

Эта парочка каким-то образом умела общаться между собой просто лишь улыбаясь. Оба явно на одной волне, но никак не разберёшь, что там за мысли в их головах.

— Расшиби меня молния за такие откровения, конечно, но вот твоё появление — неожиданный и очень приятный сюрприз. — Парень приставил ладонь к сердцу. — Честно.

Несмотря на дружелюбное отношение, внутри всё равно бурлил страх. Непонятно отчего, потому что рядом ведь не было ни угроз, ни опасности. Дело было даже не в собеседниках, а скорее боязни показаться странной и зажатой. Такую лёгкость в разговоре, с какой говорили собеседники, не откопаешь на ровном месте, потому остаётся бубнить что-то в ответ, пытаясь казаться хоть немного уверенной.

— Выдохни, расслабься, не нервничай. Серьёзно, — попросила Кейтлин. — У нас просто давно никто не появлялся вот так. Обычно мы выходим в мир, а тут кто-то из внешнего мира сам пришёл к нам. Потому и радуемся как умеем. В первый день мы никогда никого не убиваем. Поэтому можем сесть, отдышаться, выпить чай, хочешь?

— Да-да. Наша, короче, подруга разбирается в чаях, без шуток. Можем просто сидеть и ненавязчиво попивать чаёк, только и всего. Будет не по себе — уйдёшь. Но я уверен, что будет очень даже по себе.

— А Эстер? Она поймёт куда мы ушли?

— Так это тут! — Кейтлин показала на самый дальний из столиков. — Эстер мало того, к нам ещё и присоединится! Всё, решено. Вот это прямо классика знакомств, серьёзно. Шик. Ты, Докс, за Тесс иди, а мы пока чашечки-кружечки там... в общем, иди, давай.

— Ага! — ещё больше приободрился парень. — Да, я, кстати, Докс. Это сокращение от слова «парадокс».

— Это что-то вроде псевдонима?

— Нет, это сокращение от слова «парадокс», говорю же.

* * *

Зал отдыха был куда красивее, чем показалось на первый взгляд. Сперва Мие запомнился только ящик-певец, но сейчас он молчал, чтобы не мешать разговору.

А магия атмосферы ведь пряталась в мелочах: красивых диванах, резной мебели, кружевных салфетках на столах и стульях, что стояли рядом. Развалиться, казалось, можно прямо на ковре — его длинный ворс был мягче ваты. Каждый стеллаж с своими побрякушками, каждое большое растение в горшке — всё это придавало целостности.

Сейчас в зале отдыха находилось четыре человека. Светловолосая высокая девушка, которую звали Тесс, была совсем другой, не как Кейтлин и Докс. Пока все трое общались, она разливала чай, приносила какие-то угощения, а когда садилась, оставалась словно в стороне. Слушала с интересом, особенно когда говорила Мия, но сама и слова не произнесла. Если остальные двое смотрелись ярко, особенно в паре, то Тесс ассоциировалось с кротостью и застенчивостью.

— Предвечная, продолжай, — попросила Кейтлин, отпивая чай. — Мне правда интересно!

— Да, вот. И... Потом Эстер показала мне замок, и я как раз наткнулась на вас. Больше-то мне и нечего рассказать, если честно.

Разговор шёл легко. Собеседники не придирались к словам, когда она запинаясь и медлила, и, кажется, готовы были ждать сколько потребуется, лишь бы рассказ продолжился. Чай не только согревал внутри, но и имел приятный запах. На небольшом столике, за которым они сидели вчетвером, мог уместиться только чайник, маленький флакон с маслом и несколько пиал. Много пространства для подобной церемонии и не требовалось.

— Что же, — резко начал Парадокс, — у нас, конечно, всё потухлее будет. Я, например, люблю хорошую музыку и добротное времяпровождение. Люблю печь огромные запеканки самому себе и есть их. Пить чай ещё люблю, а дальше уже не всё так однозначно. Остальные вещи могу сначала не любить, а потом обожать — зависит от вещей.

— А мне... — только начала Кейтлин, но её друг затараторил что было силы.

— Леди-револьвер, авантюристка в плохом смысле этого слова и страшная транжира. Часто перебарщивает с духами. И больше знать не обязательно.

Кейтлин приоткрыла рот, желая что-то сказать, затем, кажется, передумала и просто пожала плечами.

— Если кратко, то как-то так. Да. Да, точь-в-точь как только что описали, ни добавить, ни убавить. Теперь ты, Тесс.

— Я? Я свадебные церемонии люблю. Для меня это целое искусство.

— Не-не, это не увлечение! — воскликнул Докс, явно ожидая услышать что-то другое.

— Но ведь транжирство — это тоже не увлечение. И то, что Кейтлин перебарщивает с духами. Почему тогда...

— Давай о главном! Свой главный козырь, свою самую сильную сторону. Квинтэссенцию своей крутости. Квинтэссенцию, я же правильно сказал? — переспросил парень так, словно на этот вопрос не нужно было отвечать всерьёз.

— Ты про чай?

Докс прыснул, затем встал, оперся руками на стол и наклонился к Мие.

— Гений чайных дел. Чайная покровительница во плоти. Может отличить любой сорт по запаху и вкусу, чего уж там, даже по форме листьев. А этих сортов в наличии тьма-тьмущая, уж я-то видел. Эта застенчивая леди — на самом деле наше чайное дарование, титан чайной мысли и покровитель чайной материи. — Затем он повернул голову в сторону Тесс, манерно кивнул и добавил: — Вот так нужно представляться. Не благодари.

— Ну-ну. Не люблю ударяться в такие крайности. Ещё немного — и запел бы оду. Но в одах текста красивые. Оды я люблю.

— Но я же не преувеличиваю! — Докс бросал взгляд с девушки на девушку и надеялся, что хоть кто-то согласно закивает головой. — Всё так и есть.

Никто не решился взять на себя роль сестры по разуму и стать на его сторону. Парень простодушно махнул рукой на всех и сел обратно на стул. Он не приуныл, напротив, вместо этого он исподлобья посмотрел на Мию и лукаво улыбнулся.

— Мия, кстати-кстати... Вот те нате. С чем у тебя ассоциируется чай, а? Так, если в общих чертах.

Кейтлин тут же поняла к чему клонит Докс, и азартно охнула, а Тесс напротив — прикрыла лицо руками и чуть отвернулась.

— Может, потом? — тихо проскулила она и тут же ойкнула от щипка друга.

— Чай?

— Чай, да. А, а? С чем, а? Чай.

— Ну, он расслабляет, располагает к приятному разговору, замечательно согревает, когда холодно, и... Подождите, ну здесь явно какой-то подвох в вопросе, правда?

Кейтлин прикрыла свою улыбку ладонью, а Докс походил на спекулянта, который с хитрым выражением лица предлагает жертве «честную» сделку. Он наклонился вперёд — задние ножки стула оторвались от пола. И взгляд, и улыбка вызывали опасение, но что именно не так, Мия даже представить не могла.

— Вот этот мастер чайных дел, — не обрывая визуального контакта, указал он на одну из подруг, — создаёт разные варианты этого прекрасного напитка. Разные варианты, сама понимаешь: иногда заурядные, иногда не очень. Оказывается, что некоторые свойства чая открываются при определённых условиях. Например, если добавить к настоящим листьям чая какую-то экзотику, в нужных пропорциях. Это всё по секрету. Совершенно тайно и не для чужих ушей, ты же понимаешь?

Мия поспешно кивнула, желая услышать продолжение. Сразу после этого Докс достал из своего кармана совсем небольшой пакетик и демонстративно его показал. Внутри находились маленькие кубики чего-то тёмно-зелёного.

— Памиалийяр. Куда более известный как «звёздное яблоко». Им жители северной части нашего континента в старину усыпляли воинов, которые были обречены на гибель. Этот фрукт в тёртом виде убаюкивал даже тех, кто кричал от боли. И вот одна птичка нашептала, что какое-то там ферменты чайного листа в несколько раз ослабляют этот эффект. У нас же никто не умирает, у нас всё проще. Я просто предлагаю поиграть в игру.

Парень положил пакетик возле чайничка, провокационно смотря на Мию. Мысль Докса продолжила Кейтлин.

— Мы добавим яблочко к обычному чаю, немного подождём и выпьем по пиале. А потом будем играть в одну игру и ждать, кого первого поклонит в сон. Если кто-то уже не сможет держаться, то он идёт в свою комнату и ложится спать, но выбывает. Останется самый стойкий. И прежде, чем ты только подумаешь о том, чтобы отказать нам, учти, что

Тесс рассказала нам о самом сорте и нужной пропорции. Она тоже в игре, поэтому всё на мази.

Тесс сдержанно ухмыльнулась и просто кивнула. Сложно было понять, что именно прячется за этой улыбкой. Мия посмотрела на остальных, а затем на пакетик с фруктом.

— А какие последствия?

— Что? Предвечная, да брось ты. — Кейтлин закатила глаза. — Последствия? Приятный атмосферный разговор и дух соперничества — вот тебе и все последствия. Это же весело, вот и всё. Ну, Тесс, скажи ей. Скажи!

— А что я? Говорю, вот. Правда, ничего плохого случиться не может. Это необычное свойство фрукта, но точно не опасное.

Оставалось лишь довериться и кивнуть. Кейтлин и Докс одновременно выкрикнули победное «да» и сразу же засуетились.

— Тесс, делай, делай! Мешай там всё, добавляй и всё такое. Но если что-то будет непонятно, то спрашивай, и я объясню.

Владыка чая позволила себе посмотреть на друга как на умалишённого. Словно он, ничего не знающий об искусстве, как-то хотел помочь той, кто всю жизнь им увлекается.

* * *

— Ты опять не добавляла туда масло? — досадливо спросил Докс, потом принялся и поморщился.

— Нет. Я уже тысячу раз говорила, что настоящий чай не может быть сладким. Масло портит вкус.

— Чай не чай, если не сладкий. Ну что, леди-револьвер, леди-чай, леди-Мия?

Все держали пиалу перед собой и готовы были вот-вот прикоснуться к ней губами. Кейтлин медленно начала считать, и на счёт «ноль» все прильнули к краешку и выпили всё до дна.

Вкус показался чуть более терпким, чем без добавления этого фрукта. На выдохе аромат отличался, но в целом это был всё тот же хороший чай, что и до этого. Маленькие кусочки яблока остались на дне — всё же они не пьются. Докс морщился от вкуса, Кейтлин наоборот смаковала, а Тесс жевала что-то.

— Дрянь дрянью, яблоко портит настоящий вкус, — возмутился парень.

— Я сколько себя помню, занимаюсь чаями. Поверь, яблоко на вкус этого сорта почти не влияет. Даже если ты гурман. Только на аромат, но не на вкус.

— Противно, я тебе говорю. Но молнии на голову тому чаю. Слушайте правила игры, которую я придумал. Готовы, а?

Парадокс даже встал чтобы все внимали ему, но на деле всё стало понятно ещё до того, как тот договорил. Нужно было просто добавлять по паре слов к изначально короткой фразе и не сбиться, только и всего. Всё началось с фразы «Если бы людям не нужно было спать...». Слово переходило от игрока к игроку по кругу, оставалось лишь следить за нарастающим темпом и смысловой целостностью предложения. Простая фраза уже через пару минут стала такой длинной, что успех заключался в том, чтобы вспомнить её, а не добавить что-то своё.

— Тесс, быстрее, ты не справляешься с темпом! — заметил Докс, потом пролепетал просто огромное предложение и показал пальцем на Кейтлин — наступила её очередь.

После того как девушка выдала уже небольшой рассказ, пришла очередь Мии, и все

взгляды упали на неё. Глубоко вдохнув и закрыв глаза, Мия начала быстро проговаривать:

— Если бы людям не нужно было спать, они бы чаще любовались на звёзды, не думали о вещих снах и не пели бы колыбельные, до конца выслушивали скучные истории и быстрее бы прочитывали книги, не знали, что такое храп и не откладывали бы дела на завтра, не ненавидели раннее утро и вечно бы...

Не успела Мия произнести и половину, как что-то громко стукнулось о стол. Таким глухим звуком, который один раз послышался и больше не повторялся. Она замаялась и открыла глаза.

Лоб Тесс упирался прямо в стол. Руки расслабленно свисали вниз, а сама девушка размеренно дышала. Был удар лбом сильным или нет, но Тесс от него не проснулась.

— Эй, что, это всё? Расшиби меня молния, так резко? — спрашивал Докс спящую. — Даже не поборолась за звание чемпиона.

— С ума сойти, а у меня перед глазами какие-то огоньки, понимаете? Дурь какая!

Кейтлин несколько раз сонно моргнула, стараясь убрать эти самые огоньки. Её голос звучал уже не так задорно и весело, как во время игры. Сейчас в нём не слышалось испуга, но читалось явно какое-то замешательство.

— А мне захотелось спать, — добавила Мия и сдержала зевок. — Никаких огоньков нет, просто очень резко захотелось спать. И сейчас хочется.

— Как нет огоньков? У меня одной что ли? Докс?

— Нет, у меня огоньков тоже нет. Послушайте, как-то всё...

Тот начал массировать глаза и вертеть головой. Дальше он только что-то промычал, но так и не договорил предложение. Кейтлин попыталась встать, но тут же рухнула обратно на стул.

— Не могу, хочу спать. Не могу.

— Так шгай, — язык парня уже заплетался и это отчётливо слышалось, — в комнту. Играй п правлам.

Мия ощущала это по-своему. Какая-то тёплая сила окутала её и всё, что ассоциировалось с хорошим сладким сном словно одновременно оказалось рядом. Она почувствовала какой-то особый вид тепла, словно лежала под одеялом в зимний вечер. Уютный жар, который опоясал её с ног до головы. И приятная слабость в мышцах, и ощущение того, что стол — это прекрасная подушка, только деревянная, лишь подсластили это чувство. А блёстки, которые появились чуть позже, действительно мешали трезво смотреть на происходящее вокруг.

— У меня тоже огоньки появились, — усталым голосом добавила она и подняла голову.

Кейтлин уже спала, но устроилась поудобнее Тесс. Щекой она упёрлась не в стол, а в свою руку. Эта простая картина очень соблазняла сделать то же самое.

— Мия, послушай, — вяло и уже шатаясь, произнёс Докс. — Мы остались вдвоём, но скоро останется кто-то один. Но... — он говорил с запинками. — Извини за не очень подготовленное знакомство. Просто мы... не углядели. Мне немного стыдно, поэтому я отдам титул чемпиона тебе. Я запросто могу выиграть. Легкотня. Но он твой. Носи его с гордостью, а я пока это... вон то самое.

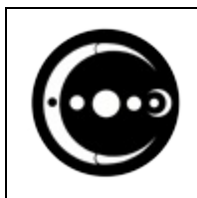
Он указал на Тесс и с трудом начал подниматься. Сделав пару тяжёлых шагов к подруге, он придвинул её стул ближе к столу, поставил под лоб её ладошку и от нехватки сил сел прямо на пол.

— Чай жестит. Не вспоминай меня как плохого друга. Я Докс, — уже распластавшись

на полу, процедил он. — Сокращение от...

И он уснул, возможно, самым приятным из всех виданных ранее снов. Мия из последних сил посмотрела на Тесс, которая отключилась, не сказав ни слова, затем на Кейтлин, чья энергия испарилась за минуту, и, наконец, на Докса, счастливо развалившегося на ковре.

Где-то там, за недостижимыми границами, находилась её комната с кроватью внутри. Где-то там, в самых непроходимых далях, ещё дальше, чем находился край планеты. Миф, в который сейчас и поверить-то было трудно. А огоньки перед глазами блестели прямо здесь, перед ней. Положив руки на стол, она закрыла глаза, и только щека коснулась тёплой кожи, как лампочка сознания в голове временно погасла.

Проснувшись, Мия сразу поняла, что находится не у себя в комнате. Здесь было совсем по-другому, стоило только осмотреться.

Наибольшее внимание привлекала молчаливая фигура перед ней. Незнакомка читала книгу и что-то в этом человеке точно казалось невесомым. Девушка в бледно-голубом платье сидела на стуле, но в этом не было никакой естественности. Ей бы парить, ходить по воздуху и перелистывать страницы, не прикасаясь к ним, таким лёгким был её образ.

Мия не отрывала взгляда от неизвестного ей человека. Она замечала, как загадочная фигура то и дело отрывает взгляд и смотрит на неё, а затем снова возвращается к книге. Не из-за смутения и не из-за того, что хотела показаться незаметной. На этом лице неловко было представить даже робость, не говоря уже о стеснении. Взгляд оставался молчаливым и взрослым. Сама девушка явно относилась к той, куда более отдаленной части жителей замка, которую Мие хотелось назвать «старшей». И Вилсон вместе с Фридой принадлежали к ней, и даже Хлоя. Их объединяло что-то общее, непонятное. Не плохое, но туманное, о чём становилось страшно даже спросить. В компании Эстер и остальных ничего такого даже близко не приходило на ум. Эти различия играли в голове яркими красками. Простота одних и таинственность других.

Девушка согнула страницу книги пополам и закрыла её. Она обратилась к собеседнице тихим голосом, словно по-другому говорить было запрещено.

— Твои волосы в ужасном состоянии. Тебя бы следовало постричь, Мия. Постричь и переодеть в новую одежду. Но главное — искупать.

— У меня нет другой одежды. — Ответ оказался таким же тихим.

— Знаю. Неприятно ходить в одной и той же одежде несколько дней подряд. Поэтому сейчас тебе лучше зайти в ванну и привести себя в порядок. Вот сюда, — она указала на дверь у выхода. — Лучше очень тщательно покупаться. А затем переодеться в это. Оно чистое. — Незнакомка протянула бумажный пакет, в котором лежала бежевая ночная сорочка. — А после этого я приведу твои волосы в порядок. Надеюсь, ты не будешь против.

После этих слов взгляд говорящей упал на книгу. Она начала рассматривать обложку и медленно водить по ней пальцами. Мия кивнула и несколько раз поблагодарила. Ответа не последовало, поэтому она молча встала с кровати и зашла в чужую ванную комнату.

— Я до сих пор не знаю, как тебя зовут. — Сложно было не растеряться.

— Глэдис.

После короткого ответа снова возникла тишина. Непросто было сказать что-то уместное, но банальные фразы из разряда «приятно познакомиться» здесь казались совершенно лишними. Оставалось молчать.

Мия сидела на стуле прямо посреди комнаты. Возникло чувство, что в этой комнате всегда так тихо. словно на двери при входе висела табличка: «Словам вход воспрещён». Мия ничего не говорила, как и человек, который её стриг. Впервые за всё время в замке появилось сомнение, что стоит произносить хоть что-то. Тишина ощущалась чуть ли не физически, и только звуки, которые издавали ножницы, не делали её всеобъемлющей. Не слышалось ни дыхание Глэдис, ни даже собственное, словно это могло нарушить немоту. Когда надоело смотреть в одну и ту же точку, взгляд сам начал искать то, за что бы мог зацепиться.

В комнате практически отсутствовал настоящий свет. Лампа за спиной не считалась — её включили только для стрижки, всего на пару десятков минут. Но ей здесь было не место, и Мия знала, что стоит только переступить порог, как лампа пропадёт. Её спрячут, может даже разобьют и выкинут, потому что жёлтый свет уродовал это место. На самом же деле темноту разбавлял только сумеречный свет снаружи, но он едва просачивался сквозь облака. Даже несмотря на свет лампы, казалось, что в помещении не было насыщенного цвета — всё разбавлял синий, который становился практически чёрным в самом дальнем конце комнаты, но имел яркий холодный оттенок у окна.

Через зеркало можно было рассмотреть человека за спиной. Глэдис была высокой, волосы её прямыми, помада на губах имела синий оттенок, но на лице — ни намёка на улыбку. Её оттенки были мягкими и даже тусклыми, а цветастость оказалась чужда. В серых глазах читалась отрешённость, а в ней то ли сдерживаемая скорбь, то ли полное самообладание. По первому взгляду никак не скажешь, сколько подводных камней и секретов у таких людей.

Ножницы издавали один и тот же звук. Глэдис продолжала молчать, а свет снаружи всё так же погибал, отдавая власть темноте. В комнате не было лишних вещей. Ничто из увиденного не раскрывало Глэдис как человека, не показывало её интересов и казалось прилипшим к стенам и полу. Здесь отсутствовал какой-то уют, но именно в этой комнате его искать не имело смысла. Вместо него ютилось одиночество, о котором никто не привык говорить и которое не являлось чем-то лишним. Тут не оставалось места больше, чем для одного человека, а Мия оказалась скорее почётной гостьей, но временной.

И почему-то возникло чувство, что даже если тебя обнимут и ты ляжешь под самое тёплое одеяло, то в этой комнате тебе будет всё равно холодно.

— Всё, — шепнула Глэдис, и Мия дрогнула. — Не бойся. Тебе, кажется, идёт.

Девушка на пару секунд отошла и вернулась с маленьким зеркалом, которое можно было повертеть в руках. Мия оценила результат работы: волосы стали короче, но выглядели куда более ухоженными. Когда она родилась, то кожа побелела, глаза стали серыми, но волосы остались такими же, первородными. Однажды, когда она поднесла лепестки мака к своим прядям, они слились из-за схожести цвета. Можно было считать, что красный импонировал ей с первого дня жизни.

— Спасибо большое. Я перед тобой в долгу.

Ответом стала улыбка, пусть и не широкая. Мне приятно было увидеть, что этот человек испытывает радость от её слов. Она улыбалась по-своему, не как кто-то из тех, с кем уже довелось познакомиться.

— Нет, не в долгу. Я при возможности поеду и выберу тебе больше вещей.

Тут же захотелось спросить, не составит ли это труда, но Мия решила оттолкнуться от того, какие ощущения вызывал человек перед ней. С Глэдис, кажется, всё работало немного иначе, чем с другими. Она предложила не в надежде услышать отказ, не просто ради вежливости. Мия благодарно кивнула.

Снова наступила эта тишина, время в которой текло медленнее. Несколько секунд, которые можно было разобрать на кадры. Взрослая женская ладонь коснулась девичьей щеки, аккуратно, стараясь не обидеть. А взгляд приковывал к себе и словно что-то обещал, чего юность пока не могла понять. Осознанный и уверенный, он казался по-своему запоминающимся. Бледно-голубая загадка, не способная обидеть и отвыкшая от речи. Это была серость в лучшем понимании этого слова.

— Возьми. Это чистые вещи всего на пару дней. А пока иди. Экономь время.

Мия не глядя взяла пакет и вцепилась в него пальцами. Она кивнула, и стоило только переступить порог комнаты, как окружающие звуки вернулись, словно никуда и не пропадали.

* * *

Лёжа на своей кровати практически неподвижно, запросто можно было ощутить, как ноет всё тело, а энергия окончательно пропадает. То ли это всё ещё сказывался эффект странного чая, то ли просто день выдался очень сумбурным. Здесь царило спокойствие и больше ничего. Пока что. Тишина нарушилась тихим стуком, а затем ручка двери повернулась.

— Я буквально на секунду, — пообещала вошедшая, одной рукой закрывая за собой дверь. — Подумала, что тебе нужно подкрепиться. Ты же ела только утром, правильно?

Фрида поставила поднос на стол и присела на край кровати. Мия поблагодарила, но, несмотря на голод, есть не торопилась.

— Мы обычно едим вместе, а тут нас так мало, что даже не знаем как поступать. Очень давно такого не было. Так что последние дни, вот, редко в трапезной собираемся.

— Эстер мне говорила, что Мелисса отвечает за еду. И можно к ней обратиться. Так что не переживай, я постепенно осваиваюсь. Только вот э-э... представить не могу, как Мелисса умудряется для всего замка готовить. Это, наверно, сложно совмещать с тренировками и м-м... Ну, обычной жизнью.

— Нет-нет, всё чуть не так. Недалеко отсюда есть таверна, с которой у нас договор. Называется “Луноед”. Обычно готовят всё там, а Мелисса ответственна за то, чтобы это оказалось на нашем столе. И ещё важная деталь, смотри, — жестом она попросила немного подождать. — Вилсон и Мелисса не носители амарантина. Они отвечают за то, чтобы это место оставалось домом для тех, кто здесь живёт. Еда, чистота и, на самом деле, много других бытовых вещей, понимаешь?

— Ага.

— Но, пожалуйста, сейчас услышь меня. Здесь нет понятия “прислуга” ни в каком виде.

Его просто нет и быть не должно — мы все помогаем друг другу. Мне важно, чтобы ты это понимала.

— Я понимаю. И не думала, что они вот... ну это, то, что ты сказала. Я это понимаю.

Она сложила ладони вместе, одобрительно кивнула и успокоилась.

— Славно. Иногда всё само накручивается. Мне порой важно прояснить очевидное. Не люблю недопонимания. Ладно, на деле я вообще на секунду хотела заскочить. Вниз спускаться не планируешь?

— Сегодня уже нет. Спать хочу безумно, сама не знаю почему.

— Понимаю. Отдыхай. — Собеседница встала и одной рукой аккуратно прошлась по волосам Мии. — Скажу честно, Глэдис тебя очень симпатично постригла. Как по мне.

— Спасибо. И что еду принесла. И Фрида... Не знаю как сказать. За многое спасибо Правда. Сейчас мне сложно выразить то, что внутри.

Та улыбнулась как-то тепло, как умела только она и Эстер. Это и был ответ на благодарность. Дверь закрылась, и впервые за целый день Мия почувствовала, что она настоящему осталась наедине с собой. Тишина и полная свобода мыслей.

Из-за занавесок проступал приглушённый свет. Пальцы не переставали прикасаться к мягкой простыне её собственной кровати. Даже без пледа было тепло и уютно, даже так чувствовалась уверенность, что никто не вытащит её из собственного дома.

Мия вдыхала воздух, который точно отличался от того, пыльного и жаркого. Другим казалось абсолютно всё, даже то, как она дышала. Так забавно и странно, что несмотря на усталость, сон долгое время никак не шёл. Видимо, временно сдался перед огромным потоком мыслей.

Вспоминалось всё по отдельности: лукавый взгляд и приятный цитрусовый запах, зрелость и хитрая ухмылка. Вспоминались запах звёздного яблока и ящик-певец, мягкие кресла и оранжерея. В мыслях мелькали разные цвета глаз, мелькала длинная лестница и безмолвная красота зала отдыха. Звук, издаваемый ножницами, в воспоминании отпечатался как отдельная нота, без которой не могло быть и музыки. Со всем этим хотелось провести хотя бы ещё один целый день. Просто спускаться и подниматься сначала по широкой лестнице, а затем по маленькой винтовой. Внутри появилась твёрдая уверенность, что с этих ступеней её никто не согнал бы, никто не приказал бы холодным голосом вернуться к себе в комнату. Самое ценное сейчас улавливалось в простых моментах, которые можно было развидеть, распробовать и расслышать, лишь бы никто не подгонял. Даже касаться, пусть кожи или почвы, пусть хоть увядающих цветов, лишь бы в этом теснилась жизнь. В отличие от столицы, здесь цвели растения и не было песка, что будто похищал жизнь каждого через стопы.

Мия словила себя на мысли, что проснуться на её прошлой кровати в Мейярфе было страшнее, чем вообще никогда не открыть глаза. Она придавила ногтем руку и пару раз проморгала. Ощущения казались слишком настоящими, чтобы быть ложными. Даже звуки откуда-то снизу не звучали фальшиво.

«Сон не может быть настолько реальным, чтобы потом испариться, — подумала она и дрогнула от страха. — И он не может быть таким жестоким».

Мысль переплывала из одной в другую, смешивалась и растапливала то, что появлялось в голове ещё несколько секунд назад.

Хотелось удивить Эстер как свою наставницу, хотелось показать Доксу, что она не боится смелых идей. Но ни в коем случае из-за этого не опозориться перед Глэдис. Хотелось

вести себя взрослее и за одну ночь научиться всему, с чем едва успела ознакомиться за один день. Но она была уверена, что непременно станет лучше, стоит только проснуться на этом же месте. Только бы выиграть эту ночь у нового сиюминутного страха.

И когда связный поток мыслей начал тускнеть, Мия успела уловить последнюю его крупницу. Она вспомнила образ девушки с серыми волосами, которая смотрела прямо ей в глаза и спрашивала о самом сокровенном. И только её тёплые ладони прикоснулись, как пришло осознание, что это тепло теперь жизненно необходимо.

Глава 4. Там, наверху

В этой главе зародится смысл себя.

Девушка рядом казалась совсем спокойной. Она сидела напротив и опиралась спиной на ствол дерева, как и Мия. Между ними была дистанция не меньше трёх фаланг[1], но, очевидно, сокращать расстояние пока не стоило. Венди почти не обращала внимания на разговор и находилась, скорее, наедине с куклой, которую вязала, чем с двумя остальными собеседниками. Лишь иногда девушка что-то хмыкала и говорила, но не было понятно, кому именно. Она почему-то сразу начала ассоциироваться с корицей. Тихий человек в коричнево-лиловой палитре, от которого пахло пряностями.

А вот её спутник нарезал круги вокруг сидящих девушек. Он походил сразу на всех тех, кто смотрит на мир под каким-то своим, не всегда понятным углом. Окажись этот человек учёным или авантюристом, игроком в карты или фокусником, Мия бы не удивилась. Он олицетворял всё то, что могло их объединять. Стоит только зацепить нужную тему, и в глазах таких людей сразу мелькает какая-то искра. Даже его наряд, вроде привычный для этих мест, казался пошитым по какой-то тайной формуле. Его создали, а секрет кройки спрятали, чтобы никто больше не смог двигаться в одежде так же плавно, как это делал Скай. Флайо его — не сочетание цветов, как у других, а градиент с космосом наверху и сонным солнцем снизу. В руках он вертел широкополую шляпу, настолько большую, что ей можно было накрыть целого лисёнка. Шаги Ская выглядели такими мягкими и естественными, что напоминали подобие плавного чудаковатого танца. Мия внимала каждому его слову и хотела наконец получить ответ на главный вопрос.

— Погоди, в каком смысле — что они такое? По составу? Тебе всё равно это ни о чём не скажет, да и не знаю я, если честно.

— Нет-нет-нет. Просто, что они такое? Они выполняют какую-то функцию?

— А-а-а! — протянул рассказчик, после чего прикусил палец и улыбнулся. — Сразу в самую подноготную, да? Хороший вопрос. Хороший.

Он вздохнул, но секреты вот так сразу раскрывать не спешил. Само ожидание и заинтересованное лицо Мии явно приносили ему удовольствие.

— Об этом пока знает только Орторус. И то не все. Тут как ни старайся, ничего не докажешь, поэтому почти все, кому говорю, не верят. Но я видел, а значит это уже не небылица. Мия, Венди? — подогревая азарт, спросил он. — Готовы войти в процент посвящённых людей?

— Я эту историю слышала, — скептически вздохнула последняя, не отрывая взгляда от куклы. — Мы только недавно прилетели, я даже отоспаться не смогла. Можно я...

— Подожди, стоп-стоп-стоп. Я тебя не так часто о чём-то прошу, сестрица. Мы скоро закончим, так что составь нам компанию.

Ещё один вздох, и теперь в нём слышалась безнадежность. Скай сконцентрировался и посмотрел на Мию так, будто сам готов был узнать величайший секрет Виоландо.

— Это переходы. Пе-ре-хо-ды.

— Переходы куда?

— А вот этого я не знаю! — развёл он руками. — Ну как, относительно. В одних много

песка, в других вообще нет земли, в каких-то огромные, просто чудовищно огромные листья на деревьях растут. Но что это за место, наша ли это планета? Без понятия, хотя и сомневаюсь, что наша. Такие вещи нужно ставить под сомнения. Обязательно.

— Пески и листья? Откуда ты об этом узнал?

Мия на секунду замерла. Мечтательная и в то же время хитрая улыбка рассказчика на месте рушила догадки и практически полностью раскрывала картину. Не пришлось даже гадать, из-за чего же он так улыбался.

— Подожди-подожди, неужели...

— Я был там, — кивая, заключил Скай.

— Нет, быть не может. Преувеличиваешь, да?

— Ни капли. Правда был. И даже не в одном.

— Да ну! И что там? Ты просто исчезаешь и появляешься в другом месте?

— Нет. С земли не видно, но в этом тумане на самом деле находятся лестницы.

— Лестницы?

— Ага, самые разные. Узкие, широкие, стеклянные, деревянные. Да всякие. Но все они очень длинные. Намного длиннее, чем диаметр этого облачка. Вот и остаётся загадкой то, как можно войти в маленький облачный пучок, потом лететь вдоль длинной лестницы и оказаться в огромном странном мире. — Компаньон перевёл взгляд на свою спокойную подругу. — Венди, есть догадки?

— Ни одной, — не отвлекаясь от вязания, ответила она.

— Вообще она тоже любит все эти причуды, да ещё как, просто сейчас вредничает, — объяснил Скай. — Так вот, лестницы. С ними загадка. На самом деле тут всё решается методом экспериментов. Например, первое время у меня не получалось зайти в переходы. Я просто пролетал сквозь тучу, и никакими лестницами там не пахло. Но один раз вышло так, что из-за яркого света я летел с закрытыми глазами. Просто, даже не надеясь, что я залечу в переход, представляешь? И в итоге я залетел в него. Почему-то именно так у меня получилось. Пока что я удачно переходил всего три раза, но каждый раз чувствовал себя маленьким шмелем, который залетел в мир огромных масштабов. Последний раз я пролетал с полчаса, а на деле только от дерева к дереву долетел. И деревья там бесконечно поднимаются вверх — я не видел их верха и низа тоже не видел. Только стволы, уходящие боги знают куда ветки и листья, на которых сотни таких же Скаев бы уместились. Там всё очень большое, даже не представляешь.

— Подожди, получается... Ну, ты умеешь летать, так что ли?

— С помощью аромата, ясное дело. Ну, знаешь, я из бумаги могу создавать разные подвижные штуковины. Если слепить бумагу как надо, то не так сложно поднять её в воздух. Не раз плюнуть, но можно.

Скай достал листок из кармана и не глядя принялся сгибать его в разных местах. Ловкие движения пальцев превратили квадратный кусок бумаги в птичку, которая заняла своё место на траве.

— Получается, ты летал к этим переходам раз за разом, пока не нашёл способ?

— Ага. Полсотни раз пытался, а на пятьдесят первый вдруг, когда и не ждал, получилось, — он говорил об этом так воодушевляюще, что у Мии мурашки пробежали. — Метод проб и ошибок. Поэтому в каком-то смысле я первооткрыватель всей этой невидальщины, так что ли?

Скай не выглядел напыщенным или самовлюблённым. Он будто задал сам себе

риторический вопрос и призадумался. В конце концов он оценочно кивнул, словно ответ был положительным.

— А как же учёные? Или другие, похожие на тебя? Люди, которые любят летать в небо. Неужели никто за всё это время не добрался до этих облаков и не изучил их?

— На нашей материке, думаешь, каждый способен взять и оторваться от земли? На других, может, и да, по крайней мере, я так слышал. Но я перекопал уйму книг и трактатов, которые только смог найти в Эмиронии. Есть много предположений и теорий, но я не встречал тех, кто тоже залетал внутрь самого облака. А я этим вопросом интересовался, уж тут-то мне поверь. На северном материке, далеко от этих земель, вроде есть учёные, которые наполовину разобрались. Но уверен, что я, если не первый такой путешественник на Эмиронии, то точно один из них.

— Значит, ты путешественник?

— Ты знаешь, — парень простодушно пожал плечами, — наверно, только на треть. Ещё немного рисую и немного сочиняю музыку. Но не пою — голосом не вышел.

— Ого, сколько всего. Разносторонний ты, выходит.

— Не то чтобы очень разносторонний. Но Венди говорит, что я родился с чернилами вместо крови, значит, наверно всё-таки больше художник. Да, сестрица? Венди, ты нас слушаешь вообще? — снова обратился он к подруге.

— Ну да. А у меня что, есть выбор?

Девушка впервые оторвалась от куклы и посмотрела сначала на Скаю, а затем на Мию. Она задала свой вопрос спокойно, и на её лице не читалось какого-то холода. Скорее расслабленность вперемешку с усталостью. Венди не боялась смотреть на Мию, и вообще казалось, что до этого она просто была очень сконцентрирована на своей кукле. Может, это такой скачок настроения, а может, ещё что — угадать было трудно. Но не проронив почти ни слова, только иногда хмыкая и кивая, она всё равно ощущалась как часть компании.

— Я довязала. А у нас какой уговор? Правильно, что я буду сидеть тут, пока не закончу. Я на самом деле не против послушать историю про переходы в сорок второй раз, но куда больше меня сейчас прельщает сон.

— погоди, не сорок, а пятьдесят второй же. Ты не очень внимательно считала, да?

— Не очень.

— Постой ты, нам ещё нужно столько всего обсудить! — воспротивился Скай, будто бы слова подруги напрочь перечеркнули его планы.

— Давай вместе подумаем, что вам мешает это сделать без меня.

На-треть-художник цокнул, но спорить не стал. Он кивнул Мие, чтобы та не отставала.

— Тогда тоже пойдём внутрь.

— Хорошо. А вы что, брат и сестра, так что ли? — поинтересовалась та.

— Ну, мировоззрением и чувствами. Я люблю близких мне людей называть не только по именам. Иногда какой-то образ или слово зацепится, так я его запоминаю. Обычно имена говорят не так много, как хорошо подобранные слова.

— Понимаю! “Мия”, вот, переводится как “утопающая”. Мне это как-то в книжной лавке рассказали. Я никогда нигде не тонула и вообще не знаю, зачем такие некрасивые имена придумывать.

— Понятия не имею, — зевнул тот. — Имя у тебя красивое, а перевод это уже дело седьмое. Ну, то есть не совсем плевать, потому не десятое, но и в первых рядах по важности не стоит. “Скай” — это “живущий в плодородной почве”. Смешно, а? Полжизни летаю по

небу, а тут “живущий в почве”, да ещё и плодородной. Ну в почве так в почве, не суть.

— Получается, ты вот так путешествуешь по разным городам и исследуешь всякие там интересные места, правильно?

— Да, но не только по городам. Удивительных вещей хватает и здесь, в Стео́ксе. Люди ошибаются, когда думают, что невидальщина где-то там, за горизонтом. А настоящие путешественники могут найти их у себя под носом. Я люблю единомышленников, понимаешь? — в голосе слышался восторг. — И новые вещи, в которых есть неповторимая красота. А вы же знаете, какой был девиз у величайшего путешественника всех времён?

— А кто...

— А вот не так важно, — опередил он. — О нём нужно искать редкие источники и прочее. Его имя всё равно вам ничего не даст, да и по правде, некоторые великие люди предпочитают оставаться в тени. Но, поверь, жил человек, который для современных путешественников является чем-то вроде вечного наставника. Лучшим в своём роде, улавливаешь?

— Думаю да, понимаю.

— Такие люди оставляют след даже если живут в сотнях сотен планет от нас, даже если пролетели столетия. Главное, что записи о таких людях, их слова и подвиги доходят до наших планет и наших дней. Потому что есть люди, которые переворачивают созвездия! Ну так, знаете его девиз?

— С... — начала было Венди, но Скай замахал руками.

— Тихо-тихо. Я сам скажу!

Парень проговорил каждое слово чётко, делая небольшие паузы. Звучание оказалось каким-то совершенно не местным и абсолютно незнакомым.

— *Sic parvis magna*, то есть “Великое начинается с малого”.

Было видно, что по его телу пробежала дрожь после того, как он произнёс эту фразу. Для него, видать, эти слова являлись истиной, которую мог понять только другой путешественник.

— Никогда не слышала. А что за язык такой? Иностранный?

— Нет, не ридас[2]. Ридас намного проще и распространённее. Этот не помню, как называется, но он тоже очень старый. Из прошлых эпох.

— Латинарийский, — спокойно добавила Венди, будто ответ был элементарным.

— Точно! — Скай щёлкнул пальцами. — Вот ты тёмная лошадка, сестрица. Молодец.

— Спасибо. Я пока к себе. Не забудьте днём прийти в трапезную. Обедаем вместе и я хочу вас видеть. — Венди направилась вверх по лестнице.

— И ладно, ты к себе, а мы к себе, — вдогонку бросил парень, после чего обратился уже к Мие: — На самом деле она обычно помягче. Просто её настроение меняется с каждой связанной куклой. Настоящий фейерверк, а не человек. А если она напоминает об обеде, то значит хочет приготовить что-то своё, потому лучше быть. На три, если что.

— Обязательно приду.

— Прекрасно. Пока не забыл, хочу ещё вернуться к тому, о чём мы говорили. Я сказал, что там внутри не встречал живых существ?

— Нет. Только про большие деревья и листья.

— Да-да, всё так. Но, представь себе, никакой фауны. Ни в одном из переходов. Я точно не уверен, ведут ли они в разные части одного мира или в совершенно другие места, но даже если первое, то только представь себе — ни одного живого существа, откуда и куда ни глянь.

Для меня это ещё одна большая загадка. У меня есть предположение, что животные если и есть, то такие же громадные, как и деревья. Тут моё воображение рисует очень страшных и больших существ, поэтому я не норовлю проверять.

— Опасные у тебя полёты. Если встретишь, так точно не улетишь.

— Ага. Там такой страх просыпается, ужас. В последний раз я за полчаса чуть не поседел — всё время кажется, что обратно можешь уже не вернуться или ещё какая гадость произойдёт.

Они поднялись на третий этаж и Мия зашла в комнату Ская вслед за ним самим. Её внимание привлекли разные бумажные фигурки, которые висели на тонких нитях. Какие-то были выше, почти у потолка, а некоторые находились прямо перед глазами. Пришлось немного пригнуться, чтобы случайно не задеть их и добраться, наконец, до кровати. Хозяин этой странной комнаты взял в руки похожий на гитару инструмент и развалился на кресле-качалке. Он начал наигрывать какой-то мотив, но не сильно громко, чтобы не заглушать разговор.

— Ты уже познакомилась с Доксом?

— Да, ещё позавчера.

— Не возникает чувство, что нас можно немного перепутать? Ну или хотя бы то, что мы очень похожи?

Странный и неожиданный вопрос. Из той категории, когда и не знаешь, что ответишь толком.

— Да как-то... Не знаю, проще перечислить в чём вы схожи, чем называть все отличия. Совсем разные, как по мне.

— А вот тебе, значит, небольшая история. Недавно мы с ним играли в одной из деревушек, по очереди. Ему тоже музыка близка, если он ещё не сказал. Так вот, закончили, уже начали собираться, как тут к нам подошла пожилая леди. Посмотрела на нас так осуждающе, сморщилась и бросила: — «Тоже мне, песняры нашлись. Играете свою ужасную музыку, да и рожи ваши не отличить». Вот я с тех пор иногда и задаюсь вопросом, неужели и правда рожи похожие?

— Вам просто попалась странная леди, вот и всё.

— Сумасшедшая леди. Безумная старушка, — согласился Скай, проведя пальцем по струнам. — Но если честно, то пусть у нас даже и лица похожи. Нет, ну предположим. Но спутать совершенно разные комбинации звуков, пусть даже полуглухая эта старуха... Ну чушь какая-то.

— Вы по-разному играете, да?

— Мы по-разному делимся звуками. Мне ближе сиюсекундные моменты. Их, знаешь, простота. А Докс больше по большим чувства и длинным историям. Пытается объять необъятное. Около того.

— Было бы интересно послушать. Я вживую никогда не слышала, как звучит такая музыка.

— Запросто. Только, — он протяжно зевнул и прикрыл рот рукой, — ну сейчас, сама видишь. Давай на башне? Там будет куда более подходящая атмосфера.

— Хорошо. А башня эта далеко находится? Просто чтоб я понимала.

Скай сперва улыбнулся, ещё раз зевнул и пальцем показал на потолок.

— Очень. Аж наверху. Мы иногда вечерами собираемся на верхушке самой высокой башни. У нас в замке, конечно же, так что никуда тебе ходить не нужно. Обычно в первый

день месяца. Такая вот традиция, сам не знаю, почему именно так сложилось. А там, на башне, можно просто отдохнуть. Поболтать о чём-то, о чём бывает сложно разговаривать в обычные дни, посмотреть на мир и, может, подумать о чём-то важном. Думаю, тебе полезно будет посидеть хотя бы раз, чтобы понять. Там я часто чувствую себя ещё немного свободнее, чем просто свободный человек. Тяжёлое сравнение, и его не обязательно понимать. Просто, как начнёт темнеть, приходи, если время будет.

Сперва он бренчал, вяло двигая большим пальцем, а Мия с удовольствием слушала каждый звук. В какой-то момент струны затихли. Скай лежал на кресле-качалке с закрытыми глазами и теперь даже ногами не отталкивался. Дрёма одолела его.

— Я обязательно приду, — шепнула Мия. — Замечательное у нас знакомство вышло. Спасибо.

Она произнесла это слишком тихо, потому ответа не последовало. Гостья аккуратно попятилась, стараясь не разбудить и как же хорошо, что по пути она ничего не задела и ненароком не свалила. Вышла Мия так тихо, что о сладком сне Ская можно было не переживать.

* * *

Даже если не знать, где находится трапезная, её запросто можно отыскать по запаху. Проходящего мимо голодного человека он заставлял стать на цыпочки, тянуться вперёд и следовать к его источнику. Если есть хотелось особенно сильно, то ноги и вовсе могли запросто оторваться от земли на пару-тройку секунд.

За общим столом завязался нешуточный спор о том, умеют йеффи[3] летать или нет. Перепалка началась между Вилсоном и Доксом, каждый из которых был уверен в своей правоте на все сто. Постепенно сидящие принимали сторону кого-то из них и через пятнадцать минут обеда никто уже не прикасался к еде, а пытался убедить всех остальных.

— Так а я и не говорю, что как птица! Но она бзым, и у меня на лице оказалась. Я своим единственным носом это ощутил. Как сверчок запрыгнуло и молния меня расшиби, если это не так!

— Значит не уследил, мальчик. Запрыгнула откуда-то или с дерева упала, но никак иначе.

— Вот ты мне расскажи, Вилсон, что я там уследил, а что нет! — настаивал Докс, а Кейтлин перебила:

— Давай поспорим, радость ты моя? Сидишь тут, усы свои крутишь, а я, так и знай, поеду на север, насобираю йеффи в банку и сюда привезу. Только сумму мне, сумму назови!

— Я читала недавно о них... — пыталась вклиниться Тесс, но звучала слишком тихо для таких перепалок. — Их крылья, они... Ай ладно, не суть...

Вилсон не кричал, но ни на секунду не сомневался в своих словах. Слова Кейтлин, Докса и Ская разбивались ещё не долетев. Он один, с редкой помощью Венди, которая машинальными движениями вязала очередную куклу под столом, на ура отстаивал мнение, что крылышки йеффи — чахлый рудимент и ничего более.

Фрида, Эстер и Мия сидели чуть в стороне от всего этого, слыша происходящее, но не принимая в участия в споре. Первая просто ела, а они с Эстер всюю обсуждали амарантин и всё, что с ним могло быть связано. Их диалог по живости ничем не уступал перепалке ребят.

— Смотри-смотри! — Эстер достала из кармана флайо камень, сжала его в руке,

сосредоточилась и через несколько секунд раскрыла ладонь — ничего. — Вот. Я его расщепила на маленькие части и впитала, если так можно сказать.

Взыграли всё ещё те чувства, когда казалось, что это фокус. Хоть Хлоя её уже когда-то провела с карандашом, всё ещё не верилось что это взаправду, а не трюкачество какое.

— Эстер, ты...! Как?

— Это не всё, гляди.

На ладони вмиг появилась короткая зелёная лента.

— Вот, это просто для наглядности. Я могу поглощать материалы и предметы, чтобы потом создать задуманное. Но всё труднее, чем кажется. Ты сама это скоро поймёшь.

— А сделать эту ленту было сложно? — Мия рассматривала ещё недавно не существовавший предмет. — Так быстро появилась, поверить не могу.

— Это же, по сути, пустяк. А вот действительно что-то масштабное — трудно. У каждого свои сложности с ароматом. Вот я, хоть убей, не могу создавать органику, никак. Потому лист от дерева будет только выглядеть как лист от дерева, но жизни в нём не будет. А всё из-за того, что я умом понять не могу — как это создать вещь с жизнью внутри. Не могу представить, а значит и реализовать не могу, понимаешь?

— Да. То есть аромат — это когда ты хорошенько представляешь, а потом делаешь?

— Вроде того, да. Зато поглощать что-то живое я могу запросто — вот оно само идёт и всё тут... Ой! — Она замотала головой. — Не людей и животных конечно, ты не подумай! Я в основном о растениях говорю. А ещё у меня нет трудностей со скоростью, зато непросто даётся детализация. Полноценные рисунки, так, чтоб не отличить, я создать не могу, потому что нужно каждую мелочь в голове держать. И расщепление больших предметов тоже непросто даётся.

— Интересно какие трудности будут у меня. Вдруг у меня час будет уходить на то, чтобы реализовать что-то? Все смогут справиться за минуту, а я буду сидеть и крутиться целых шестьдесят.

— Ну, такого я не видела, — успокаивающе улыбнулась Эстер. — Чего гадать? Мне в целом интересно каким будет твой аромат. Сейчас мы так, в общих чертах обсуждаем, но главное ведь откроется на первой тренировке. Сама понимаешь. Оно придёт, ты главное не переживай. Важно лишь делать шаги вперёд, пусть и маленькие.

— Понимаю.

— А первый шаг будет сегодня вечером, — вклинилась Фрида.

— Сегодня? — опередила Эстер. — То есть как? Я не могу сегодня. Никак, Фрида. Почему сегодня? Я думала, мы сами выберем, когда тренировать аромат. Почему нет?

— Да подожди! Я тебе слово, ты мне десять. Вездесущие с твоим ароматом, Эстер. Я про другое. — Она обратилась к Мие. — Помню ты говорила, что у тебя проблемы с чтением и письменностью. И что на Йетрагге-янтэ ты можешь только говоришь. Я же правильно всё поняла?

— Да. Как-то так и... есть, в общем.

— Вот. Это не страшно и, главное, поправимо. Как отнесёшься к тому, что помимо тренировок с ароматом у тебя время от времени будут занятия по письменности? Думаю и сама понимаешь, насколько это важно.

— Да, это... ещё как. — С Фридой разговор приобретал другой темп и становилось сложно вот так мгновенно перестроиться. — Ещё как важно. С Эстер?

— Нет. С ней.

Собеседница аккуратным жестом указала на девушку, которая сидела рядом и уже вовсю была вовлечена в разговор с Хлоей. Венди не слышала слов Фриды, даже не обернулась, но палец указывал именно на неё.

— Ух ты. А она об этом знает?

— Знает. Я понимаю, что ты можешь накрутить лишнего — я бы сама так сделала. Но мы с Венди это обсудили, так что можешь не бояться, что ей это в тягость. Серьёзно.

— Хорошо. Если так, то я с удовольствием.

— Ещё одно...

Докс вдруг захохотал так резко, что даже Фрида дёрнулась. Он смеялся и говорил громче всех — чтобы это услышать, даже уши не нужно было наострять. Этот его скрипучий хохот — определённо не самый мелодичный звук, но забавный и заразительный. Фрида посмотрела на него с раздражением, но замечание не сделала, только предложила Мие пойти с ней.

Они покинули трапезную и поднимались по лестнице вверх. Сейчас собеседница была куда серьёзнее, чем до этого.

— Касательно голоса с жёлтыми глазами. Когда он приходил к тебе в последний раз?

— В Мейярфе. А здесь ни разу за три дня не пришёл. Но он, наверное, и не должен.

— В каком смысле?

— Он у меня свободный. Когда хочет, тогда и навещает. Не могу его заставлять или прогонять.

— Понимаю. Мия, это довольно странная тема и не сказать, что я в ней что-то смыслю. Но я хоть немного хочу помочь разобраться. У нас здесь есть один человек, с которым тебе рано или поздно предстоит познакомиться. Он последний из оставшихся в замке, кого ты не знаешь. — Она застопорилась, явно не зная какие слова подобрать. — Это очень специфический человек. Ты можешь его первое время не понять. И он может показаться очень странным, но к нему тоже важно найти подход. Мы поняли друг друга?

— Да.

— Отлично. Я спрашивала о твоём случае, и он сказал, что у него есть ответ. Но ответ этот может быть трудно получить. Весьма и весьма. Тебе нужно просто понять этого человека, но не так, как ты понимаешь нас, хорошо?

— Если я тебе скажу “да”, ты же всё равно поймёшь, что я обманываю. В теории — хорошо, а на деле, э-э-э... Я не знаю как будет.

— Понимаю. Я сама не знаю. Просто попробуйся.

* * *

Знакомство с человеком — не всегда диалог.

Самая далёкая комната на четвёртом этаже была не похожа на все другие. Стены, пол и потолок были обклеены обрывками бумаги мягкого голубого цвета. Листочки были склеены между собой широкой липкой лентой, потому место это приобретало серо-голубые тона. На полу лежало много подушек и больше ничего в этом помещении не было просто потому, что там не нашлось места любому другому предмету.

Здесь, в коконе, жил человек, но правильно было выразиться так: “Человек жил здесь, в коконе”. Никак иначе сказать нельзя. Не в Стеоксе, не на четвёртом этаже и даже не в замке, а лишь сине-сером коконе, подобных которому существовать не могло. Он не планировал

становиться насекомым, потому что не планировал становиться вовсе, тем не менее, свой кокон любил. И глаза у жителя были неважного цвета, и рост его интереса не вызывал. Самое детальное, как его опишешь, это сильные руки, смуглая кожа и густые чёрные волосы. Как хочется описать дальше, так взгляд сам ускользает, а за ним и детали внешности.

Имя его было Эйдан, и сидел он в дальнем конце комнаты, смотря на внешний мир сквозь пальцы. Разговор начался не с приветствий и знакомств, а закончился не прощанием. Никакой последовательности и никаких вопросов о том, куда она делась. Вне кокона покажется, что его ответы — это что-то далёкое и труднодоступное. Но внутри кокона самые важные секреты сразу звучат вслух.

— Голос не обманывает. Ты и правда появилась из крови. — Эйдан смотрел в одну точку и будто грел руки у невидимого костра. — Бояться тебе его не нужно. Нужно любить, но я пойму, если ты не сможешь. Потому что я бы не смог.

Эйдан был не из торопливых рассказчиков. Мог произнести имя того, к кому обращается, а потом замолкнуть. И Мия как-то интуитивно поняла правила этой игры разговора. Ты услышь, но не жди ответ сразу. Посчитай, сколько серых липких линий в комнате и догадайся почему пол завален подушками, подумай, сколько слоёв ленты нужно, чтобы заклеить подоконник вровень со стеной, выйди, проживи пару дней или жизнью, а потом услышь ответ. Он может быть раньше, но ждать, считая секунды, не нужно.

— В таких случаях работает негласное доверие. Даже если мы не знаем друг друга. Сейчас так: я молчу о голосе, а он не звучит обо мне. Мы это понимаем. Но ближе него у тебя нет и не будет. Это всё.

— Спасибо. Я начинала бояться, что он шутит надо мной, но теперь этого чувства нет. Фрида думает, что тогда всё совсем запутанно и не понимает, откуда у меня амарантин. А мне почему-то теперь так просто об этом думать. Я просто верю жёлтому цвету и всё. Не знаю, откуда такая уверенность.

— Да. И всё.

Эйдан встал. Стоял он шатко. Парень начал приближаться, плавно уводя взгляд то в одну, то в другую сторону. Подошёл вплотную и сильнее заклеил отлипший уголок серой ленты, из-за которого виднелась часть стены. Из щели вытекала тонкая струйка то ли смолы, то ли ещё чего, которую он стёр пальцем. Потом он вернулся на своё место. Мия точно почувствовала, что от Эйдана воняет гарью.

— Это знание о жёлтом голосе, которым ты поделился... Сложно было его достать?

— Нет. Там же без деталей и образов. Просто описал тебе своё же естество.

— Это аромат такой?

Непонятно почему, но на Мию упал взгляд исподлобья. Взгляд холодный и недружелюбный. Высокомерный, но не озлобленный.

— Нет. Я, знаешь, не из особенных. Не носитель. Но мы всё равно в чём-то похожи. У меня свой жёлтый голос, но без цвета и без звука. Ещё есть эта комната. Зачастую мне хватает.

И голос его был мягким, и само выражение лица изменилось. Ни о чём отталкивающим сейчас речи не шло.

— Как ты думаешь, приживёшься?

— Невероятно хочу. Знал бы ты как, — Мия сама удивилась, что вопрос не застал её врасплох. — Буду стараться как могу. Но я в таких вещах не сильна.

— А в чём сильна?

— М-м-м... — протянула Мия и невесело добавила: — Да ни в чём, если честно. Ни в чём не сильна.

— Понял.

Эйдан прикрыл ладонью рот, затянулся и выдохнул чёрный дым. Запах оказался не похож на тот, что курили у Заужа в таверне. У Эйдана не было никакой вещицы в руках, он просто время от времени прикрывал рот и как-то затягивался, а на выдохе гарь струилась меж пальцев.

— Ни в чём не сильна — значит ко всему открыта. А не то, что ты подумала, сказав мне эти слова. Я вот силён в нахождении в комнате и бесповоротно слаб в далёких путешествиях. А ты пока выбирай что ближе — твой кокон или ничейное небо. Целый мир перед глазами. И весь секрет знаешь в чём?

— В чём?

Собеседник жестом попросил подождать и подсел ближе. Эйдан выдыхал дым, а потом ему надоело и он его проглотил. Дым больше не появлялся изо рта.

— “Будет момент”. Весь секрет в этой фразе. Будет момент, когда ты будешь невероятно хороша. Неотразима. Главное создай его, и он точно будет. И вот что ещё важно — ты заметь, сколько разговоров. Диалогов, впечатлений, эмоций и медлительности. Всё движется очень размеренно, замечаешь? Ты либо говоришь, либо спрашиваешь. Ты общаешься. Но, — он сдержанно рассмеялся и смех этот был голодным, а не простодушным, — будет момент, когда человек-ноль начнёт действовать. Когда закончатся разговоры, а привычный ход вещей пройдёт. Вот тогда и не опозорься. А пока впитывай. Впитывай сколько хочешь. И кстати!

Он встал и подошёл к одному из самых больших голубых квадратов напротив них.

— Ты всё смотришь на эти обои как заворожённая. Только не понимаю почему, там же ничего нет.

Эйдан дёрнул уголок обоев, а за ними, и правда, самое настоящее ничего. На первый взгляд смотришь — ничего, но стоит присмотреться и очень даже ничего. Мия смотрела, но понимала, что “ничего” пройдёт. И даже если голова разболится от такого зрелища, то ничего, пройдёт.

* * *

Вечер стал целым воспоминанием. Пальцы научились наклонять кончик пера под нужным углом и писать больше половины букв. Как слова являются бóльшим, нежели просто ряд букв, так это занятие обернулось не только сухой теорией. Венди рассказывала интересно, а отвечала на вопросы терпеливо. Основной источник света, лампа, была круглой жёлтой сферой. Казалось обними её, и та согреет.

Тесс всё время была с ними и вела себя тихо: то приберётся, то подаст что нужно, то почитает немного. В конце занятия она что-то колдовала с чаем. Сложно было разглядеть наверняка, потому что в дальнюю часть комнаты свет лампы не доходил, а окно закрывала штора. И правильно. За ним шумела непогода, и худшее, что она могла принести через прозрачное стекло, — меланхолия.

В этот момент Мия испытывала какое-то детское, максимально приземлённое счастье. Очень нравилась та письменность, которую она изучала, нравился тот голос, что ей объяснял простые правила этого мира, и вкус чая, который приготовила Тесс. Закончив с занятием,

все трое сели на кровать и заговорили о простом, но оттого и неопишемом. Обычно после таких разговоров сложно ответить на вопрос: «О чём вы говорили?». Ведь кажется, что и обо всём на свете, а даже предложение выдать из себя сложно.

Чай, в этот раз нормальный, без всяких глупостей, согревал всё-всё, не только тело. Он приятно пах, но чем именно, Мия ни за что бы не угадала. Спрашивать не хотелось, ведь в этом таилась какая-то своя загадка. Загадка чая смешивалась с магией разговора, но даже сама природа не могла через окно услышать, о чём же болтают в этой комнате.

Замечались мелочи. У Тесс был приятный сдержанный смех, и она каждый раз рукой прикрывала рот, когда смеялась. Венди любила обнимать подушки и закрывать глаза, когда думает. Когда шутили, она скорее улыбалась, чем полноценно смеялась. И пиалу с чаем она растянула на весь вечер, пока её подруга выпивала содержимое залпом. Моменты оседали в голове, а вместе с ними оседали буквы.

И этого было достаточно.

* * *

Поздним вечером огоньков в коридорах замка становилось меньше. В центральном холле ещё куда ни шло, но замок постепенно засыпал и словно сам тушил свет. Сегодня особенная ночь, поэтому поддаваться сну точно нельзя. И пусть даже лёгкая сонливость пробирает, пусть ощущается вялость, стоит...

— Тр-р-ря!

Этот неожиданный крик раздался, стоило только завернуть за угол. Мия рефлекторно крикнула и отскочила назад. У Парадокса эта реакция вызвала больше вопросов, чем собственная выходка. Он крякнул и застучал ногами по большой коробке, на которой сидел.

— Огрей тебя молния, чё й-то ты так шарахаешься?

— Жуть. Жуть какая! Так нельзя делать. Никогда!

— Как так?

— Ты сидишь здесь практически в полной темноте! А у меня даже мысли не было, что у моей комнаты может кто-то затаиться и ждать. А потом крикнуть, вот так, исподтишка!

— Бро-ось, — протянул тот. — Все думают, что самый лучший сюрприз должен быть неожиданным. Я же вхожу в малое число тех, кто считает, что лучший подарок — это сама неожиданность, как есть. Её ни лентой не нужно оборачивать, ни упаковывать, даже потрогать не получится, но такие подарки запоминаются. Возможно, теперь ты аккуратно будешь выглядывать из-за угла, тем более ночью. И когда твоя бдительность угаснет, я снова появлюсь. На этой злосчастной коробке, на этом же самом месте. И никуда тебе от этого не деться, трусишка.

— Не нужно так, иначе и до заиканий не далеко.

Парень похлопал коробку под собой, будто это была лошадь.

— Хорошо. Я сижу тут, так сказать, чушь несу. Но по-хорошему мне бы уже десять минут как стоило быть в комнате Эстер и оттирать от её окна засохший дёготь. Только, пожалуйста, без лишних вопросов о том, что там произошло. Главное, успеть закончить поскорее, а там и жизнь покажется ярче. Ты ведь тоже поднимаешься на башню? Хотя бы глазком посмотришь, ну.

— И не одним. Вечером я полностью с вами.

— По рукам. Тогда быстро с этим разберёмся. Ты не против? — спросил Парадокс,

успев соскочить с коробки и уже всю пихая её внутрь комнаты.

— Так ты мне купил какие-то подарки?

— Глэдис мне сказала, что ты знаешь. Ну, о том, что она тебе должна купить всё вот это барахло. А я просто доставил огромную коробку, что тоже немаловажно. — Парень тараторил о чём-то своём и одновременно описывал вещи, которые доставал из коробки. — И вообще, у тебя же крутятся мысли насчёт этого треклятого дёгтя, да? Вот гребень, его я кладу на стол. А дёготь я налил в шарик, который ну не должен был попасть по окну Эстер. Но ладно хоть окно, поверь, если бы швырнул его прямо в комнату, я бы сейчас помогал тебе с куда менее весёлой миной. Мне просто повезло. Мыло и всё похожее я отнесу в ванную, подожди.

Мие казалось забавным то, как её друг носился по комнате, стараясь сразу найти нужное место для каждого предмета. Он, практически не останавливаясь, рассказывал свою историю, параллельно комментируя то, что достаёт из коробки. Всё в нём говорило о том, что он спешит, потому так и не подберёшь момент, чтобы вставить хоть слово.

— Какой-то блокнот, что ли, не знаю. Кладу на стол. Касательно шарика. Вообще дёгтем я хотел закрасить облезший кусок на фасаде здания, ты не подумай. А то как лишай какой-то на фоне чёрного цвета. Придумал отличный способ, швырнул и он так странно полетел, я сам не понял. Шмякнулся он что надо, просто самую малость не туда попал. Ну, шарик, не дёготь. Но óру не было, на удивление. Эстер иногда умеет так посмотреть, что лучше бы она меня била палками и истерила. Всякую женскую дребедень вроде... а что это вообще за штуковина? Ладно, это я кладу сюда, на стол. Если что непонятно с этим, спрашивай у девочек. Я понятия не имею, как такое использовать.

Только он затих, только-только появилась свободная секундочка, как Мия воспользовалась единственной возможностью подсобить.

— Докс, я... Остальное могу достать сама, честное слово. Ты выглядишь так, будто от тебя каждая секунда ускользает. Я боюсь, чтоб вы там с Эстер не разругались.

— Вот первое — точно правда, а насчёт второго я не уверен. Понимаешь, в этот раз меня спасает то, что я помогаю тебе. Хотелось бы сказать, что я боюсь её гнева, но тогда меня можно будет назвать тем ещё сказочником. Мне просто не хочется, чтобы она ходила с повешенным носом, вот и всё. Эта мисс может помочь выбраться из глубочайшей ямы когда паршиво, но сама способна расстроиться из-за грязного окна. Вот такой... парадокс вырисовывается. Парадоксальнее меня получается, а я конкурентов не жалую. Ну а в коробке осталось всего ничего. С этим-то ты сможешь разобраться, правильно понимаю? Тогда я растворяюсь, исчезаю, улетаю и всё в таком духе. Свидимся на крыше.

И он убежал, хотя, скорее, даже растворился, исчез и действительно улетучился. Мия осталась наедине с каждой из подаренных вещей. Сейчас она могла прикоснуться к ним без суеты и спешки.

Гребень и зеркало, непонятная фигурка с сильным цветочным запахом и полный ящик других мелочей — всё это постепенно приобретало собственное место. Синий замшевый блокнот и стеклянная ручка-перо лежали в уголке стола — они казались какой-то особой частью подарка, а не очередной безделушкой. Хоть страницы пока и пустовали, расцвела уверенность, что скоро каждую из них покроют разные буквы, слова, а затем и предложения.

Когда очередь дошла до одежды, то стало очевидно — вот она, главная часть подарка. Мия осмотрела её со всех сторон несколько раз и даже решила примерить. Такого типа наряды уже не так необычно видеть на других жителях этого мира, не важно старых или

молодых. Но надеть на себя эти утончённые одеяния было совершенно непривычно и удивительно. Будто через ткань передавалась и культура Эмиронии, и колорит её жителей. На несколько секунд захотелось даже как-то странно пошутить или что-то этакое сказать. У многих из замка были свои цвета, а ей достались свои: хрупкие красный с чёрным, что прятались под прочной тканью жёлтого флайо. Такого сочетания Мия не видела ни у кого, а значит, её палитра была неповторимой.

Коробка, наконец, оказалась пуста. Каждая частичка подарка перестала быть ничейной — всё это теперь принадлежало человеку. Мия легла на уже застеленную кровать прямо в своём одеянии. Тихо и уютно. От этого так приятно было думать о случившемся и только надвигающемся. С обеих сторон времени её ждало что-то приятное, и она словила себя на мысли, что мало кто может испытать эту радость — не избегать прошлого и не пугаться грядущего. Сейчас весь мир крутился вокруг забавного позвякивания цепей на её новой любимой одежде.

* * *

Как и просил Скай, вечером Мия поднялась по ступенькам на самый верх. Она налегла на железную дверь, пропускающую её в совершенно другой мир.

Перед ней открылось космическое полотно со звёздами сверху и расплавившимися на горизонте огоньками. Внизу, на земле, не виднелось ничего, что могло бы подарить яркий свет, только крохотные факелы и лампы заведений. Сейчас жизнь внизу казалась несуществующей, будто случилось наводнение, но вместо воды земля тонула в чернилах. А люди здесь сидели и то ли ждали спасения, то ли знали, что уже спасены.

Всё здесь было не как в обыденности — казалось, что каждая часть этого пространства таила в себе причины, по которым тут все и собирались. Крыша была устлана коврами, цветастыми и выцветшими, слегка пыльными и где-то даже рваными, повидавшими, очевидно, многое. То тут, то там были разбросаны подушки и несколько пледов, а лица находящихся здесь были освещены огнями свечей, спрятанных под маленькими стеклянными куполами. Ветер разносил голоса: громкие и приглушенные, раздосадованные, счастливые и спокойные.

Мия простояла несколько мгновений, просто наблюдая за этим необычным проявлением связи между людьми — здесь всех словно опоясывали воображаемые нити, объединяя каждого с каждым. Но стоило только посмотреть на всех по отдельности, и какими же разными все казались. Мия тоже была одной из этих “разных”, но вот никаких “нитей” вокруг себя не ощущала.

Из мыслей её вырвал тихий плач. Казалось, глупость, ведь не может человек плакать в таком месте. Повернувшись к источнику звука, она увидела сидящую на парапете Хлою, укрывающую в своих объятиях Мелиссу. Последняя что-то невнятно бубнила в плечо своей подруги, то и дело прерываясь на всхлипы и рыдания:

— Она же ему всё... а он? Всё отдала, а он... он... Никакой не “тот самый”. Предатель. Лжец, — и снова в плач.

Мия ничего не понимала, а оттого и распереживалась. Она подошла на пару шагов ближе и неуверенно посмотрела на Хлою, надеясь, что может как-то помочь. Та лишь медленно покачала головой и покосилась на лежащую рядом с ними книгу. Хлоя на секунду ухмыльнулась, а затем у неё получилось заговорить грустным голосом:

— Бывает веришь в любовь, а оказывается, что игра. Такая вот жизнь, милая.

— Как настоящие чувства могут быть просто игрой? Как? Кем... Кем же нужно быть?

Хлоя гладила бедолагу по спине и невзначай махнула головой, мол, их лучше оставить наедине. Мия отошла в сторону, и никто не возражал.

Окинув крышу взглядом в очередной раз, она поняла, что даже целая картина, если в неё внимательнее всмотреться, состоит из отдельных сцен, где каждая группа людей выделялась по-своему. Одна из них воспринималась очень взрослой и состояла всего из двух человек — Глэдис и Фриды. Они сидели на парапете вполоборота и разговаривали. Казалось, подойди, чтобы подслушать, и не поймёшь их язык, настолько это что-то зрелое. Каждая из них находилась на несколько шагов впереди и не разобрать их языка, их природы, пока сама не сделаешь эти шаги. Хотелось понимать их речь как свою родную, но пока было рано.

Стоило обратить внимание на компанию, в которой находился Докс, — всё становилось проще. Он на пару с Кейтлин громко доказывал Венди, что есть у птиц такое семейство — “червееды”. Последняя не соглашалась и всё хотела сменить тему, но оппоненты требовали аргументов почему именно “нет”. Кейтлин пыталась приводить доказательства, в то время как Парадокс уверял, что своими глазами видел червеедов. Венди все озвученные факты называла вялыми и только больше раззадоривала оппонентов. Тесс умудрилась заснуть на паре подушек и коленях Кейтлин. Шума и огня было много, вот только этого сейчас не хотелось. В этот раз тянуло к другому.

В десятке фаланг[4] от них сидели другие люди. Которые сначала слушают гитарные струны, а только потом произносят слова. Эстер лежала на парапете, смотря вверх; Скай наигрывал какую-то мелодию и, судя по взгляду, посвящал её звёздам, а Вилсон довольствовался малым, раскуривая трубку.

Подойдя к ним поближе, Мия не заговорила. Крики на заднем фоне как-то затихли. Всё же чувствовалось, что каждая компания — свой маленький оплот. Скай делился музыкой, которая могла быть знакома каждому, даже тем, кто её никогда не слышал. Что-то очень простое, но подо что хотелось засыпать из ночи в ночь: самому или с кем-то, в уютной кровати или прямо посреди ночного луга. Мию притянула мелодия, и она шаг за шагом оказалась четвёртой в этой компании. Эстер, которая считала белые бусины над головой, и она. Скай, который умудрялся раскрашивать пространство вокруг звуками, и она. Вилсон, который курил какой-то ароматный табак, не похожий на другие. И Мия.

— А ведь и правда... Как теперь верить красивым мужчинам? — поинтересовался Скай, перестав играть. — Подходила к нашей страдальце, да?

Мия кивнула, радуясь тому, что к ней обратились вот так просто, словно она тут вовсе не первую флатию.

— Тут ничего не поделаешь, когда её несёт. Такие вот они, леди, которые любят женское чтиво.

— Да, она впечатлительная, — согласилась Эстер. — Я люблю истории о любви, но эта... ну кошмар какая предсказуемая и плаксивая. Я читала эту книгу, но не понимаю из-за чего там плакать. Тут нужно время.

— И желательно хорошая литература, — только добавил Скай, как ему тут же ответил Вилсон.

— Мальчишка ты ещё, раз говоришь такие вещи.

Он не торопясь вытряхнул старый табак, а затем набил трубку заново. Выглядело это так, что, пока он не закончит мысль, пусть даже через пару минут, никто и слова не скажет.

— Если девочке нравятся такие книги — замечательно. Нет объективно плохой литературы, мальчик. Но есть хорошая, а это — совсем иное. То же и про музыку, и про всё другое.

— Вот так да, какая удобная позиция. А если книга написана за день, и в ней нет ни доли того, что можно даже в теории назвать искусством?

Вилсон раскуривал трубку и смотрел на то, достаточно ли табака он положил. Позиция Скай не вызвала на лице мужчины ни удивления, ни чего-то ещё. Даже от белого дымка он испытывал больше эмоций.

— Даже такая книга найдёт того, кто будет считать её лучшей на всей планете. Скай, мальчик, я это Кейтлин смог доказать, что мне с тобой тягаться? Так что дай мне отдохнуть, а не трепать языком.

Парень хмыкнул, но спорить не стал. Вместо этого он лишь начал наигрывать мотив и покачиваться из стороны в сторону вслед за мелодией.

— Давно вы вот так собираетесь на этой крыше?

Вопрос был брошен всем и никому конкретному одновременно. Эстер казалась слишком занята любованием звёздами. Вилсон вроде призадумался, судя по тому, что нахмурил брови. Он уже начал было высчитывать сколько лет утекло, но Скай опередил его длительное молчание. Парень пожал плечами и простодушно предположил:

— Бесконечность, плюс-минус.

Эта фраза, видимо, была остальным знакома и только Мия её не поняла. Какое-то крылатое высказывание из популярной книги или просто шутка, знакомая каждому эмиронцу. Только она за жизнь ни одной шутки не выучила и ни одной книги не прочла.

— Я не знаю, откуда эта цитата.

— А это и не цитата, — вставила Эстер, не отрывая взгляда от звёзд. — Ты ничего об этом не слышала, да?

— О бесконечности?

— О теории, связанной с ней.

— Нет. Никогда и ничего.

— Могу попробовать поделиться, — бросил Скай. — Совру, если скажу, что в ней ничего личного, хоть о ней и знают многие люди. Конечно, я могу и сказать, что мы собираемся здесь столько-то месяцев с какого-то там года. Но этот ответ не будет таким полноценным, каким мог бы быть.

— *Вы* придумали эту теорию?

Скай снова прыснул, словно кто-то предположил то, что предположить было невозможно.

— Нет конечно. Но очень хотелось бы. Эта теория придумала себя сама.

Внутри взыграло что-то большее, чем интерес. Может интуиция и предчувствие, а может родной голос, по которому она соскучилась — сейчас сложно было разобрать. Но это «что-то» не походило на обычную жажду поглотить пищу просто для того, чтобы поскорее утолить голод. Поэтому не было ни одной причины сказать «нет». Скай продолжал играть.

— Посмотри и рассмотри этих людей, — показывая в сторону других, попросил он.

Мия повернула голову и медленно заскользила взглядом по очертанию каждого из жителей замка.

— Они довольно разные, сами по себе. Я прекрасно понимаю, что мы все отличаемся: интересами, взглядами, возрастом, полом и так далее. Проще будет перечислить то, в чём мы

похожи, потому что отличий действительно много. Но и те, кого ты видишь, и те, кто пока на задании, — всё же собираются на одной крыше. Поверишь ли ты мне или нет, но достаточно одного сильного сходства, чтобы оно перекрыло множество маленьких недостатков. Приведу пример. Обрати внимание на любого из тех, кого видишь. На кого-то одного.

Взгляд Мии почему-то остановился на силуэте девушки. Та тянула руки к горлу Парадокса, но было видно, что всё это шуточно.

— На кого смотришь?

— На Венди.

— Замечательно. Она, несмотря на пылкий характер, любит вязать кукол — ты это знаешь. Я мало что в этом понимаю, но иногда помогаю ей в этом деле. Она тоже не всегда положительно относится к моим глупостям, но я постоянно таскаю её за собой. Мы разные, но она мне как родная сестра. А вот с Доксом она ссорится чаще остальных. Но случись с ним что серьёзное — она бы очень, очень долго себе места не находила. Венди молчит, но ей нужны его слова. Мысли Парадокса всегда горят, но он никуда без кого-то, кто этот огонь захочет и, главное, сможет потушить хоть иногда. Такая вот у них связь. А у нас с ней другая. И с каждым из замка у меня есть какая-то связь, а у них со мной. Я про каждого из них смог бы написать книгу, может, не очень большую и не совсем умело, но я бы не задумывался о том, что мне не хватает материала.

— Целую книгу? Как так? — не отрывая взгляда от силуэта Венди, спросила Мия.

— Просто нас связывает что-то необъятное. Я уверен в том, что часть этих людей ищет свой смысл жизни, а часть уже нашла и живёт им. Это два очень важных процесса, наиболее важных, как мне кажется. Знаешь, мне до одури нравится то, что эти люди умеют отличить жизнь от существования. И если это уметь, то дни не сливаются в один комок, а ты не путаешься в днях флатий. Это мелочи, но и они играют большую роль. Мы движемся с разной скоростью, но мы движемся и при этом помогаем друг другу. Один учится признавать слабости, другой — не бояться своих достоинств и стремлений. Бывает даже так, что удаляешь одну трещину, так появляется вторая, куда более широкая. Но всегда есть тот, кто протянет руку помощи, и тот, кому протянешь её ты.

Скай заметил эту нотку неуверенности в Мие, взгляд, которым ребёнок мог посмотреть на взрослое мудрое существо. Словно всё уже объяснили, а она ничего не поняла.

— Спрашивай.

— Я понимаю то, о чём ты говоришь. Но я не понимаю, почему бесконечность.

— Я не знаю точного ответа, — пожал плечами парень. — Теория появилась давно, и у каждого ответ свой. Честно говоря, я бы сказал, что у каждого есть своя бесконечность. У меня это одно, а у всех остальных — другое. Но я уверен, что испытываю счастье, когда соприкасаюсь с ней. Ради него, я, собственно, и живу. Ради счастья.

— То есть можно сказать, что бесконечность — это то, что делает тебя счастливым? — спросила Мия, надеясь, что её догадка не прозвучит глупо.

— Бери шире — это ты сам. Ты сам, выраженный в одном слове. Ну, в большинстве своём, — согласился Скай. — Но ничего не может быть точным на сто процентов. Даже бесконечность размыта, хотя это самое что ни на есть точное понятие из всех, о которых я когда-либо слышал. Поэтому и плюс-минус, для точности.

И разговор затих. Просто затих, не из-за того, что возникло неловкое молчание, что больше нечего было спрашивать и нечем делиться. Не потому, что кто-то говорил то, что

сложно понять, и не из-за того, что тёплый ветерок хоть и не был летним, но всё равно убаюкивал. Просто сам разговор нуждался в тишине, чтобы осесть в мыслях каждого.

— Эстер, извини за вопрос, а вот у тебя она есть? Бесконечность.

— Ой, — девушка тяжело вздохнула. — Не ожидала этого вопроса и не была к нему готова, честно. Я из тех, кто любит формулировать важные мысли заранее. Но я постараюсь, Мия. Сейчас, только дай мне пару минут.

Стоило посмотреть на неё и возникало чувство, что созвездия помогали ей думать. Обычный человек глянет вверх и увидит мириады белых точек. А Эстер смотрела иначе, будто там, на полотне — знаки: ответы, что спрятаны в созвездиях и образы, нарисованные туманностями. Мелодия, которую наигрывал Скай, звучала тихо, но из-за неё космос представлялся не таким уж далёким.

— Если выражать одним словом... — она задумчиво покачала головой, будто согласовывая ответ с внутренним “я”. — То эмпатия. Объясню. Всё дело в настоящих эмоциях человека. Чувства людей — это важная часть меня самой. Раньше я думала, что только хорошие, но сейчас понимаю, что и тяжёлые эмоции играют важную роль. А я хочу быть рядом, когда всё из рук вон плохо и показать, что всё пройдёт. Пройдёт, и тогда мы будем радоваться тому, что вызывает эйфорию. Отчего мурашки по коже. Только бы всё это было искренне. Мне хочется, знаешь, сломать эту баррикаду и помочь человеку быть собой. Даже сейчас, вроде ничего особенного, но просто послушайте, пожалуйста.

Скай снова перестал играть, уже в который раз. Мия прислушалась, а Вилсон как был тихоней, так им и оставался. До них донеслись хорошо знакомые голоса Докса и Венди.

— Просто спрыгни вниз, пожалуйста. Я клянусь, всем скажу, что это несчастный случай. Ну почему ты такой осёл. Почему?

— Ты, значит, истеричка. Живи в своём мире, где божьи коровки не линяют, но пожалуйста, мне его не навязывай. Я буду, это... отстаивать правду, ага!

Мия сдержанно засмеялась и шепнула:

— Они спорят с целый вечер, да?

— Нет. С утра. Это четвёртый спор за день, — деловито заявил Вилсон и Эстер пожале плечами.

— Не рекорд. Хоть это и странно, но я без этого не могу. И их ссоры, и их тёплые слова друг другу — мне всё это нужно. Мне хочется быть рядом и в... в самые разные моменты жизни. В-о-от. В целом, я ответила на вопрос?

— Да и не в целом ответила. Очень красиво говорила, будто и правда готовилась.

— Импровизация и вдохновение делают своё дело. Раз уж заговорили о таком, то передаю слово Вилсону. Давай, твоя очередь отвечать на серьёзные вопросы. Вот ты можешь выразить свои мысли?

— По поводу? — без особого энтузиазма переспросил мужчина.

— По поводу того, о чём мы говорили.

Следуя всем правилам флегматизма, Вилсон спокойно упаковал свою трубку в небольшой футлярчик, который спрятал за пазухой.

— Я согласен с тем, что говорил Скай. Мне тоже присуще счастье, возможно, оно даже заключается в больших мелочах, чем ваше. Но я не люблю давать форму вещам, которые должны оставаться бесформенными, — заключил он и вежливо кивнул. — Поэтому оставляю вас и иду спать. Благоночь.

Попрощавшись только с ними тремя, мужчина с густыми усами был первым, кто

покинул крышу. Почти сразу за ним ушла Мелисса, а затем Кейтлин.

— А ты, Скай? У тебя есть бесконечность? — поинтересовалась Мия.

— Спрашиваешь! Естественно есть, — гордо ответил он. — Кому как не путешественнику знать о том, что по-настоящему не имеет ни конца ни края?

— Поделишься?

— Запросто. Но!

Он поднял палец вверх и снова произнёс «но». Затем ещё раз, привлекая внимание, и ещё раз, на всякий случай.

— Но я тебе покажу свою бесконечность. Нет, не буду говорить о ней, а покажу. Потому что это тот случай, когда нужно один раз увидеть, а не много раз услышать. Даже если ты можешь услышать это бесконечность раз, плюс-минус, то всё равно лучше один раз увидеть. Поэтому в любой случайный день, в любое время суток я прихожу к тебе, и мы идём смотреть.

— На...? — помогла ему Мия, ожидая услышать логическое завершение предложения.

— На мелочи, если серьёзно. Но ты же помнишь девиз самого крутого путешественника из всех? Великое начинается с малого. Это важно.

— Хорошо. Тогда я готова к внезапному путешествию, — довольно ответила Мия и улыбнулась. — Покажешь, а я буду ждать. В любой день.

— И в любое время.

— Только не забудь.

— Вот ещё!

Внезапно кто-то аккуратно обнял её сзади. Глэдис получилось узнать не оборачиваясь, просто по рукавам платья и сладкому запаху. Захотелось ответить тем же, и Мия на секунду коснулась её рук. Холодные. Руки, с которыми не хочется прерывать контакт. Тактильность — это тоже способ поговорить. Сейчас между ними завязался диалог, особенный, пусть и простой.

Все остальные стали ближе к Эстер и Скаю.

— Что вы тут, властно глазеете на ночной мир? Пытаетесь представить себя на месте покровителей? Ну вы даёте, — протараторил Докс и тут же засмеялся. — Они бы не протирали штаны всю ночь кряду.

— Так себе момент, чтобы вспомнить о них, — холодно произнесла Хлоя и добавила, уже куда мягче: — Мои хорошие, мы идём ловить сладкие сны за хвост. Вы как?

— Пока ещё побренчу.

— Я тоже останусь, — согласилась Мия, чувствуя, что ветерок даже ночью оставался тёплым. — Не хочется уходить.

Эстер просто хмыкнула — видимо, тоже своеобразный ответ. Когда все начали прощаться, руки попытались передать тепло человеку, который стоял за спиной. Это тепло выражало благодарность за каждый подаренный предмет, недавно вынутый из коробки, за этот вечер и за то, что всё это можно было выразить одним простым касанием.

Лишь после этого Глэдис разорвала контакт и ушла вместе с остальными. На крыше осталось всего три человека. Скай всё продолжал играть. И прежде, чем мелодия стихла, Мия сама засмотрелась на ночное одеяло и захотела в него укутаться. Может быть, рассказ путешественника имел такую силу только на этой крыше — ради таких историй, наверно, все и собирались. Но тогда имели свою силу звуки, споры, запах табака и слёзы Мелиссы. Значит, тут они не были тем, во что бы превратились, стоило только пересечь железную

дверь. Тут эта бесконечность, плюс или минус, и существовала, возможно, даже прямо над головой. Это мог быть эффект сочетания всего, что тут было. Убери звуки гитары или что-то ещё — и всё, никакой бесконечности, нет ни плюса, ни минуса. Но сейчас, сидя на вершине замка посреди луга и смотря в темноту, верилось, что её не обманули, что эта длинная изогнутая линия, которой нет ни конца ни края, всё же существует.

[1] Фаланга — единица измерения длины в Эмиронии. Эквивалентна сорока сантиметрам.

[2] Ридас — язык северного континента — Дáмон-Тарра. Так как на восточном континенте люди не живут, ридас считается одним из двух основных языков в Виоландо. Вторым, не менее значимым, является Йётра́гге-я́нтэ — язык, на котором говорят на всей Эмиронии.

[3] Йё́ффи — крупные роющие насекомые, что зачастую встречаются в северных подзолистых почвах. На юге среди эмиронцев популярно мнение, что крылышки этих насекомых давно стали рудиментами и уже не отвечают за функцию полёта, но находятся и те, кто пытается опровергнуть этот факт.

[4] Десять фаланг эквивалентны четырём метрам.

Глава 5. Первые семена

Самая первая страница в дневнике. Его мне подарила Глэдис. Наконец я понимаю что хочу сюда написать и могу это сделать. Но придется пользоваться огромным лексикорием. Его купила Венди. В нём аж за тысячу страниц!

Ощущается каждый проведённый день здесь. Ни один из них, не сливается с другим и не превращается в скуку. Каждые сутки это мой аккуратный шаг навстречу тем кто здесь живет. Общение с жителями этого места растворяет старые вопросы. Но тут же рождает новые которые скоро успевают застареть. Мне настолько много хочется узнать, что я сама пока не поспеваю за своим потоком мысли. Очень хорошо ощущается лёгкота лёгкость и почти полная свобода действий. На плечах всех остальных есть какая-то ответственность. Кто-то улетает на задания, и вскоре возвращается, другие до сих пор в Мейярфе, а ещё другие готовят огромное количество еды, убирают замок, или часто тренируются. Я тоже хочу тренироваться по-настоящему. Сегодня это будет первое моё занятие. И я очень нервничаю.

Йетрагге-янтэ простой язык. Потому он нравится. Мне приятно тратить на это много времени, даже если глаза уставают. Атмосфера в комнате у Венди располагает к неспешным и расслабленным занятиям. Она обид?...сняет (спросить). Я слушаю, а Тесс с удовольствием наблюдает за нами и ещё делает свои дела. Раньше, я не встречала людей с характерностью темпераментом Венди, но она становится мне более ясной (понятной?). Когда наступает тишина, тогда Тесс начинает что-то рассказывать, и мы на пару минут отвлекаемся. Но Венди строгая и не даёт бездельничать бездельничать.

А вчера я предложила свою помощь Вилсону. Он тогда неторопливо расчищал дорогу, в замок от красно-оранжевых листьев. Разговоры были короткими, но интересными. Он рассказал мне точно цвет и сухость листьев тесно связаны с возрастом дерева, и точно при желании эти листья можно есть. Существует даже такая диета. Как всегда он курил трубку и отвечал на вопросы с большими паузами. Рассказал мне что Фрида и Хлоя уехали обратно в Мейярф. И это жаль. А когда мы поговорили случилось это - на улице это было не так заметно, но потом я вернулась в замок и поняла. Вся моя одежда пахла табаком!

Мой любимый жёлтый образ вчера пришёл ко мне в сне. Не пугал, а напомнил про себя. Теперь мне спокойнее. Мы не забыли друг друга.

А ещё я часто думаю о словах Эйдана. Мне пока и правда нечего сказать другим поэтому я их только слушаю. Но ведь будет момент когда я услышу всё и настанет очередь говорить. И что я тогда скажу?

На это письмо ушло полдня.

* * *

Эстер стояла позади и держала ученицу за плечи. Тело было напряжено, аж жуть. Внутри адреналин, который хоть куда-то бы день. Энергия кипела, а волнение лишь нарастало. Пока ей рассказывали теорию, всё страшнее было думать о моменте, когда, наконец, придётся действовать. Задор никуда не делся — разреши Эстер закончить занятие прямо сейчас, Мия бы отказалась. Но уверенность совсем не та, что представлялась с самого начала. Сейчас она казалась себе не носителем-новичком, а так, пугливой девчонкой, в которой так и не оказалось амарантина.

— Так, тихо-о, тихо-о, не переживай. В этом ничего страшного нет. Я тебе даже скажу, что обычно аромат не проявляется с первого раза. — Эстер показала пальцем на банку-мишень перед ними. — Ещё раз — тебе нужно просто постараться реализовать свою мысль.

Вот в таком виде, в каком ты его представляешь ближе всего. Ты должна откидывать ненужные тебе образы, но вариантов всё равно останется тысячи. Потому что даже небольшая деталь в мышлении человека, в его представлении своей энергии воплощает, по сути, уже уникальный аромат. Это должно отображать тебя, потому постарайся откинуть те образы, которые тебя вообще не привлекают. Понимаешь?

— Я пытаюсь понять, правда. И что, этого будет достаточно, да? Откинуть ненужное просто, но как найти то, что я хочу?

— Это тяга к своему естеству. Ну, например. У меня есть друг и его аромат — владение льдом. Он не думал о каких-то изошрённых вариантах и почти сразу понял к чему его тянет. Просто? Да, но это его стихия и никакая другая ему не нужна. Важное, оно или чувствуется сердцем, или приходит само по себе. Но если озарение не придёт, то просто отдайся потоку мысли. Лови каждую мелочь в образах и в конце концов попытайся найти природу, к которой тебя потянет. Ароматов может быть тысячи, но свой ты должна любить сильнее всего. Потому что любое явление, доведённое до мастерства, — это высшего уровня искусство. Я хочу, чтобы твой аромат стал искусством.

Мия суетилась, задавая первые попавшиеся вопросы резко, словно времени оставалось не так много. Практике вот-вот предстояло заменить теорию.

— Хорошо-хорошо. Мне сразу останавливаться на том, что я сочту интересным? Вдруг стоит поискать ещё, а не выбирать первое, что показалось подходящим?

— И такое может случиться. Но давай с тобой представим что-то простое. Тот же лёд, например. Virtuoz, который им владеет, — ты. Ты — тот человек, который является олицетворением этой стихии. Можешь разрушать лёд и создавать его, можешь сама затвердеть и даже заковать в него другого человека. Видишь ты себя в этом образе? Не просто, чтобы это выглядело красиво, а как продолжение этой природы.

— Нет, не вижу.

— А нужен образ, в который бы ты влюбилась. Аромат, который бы тебе захотелось тренировать. Если представишь его — плевать на все другие альтернативы. Так что не хватайся за первое попавшееся.

— Я смогу его потом поменять на другой если мне не понравится?

— Очень сомневаюсь. Пока я такого не встречала, и если уж аромат проявляется, он остаётся с человеком. Думаю, появляется какая-никакая связь. Людей, которые имеют сразу два аромата я тоже никогда не видела, но амарантин ещё не так изучен, чтобы я могла ответить наверняка. Не знаю, Мия.

Всё сказанное Эстер пласт за пластом укладывалось в голову. Там никакого беспорядка не было, только так, лёгкая неразбериха. Природа аромата интересовала всё больше, и по мере того, как Эстер объясняла, азарт внутри только рос. Двойственное ощущение, где и предвкушение, и желание узнать больше переплетались в прочный узел.

— Давай начинать, мы...

— Как, уже? Прямо сразу?

— Само собой. — Эстер приподняла брови в недоумении. — Проще некуда, просто сконцентрируйся на каком-то чётком образе. Важно детально представить его и захотеть реализовать. В твоём случае на простой банке, этого будет достаточно. Ты можешь сделать с ней что угодно. Вариантов миллионы, просто подумай о близком тебе.

— Легко сказать «просто подумай», — неуверенным голосом ответила Мия, смотря на мишень в нескольких фалангах от неё. — Сейчас я понятия не имею, как именно нужно

думать.

— Потому я и объясняю. Конечно, есть одна тонкость. Нюанс, который важно прочувствовать и который очень сложно описать на словах. Тебе нужно будет представить, что твоя энергия действует на банку перед тобой, всё так. Но эта мысль должна быть для тебя такой же простой и естественной, как уверенность в том, что при желании ты можешь произнести слово. Или открыть глаза, или, например, сделать шаг вперёд. Ты можешь подумать о том, как двигаешься, можешь представить это в деталях, а можешь совершить действие. Вот и здесь важно не просто подумать об этом шаге, но и сделать его. Этот переход почувствуется, если ты сильно сосредоточишься.

— Т-а-ак, хорошо. Попробую, — Мия не успела сконцентрироваться. — Стой, а у тебя с первого раза получилось, когда ты только начинала?

— Я свой раскрыла... случайно, скажем. Без подготовок, как ты. Не переживай, главное — подобрать нужную мысль. В тренировках сложность совсем в другом.

— Поняла. А ещё, э-э-э... Скажи, как тебе погода? Ты любишь осень?

— Так, Мия! Я тебя не на смерть отправляю. Давай, давай, стань в удобную позу. Не поддавайся так вперёд, не то упадёшь. Вот так, ага, — Помогая принять нужную позу, попросила наставница. — Лучше вытянуть одну руку — так будет чувство, что амарантин воплощается именно через неё. Ногу немного назад, вот так. И корпус. Правильно. Можно смотреть на банку, но если хочешь, то можешь закрыть глаза. Некоторым так проще.

Одно простое движение век, и все цвета исчезли. Остался только один-единственный тон, который помогал сконцентрироваться, а не отвлекал.

— Теперь то, о чём я говорила. Сначала ты пробуждаешь в себе энергию. Потом придаёшь ей форму. Выбираешь ей цвет, выбираешь её природу. Всё получится не таким ярким и мощным, как тебе кажется, но результат будет. И потом направляй этот образ вперёд. Дай ему волю. Просто постарайся, вот и всё.

Пустая жестянка покорно ждала момента, когда её окутает невидимая сила. В голове пронеслись все советы Эстер, один за другим.

«Мысль не должна выглядеть как настоящая, — звучал внутри собственный голос. — Она должна быть настоящей. Должна быть достаточно живой, чтобы это заметили все вокруг. Чтобы коснуться того, что находится на расстоянии».

Эта идея только на первый взгляд не вызывала трудностей. Запросто можно понять сказанное Эстер, но суметь применить — это казалось куда тяжелее. Первую минуту в голову лезли мысли, что ничего не происходит, потому что она совершенно не так поняла задачу. Мия отгоняла их и старалась сохранить только один образ — её мишень посреди темноты. Вот-вот с этой мишенью должно было что-то случиться. Сейчас, буквально с секунды на секунду, её сила даст о себе знать и что-то да произойдёт.

Эта уверенность вызвала какие-то незаметные изменения. Сложно было сказать наверняка, но кончики пальцев начали холодеть, будто касались воды из проруби. Дыхание участилось, словно мышление теперь приравнивались к спринту и каждую секунду скорость только увеличивалась. Но куда более странное ощущение вызвало другое — *что-то*, что Мия никак не могла описать, начало уставать ещё быстрее. Было даже сложно сказать, находится оно в теле или почти-почти, прямо рядом с ним. По ощущениям это напоминало дополнительный орган, который вырос непонятно где, непонятно за что он отвечал и для чего он вообще нужен. Это «что-то» одновременно и болело, как порез, и колело, словно его засидели, и в то же время уставало.

Рука начала дрожать и казалась тяжёлой. И только появилась эта уверенность, что она не опустит руку, чего бы ей этого не стоило, что как минимум ещё один раз нужно сосредоточить свои мысли на банке, как один-единственный звук разбил всю уверенность.

— Открывай глаза.

Знакомый голос почему-то воспринялся как сигнал к завершению. Сначала опустилась рука, разорвалась мысленная цепь с банкой, а только потом открылись глаза. Она чувствовала, что дышит очень быстро и прерывисто, но ничего опасного с её телом не произошло. То ощущение, которое и резало, и чего только не делало, начало постепенно отступать, а через несколько секунд, кажется, исчезло совсем, вслед за утихающим холодом.

Всё та же банка стояла перед ними двумя. На таком же расстоянии, повёрнутая той же стороной и ни капли, ни капли не изменившаяся.

— Получилось ощутить хоть что-то?

— Неужели ничего не произошло? — в голосе читался стыд. — Совсем ничего?

— Мия, ответь на мой вопрос. Ты что-то ощущала?

— Холод в пальцах. А ещё усталость и чувство, будто у меня что-то болит. Но я не знаю, как описать, что именно.

— Интересно. У тебя дрожали руки, — задумчиво отозвалась та. — Амарантин тратился, но форму не приобрёл. Поэтому я попросила остановиться.

— А почему? Почему не приобрёл?

— Может способ неправильный. А может...

Эстер задумалась. Мия обратила внимание, что её наставница уже не первый раз прикусывала губу и ходила туда-сюда, когда всерьёз о чём-то думала. Какое-то время вопрос витал в воздухе, но, даже судя только по бодрому голосу подруги, решение всё же нашлось.

— Вот что, несколько раз мы попробуем так же. А вот если не получится, то будем искать нужный способ. Ты направляла энергию через себя на цель — это рабочая схема, но мы попробуем поискать другие способы. Что-то интереснее и необычнее. И вот тогда точно должно получиться. Главное — проявить смекалку и найти действенный метод.

— Хорошо. Обещаю, что сделаю...

Ноги Мии подкосились. Она почувствовала абсолютное отсутствие сил и села на землю. Чувство, что непонятный дискомфорт ушёл, оказалось ложным — сейчас его тяжесть ощущалась сполна. Она представила себя хилой девчонкой, которая пришла тягать тяжёлые булжники и облажалась на самом первом. Голова сильно кружилась, и появилось чувство тошноты. Тело покрылось испариной и дрожало, словно боясь того, что только что случилось. Удавалось только медленно вдыхать воздух и так же медленно его выдыхать. Так казалось, что тошнота становится слабее.

— Эстер, — медленно проговорила она. — Что-то мне совсем не по себе.

— Понимаю. Ты прости, что не сказала сразу. Боялась обить запал. — Наставница присела рядом, но никакой жалости в её словах не было. — Такой вот побочный эффект, называется “таяние”. Ужасное чувство, знаю, но его испытывают почти все, когда амарантин на нуле. Так что переживать совсем не стоит. Всё же это первая попытка выйти на контакт со своим ароматом в твоей жизни. И очень хорошо, что оно не такое уж сильное, потому что я, когда открыла свой аромат, потеряла сознание.

— Я близка к этому. Кажется.

Эстер аккуратно положила руку на плечо. Будь всё это хоть немного опасным, она бы точно распереживалась. Но сейчас её поведение было спокойным и подсказывало, что

никакой угрозы нет.

— Амарантин кончился быстро потому, что совсем не развит. Пусть аромат и не проявился, ты ведь потратила амарантин в попытке найти его. Но если будешь из раза в раз работать над этим, то научишься чувствовать, когда стоит остановиться. В упорстве и есть главная сложность развития аромата. Поэтому вот для тебя и хорошая новость — ты всё лучше и лучше будешь чувствовать свой аромат, если начнёшь работать над ним. Ну а плохая — с “таянием” ты столкнёшься ещё не раз. Держись, это нужно переждать. Просто дай себе время отдохнуть. Может, тебе принести что-то поесть или попить?

— Ужас какой, — прикрыв рот, пробубнила Мия. — Если ты знаешь это состояние, то зачем говорить о еде? Мне сейчас даже думать о ней страшно.

— Меня саму удивляет, но у многих при таянии просыпается просто зверский аппетит. Готовы съесть что угодно, даже жирное и жареное.

— Не издевайся. Стоп. Ни слова о еде, — Мия усмехнулась настолько, насколько это было возможно сделать в её состоянии. — А амарантин он как, сам по себе... Восстанавливается? Ускорить нельзя? — Не было сил на длинные предложения.

— Нет. Ждать и всё. Минут десять-пятнадцать, и начнёт отпускать.

Мия ничего не ответила, а просто взялась за голову и простонала.

— Ну ты чего? Для первого раза очень неплохо вышло, правда. Тренировки с ароматом — тонкое искусство. Полчаса теории и минута практики заменяют четверть часа прыжков на месте. Ты умница.

Сидеть стало тяжело и Мия навзничь легла на землю.

— Хочу стараться. Чтобы тренировки не прошли зря. Только бы нашла что-то подходящее для меня. Что мне понравится, а не какую-то скуку. Не хочу быть повелительницей скуки. Ф-у-у-х-х...

— Нет плохих ароматов — есть ленивые носители. Пока можешь подумать о том, что могло бы подойти. А вот чтобы это стало частью тебя... В общем, мы ещё поэкспериментируем.

— Пока я наэкспериментировалась, спасибо.

Эстер скрестила руки на груди и строго, но в своей манере, по-доброму, посмотрела на развалившуюся на земле ученицу.

— Так, жалеть и хвалить тебя буду я. А саму себя нельзя.

— Первая тренировка. Дай прийти в себя.

— Хорошо, — одобрительно кивнула девушка. — Сейчас отдыхай, а потом продолжим.

Ориентируйся на то, что я вернусь через полчаса.

Эстер развернулась и направилась в сторону замка, так легко бросив столь тяжёлые слова напоследок. Мия встала на четвереньки и смотрела на девушку, которая, кажется, не шутила.

— Стоп, ещё раз придётся?! Разве это не всё на сегодня?

— Шутишь? По одной попытке в день? Вот уж, ещё минимум два раза! — крикнула наставница, не поворачиваясь, и подняла руку вверх, показав жест победы.

— Два раза, — шёпотом повторила Мия, запустив пальцы в волосы. Всегда это число казалось маленьким, чуть больше единицы. Там уже было недалеко и до нуля, поэтому число «два» никогда не вызывало страха. Оно попросту не могло быть большим. Но сейчас эта цифра вызывала нервные смешки, да и только.

— Ещё всего два раза, — простонала та и вновь обессилено повалилась на землю.

Всё, что происходило после непростых и безуспешных тренировок, казалось одним большим вздохом облегчения. Вечер хотелось сравнить с оазисом, на который удалось наткнуться только после очень долгой и изнуряющей дороги. В этот раз занятия проходили в комнате Тесс. Чайный уголок, которого просто не могло не быть, оказался загромождён всякой всячиной наподобие блюдец, чайных листьев, свадебных украшений, лент для волос, ягод и ступы. Свет здесь был не множеством маленьких огней от свеч, как у Венди, а большим жёлтым огнём на потолке. Кровать была застелена кашемировой тканью и силуэт невысокой горки вещей всё же выдавал себя. Это удивило, ведь казалось, что Тесс ближе чистота, нежели небольшой беспорядок.

Стоило сесть за письменный стол, и вдохновение нахлынуло само по себе. Мия записывала текст на слух и ошибок было меньше, чем во все прошлые разы. А на фоне всё та же возня: кипение воды, стук дверцами шкафчиков, шуршание и шарканье — оно было неотъемлемой частью и совершенно не отвлекало.

Когда они отдохали, Мия рассматривала маленькие фигурки на углу стола. Там стояли миниатюрные животные из стекла: щенки, овцы и что-то похожее на барсуков с рожками.

Венди рассказала, что свободно говорит не только на Йетрагге-янтэ, а и на языке северного континента — ридасе. Мия попросила что-то сказать и написать на нём, и то ли Йетрагге успел стать родным, то ли так отличалась структура языка, но ридас казался куда более сложным, грубым и чужим.

Они засиделись допоздна и порядком устали. Но это была приятнейшая из всех видов усталости. Та, от которой засыпаешь, стоит только укутаться в одеяло и прикрыть глаза.

* * *

Когда Мия возвращалась, в голове засела мысль узнать, почему его не было на крыше. Заскочить, просто обмолвиться парой слов, а после пожелать благоночья и самой отправиться спать.

Она поднялась на четвёртый этаж и пока шла по коридору почувствовала, как лёгкий сквозняк щекочет ей ноги. Большинство ламп не горело, а лунные лучи будто терялись на полпути, оттого большие участки коридора были почти полностью тёмными. Казалось и звуков, и жизни на этом этаже было меньше, чем на всех остальных. Пришлось ускорить шаг. Она постучала в самую последнюю дверь и аккуратно приоткрыла её.

— Привет. Извини, я на секунду. Не спишь?

— О, я? Нет. Нет, не сплю. Заходи.

Мия проскользнула внутрь и тут же закрыла дверь. С внутренней стороны она была оклеена листами и лентой, как и вся комната. Но лента здесь была очень старой, потрескавшейся и порванной, а листы смятыми и выцветшими. На одной из подушек посреди помещения стояла лампа, свет от которой не доставал только до углов комнаты. Всё

остальное пространство было освещено хорошо.

— Мы недавно на крыше собирались. И знаешь, было невероятно. Заскочила, ведь хотела спросить, почему ты не пришёл. Ты такие моменты не любишь?

— Люблю. Просто слушал, как крысы скребутся под первым этажом, — неосторожно бросил Эйдан и добавил: — Не всегда получается. Но в следующий раз постараюсь быть. Парадокс, наверно, опять с кем-то спорил?

— Ага, — воодушевлённо ответила Мия и подошла ближе. — Он на пару с Кейтлин что-то там пытались доказать Венди. А потом они повздорили, но до серьёзной ссоры не дошло. А мы... О, мы говорили о разном, даже о женских романах. А ещё ребята мне рассказали с теории бесконечности. Эстер красиво объяснила свою и даже описала её одним словом — эмпатия. Потрясающий вечер, навсегда запомню его. Жаль только, что раз в месяц такое происходит.

Хорошее настроение внутри отобразилось на сказанном. Это чувство, когда на эмоциях сначала делаешь шаг, произносишь слова, а только потом думаешь, правильно ли это.

— А вот у тебя она есть? Бесконечность.

Неаккуратный вопрос. Поспешный и воспринятый странно.

— А у тебя? — без запала переспросил он. — У тебя есть?

Нахлынуло чувство, что два одинаковых вопроса на деле не были равными. Мия была Эйдану никто, и не захоти она отвечать, выйди из комнаты, никто бы ничего не потерял. Он же был другим. Рассказчиком. Их принято слушать, а не спрашивать о личном. Рассказчики знают, как работают тайны, знают секреты мира, в котором ей так хотелось разобраться. Ничто не мешало Эйдану проигнорировать её вопрос и самолично задать его заново.

— Нет конечно. Я не так много повидала пока что. Даже представить не могу, где такие важные вещи искать.

— Я понял.

Он медленно ходил от угла к углу и наклеивал ленту поверх предыдущих слоёв. Ровно, чтобы синева листков никуда не делась. Здесь царила гармония в хаосе и нарушать её, кажется, было нельзя.

— А если бы я попробовал показать тебе, где она, ты бы согласилась? Ты бы сказала “да”, Мия?

— Не знаю. Своя бесконечность, как я поняла, это что-то более глубокое. Нельзя просто взять и показать на неё пальцем.

— Можно.

— Думаешь, можно?

Она испугалась. Стало не по себе от того, как быстро Эйдан появился позади. Мия только услышала, как упал рулон с лентой, но собеседника на том месте уже не было.

— Да. Вот здесь. — Он прикрыл ей рот и пальцем другой руки коснулся её виска. — Видишь? Ты не знаешь правил.

Он произнёс эти слова с натянутой сдержанностью. Руки ослабли, но в поведении и словах читалась какая-то мания, какая-то жажда, появившаяся внезапно и вызванная непонятно чем.

— А я бы начал с другой стороны. Искал бы не только тех, у кого есть бесконечность. А других, чью бесконечность съели или вот-вот съедят. Вдруг и там есть что послушать?

Эйдан обошёл гостью и задор его был на грани. Не безумство и помешательство, но что-то другое. От чего взгляд стал не безразличным, а цепким, от чего самообладание куда-то

пропало.

— Я бы показал. И, может, это повлияет на тебя. Сама научишься отвечать на вопросы. А значит появится шанс найти то, что хочется. Появится шанс не спрашивать о символе, который кажется тебе таким романтичным, а показывать его другим. Хотела бы так, а?

Тот хотел услышать именно слово. Кивок ему не подошёл, а на большее не хватало смелости. Непонятно чего можно было ожидать от человека перед ней. Пугало то, как он говорил. Эта его кривая улыбка пугала, в которой ни искры чистосердечия или доброты, эта переменчивость его поведения. Но как же манило то, о чём шла речь. Говори об этом даже безумец, без осознанности в глазах, без внятной речи, Мия бы отошла к выходу, чтобы слушать. Слушать и только в самом крайнем случае бежать.

— Я не обижаю тех, кто живёт в доме, — меж тем прояснил Эйдан. — У меня иногда меняется тембр жизни. И цвет глаз. И громкость поведения. Но Орторусу я не врежу. А наоборот.

— Скажи, — интерес победил и сейчас её мысли были совсем о другом, — если я хочу, то что? Ты мне расскажешь?

— Скорее покажу. Но только если мы дадим друг другу клятву. Я ведь тебе не ответ собираюсь дать, потому и попросить много не могу. — Эйдан взял себя в руки и приложил какое-то усилие, будто внутри ему стало больно, но нужно было вытерпеть. — Я покажу тебе образы. И может сложиться так, что они повлияют на тебя. И когда-то, в далёком-далёком будущем ты, может, обростёшь неповторимой красотой. Станешь олицетворением весны. Всё это просто теория, один из тысячи вариантов, правда. Но если случится так, что мы с тобой очень не поладим и моя жизнь будет висеть на волоске, то ты этот волосок не обрывай. А поддайся. Поддайся и проиграй, раз уж так случится. Как хочешь, хоть горло себе разорви собственными руками. А можем остаться молчунами и ничего друг другу не обещать. Всё потечёт как есть. И ни весны тебе, ни угрозы, что волосок оборвётся.

— Это странно, — насторожилась Мия. — Слишком... слишком наобум выходит. Зачем ты просишь того, что произойдёт с шансом один к тысяче, если не меньше?

Собеседник сначала удивлённо на неё уставился, а потом ухмыльнулся и прищурился так, будто узнал какой-то секрет.

— А если я тысячу таких договоров заключу, на каждый из случаев? Значит я победил непредопределённость, так выходит?

— Я не знаю. Но это и правда только для одного из многих вариантов? Или есть подвох?

— Фрида же тебя не обманула, когда сюда привезла. И я обманывать не собираюсь. Одна тысячная. Но Мия, это больше чем просто обещание. И куда больше, чем клятва. Я дарю тебе одну вероятность, а ты мне другую. Представляешь, какой это важный шаг — обмен вероятностями? — он оскалился. — Этот уговор нельзя будет нарушить даже если очень, очень захочется.

— Подходит. Только расскажи.

Эйдан протянул руку ладонью вверх, и девушка коснулась её указательным и средним пальцами — знак согласия в Эмиронии, которому научила Тесс. В горле стало щекотно и Мия кашлянула. Наружу вылетело чёрное смоляное облачко, которые Эйдан выдыхал при их первом знакомстве. Тот присел на подушки и уставился в сторону заклеенного окна.

— Хорошо. Я отправлю тебя в путешествие. Настоящее, а не выдуманное мной. Просто форма этого путешествия покажется тебе непривычной. В нём, запомни, никто не сделает

тебе больно. Ты сможешь идти куда захочешь и делать любые выводы. Догадываешься о чём я?

— Ритуал какой-то?

— Нет. Сон, но не такой, к каким ты привыкла.

— Хорошо, сон. И что мне нужно будет в нём делать?

— Наблюдать. Чувствовать. И всё. А потом обсудить его со мной. Дальше уже разберёмся. Ты не пугайся, Мия. Иногда высокой цели и правда нет. Её нет. Нет, и всё тут.

— А когда ты меня отправишь?

— Да вот как случай выпадет. Раз ляжешь спать и ничего, а другой раз уснёшь, так и потом не выкинешь увиденное из головы.

— Мне нужно что-то делать? Как-то готовиться к этому?

— Выпей.

Внимание Эйдана будто расфокусировалось. Ему, казалось, всё меньше и меньше был интересен этот разговор. Он не смотрел на неё и точно задумался о чём-то своём, а голос его стал тих и печален.

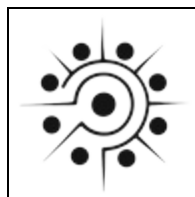
— Что выпить?

— А-а-а... Воды. Но потом, когда проснёшься. А перед сном ничего пить не нужно.

Она не нашла ни что сказать, ни о чём спросить. Это место начало пугать, будто его обитатель в любую секунду мог вновь оказаться позади. А, может, и над головой или прямо под ногами, начав затягивать в гору безобидных на вид подушек. Здесь сколько ни оборачивайся, хотелось сделать это ещё раз. Мия простояла совсем недолго и вышла из кокона, который и комнатой-то не назовёшь.

Глава 6. Смысл вьющегося символа

В этой главе откроется тайна.

Как и просила наставница, Мия выпила полный стакан воды с лимоном за час до четвёртой по счёту тренировки. Эстер говорила, что пусть напиток и простой, а энергии способен дать столько, что хоть стены ломай. Такое вот чудо — вроде на виду у всех, а многие лишь махнут рукой и не послушают. Мия выдавила чуть ли не пол-лимона и выпила через силу — результат должен был себя оправдать. В конце концов гадкий лимонный вкус не только неприятно щипал губы в течение всей тренировки, а и усилил тошноту во время таяния.

— Ну, такие мелочи тоже узнаются методом проб и ошибок. — Наставница склонилась над Мией и протянула руку, но пока не было сил ни встать, ни даже протянуть руку в ответ. — А может мало лимона было? Его нужно хорошенько так.

— Его было много. Даже слишком много. Я выпила почти стакан лимонного сока. В жизни теперь к этой жёлтой дряни не притронусь.

— Ты знаешь, а ведь это может быть аномалия[1]. Редкая и такая... Знаешь, неприятная гадость, но если уж угораздило быть носителем, то приходится терпеть. Бывает, что потратишь амарантин, а кроме таяния ещё какая причуда проявляется. Кровотечение, там, внутреннее, или вроде того. Но-но-но! — поспешила успокоить Эстер, замахав руками. — Это всё индивидуально, не бойся. У кого кровотечение, а у кого-то просто немного температура поднимется, вот и всё. Но есть и постоянные, сама понимаешь! Они от применения амарантина не зависят, и если уж ты стала соней, например, то ты теперь по жизни соня. И вот я боюсь, что после нашей первой тренировки ты разлюбила вкус лимона. И всё, это же навсегда. Как тогда?

— Или я просто никогда его не любила.

— Да ну, разве ж такое бывает? Лимон, и не любить...? — Эстер оценочно посмотрела на собеседницу, но ответить ей таким же ясным взглядом не получилось. — Ладно-ладно, я не люблю перегибать палку. На сегодня всё, можешь вставать.

— Ещё немного полежу, пока тошнота не пройдёт. А ещё мне нравится лежать на траве. Тепло так. И приятно.

— Уже не такая ранняя осень, можно и простудиться. Поэтому ты, конечно, приходи в себя, но долго лежать не вздумай. Ты сегодня умница.

Эстер ушла. Это её слово, “умница” — оно словно было брошено от жалости. Уже в четвёртый раз снова ничего, ни намёка на рождение аромата. Мысли никак не собирались в один клубок потому, что она нервничала с самого утра. Хотелось расслабиться и успокоиться, но как ни злись на себя, как себя ни осуждай, приснившееся не покидало голову.

Путешествие, о котором говорил Эйдан, произошло. Не сразу после их разговора, а через пару дней. К такому перед сном не подготовиться, как ни старайся. В голове роились десятки мыслей и ощущений, столько же новых вопросов, догадок и образов. Вся Мия была в них, и важность тренировки, как бы ни хотелось, не вытеснила ураган внутри. Она нервничала и злилась на себя. Хотела избавиться от тошноты и от чувства стыда. От дрожи в конечностях, от сонливости, которая мешала встать и бежать. Бежать, чтобы небрежно открыть дверь и заикаясь рассказать Эйдану обо всём, что видела во сне. Сейчас сил хватало только на то, чтобы ещё раз заснуть.

Кто-то аккуратно коснулся её мокрого лба.

— Никак не получается, да?

В ответ получилось лишь промычать и открыла глаза. Тесс сидела на корточках и касалась ладонью лба Мии, будто что-то из раза в раз могло поменяться.

— Страдания — это путь к совершенству, — выдала на выдохе Тесс. — Это так Морти говорит.

— К...то? — та вздохнула, едва сопротивляясь накатываемому сну.

— Ну Морти, Мортимер. Эй, — девушка её легонько ткнула в бок, — нельзя тут засыпать, иначе всякие жучки в уши поналезают!

Мия привстала почти мгновенно, автоматически притрагиваясь к ушам и проверяя их на наличие инородных тел. Тесс лишь издала смешок и поднялась.

— У меня есть идея куда получше, чем становиться убежищем для насекомых. — Мию передёрнуло от этих слов. — Как насчёт того, чтобы наконец покинуть материнское гнездо и отправиться в свободный полёт?

Тесс резко выпрямилась и потянула её за собой.

— Помедленнее, помедленнее. Пожалуйста, мне сложно. — Мия едва переставляла ноги, мысли путались из-за непонятого предложения собеседницы, а тошнота после тренировки ещё никуда не делась.

Её спутница вмиг остановилась — весь её вид выдавал растерянность и смущение.

— Кейтлин. Про гнездо и полёт. Она часто так говорит. И часто спешит, и рвётся куда-то, — мечтательно лепетала та. — Я подумала, что смогу тебя отвлечь и развеселить после тяжёлой тренировки. Я знаю, какими они бывают. Хочется отступить и просто провести флатию, не вылезая из кровати. Даже трава кажется райским местом для сна. Но ты только не сдавайся. Всегда после трудностей есть приятный отдых. Ну, или обед. Я больше люблю есть, чем просто отдыхать.

— Это не ты тот человек, который после тренировки не прочь перекусить? Ещё и жареным.

— Ага. Всегда очень голодная после занятий. А у меня, если честно, и таяния нет, потому не тошнит никогда.

— Чт-т...

— Но я вынуждена страдать иначе, — опередила та все возмущения. — Аппетит — это тоже мука, поверь мне.

Стало не на шутку завидно. Тошнота только-только начинала проходить, но представить только, что кто-то её и вовсе не испытывал после тренировок.

— Как бы самой хотелось отпраздновать удачную тренировку вкусным обедом, а не приступами тошноты и прочим.

— Так пошли с нами. Мы с Кейтлин и Доксом собираемся в одном интересном месте

пообедать. Пройдёшься, и вся гадость уляжется. А место, ну замечательное!

— Я бы с радостью, но мне к Эйдану нужно. Есть важный разговор.

— Ага, мы с Кейтлин сами его искали, Эйдана сейчас нет. Придётся подождать. Но можешь сама, хоть это уныло и скучно, — Тесс шепётом прокомментировала первый вариант и уже нормальным голосом предложила второй. — А можешь с нами.

— А что, Эйдан куда-то ушёл?

— Да нет, не ушёл, — собеседница мотала головой, будто ей сложно было просто спокойно стоять на месте. — Просто пропал, у него это бывает. Он как хороший таракан — его не видно, но он же где-то там, под половицами. Ползает и делает свои дела. Но не переживай, он рано или поздно появится.

— Хорошо. Тогда пойду с вами. Только не удивляйтесь, если я там засну. Сил совсем нет, но и проспять весь день тоже не хочется.

— Ух ты, значит я смогла тебя уговорить. — В глазах девушки вспыхнул огонёк энтузиазма. — Только сначала... Хочу показать тебе кое-что. Это может быть полезно, — заключила Тесс и устремила свой взгляд прямоком Мие за спину.

Собеседница пару раз дёрнула её за рукав, а потом потащила за собой.

— Я люблю Эстер, но она, наверно, что-то проглядела. У всех разные способы выйти на контакт с ароматом, а вы всё пробуете один и тот же. Вот смотри, это же совсем... оно совсем по-другому!

Венди находилась у дерева, повёрнутая к ним спиной, не обращая никакого внимания на шаги. Вплотную подходить они не стали.

— Чуть наклонись и тоже послушай, это забавно, — прошептала спутница. — Только не издавай громких звуков, иначе она может испугаться.

Венди стояла на коленях, глаза были закрыты, а голова чуть наклонена вниз. Её тело было практически неподвижно. Только рука, которая держала очень длинную тонкую трубку, едва заметно покачивалась. Губы девушки прикоснулись к кончику мундштука, она беззвучно вдохнула дым, задержала дыхание и очень медленно выдохнула его.

— Она что, нас не слышит?

— Пока нет. Послушай-послушай, потом поговорим.

Венди говорила ещё тише Тесс. Она не шептала, просто говорила настолько спокойно, что даже слабый порыв воздуха помешал бы её расслышать.

— И светлая вода. И пагубные горы. Жуки и птицы. Звенья в цепи. Цепи на перьях. Под красным рассветом. Создают смысл. Где постоянно находится верх. Где никогда не теряется низ. Не подкрадывайся сзади. Стой на виду. Расскажи мне историю. Как я стала водой. Как я стала паром. Как я стала небом. Как я стала историей.

Весь этот монолог из сумбурных фраз затянулся чуть ли не на целую минуту. Мие показалось, что она так бы и слушала эту непонятную речь, если бы Тесс не махнула ей ладонью.

— Вот такие вот у неё тренировки...

— Я совершенно ничего не поняла из того, что она сказала! — взбудоражено призналась Мия, как только они отошли.

— Венди сейчас где-то далеко. Она называет это состоянием помрачения и очень редко кого-то берёт с собой. А вообще мне сложно залезть к ней в голову и... Ну, как бы это сказать... Наверняка описать, что она делает. Но так она тренирует аромат.

— Она тебе описывала что там? Что она видит?

— Ну... — Тэсс замешкалась, но не перестала идти. — Если я тебе скажу, это можно воспринять по-разному. Оно вполне может прозвучать очень глупо. У Венди бы это лучше получилось описать.

— Ты боишься, что я не так это восприму?

Собеседница на удивление уверенно кивнула.

— Понимаю. Не хочу тебя смущать, я лучше спрошу у неё и...

— В общем! Она общается с природой вокруг себя и разными богами, вот так вот! — Тэсс словно лопнула от желания наконец сказать об этом. — Вот скажи, ты следуешь какому-то из них? Не просто так спрашиваю, мне важно знать.

— Я же знаю о них совсем ничего. Наверно только то, что многие упоминают имя богини, которую называют Предвечной. Кейтлин, например, так часто делает.

— Ага, потому что сейчас её сезон. Это её осень, поэтому много кто и произносит её имя. Но осень пройдёт, и будет звучать имя кого-то ещё. Только лучше говорить Вездесущие, чем боги. Я не знаю почему, но мне так сказал Сандер, и я ему верю. А Сандер — это ворона, ты с ней пока не знакома. Но Кейтлин, знаешь, скорее просто произносит имя, чем чувствует Предвечную сердцем. А вот Венди и Сандеру это куда важнее. Называется “Трезамика”, если интересно.

— Трезамика — это... Что так называется?

— Вера в Вездесущих. Венди и Сандер мне рассказывают об этом, а я слушаю их и запоминаю. Но сама не знаю, что чувствовать. Вездесущих целых восемь, и это такая ответственность, по-настоящему верить и молиться даже одному из них. Зачем ему мысли маленького человека-пылинки? А всем восьми, чтоб искренне, так совсем невозможно. Так мне говорил Скай. Я люблю их всех, но не знаю, кому верить окончательно. А на твоей земле нет такого, что там обитают божественные сущности?

Тэсс держала руки за спиной и, как бы ни было забавно, иногда крутилась, когда шла. Просто раз, и крутанулась по оси, будто просто идти вперёд — вовсе непосильная задача.

— Если честно, я и не знаю, где моя земля. У меня странно всё и... Как бы сказать...

— Понимаю. Тогда и не подбирай слова, а то язык отсохнет. У нас вот Вездесущие. Такие замечательные. Много чего в нашей Эмиронии завязано на Вездесущих. Вот они сменяют друг друга и вместе с этим меняются времена года. А я люблю и ливни, и весенний ветерок. Значит, люблю всех их. А до более сакральных вещей я ещё не дошла. Всегда слушаю, наблюдаю, но не решаюсь что-то сказать.

— Могу тебя понять. Но в этом же тоже прячется настоящее искусство, — произнесла Мия и словила себя на мысли, что на самом деле верит в эти слова. — В том, чтобы наблюдать и слушать. Некоторые и этого не умеют.

* * *

Впервые уйдя так далеко от замка, Мия словила себя на мысли, что вся окружающая её природа живёт по совершенно другим законам, нежели в Мейярфе. Они с Тэсс шли по каменным дорогам мимо разных домиков. Какой-то напоминал мельницу, другой колодец, а некоторые и вовсе походили на шкатулки — казалось, стоит только открыть дверь, как изнутри послышится музыка. И проходя даже мимо самих дверей слышался шелест листьев, а не чьи-то голоса. Будто природа сама соблаговолила, чтобы эти дома с их жителями находились здесь, под широко раскинувшимися ветками. Мия не переставала идти и

любоваться, но была уверена, что стоит только остановиться, задержать дыхание и закрыть глаза, как щебет птиц станет её родным языком, а ветер окутает тело и украдёт сознание. Уверенность появилась и в том, что эта сила, которая, без сомнения, тут жила, наблюдала за ними и наполняла собой каждый камень, сопутствовала и им. Но рано было оборачиваться, всматриваться меж деревьев и пытаться уловить её в чистом воздухе. Пока рано.

Длинная каменная дорога в конечном счёте привела их к небольшой площади — уголку, где присутствие людей ощущалось куда сильнее. Стоя посередине, запросто можно было увидеть каждое из нескольких невысоких зданий. Всё здесь выглядело куда более скромным и меньшим, чем в Мейярфе. Библиотека на углу, средних размеров заведение с вывесками, цирюльня, что-то напоминающее хлев и совсем крошечное, похожее на святилище, здание. Об остальных двух постройках сложно было что-то сказать, не заходя внутрь. Стоят, да и стоят — красивые и маленькие, но что там, внутри, совершенно непонятно.

— Странно. А где люди покупают еду или одежду? Неужели здесь её не продают?

— Думаешь, есть населённое место в мире, где не продают еду или одежду?

— Я представляла, что это делают на улице или в больших лавках. А здесь всё такое компактное...

Тесс указала пальцем в сторону зелёного луга.

— Среди травы?

— Да нет же, вон там, на другом острове! — она прикрыла глаза от солнца и всмотрелась. — Вон, за лугом. Видишь?

Мия встала на цыпочки и сделала то же самое. За зелёной гранью виднелись верхушки зданий и крутящаяся мельница. Издалека это напоминало такую же небольшую площадь, что и эта.

— Вон там продают еду с одеждой и ещё много чего. А здесь кушают, болтают, читают книги и всё в таком духе. Одним словом, отдыхают. Стеокс, он разделён на вот такие маленькие площади, но здесь их называют “островами”. На каждом из островов есть что-то своё. Потому и сам Стеокс — это совсем не один сплошной город, как бывает обычно. Если задуматься, то это и не город вовсе.

— Интересно. А мы, получается, — Мия указала пальцем на забегаловку, — направляемся сюда, да?

— Совершенно точно. В лучшую закусочную во всём Стеоксе.

— Правда лучшая?

— Кейтлин говорит, что лучшая.

— А ты как считаешь?

— Я думаю, что... — девушка неуверенно повторила фразу несколько раз подряд, после чего заключила: — Я думаю, что не бывает самого лучшего. Тут вкусные блюда, но я и нашего Луноеда люблю. А, может, в других заведениях ещё вкуснее? Не люблю я чему-то отдавать первое место. Но вот в Амбре, куда мы идём, очень пахнет ягодами.

— У-а-а, это же отлично.

— Ну-ну. Это, знаешь, — неоднозначно покачала головой Тесс, — как посмотреть.

* * *

И правда, в Амбре стоял такой запах, будто стены были сделаны из свежего ягодного

джема, вкус которого не вызывал сомнений. Запах был мягким и не резал нюх, но оставался достаточно ярким, чтобы щекотать нервы и вызвать невероятный аппетит. От такого аромата любая тошнота отступит, потому даже пришла мысль — тренироваться где-то поблизости, чтобы только начнётся таяние, а она раз, и сюда. Тогда точно станет не до тошноты и покалываний в теле.

Мия прикусила губу, чтобы хоть как-то сдержаться. Она не поняла, что это за куча картонных кругляшков, на которых написаны название блюда и цифры напротив, а просто мечтала об одной-единственной свежее испечённой булочке, политой малиновым вареньем. Тесс, судя по поджатым губам, тоже хотелось побыстрее определиться.

— Что за странные названия? И почему этих кругов так много? Я не понимаю, что написано.

Собеседница под села ближе и довольно сумбурно начала описывать каждую строчку. Мия старалась запомнить все специфические слова, которых здесь было хоть отбавляй.

— И я тебя лучше сразу предупрежу. Когда придут Кейтлин и Докс, то они обязательно, просто обязательно предложат тебе попробовать вот это, — девушка ткнула пальцем в последний пункт меню. — Они попросили меня ничего не говорить тебе, но это неправильно.

— Мясо, обжаренное в амбре?

— Да. Заведение же называется «Амбра», а это их фирменное блюдо.

— Невкусное?

— Вкусное, — скривилась Тесс. — Если не знать, из чего оно сделано. Тогда и правда не очень аппетитно. Мортимер говорит, что очень вкусно, если есть с закрытым носом и зажмуренными глазами. А Докс и Кейтлин бы тебе сказали обо всём после, поэтому я тебя предостерегаю. Это блюдо...

Она на несколько секунд замялась и отвела взгляд, видимо, не зная какие лучше подобрать слова и стоит ли вообще об этом говорить. Когда решимость вернулась и собеседница даже сделала вдох, чтобы начать рассказывать, женская ладонь коснулась её головы.

— О, и Мия с нами, круть! Снова-здоровая, а почему у самой стенки? — удивилась Кейтлин, осматривая помещение. — Хоть не в углу, и то хорошо. Ждали-заждались небось, да?

— Мы думали о еде, а не о вас.

— Еда — это да, — довольно протянул Докс, хлопнув подруг по ладошке в знак приветствия. — Это вот прямо да, жить без неё не могу. Выбрали что-то?

Палец сразу ткнул в пункт меню, подальше от последней строчки.

— Это!

— О-о-о, вкусная вещица. Но, Мия, ты же здесь впервые, разве нет? Если так, то попробуй эту вкуснятину, а? Вот, смотри. Фирменное блюдо. Очень вкусное.

— Мясо? Я не хочу сейчас мясо.

— Не ешь мясо, там есть вкусный гарнир.

— И... и острое не хочу.

— Там ни перчинки.

— И порция, вот вижу, большая...

— Так я тебе помогу, если что.

— И... — Мия замялась. — Вообще я всё же съела бы салат. Вот.

— Салат? — Докс лукаво прищурился.

— Точно-точно.

— Уверена-уверена?

— Так, прекращай! — неожиданно встряла Тесс. — Мия будет салат, сказала же.

Докс загадочно ухмыльнулся и окинул всех взглядом, будто кто-то из присутствующих был преступником, которого тот хотел вычислить. Он поглазел сначала на Мию, потом на Тесс, а затем простодушно пожал плечами и вышел из образа.

— Ну хорошо, салат. Леди-револьвер?

— Как всегда.

— Ага. Леди-чай?

— Я буду, — начала та, показывая пальцем на разные кругляшки, — черничный пирог. Тисарм под десятью специями[2]. Потом мёд в сотах... Два. И пять блинов. И чайный глобус[3] с имбирём. Самый большой.

— Замечательно. Тогда пойду закажу нам еды. — Он хлопнул в ладоши и с довольным лицом потёр их. — Ну, молнией меня шибануть, приобщим ещё одного человека к высокой кухне.

* * *

— Нет же, я серьёзно! — не сдавалась Тесс. — Мия, не слушай их. Эстер часто мне рассказывала, что то, как мы думаем, влияет на окружающий мир. Эти мысли слышны даже Терсиде и Йеталь[4], даже другим звёздам и спутникам, поэтому очень важно то, как ты настроена.

Тесс в порыве пыталась донести свою мысль хотя бы до Мии. Та внимательно слушала, но только глянула в сторону, на Кейтлин, та закатила глаза и тяжело вздохнула.

— Поэтому нисколько это не правда, что всё зависит от везения. От тренировок и усилий, конечно, но и от мыслей в твоей голове. С помощью них ароматы ведь и формируются!

— С помощью чего? — скептически уточнила Кейтлин.

— Чего-чего, мыслей, конечно.

— Это так. Но с чего ты взяла, что звёзды и луны слышат наши мысли?

— Скорее, даже не их, а то, как мы думаем.

— С чего ты взяла?

— Эстер мне рассказала, — смело и даже гордо заявила девушка, но тут уже подключился Докс.

— А теперь аккуратно, дорогуша. Один вопрос, который может вызвать жжение нервов, спровоцировать скрежет зубов и одновременно ввести в тебя в ступор. Приготовься, вдохни и выдыхай. С чего ты взяла, что Эстер права?

Уверенная в себе ещё пару секунд назад, сейчас бедолага показалась действительно ошарашенной, будто этот вопрос вообще не рассматривался ею как допустимый. Она что-то пробубнила, цокнула и уже довольно разборчиво произнесла:

— Не знаю. Может, и не права до конца, но уж точно поправее вас.

— Поправее нас, — оценивающе повторил Докс. — Не фраза, а алмаз. Алмазище.

Докс засмеялся, и этот скрип оказался заразительным. Тут же подключилась Кейтлин. Темы разговора и настроение этой компании прыгало из стороны в сторону так быстро, что

сразу и не привыкнешь. Мия только думала, чего бы добавить, а речь шла уже совсем о другом, приправленная странными шутками и какими-то там воспоминаниями. В основном оставалось молчать, но даже сам разговор было слушать интересно. И десяти минут не прошло, как им принесли еду, а разговор был накалён до предела.

Кейтлин говорила на эмоциях. Её речь — это что-то острое, чем можно порезать, если переборщить. Скажи она что-то приятное, так понимаешь, что это не просто брошенные лестные слова, но выкини чего обидное, и оно будет ещё как ощутимо. Сейчас в голосе звучало возмущение, не переходящее черту. Тесс спокойно себе пила чай, будто речь шла не о ней. Мия же внимательно слушала, потому что такие как Кейтлин не любят собеседников-зевак.

— ... а я знаешь в каком шоке была, когда мы познакомились? “Предвечная”, — думаю, — “куда тебе столько еды?”. А оно просто, видите ли, уходит куда нужно. Куда нужно, а не как нужно, когда всё равномерно распределяется, понимаешь? Сумасшедший аппетит — это ладно. Последствия нечестные. Последствия! Если это аномалия — о лучшем и мечтать нельзя. Всё, это предел. Это лучшее, что могло случиться.

— Слушай, ну... — встрял Докс. — Ну вот тебе ли делать такие замечания?

— А мне жалко всех остальных девушек. Всех, даже в самых далёких угольках..., — Кейтлин понарошку сплюнула, — угольках мира. Они мучаются, думают, брать один или два блина? Или вообще не брать, мало ли? А тут пять. Пять блинов, и это только закуска! Вот это мы живём-поживаем, чтоб его.

Тесс съела последний блинчик, политый мёдом, и простодушно пожала плечами.

— Не знаю. Ноша тяжелее, чем кажется.

Кейтлин была из тех, кто остывал так же быстро, как и воспламенялся. Тесс казалась человеком простым и настоящим, который не расслышит обиду, пока его напрямую не оскорбят или не сделают больно. И ни слова, что бы могло спровоцировать хоть кого-то перешагнуть эту черту. Таких людей обидеть непросто — нужно быть совсем уж чёрствым и упёртым.

Докс травил шутки — своеобразные, Мия их не понимала и те приходилось объяснять. Когда он с Кейтлин заливался смехом, Тесс неловко осматривалась и просила смеяться потише. Эта прогулка помогла отвлечься и прийти в себя. Далёко не полный порядок в голове, но паника и это утреннее помешательство отошли на второй план.

В какой-то момент в сознании вдруг всплыл её самый близкий друг. Даже глаза закрывать не пришлось — два жёлтых фонарика просто появились в мыслях, а голос был таким тихим и рябым, что ни слова не услышишь. Мие просто удавалось ловить себя на чувстве, — “Это моё любимое существо и оно опять в моей голове”. Ничего не рушит, не кусает, не пугает, а просто осматривается. Даже сказать, кажется, ничего не пытается. Побродило с пару десятков секунд и ушло куда-то в своё далёкий-далёкий мир.

— Да, сию я как-то в трапезной, никого нет, все разбрелись уже. Все стулья пусты, а на месте Венди кукла, значит, лежит. Я её тут же беру, ставлю на стол, завожу руки за спину и обматываю верёвочкой вокруг. И пишу записку для тех, кто её найдёт. А написал я там вот что! — Парадокс выдержал паузу, а потом прыснул: — Помогите, меня связали!

Даже когда объяснили, Мия не назвала бы эту шутку смешной. Скорее просто игра слов, которая вызывает неловкость, не более того.

Главное, чтобы он её не заразил, и она сама не начала так странно шутить, но за раз заразить точно не получится.

Стоило только вернуться в замок, как ноги сами понесли на четвёртый этаж. Разговор с Эйданом начался странно. Казалось, что слово за слово, и разговорятся, но не задалось. Мия с пять минут смотрела, как Эйдан опирается спиной об стену, смотрит в потолок и курит. Медленно вдыхал чистый воздух и выдыхал чернейшую гарь, будто внутри него горел целый лес. Левую руку он держал у лица и почему-то пальцы на ней были простыми костями, без кожи и мышц. Ладонь же оставалась нормальной, отчего зрелище приобретало совсем уж странный вид. Эйдан словно что-то подносил ко рту: большой и средний палец были сомкнуты, другие оставались полусогнутыми. Мия решила поинтересоваться что за фокус такой, и почему дым пахнет гарью, а не обычным табаком, как у Вилсона.

— Знаешь, что такое диско? — собеседница в ответ отрицательно помотала головой. — Ну, вот это. Состояние и грань, которые я сам себе придумал и полюбил. Или взгляд на вещи. Называй как нравится, но суть одна — его можно приманить только на кости. Поэтому иногда приходится оголять пальцы вместо нервов и курить сажу вместо табака. К счастью, других методов я пока не нашёл, увы.

Пока курил, Эйдан оставался больно задумчивым, ему было совсем не до гостьи. Мия предложила зайти позже, но тот попросил подождать ещё немного. Закончив, он изменился очень быстро, будто в голове что-то щёлкнуло. Стал разговорчивее и открытее. Этот человек умел очень быстро перестать быть одним и обратиться другим. И это, и всё в этой комнате порождало в голове вопросы, которые так и не произносились вслух. То ли духу не хватало, то ли им просто не нужно было звучать.

Но после, когда они разговорились о повседневном, обсудили её тренировки и запоминающиеся моменты, оставаться открытой было несложно. Иногда Эйдан шутил, иногда хвалил её и добавлял что-то от себя. Когда он становился таким чутким, то даже останавливаться с рассказами не хотелось. Сейчас диалог шёл налегке, Мия это слышала и ей это нравилось.

Слова лились, будто она рассказывала старому другу о целом приключении, длиной в годы. В последнюю очередь сейчас волновало, грамотно и красиво ли звучала речь. Нужно ничего не забыть и рассказать даже о малом. Пусть это будет самый важный сон в жизни.

— Я шла по знакомым улицам Мейярфа. Но иначе, совсем не похоже на то, как это было на деле. Во мне витало ощущение свободы и за спиной не было никаких чемоданов, которые я должна была кому-то доставить. Можно было идти куда захочется. И быть свободной. Я не смотрела в пол, не забивала голову глупыми мыслями и оттого мне стало не по себе. Мне показалось, что я выделялась среди других и ужасно захотелось съёжиться, будто всё внимание было сосредоточено на мне. Я шла и ощущала как стены зданий косятся на меня своими невидимыми глазами, как рупоры не говорят, а наоборот, подслушивают. И люди, проходящие мимо меня, они были разными. Многие будто не замечали, другие почему-то ходили нахмуренными и слишком серьёзными, но некоторым... им было так же страшно, как и мне. Они будто понимали ужас, который ощущала я сама. Вот, что мне

приснилось. А потом жёлтые глаза меня разбудили. Не знаю зачем. Я увидела их так ярко, что даже когда проснулась, их образ ещё был в голове.

— О, да. Я бы тоже испугался не на шутку. Приходилось бы уводить взгляд или делать вид, что ты смелый, когда внутри ураган эмоций. Страшно, если кто-то узнает, что у тебя в голове.

— Почему? Что в этом страшного?

Что-то в его поведении миг за мигом менялось. Эйдан то и дело шагал то в одну, то в другую сторону, будто хотел выскользнуть из поля её видимости. Голос оставался спокойным, но начал чуть тянуться, оттого слова звучали не резко, не отрывисто, а очаровывающе. Их хотелось слушать и что ещё хуже, им хотелось верить.

— О-о-о, потому то сначала начинаешь бояться, что голос из рупоров умеет проникать в мысли, кирпичи слышат, как ты громко сглатываешь, а эти глупые грибовидные здания сквозь кожу и рёбра видят, как быстро стучит сердце.

Эйдан вяло рассмеялся, а затем пригрозил пальцем и продолжил:

— Они ведь и правда есть, те, кто всё это умеет. Покровители, но совсем не как титул или красивое слово, нет. Настоящие покровители, в самом нарицательном смысле этого слова. Определяющие человека. Хвалящие его. И порицающие. Направляющие на вернук дорогу и лишаящие его жизни, если нужно. Если они того хотят. Власть даже над одним из перечисленного — это очень много. А у них на руках всё. И все. И лучшие из лучших, и безродные девочки, которые тащат за собой чемоданы.

Мия стояла будто с зашитым ртом и просто слушала. Только она собиралась что-то произнести, Эйдан вновь ставил ударение на словах так, что рот попросту не открывался. Слова его располагали, но действия отталкивали и пугали. Эйдан крутился вокруг, иногда переходил на шёпот и не скрывал трепета от сказанных им же слов.

— Они куют Мейярф и его людей словами. Я не скажу, что это плохо, и что это хорошо тоже не скажу. Но именно покровители выбирают форму. Подбирают материал и идеальную температуру. А потом создают тебя. Тебя, и тысячи других людей, используя только поощрения, осуждения и слова, что гнут любой металл.

— И то...

— Куда, думаешь, уехала половина замка? — он стал позади и шептал, взяв её за подбородок аккуратно, не сковывая движений. — Сказать, что человек не железо, чтобы его ковать. Человек — это человек. Его не куют другие, он сам себя взращивает и создаёт. И здесь, и в разных уголках Эмиронии, даже в Мейярфе находятся люди, которые так думают. Они затыкают уши, закрывают глаза и ночами прячутся в самых тёмных уголках города. Прячутся, чтобы писать свои буквы на белом листе и складывать слова, которые рифмуются. Чтобы чертить и придумывать, чтобы стирать грифеля под ноль и писать драмы. Мечтать об аплодисментах и м-м-м... — Эйдан поиграл пальцами, будто касался настоящих клавиш рояля. — Делать живой звук. Потому что утром им нужно опять стать тем, кем их хотят видеть. Утром опять нужно закрывать своё сердце, мой маленький человек. Только так, ведь обнажи они свой нрав прилюдно или осуди голоса из рупоров, тогда...

Собеседник плавным шагом оказался перед ней. Он смотрел прямо в глаза и было в них что-то бесповоротно утерянное, не свойственное нормальному человеку, чего раньше Эйдан не показывал. Это был непередаваемо большой сгусток хаоса, который сжимала крепкая волевая рука. Непонятно было только то, долго ли она ещё протянет.

— Тогда сыпятся лиловые лепестки. Уже не покровители, а люди из вереска, которые

не пахнут цветами, но режут, как лезвия. Вереск этот колет тех, кто не уважает голос. Кто думает, что он — сам себе хозяин. Вереск не говорит, нет. Он заставляет кровоточить, понимаешь? Доламывает слишком стойкие прутья. Раскусывает их. Но и в этом есть своя идея, мой маленький пустой человек. Ты так романтизируешь эту свою бесконечность, представляешь самые тёплые цвета и благозвучные слова, чтобы описать её. А ты зайди с другой стороны, раз тебе это так нужно. Не ищи, а попробуй забрать её у кого-то, ведь поглощение бесконечностей других — тоже бесконечность, Мия. Вот тебе и подсказка. Можешь попробовать схватить удачу за хвост и перерезать горло любому в этом замке, чтобы возвести себя в абсолют. И тебя либо отвратит, либо уже остановиться не сможешь. Такой вот способ, такая вот бесконечность.

От испуга Мия оттолкнула руку собеседника и попятилась назад. Эйдан посмотрел на свою кисть и после с усмешкой покосился на Мию. После он или что-то совершенно тёмное и злое в этой комнате вмиг вырвало привычную реальность, которая казалась неотъемлемой и подконтрольной.

Стоило обернуться, чтобы побежать к выходу, сделать пару шагов, и ноги утонули в подушках, которыми был завален пол. Она ахнула и провалилась под них, как провалился бы человек, скачущий по тонкому слою льда на глубоком озере. Новая реальность оказалась слишком резкой.

Не было больше никакого замка, никаких родных стен и неприятного собеседника. Только та же Мия, привыкшая к ярким и широким улицам Мейярфа. Такой же странный человек, как и сотни других здесь, стоящих посреди площади. Она — наименьшее звено в цепочке людей. Остальные яркие и смыслённые, с покорным взглядом, но чудесами внутри. Чудо пряталось где-то в горле, в голове, кистях, ногах, сердце, обонянии или чём-то ещё — у каждого по-своему. У Мии только несколько четверостиший в голове — этого мало, чтобы назвать чудом. Её строки, её буквы, пока так и не появившиеся на бумаге. Блеклое и крохотное существо ждало своего черёда.

От человека к человеку подходили те, кто способен найти это чудо внутри. Дай им иглу, и они вонзят её в самую болезненную часть. Они не прокалывают сердце, потому что это — убийство плоти. Пальцы судей прокалывают что-то ещё более уязвимое. Обвиняемый становится лишь немного мертвее, но это не выглядит так, как если бы он упал замертво.

Все в этой шеренге становились самую малость инвалидами. Умершие ораторы произносили слова невнятно из-за надрезанного языка. Они заикались, не сразу находили слова и глотали гласные. Пианисты, скрипачи и другие музыканты стояли в железных варежках, которые без ключа не снимешь. На глазах некоторых появились бельма, и они уже не могли подобрать нужный цвет, не могли соединять провода и делать точные надрезы. Человеку рядом булавкой соединили центр губ — он всё ещё мог говорить, но на большее надеяться не стоило.

Когда очередь дошла до Мии, покровители лишь пристально осматривали её. Не было на её руках чернил, не было мозолей на пальцах, карманы и внутренний мир были пусты. Даже мысли о строфах улетели, потому что они были лишь красивы, но не сокровенны. Их не страшно было отдать. Игла приблизилась к горлу, после к центру лба, глазам, стопам и пальцам рук. После того, как ничего найти не удалось, один из мужчин улыбнулся и произнёс ей:

— Лучшая из лучших. Нет чувства прекрасней, чем понять, что здесь кто-то оказался по ошибке. Прошу прощения.

И Мие велено было идти. Тело не сковывали верёвки или цепи, но появилась мысль о том, чтобы двигаться и ходить — это не противоестественно. Стоило отойти на несколько шагов, как она заметила Эйдана, что стоял дальше в очереди. Тот взглядом попросил подождать и хищно улыбнулся. Когда покровители дошли до него, игла сразу метнулась к голове. Ничего. Руки, затем ноги, горло и глаза. И только игла остановилась напротив рта, он подался вперёд и попросту проглотил её.

Это изменило всё. Все пленники начали разбегаться, кричать и паниковать, а Эйдан начал откашливаться кровью и смеяться. Солнце начало пульсировать и вот-вот должно было рвануть. Покровители просто замерли и стали существовать в отрыве от реальности. Эйдан же шёл к Мие: сгорбившись, больно улыбаясь и откашливаясь кровью. И его грудь, и маленькие участки брусчатки были испачканы красным цветом. Парень подошёл, взял Мию за руки и не без труда заговорил.

— Я сожрал целый Мейярф... Теперь внутри меня богатый внутренний мир. В этом есть своя эстетика, да? — Эйдан выпрямился, не вытирая кровь. — Нужно просто видеть другие углы. Чтобы уметь оставлять после себя следы. Или самому стать следом, ага.

Солнце лопнуло и свет потух быстро, но не в один миг. Секунд пять, и всё вокруг стало полностью чёрным, даже очертания предметов не разобрать. Выделялся только красный цвет — почему-то единственный, который чёрный не смог поглотить. На земле валялись красные шляпы и флайо, но самих людей было не видеть. Скрипели красные вывески заведений. Кровавые следы Эйдана были видны, даже когда его тело смешалось с чёрным.

Но главным маяком на фоне темноты стала сама Мия. Тело её было красной стихией во плоти, точно кровавое яркое пятно, которому дела не было до отсутствия цветов. Накатил страх, что её плоти, к которой она так привыкла, больше нет. Теперь она природа, она квазар или сияние, что угодно, только не человек. Она образ, который пережил само солнце.

И вернулась в настоящее. Не было внутри ни смелости, ни отрешённости, ничего, чтобы не дать слабину. Получалось только не расплакаться навзрыд, но дрожь тела никак было не унять. Те же руки, которыми она привыкла касаться вещей. И зрение, и дыхание — она осталась той же, что и до наваждения.

Нахлынуло ощущение, словно ей в рот насильно засунули сырое мясо, чтобы она ощутила вкус знаний. Хотелось как-то достать этот холодный и необработанный кусок, который был внутри. Такой лакомый, но противоестественный, что просыпалась настоящая тошнота.

— Зачем ты так...? — сдавленным голосом обратилась она к Эйдану, который и сам казался ошарашенным. Тот осматривал свои руки и сам будто не понимал, что случилось. — Я думала мы просто поговорим и... и...

Тот не ответил, лишь сделал аккуратный шаг навстречу, после чего Мия сразу принялась бежать. Тело казалось тяжелее обычного, первые шаги выдались сложными, но привыкнуть удалось быстро. Было страшно оборачиваться, потому она просто бежала по коридору и хотела спрятаться от всего, даже от стен замка.

Ноги несли её сами. Внутри гремели эмоции. Яркие и казавшиеся запретными, слишком тяжёлые для её разума. Грань, где с одной стороны образы стрекочут вовсю, но остаются вымыслом, а с другой является правдой. Той правдой, которую под громадным солнцем столицы не обсуждают, о которой нет времени даже думать, настолько тебе жарко. И не разобрать на какой из сторон ты, не разобрать можно ли прикоснуться к таким секретам и что же с ними делать. Ноги двигались сами, но каждый шаг хаотичен, ведь все они сделаны

наобум. Хотелось спрятаться в комнате, чтобы прийти в себя. И в то же время что-то совершенно безрассудное алкало куда большего. Ответов, образов и историй, чтобы непонимания и тайн не осталось совсем.

Мия поднялась на третий этаж, а затем вернулась в главный холл, не зная куда деться. Она села на скамейку, чтобы унять дрожь и собраться с мыслями. Времени прошло совсем ничего и послышалось, как кто-то напевает себе под нос мотив и вскоре на лестнице блеснула золотая окантовка прекрасного фиолетового флайо. От сердца немного отлегло. Хорошо, что именно этот человек. Ему хотелось доверять секреты и не было стыдно делиться страхами. Тот замолчал, глянул на неё и тут же метнулся навстречу.

— Ты-ты... Погоди, ты в порядке? — Скай сел рядом.

— Можешь не уходить сейчас? Чуть-чуть подожди, пожалуйста.

— Не уйду. Ты только тихо, всё будет в порядке. Я — вот он, здесь.

Скай повторял слова успокоения, совсем заурядные, но очень нужные в тот момент. Он гладил по голове и словно стряхивал с неё панику. Движение за движением, и стало намного легче. Когда сил хватило, чтобы рассказать о произошедшем, Мия не сдерживалась. Она рассказала о странном поведении Эйдана, о ненормальных повадках и страшных словах, которые он произнёс.

Осуждения из уст друга, которое так хотелось услышать, не последовало. Скай не был удивлённым и ответил так, будто это он был во всём виноват.

— Эйдан болеет. Обычно он справляется сам, но когда совсем плохо, мы смотрим за ним по очереди. Говорим. Слушаем. В нём... — Скай замялся, словно правильное слово никак не приходило на ум, — ... есть сущность. Настоящая, а не выдуманная. Понимаю, у него в голове может распогодиться, но он никогда не навредит кому-то из замка. Это я тебе говорю как друг.

— Уверен, что не может? Он мне говорит то же самое, но что-то не похоже на правду.

— Это проверено временем. Гораздо более важными и переломными ситуациями. Просто к его поведению нужно привыкнуть.

— Ты сразу смог?

— Да. Да, потому что мне с такими людьми почему-то легко.

— Я поняла.

Скай оставался рядом и, может, от этого страх окончательно улетучился. Сейчас злорада на Эйдана не брала, как и отторжение. Он воспринимался как заболевший, всеми силами пытающийся держать себя в руках. Блуждающий, хаотичный и пропахший гарью, но не опасный, если верить Скаю. Иногда, когда взгляд Эйдана перестаёт стекленеть, когда движения сковываются, он становится простым собеседником, в котором и чуткость, и миролюбие. Но Мия уже замечала, как всё это пропадает просто посреди предложения или молчания, не важно. Даже спустя столько времени сложно было сказать, как она на самом деле относится к этому жителю замка.

— Есть вопрос, — смело начала она. — Он мне кажется странным, но от непонимания всего у меня просто раскалывается голова. Я могу задать его тебе, а ты, если он окажется совсем уж наглым, просто отреагируешь в своей манере?

— В своей манере? А что у меня за манера такая?

— Мне сложно представить тебя разозлившимся или осуждающим. Мне кажется, что спроси я что-то совсем не то, ты просто разведёшь руками и скажешь, что тебе нужно бежать.

— Отлично, я у тебя на хорошем счету. — Скай устроился поудобнее, чуть выпрямился и сел вполоборота. — Ну, спрашивай конечно.

— Только что Эйдан погрузил меня в... я не знаю, наваждение, скажем. И там, в этом наваждении, я оказалась в Мейярфе. Видела людей в этом городе, и то, к чему лежит их сердце. И начинающие, и те, для кого их дело было целой бесконечностью — все мы стояли в одну шеренгу. И нас судили те... знаешь, те, кто забирает у людей самое важное. Ворует то, что дороже всего. Те, кто видит счастливых через стены, через рупоры и даже сквозь землю, чтобы охотиться на них. Кто видит и человеческий страх, и самые уязвимые места. Эйдан сказал, что это покровители всего Мейярфа, что они находят и наказывают любого, кто имеет или ищет бесконечности, которые им не подходят. Скажи мне, пожалуйста, эти покровители, они на самом деле существуют? Они управляют Мейярфом? Это их голоса звучат в рупорах? Они и правда забирают у людей то, что дорого? Или Эйдан просто запудрил мне голову тем, чего в реальности и нет?

— Естественно, — он ответил спокойно, только шквал вопросов закончился. — Это ответ на все вопросы, кроме последнего. Естественно.

— Тогда зачем же так делать? Я может... может, чего-то не поняла, но зачем забирать у человека то, из-за чего он счастлив?

— У них свой взгляд на вещи, людей и столицу. Весьма продуманный взгляд, очень перспективный, но совершенно мне чуждый. Могу только сказать, что Орторус и покровители живут в кардинально разных мирах, которые скоро встретят друг друга.

— И поэтому половина нас уехала, так? Из-за этих покровителей?

— Да. Мы готовимся. Слушаем, как любят делать они. Слушаем, чтобы было, что сказать в ответ.

— Готовитесь и слушаете. — Мия задумчиво закивала головой. — Поняла.

Собеседник досадно вздохнул и протянул Мие маленькую бумажную птичку, которую достал из кармана. Сама не знала зачем, но она взяла её.

Они скрестили взгляды и как же легко, как же легко было смотреть этому человеку в глаза — синь мечтательности и умиротворения.

— Скай, будет что, какая-то большая война между вами?

— Нет, — сухо отрезал тот и эта однозначность в голосе напомнила тон Венди. — Совсем неподходящее слово. Мы просто поговорим с ними на равных.

— И мотивация покровителей тебе непонятна? Что-то же ими движет.

— Я бы сказал, что жажда сделать столицу крепче, величественнее и сильнее. Это ведь самое многочисленное грастийство на континенте, Мия. Это лучшие доктора, широчайшая система караванов и такой оборот денег, что ты и представить не можешь. Это десятки ремёсел. Десятки, но не сотни, потому что в почёте только престижные и прибыльные. И всё дело в том, что каждому найдётся место и роль в этом огромном организме. Вот только спрашивать вслух действительно ли она твоя, эта роль, не принято. И уж тем более не стоит пытаться отыгрывать другую, интересующую тебя. Об этом каждый день говорят через рупоры, а их, сама знаешь, трудно не услышать.

— Ага, они каждый день транслируют какие-то беседы. Постепенно начинаю понимать. Если честно, две минуты с тобой оставили меньше вопросов, чем оставил бы получасовой разговор с Эйданом.

— Тогда погоди. Лучше задай мне последний вопрос, самый важный на твой взгляд.

— Почему последний?

— Задай, а потом я отвечу почему.

Мия задумалась и не спешила произносить первое, что хотела спросить. Спросить хотелось много, и, даже проговори они целый час, разговор бы себя не исчерпал. Вопросы, которые казались наиболее логичными, так и не слетели с языка. Вместо этого она вполне осознанно спросила именно то, что хотела.

— Только маленькое уточнение, если можно.

— Конечно.

— Разговор, который вы готовите, несёт в себе какую-то идею, правильно?

— Да.

— Ты можешь описать мне эту идею? В чём ваша мотивация, из-за которой вы рискнули бросить вызов покровителям. Можешь?

— Плюс-минус могу. Каждый выразит её по-своему, в той или иной мере. Мой смысл жизни, мой мир, который я обещал тебе показать, очень, очень далёк от Мейярфа и покровителей. А у кого-то из Орторуса наоборот. Ответ в том, что мы совершаем поступки, в которые мы верим. Мы — совершенно разные идеи и миры, которые собираются скоро пересечься в одной точке — Мейярфе. Поэтому я и хотел, чтобы ты задала мне последний вопрос. Чтобы ты не узнала всё сразу у меня, ведь я не один в этом замке. А постепенно, словно взбираясь по лестнице, говорила с каждым из нас, интересовалась и открывала для себя разные реальности. Ты только не бойся спрашивать об этом других. Если думала, что это что-то запретное, что-то, о чём спрашивать нельзя, то нет, это не так. Раз тебе интересно, то узнавай, интересуйся, анализируй и сравнивай, Мия. Только так ты придёшь к чему-то весомому. Не думай, что тебя наругают за любопытство — качество, которое свойственно живому человеку. Просто говори об этом не в большой компании, а тогда, когда будешь готова узнать, что у человека внутри. Сделай из этих разговоров много маленьких историй, и, может, именно благодаря этому ты сможешь создать собственную. Мою историю я тебе покажу, но вот другие раскрыть не смогу. На твои вопросы сможет ответить любой из нас, но каждый сделает это по-своему. Поэтому у тебя много вариантов одного большого пути. Ведь с кого-то из нас придётся начать и на ком-то придётся закончить. Это сотни разных цепочек, только одна из которых будет по-настоящему твоей. Поэтому отнесись к этому серьёзно. Постарайся не делать опрометчивых шагов и ни в коем случае не пытайся понять всё сразу. Голова треснет.

Этот человек с невидимыми крыльями воодушевлял одними своими словами. Будто он умел летать даже ходя по полу, ведь ноги его касались земли, но мысли были слишком высоко от неё. Внутри возникло ощущение, что смелый первый шаг был сделан правильно. Никакого сожаления о том, что всё могло быть лучше. Впереди ждало что-то, от чего внутри просыпался восторг и трепет.

— Ты умеешь поднять настроение. Спасибо. Я вот первое время совершенно не знала, что добавить к этому слову, чтобы показать, что я по-настоящему благодарна. Хочется в ответ чуть ли не столько же сказать, чтобы отблагодарить. А сейчас думаю, что в голосе и так слышно, как оно сказано, это “спасибо”.

— Ну да. Тут дело в том, чтобы услышать искренность, а не поярче её выразить. Так что пустяковое дело, — развёл руками тот и они оба встали. — Рад стараться, как говорится. Рад стараться.

И они одновременно сделали шаг навстречу друг к другу в две совершенно противоположные стороны.

* * *

Как и в прошлые разы, время за письменностью пролетало очень быстро. В этот раз Мия уже читала произведение любимого автора своей наставницы, в котором события развивались больно уж запутанно и серьёзно. Пять страниц чтения, а после письменная выжимка о прочитанном. К третьей главе начало уже першить в глазах.

— Венди, я уже очень хочу спать. Извини пожалуйста. — Тесс понурила голову и заложила руки за спину.

— Хорошо. Одну минуту.

— Спасибо. Я пока отнесу всё вниз, — она вышла, как только собрала посуду на подносе.

— Ты сегодня молодец, Мия. И читаешь уже увереннее, и с письмом куда лучше.

— Спасибо, — она запнулась. — А разве это не твоя комната? Почему Тесс извинилась?

— Просто ей нужно помогать, — совершенно спокойно сказала Венди. — Иначе она не может уснуть.

— Необычно. Это что-то вроде бессонницы?

— Это аномалия. Ей нужно, чтобы кто-то был рядом и держал за руку. Но это не всегда я, хоть и чаще остальных. Иногда Эстер, иногда кто ещё. Сегодня я ей обещала, потому давай закругляться.

— Хорошо, — Мия принялась собирать все вырванные листки. — Хорошо, а я могу просто посидеть рядом с вами? Молча. Просто мне нравится атмосфера.

— Если тебе не будет скучно — да.

— Не будет.

Они пересеклись, как только вышли из комнаты. Тесс почему-то поблагодарила Мию, как только сказали, что она пойдёт с ними. Через пятнадцать минут она уже лежала в кровати с вытянутой рукой, которую держала Венди.

Пламя свечей ласково опоясывало каждого. То, почему здесь горели свечи вместо электрического света, для Мии было совершенно очевидным. В этой комнате электрическая стихия оказалась ни к чему. Она не могла быть живой и стать настоящим собеседником, не могла поделиться своими секретами с теми, кто находился в комнате. А воск таявшей свечи становился жизнью для огня, который слышал каждый вдох и выдох. Тот первозданный огонёк, воплотившийся в друга и шепчущий теплом.

Тесс уснула быстро. Мия смотрела как одна рука гладит другую и иногда отводила взгляд на свечи. Внутри играл голод, который за вечер так и не успокоился. Напоминал он своего рода соблазн, желание не просто задавать вопросы, а увидеть, услышать и коснуться этого сокровенного, спрятанного в каждом. Весь вечер эта тема казалась чем-то слишком личным, о чём нельзя вот так взять и спросить, но между тем хотелось и наплевать на рамки приличия. Хотелось разобраться.

— Венди, — стоило шепнуть, как девушка тут же ответила своим привычным голосом.

— Ты можешь не шептаться — она крепко спит. Главное без повышенных тонов.

— Хорошо. Венди, разреши спросить. Вот... Ты же тоже участвуешь в этой заварушке с покровителями, правильно?

Собеседница будто колебалась, стоит ли продолжать тему. Не хотелось добавлять ещё какие-то неуверенные слова, чтобы не показаться робкой и не выпрашивать этот разговор.

Терпение дало свои плоды.

— Конечно. Просто я, как и все в замке, жду нужного момента.

— А вот когда наступит этот момент... Это что-то большое и важное для тебя или всё же не очень значительное?

— Не просто большое, Мия. Огромное.

— Хорошо, хорошо... — вроде волнения никакого, а во рту, как назло, пересыхало. — Твое участие в этом — это и есть выражение твоей бесконечности? Или они совершенно друг с другом не связаны? Мне очень хочется узнать.

— Ух ты... Ух ты, Мия. Это хороший вопрос. Но сложный. Дай мне время.

Венди отпустила руку подруги, задумалась и в какой-то момент принялась заплетать себе волосы. Резинки взялась точно из ниоткуда, потому что она, кажется, даже в карманы не лезла. Одну за одной, Венди брала прядки и заплетала их в косички. Когда слушала, пальцы работали быстрее, когда думала над тем, что сказать, руки практически замирали.

— Связаны, — она сказала это совершенно однозначно. — Моя бесконечность и покровители, имею в виду. В моей жизни огромную роль играет шанс. Шанс — это то, что я бы хотела дарить другим людям. Особенно если абсолютно всё указывает, что этого шанса ну просто нет. Я хочу его давать и помогать людям его найти. И обычным, и самым, самым законченным. Самым безнадежным. Понимаешь?

— Да.

— Мейярф я вижу местом, где эти шансы забирают. Я боюсь этого города, потому что там крадут возможность изменить свою жизнь, если человек того захочет. Открыть для себя звук, если работаешь библиотекарем. Или садоводство, если держишь в руках кайло. Я считаю, что неправильно порицать человека за тягу к шансу что-то изменить. Тем более изменить себя самого. Возможность может быть совершенно пустой и никак не повлиять на человека. А может перекрутить жизнь с ног до головы.

— А зачем покровителям отбирать шансы? Что им с того?

— Ну, знаешь... — Венди, не поворачивая головы, снова взяла Тесс за руку, когда та начала ворочаться. — Если у тебя в руках окажется меч — ты будешь прилежным грастией. А если всучат оранжевый халат[5], то и лечить научат. Кем захотят, тем и умело сделают. Но представим, что я хочу быть худшим из трагиков, а не лучшим из архитекторов...

Она будто не договорила, но этого и не требовалось. Незаконченное предложение, смысл которого до боли ясен.

— А пристыжать человека за то, что он тянется к собственному счастью и, тем более, лишать его свободы — это вздор. Вот я и хочу, чтобы люди думали о том, на своём ли они месте. Чтобы видели разницу между “сносно” и “хорошо”. И их право, пользоваться шансом или нет. Не всегда это хороший выбор, сама понимаешь. Но он должен быть.

— Знаешь, у меня так с Фридой было. Да, мы разговорились, а она ни с того ни с сего мне предложила приехать сюда. У меня был выбор и оказалось вот... Потому знаешь, он мне очень нужен был, этот шанс.

Венди на какое-то время замерла, а разговор о Мейярфе отошёл на второй план. Постепенно спать хотелось сильнее и сильнее, несмотря на диалог.

— Понимаю. В своё время у меня случилось что-то подобное. Мы с тобой, кажется, похожи.

— Фрида когда-то и тебя пригласила сюда?

— Нет. Здесь, в Орторусе, у меня есть очень важный человек. Пока она, как видишь, не

дома. Мы с ней вместе пришли сюда. И без неё я бы ни свою бесконечность, ни саму себя не нашла. Наверно само её появление и было для меня самым важным шансом.

— А как её зовут?

— Моника. Я... Ты знаешь, я бы очень хотела вас познакомить. Жаль, что ты приехала, когда и половины из нас здесь нет. Ты задаёшь такие вопросы, что вам бы не было скучно говорить друг с другом.

— Не страшно, я буду ждать момента, правда. Спасибо, что поделилась. Я боялась, ты промолчишь.

Венди устало улыбнулась и поджала губы.

— Если честно, такой кавардак в голове. Но вот так, шаг за шагом пытаюсь найти какие-то важные для себя ответы. Может что и получится.

— Это правильно. Рада, что помогла.

— Да. Завтра обязательно поговорю об этом с Тесс. Мне интересно как она выразит это...

— М-м-м... — собеседница замешкалась и постаралась подобрать слова, — не надо с Тесс. Она свою бесконечность обязательно найдёт. Однажды. Но сейчас она ответить тебе не сможет. Не нужно.

Никакого недопонимания не было, но захотелось как-то смягчить даже это ситуацию.

— Хорошо, но буду. Я этого не знала.

— Она... Тесс, она из тех, кто очень тщательно выбирает людей, кому открывается. А когда открывается, то идёт за ними в любую из сторон света. Так само по себе получается, потому что все силы она тратит на то, чтобы не разорвать эту связь. И всех дорогих людей считает лучше себя самой. Поэтому Тесс бы сказала, что ей тоже важен шанс человека, общайся мы втроем. Но один на один она тебе ничего не ответит.

— Да. Могу её понять. Наверно лучше остальных, если подумать. Также хочу быть человеком, который ищет что-то очень важное. И надеется, что однажды найдёт.

— Да, Мия, — кратко, в своей манере, ответила Венди. — Обязательно найдёт. Обязательно.

[1] Аномалия — физическая (реже ментальная) особенность, ярко проявившаяся после первых применений амарантина. У одних носителей аномалии являются очевидными, у других же проявляются едва заметно или не проявляются вовсе.

[2] Тисáрм — рыба из семейства вьюновых. Мясо тисарма обычно готовят со специями и подают с острыми блюдами.

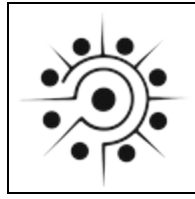
[3] Чайный глобус — в Эмиронии так называют прессованный чай, который при заваривании раскрывается в цветок. Он имеет мягкий вкус, но куда более ярко выраженный запах. Для композиции чайный глобус всегда подают в прозрачной посуде с широким дном.

[4] Терсида и Йеталь — Солнце и Луна Виоландо.

[5] Целители, врачеватели и доктора в Мейярфе почти всегда стоят на службе у самого государства и носят оранжевую униформу разных оттенков. Так же в прямом подчинении Мейярфа находятся грастии, зодчие, казначеи, караванщики и некоторые ремесленники. Эти профессии считаются наиболее престижными и почитаемыми.

Глава 7. Принудительное самовозгорание

В этой главе живьём сгорит человек.

Вилсон заранее настоял, чтобы утром в Ноксеналь[1] Мия проснулась к шести утра и составила ему компанию. Он, бывало, смотрит сухим взглядом, оценивает, а потом говорит. И если уж Вилсон называет собеседника по имени, а не фамильярничает, то это что-то серьёзное. Когда он пригласил пройтись с ним утром в Ноксеналь, то произнёс её имя целых три раза — предложение серьёзнее даже сложно представить.

По сонной лужайке их шагало четверо: Мелисса, которая на ходу умудрялась читать, они с Вилсоном и Парадокс. Последний тащил за собой тележку и то горбился, то ворчал чего, то просто бубнил что-то жалостливое с уставшей и кислой миной на лице.

— Мелькающий табун, — рассказывал Вилсон, — это огромный, путешествующий по Эмиронии рынок.

— Ага, там есть столько всего! — восторженно поддакнула Мелисса, перелистывая страницу. — А называется он так потому, что рынок почти никогда не стоит на месте и постоянно движется. То тут, то там, оттого и слово «мелькающий».

— Словом, в Табуне чего только не найдёшь.

— Ага! — снова встряла Мелисса. — Там и сервизы необычные есть, и лейки красивые, да...

— Мелисса, лейки и сервизы много где продаются. Я Мие сам расскажу что там есть, хорошо?

— Ага. Ой-йой, — той было совсем не до споров. Девушка не смотря перешагнула камень и, судя по всему, была поглощена каким-то важным моментом книги.

— Есть много чего, это правда. Иногда такое откопаешь... Рассказывали уже историю про восемь париков?

— Нет, про парики ничего не знаю.

— О-о. Ну, купила Кейтлин, значит, как-то восемь париков в Мелькающем Табуне. — Вилсон улыбнулся. — Купила только потому, чтобы принять участие в конкурсе. Там тратишь большую сумму и может повезти выиграть главный приз. А конкурс простой донельзя. Десять банок до краёв наполненных дождевыми червями, а в одной из банок на дне лежит брошь с сапфиром. Ну, суёт она руку и проигрывает, само собой. Давай ещё восемь париков покупать, чтобы снова попробовать. На восьмой раз удалось — брошка действительно была, да и с самым настоящим сапфиром, как потом оказалось. Удивительно, конечно. Кейтлин потратила, ну, чтоб не лукавить, триптихов двадцать, не меньше. В итоге заимела больше шести десятков париков и брошь, которую я на ней ни разу не видел. Проще и дешевле было просто купить себе брошь с сапфиром, вот и всё.

Они оба посмеялись над историей, но Вилсон уловил в её взгляде и смехе что-то, что

выдавало оторопь и лёгкое смятение.

— Так. Чепуха какая, они тебя что, даже в деньгах разбираться не научили, правильно?

— Просто пока меня учат языку. И ещё аромату.

— Да чепуха, говорю я тебе. Это же куда важнее всяких там ароматов и даже языков, — неодобрительно покачал головой собеседник и кратко добавил: — Не беда, займёмся. Лично расскажу про номиналы, выдам денег и научу их тратить, а то без этого ну никак. Ты мне только напомни, как вернёмся. Так, а тележка?!

Он тут же обернулся. То, что кто-то бы назвал криком, на деле было гулким звуком, будто сквозняк, что пролетал сквозь трубу. Крикни Вилсон по-настоящему, наверняка бы уши заложило.

— Молнии вам на голову, злыдни. Прямо чтоб хорошенько шандарахнуло так. Почему я должен быть каким-то посыльным?! — возмутился Докс. — Это даже не посыльный, а неясно чего. Мне ваш рынок сдался? Покупаете ерунду, сами её и возите.

Лицо парня действительно выглядело так, будто он готов был бросить эту тележку, лишь бы не тащить за собой.

— Так, Парадокс, — строго произнёс Вилсон, идя дальше, — ну заслужил же, ну заслужил.

— Бросай, — протянул парень. — Выпили чай и заснули, и? Один раз и то, не по моей вине.

— А окно Эстер? А сломанный таннавейр?

— Хорошо, хорошо. Я везу тележку, — демонстративно показал Докс. — Вот, везу. Это ручки, а вот мои пальцы. Я везу тележку.

И он продолжил бурчать себе под нос, но слов было не разобрать.

Они наконец вышли туда, где широкая дорога стала очень длинной и прямой. Здесь толпились люди и чем дальше они вчетвером шли, тем больше народу становилось. В конце концов они стали частью длинной шеренги, в которой стояло явно за пару сотен людей. Словно бескрайняя аллея и пассажиры, что ждут такой же немислимо длинный омнибус.

— Семь! — крикнул кто-то из толпы. — Вон он, идёт!

Вдалеке показалась длинная клякса, которая приближалась к ним по-настоящему медленно. Не улитка, но с десятков минут пришлось подождать.

Огромное творение, наконец, доползло. Не очень высокое, оно было словно разделённым на отсеки огромным куском дерева. Словно в бруске смогли выпилить маленькую комнатку, чтобы там мог поместиться человек и его товар. И каждый брусок — отдельный магазинчик с отдельным человеком и его побрякушками. Торговцы не видели друг друга, если только не высовывали свои головы из магазинчика, но смотреть по сторонам им было некогда — буквально к каждой лавке тут же подбежало пять-шесть человек, иногда больше.

Самым удивительным показалось то, что это длинное нечто медленно, но двигалось вперёд. Из-под загнутых нижних частей бруска торчало множество больших крабьих ножек. Они ковыляли вперёд, и люди автоматически тоже делали шаг, кажется, даже не осознавая этого. Довольно удобная скорость, чтобы рассматривать товар, тем не менее, эта посуда шла в своём направлении.

Слегка жутким казалось то, что с крыши каждого бруска торчали длинные улиткообразные глаза. Они вертелись, смотрели на местных жителей, а зрачки их то сужались, то расширялись. В итоге этот Мелькающий Табун казался каким-то сплавом

дерева и непонятого живого существа, а может, и даже десятков таких существ.

— Вилсон, а вы, кстати...

— Так, всё, мне налево! Я буду носиться быстро, поэтому встречаемся здесь! И Вилсон, не оставляй Мию одну!

Только Мелисса оставила их, взгляд упал на Докса, который лениво лежал в телеге, прикрыв глаза.

— Со мной пойдёшь или составишь ему компанию?

— Вот уж! — рассмеялась Мия. — Я же сюда добровольно пришла, так что точно с вами.

Мужчина кивнул и сложил руки за спиной. Он неспешно двинулся к ближайшему магазинчику, и Мия пошла за ним. На прощание она бросила взгляд на Докса, который умудрялся уснуть несмотря на весь гам.

— Кстати, что?

— А?

— Ты начала: «Вилсон, вы, кстати...».

— А, это! Мне стало интересно — вы здесь обычно ищете что-то конкретное или просто любите пройтись и поглядеть?

Тот приподнял брови и достал из кармана футляр, чтобы просто показать.

— Как ты знаешь, я люблю курить табак. Точнее, хороший табак, потому что дрянного, увы, куда больше. Здесь я покупаю его на пару месяцев вперёд. Обычно только его, ну, и иногда немного сладкого. Люблю себя побаловать.

— Всякие там пироги с ягодами, например?

— Нет-нет. Далеко ходить не нужно — у нас вся Эмирония без ума от марципана. Я — не исключение. Пробовала когда-то?

— Нет, но слышала. Не думала, что эта сладость настолько популярна.

— У нас он везде: в чай добавляют марципан, готовят разных съедобных куколок из марципана, даже существуют полые марципановые шарики, внутри которых можно найти стишки или считалки. Если и есть что-то общее у жителей всех городов Эмиронии, так это наверняка марципан. Кстати, — с интересом протянул Вилсон и подошёл к первому магазинчику, что его заинтересовал, — знаю эту лавку. Тут полно необычных закусок, в том числе и из марципана. Вот эта, — он указал на шарик в золотой фольге, — вообще странная. Она как-то действует на человека, что он чувствует только сладкий вкус. Даже если ты будешь есть суп, то он будет сладким. А вот это — конфета-обманщица, знаешь?

Мия помотала головой, но с интересом уставилась на десятки разных запечатанных конфеток перед ней. Над каждой такой закуской любого цвета, размера и формы виднелась цифра, означающая, видимо, цену. Только Мия совершенно не ориентировалась в странной денежной системе и не могла даже представить, насколько это много — тройка, две точки и буква.

— Такая конфета обманывает желудок и убивает чувство голода, даже если ты давно не ел. Твой желудок или засыпает, или думает, что ты насытился. Но много подряд их есть нельзя, иначе будут проблемы со здоровьем. Всё же конфета конфетой, а за чувством голода надобно следить.

Здесь были и синие марципановые шарики, которые действовали как лекарство, и насыщенные жёлтые, которые нужно обязательно жарить, и много-много других. Вилсон не спеша и совершенно спокойно рассказывал о каждой сладости что знал, хоть иногда и

просто пожимал плечами. Прикупив с пятьдесят разных шариков, они пообещали друг другу, что попробуют по одному как только вернутся в замок. Мешочек оказался во внутреннем кармане собеседника, и Мия с Вилсоном двинулись вперёд.

— Знаете, вам идёт курение трубки. Но вот что вам нравится сладкое, я бы никогда не догадалась. Наоборот, кажется, что вы любите пить очень горький чай, и при этом даже не морщитесь. Спокойствие и только спокойствие.

— Оно действительно есть, — согласился Вилсон. — Моё спокойствие. Я стараюсь реагировать на вещи проще, но это длительная работа над собой. Вот пару десятков лет назад я был полной своей противоположностью. Не такой тихий, не такой спокойный и невозмутимый. Но иногда человек понимает, что ему важно взрослеть и меняться.

— И вы в какой-то момент пришли к этому, да? Это случилось само по себе?

— Сразу после того, как я случайно и по неосторожности устроил пожар, который сжёг порт. Вот сразу тогда я это и понял.

— Вы что? — ошарашенно переспросила Мия.

— Донельзя увлекался фокусами. Фокусами, что завязаны на огне. Например, поджечь шляпу и надеть её на голову было проще простого. Но халатность взяла верх, я просчитался на пару секунд, и шляпа загорелась у меня на голове. Я испугался и отшвырнул её в сторону. Пока я тушил свою, уже на тот момент лысину, загорелись ящики с серой. Я... умел, скажем, выбирать места для своих выступлений, как понимаешь.

— А потом?

— Потом меня объявили в государственный розыск. Уже, конечно, не ищут, тем не менее... Это я к чему? Мне нужно было стать взрослее, потому что вспыльчивость и халатность многое рушили в моей жизни. Дело не только в случае с фокусом, а в целом. И не скажу, что это те черты, без которых я перестал быть собой. Просто вырос и успокоился, вот и всё. Поэтому, может, тому Вилсону как раз наоборот не пошло бы курение трубки. Мало ли, поджёг бы ещё чего-нибудь. Смотри, такое тебе не нужно?

Он указал на магазинчик, до отвала набитый женской одеждой. Некоторые вещи местной моды сложно было отнести исключительно к женскому полу, но, судя по привычным платьям и флайо нежных цветов, становилось понятно, что мужского здесь ничего нет. Пышная леди любезно поприветствовала их и дала время осмотреться.

— Глэдис мне... мне...

Из-за шума приходилось на время замолкать. Мимо промчалась четыре хохочущих ребёнка, которым очень захотелось побегать именно вокруг них с Вилсоном. На ребятню накричала молодая девушка, но только двинулась в их сторону, дети радостно закричали и убежали.

— Глэдис мне уже купила одежду.

— Так возьми ещё, больше будет.

Эти слова немного смутили, но она решила пробежаться взглядом по ассортименту. Тут и правда продавались притягательные одеяния, в основном, конечно, из-за цветов. Она словила себя на мысли, что ей нравится жёлтый цвет почти всех оттенков. И тот, что мягкий песочный, и тот, что насыщенный, приближающийся к закату, и даже лимонный — эти оттенки притягивали сильнее других. Взгляд остановился сначала на одной, а потом на другой вещи, что привлекали внимание. Только Мия захотела подобрать слова, как Вилсон перебил.

— Вот те перчатки и платье на эту девочку, — сказал он и тут же уточнил: — Может,

ещё что-то?

— Нет-нет! Этого хватит, правда, — заверила Мия. — Спасибо большое.

Вилсон кивнул, отсчитал нужную сумму и положил её на специальный поднос. Здесь же он купил корзинку и сложил туда вещи, после чего они вышли из лавки.

— Спасибо, — снова произнесла она.

— Я заметил, что ты очень стесняешься таких жестов. Я сейчас не про себя, а про всех жителей замка.

— Потому что это и правда неловко. То есть... Знаете, иногда кажется, что принимать подарки куда сложнее, чем дарить их.

Вилсон закинул корзинку с гибкой ручкой на плечо и отрицательно замотал головой.

— Чепуха, мы ведь не на последние деньги это делаем. Ты, как и каждый из нас, ровно на столько же заслуживаешь иметь что-то, что тебе нравится. Без фанатизма, но я не вижу ничего ужасного в паре закусок, вещей и всём прочем. Ребятам, как и мне, хочется сделать тебе приятно, поэтому пусть тебя это так не сковывает.

— Просто я подумала, что... Вы ведь откуда-то берёте деньги? Разве кто-то из замка где-то работает?

— Ну конечно, — искренне удивился Вилсон. — Ты не до конца понимаешь, как работает Орторус, верно? Ты мне скажи, кто этот пустоголовый, который подумал, что кроме аромата и письменности тебе ничего не нужно объяснять? Фрида?

Мию аж покорило от услышанного. Этому человеку никак, ни при каких обстоятельствах не шло слово “пустоголовый”, будто она была девчонкой какой-то. Лучше бы оскорбили саму Мию — звучало бы грубо, но куда естественней. Стало неприятно, но неприязнь эту захотелось скрыть, а не проявлять.

— Раньше мне этот вопрос даже не приходил в голову, поэтому просто расскажите, пожалуйста. Может, знаете, пока вы не упомянули об этом, тема казалась мне слишком личной, чтобы взять и спросить.

— Глупости какие, — сухо возразил собеседник. — На деле всё проще некуда. Орторус время от времени помогает другим решить всевозможные... Казусы, которые происходят в разных частях Эмиронии. Ни в коем случае не личностные вроде мести и чей-то вражды, а более специфичные. Виоландо — это удивительный мир. Удивительный, молодой и нестабильный. И оттого выгодный для нас, ведь в этом мире иногда случаются странные для многих вещи. А обычные люди не знают, что делать со странными вещами, понимаешь? Вот за подобным Орторус и следит, ведь есть ситуации, с которыми носителям справиться куда легче, чем остальным. А иначе куда время от времени улетают наши ребята?

— Задания, да?

— Они самые.

— Какие, например?

Вилсону не пришлось долго думать.

— Одно из последних — моё любимое. В небольшом городке на севере, даже севернее, чем Мейяфр, произошёл один из этих случаев — над этим городком погасла Терсида. Причём только выходишь за стены города, и всё — день, но внутри постоянная ночь, сколько ни просыпайся. Терсиду было видно, может, даже и лучи доходили, но и днём и ночью сплошной мрак. Вот часто даже такие случаи, труднорешаемые.

— И вы справились? — охнула Мия. — Как можно такое решить? Что, неужели получилось?

— Конечно. Выслушали жителей, подумали хорошенько, отчаялись, а потом решили. Сам-то я на такие задания не езжу — у меня другие обязанности. Но наши ребята смогли вернуть городку свет, а это уже многого стоит. Как думаешь, много горожане готовы заплатить, чтобы вернуть естественный ход вещей?

— Очень много. Феноменально много, думаю.

— Скажем так, достаточно, чтобы мы сейчас не задумывались о покупке перчаток, платья и марципана, — цокнул тот. — А есть ещё один пример. Давнишний, но сразу приходит в голову. В одной деревушке один дуралей вырывал себе все зубы, которые мог. Сначала это был один человек, потом второй, третий и так далее. Звучит смешно, согласен. Ну, зубы и зубы, тут это их личные проблемы. Но выяснилось, что все эти люди не просто вырывали их, а бросали в одно озеро существу, которое питалось костями рыб. А когда кости кончились, оно начало очаровывать проходящих мимо зевак. Представляешь, гадёныш как-то чувствовал зубы и заставлял отдавать их, потому что был голодным. Вся проблема оказалась в озере, на самом его дне.

— Знаете, это уже какая-то...

— Какая-то глупость?

— Нет, мистика!

— Брось, никакой мистики. Стоит только разобраться.

— Значит, это наш конёк — уметь разбираться в таких делах. Это же очень интересно.

— Интересно, — охотно согласился Вилсон и указал пальцем на один из прилавков: — А вот что ещё интереснее. Ну наконец-то. Я думал, что ещё пару десятков ларьков придётся пройти. Подойдём.

Большую часть времени они шли в стороне от этой шеренги людей. Сейчас, когда они протискивались поближе к лавке, даже людей обойти по-человечески не получалось. Только она влево — и незнакомец влево ненароком, только в другую сторону — тот точно так же. Шум для половины восьмого утра стоял очень даже ничего. Повседневный Стеокс с такой сумбурностью и ажиотажем ну никак не ассоциировался.

В конце концов Вилсон взял её за руку, чуть прижал к себе и идя спиной вперёд, протиснулся в первые ряды. Это был тот ларёк, куда Вилсон любил заходить каждый раз, как приезжал Мелькающий Табун. Он, казалось, даже неплохо знал торговца, судя по тому, как просто они друг с другом разговорились. Мия смылила в табаке ещё меньше, чем в видах марципана, но даже так лишний раз смогла убедиться — ей нравился этот запах. Несмотря на всё разнообразие привкусов и сортов, здесь присутствовал один, «главный» запах, который раскрывал табак как таковой. Помимо него здесь продавались только курительные трубки и какие-то атрибуты к ним. Нашлись даже длинные, похожие на те, что Венди держала в своих руках.

Несмотря на широкий выбор, Вилсон справился быстро. Он, скорее всего, заранее знал, что хочет купить и никакие новинки ему не были нужны. Тот положил маленькие свёртки всё в ту же корзину и попрощался со своим знакомым.

— Мне можно спокойно выдохнуть — запасов хватит. А ты что-то не так много купила, — он махнул рукой, чтобы Мия шла за ним. — Здесь есть много всякого, может, даже того, что ты не знаешь. Любое увлечение, ты только скажи.

— Если честно, чем шире выбор — тем меньше идей в голове.

— Сделаем так. Мы будем уже куда медленнее идти обратно, а ты присматривайся к тому, что интересно, и спрашивай. Что смогу, то и объясню.

Пока они лавировали меж людей, Мия задавала огромное количество вопросов. Вилсон объяснял, но лишь иногда почёсывал усы и спрашивал у торговцев, что это у них на прилавке лежит. Каждая безделушка напоминала маленькую шкатулку с секретом Эмиронии, которую так приятно было открыть. Смысл некоторых вещей, в том числе и сыпучей воды, что становится жидкой только во рту, казался непонятным. Мир запросто мог обойтись и без половины этих забавных и бесполезных товаров. Но как же без них, этих чудесных вещей, суть которых — самобытность, а не практичность? Они и есть настоящая магия Виоландо, которую и под носом, бывает, не заметишь. Мия выбрала несколько сувениров, которые запросто помещались в карманы флайо.

— Послушай, вот какой вопрос, — спросил собеседник, когда они уже выбрались из толпы. — Я так и не разобрался до конца. Ты ведь не из-за Мейярфа и даже не с Эмиронии, правильно?

— Честно вам сказать — да. Но в том и дело, что сама без понятия откуда я. Не знаю, где родилась, но если кто-то незнакомый будет спрашивать, то скажу, что в Стеоксе.

— По месту проживания, да?

— По месту жизни, скорее.

— Хорошо. Этого мне хватит. Слушай... — тот поджал губы и покивал. — Ну, удивила, честно скажу.

Только Вилсон произнёс эти слова, как из каждого ларька зазвенел колокольчик. Маленькие звуки слились в один большой, который мог слышать каждый.

— Всё, отчаливают, — заключил Вилсон. — Смотри.

В течение пары минут покупатели покинули ларьки и отошли от них. Продавцы начали уже сами звонить в колокола. Друг за другом, совсем не синхронно. Когда звон кончился и стало глухо, из-под деревянных брусков вылезло ещё больше ножек. Глаза улиток широко открылись и уставились вперёд, забыв о покупателях. Всё строение приподнялось, и ларьки стали на добрые несколько фаланг выше, чем до этого. Затем существо начало очень стремительно набирать скорость и, как огромная сороконожка, понеслось дальше по широкой дороге, видимо, к следующему крупному населённому пункту. Бежало это создание неестественно быстро для таких размеров. Меньше чем через минуту, эта длинная улитка-сороконожка скрылась за деревьями.

— Всё, умчался на пару месяцев так точно.

Люди начали расходиться: кто-то с корзинками в руках, кто-то с маленькими сумками, а кто-то даже с пустыми руками. Потребовалось ещё с несколько минут, чтобы дойти к месту, где все договорились встретиться. Мелисса держала маленькую сумку на плече и просто светилась от радости. Вилсон тоже выглядел довольным, да и у самой Мии настроение было просто отличным. Жаль было только невыспавшегося паренька с кислой миной, который вяло держался за ручки пустой злосчастной тележки. Ради издёвки или нет, но единственное, что Вилсон положил в тележку — одна марципановая конфетка. Парадоксу пришлось везти лишь её. Та каталась по всей тележке и действовала парню на нервы, но Докс только злобно косился на шумный шарик. Когда терпеть стало невмоготу, он набросился на неё, разорвал фольгу и показательно прожевал надоедливую конфету. Тогда Вилсон достал новую и снова положил её в тележку. Настоящее наказание, что ни говори.

Эстер искала другие способы пробудить аромат. Сейчас перед глазами простиралась дорожка из всевозможных предметов. Все они кучно лежали на придвинутых скамьях, общей длиной с полдлани[2]. Всех этих камушков, безделушек, знакомых и незнакомых вещей было настолько много, что попросту разбегались глаза. Вся тренировочная площадка была в распоряжении наставницы и её ученицы.

— Слушаешь?

— Конечно.

— Тут, к сожалению, не всё, — с досадой подчеркнула Эстер. — Все предметы собрать просто невозможно, сама понимаешь. Но я попыталась собрать хоть часть того, с чем у тебя может возникнуть связь. Сегодня мы отбрасываем бесформенные или абстрактные ароматы вроде огня, внушения мыслей, управления светом и прочего, и прочего. Пока сделаем ставку на связь с физическими объектами.

Эстер выглядела строже обычного и говорила серьезней некуда. Мол шутки кончились, а все тренировки до этого были недоразумением. Всё настоящее начинается сейчас — вот, что говорил её тон и взгляд.

— Нужно попробовать установить связь с каждым из этих предметов, правильно?

— Именно, — она подчеркнула это слово, — именно так. Я буду немного рассказывать тебе о каждом предмете, который ты не знаешь. Главное — изо всех сил попытайся выйти на контакт с каждым из них.

Не было видно, что за предметы лежат даже на половине пути, а о той стороне шеренги, что кончалась невесть где, даже речи не шло.

— Хорошо. Вижу, тренировка будет долгой.

— Да. Я не люблю торопиться в важных делах. Сегодня ты тоже не любишь, как бы тебе не хотелось, чтобы было иначе.

Эстер даже не улыбнулась, только сложила руки за спиной и стала напротив, по ту сторону скамей. Пока молчала Мия и не поднимала голову, молчала и её наставница. Продвигались очень медленно, никто никуда не спешил. Мия подносила руки к предмету, затем закрывала глаза и изо всех сил старалась что-то почувствовать. Представить, как она владеет этой стихией или, на худой конец, как эта стихия овладевает ей. После пары минут молчания Мия сама делала очередную попытку и замечала, что Эстер нравится такой подход. Она улыбалась уголками губ, с гордостью смотря на ученицу даже тогда, когда ничего не получалось. Когда же дело доходило до незнакомого предмета, достаточно было чуть наклонить голову, чтобы Эстер объяснила.

— Это осмий. Невероятно твёрдый и плотный металл.

Зачастую достаточно было одного предложения, которое описывало основную суть предмета. В некоторых случаях хватало и одного слова, например, «чернила», чтобы Мия понятливо кивнула. Какие-то предметы она даже брала и с любопытством разглядывала, как листья деревьев, а с некоторыми, наоборот, вела себя осторожнее. Однако каждый раз результат был один и тот же.

Недалеко за спиной Эстер показалась Кейтлин, которая приложила палец к губам, только лишь Мия заметила её. Девушка не кралась, просто шла, потому Мия закрыла глаза и сосредоточилась на следующем элементе.

— Снова-здорова! — выпалила она на ухо Эстер и обняла, но та лишь дёрнулась и после отстранилась.

— Зачем так делать? Ну зачем, а?

— А, та это же сюрприз, остынь. Мне интересно что тут у вас, как тут у вас. Хотела пожелать удачи, понаблюдать. Поесть ещё, может. Не против?

— Нет, но мы заняты. Мне нужно сконцентрироваться.

— А, да пожалуйста. Я тихонько.

Отличное настроение Кейтлин было при ней и никуда не делось. Она принесла небольшое кресло и устроилась за спиной у Эстер, пообещав не отвлекать и попутно себе жуя сухари.

Через десять минут ощущалось лёгкое покалывание и едва уловимая тошнота. Не так, словно всё это время тратился амарантин, но обычным состоянием это не назовёшь. За всё время Мия преодолела в лучшем случае четверть дорожки.

— Ух... Сейчас, устала немного. Минутку.

— Конечно, отдохни. Но закончить мы должны сегодня.

— Ого, ты серьёзно? — с насмешкой бросила Кейтлин. — А почему сегодня? Сроки?

— Потому что нужно двигаться полноценными шагами, а не крохотными.

— Ну хорошо, хорошо, перегружать-то человека зачем? Она плохо о нас подумает и сбежит.

— Не сбежит. Кейтлин, я её наставница, поэтому пожалуйста...

— Всё, — хрустя сухарями, пообещала та. — Молчу.

От четверти до половины Мия дошла быстрее. К этому времени уже захотелось немного есть, но тренировка вытесняла чувство полноценного голода. До половины удалось дойти будто на том самом первом дыхании, которое, наконец, открылось полноценно.

— А почему такой странный способ, Эст? — шепнула Кейтлин. Она уже лежала на кресле, свесив ноги с подлокотника. — Ну, в смысле вот так стоять и щупать всё подряд — это немного бред, нет?

— Нет.

— Ну как нет? Разве кто-то из нас так открывал аромат? Без обид, серьёзно, но это же придумывание сложной схемы там, где она не нужна.

— Я её учу и мне решать.

— Предвечная, да я же не спорю. Я спрашиваю почему ты выбрала такой метод, а не приказываю его изменить.

— Потому что мне кажется, что он эффективен.

— Серьёзно? Чем, например?

В словах Кейтлин не было какого-то уничижения. Напротив, показалось, что она слишком легко говорит о вещах, которые у Мии бы даже язык не поднялся обсуждать. Эстер отвечала сухо и зачем-то надеялась, что каждый заданный вопрос будет последним.

— Просто выглядит, будто Мия ищет самородок среди кучи... всякого. А ведь нужно просто прийти. И ты так делала, и я. Не нужно с этим торопиться, правда.

— Вот знаешь, ты всегда, всегда думаешь, что знаешь всё лучше остальных. Задумайся об этом как будет время.

— Нет, просто не будь дурилкой и выбирай протоптанные дорожки.

— В аромате *нет*, — она подчеркнула это со строгостью, перетекающей в раздражённость, — одной протоптанной дорожки.

— Да как нет, когда есть? Я тебя умоляю.

— Вот не получится, тогда будем делать как ты скажешь. Не мешай нам сейчас, поняла? Не мешай!

Наблюдающая пожала плечами.

— Да я и не мешаю, но ладно.

Они замолчали, а наставница попросила продолжать. После половины пути стало совсем невмоготу. Стоило только взять в руки новый предмет, а хотелось уже поскорее отделаться от него. Будь то чернила, кварц, вода, воск, корни, пепел или сотни других вариантов — никакого отклика. Не было этого трепещущего чувства наполняющей силы, не ощущался настоящий резонанс. Несколько раз даже казалось, что-то действительно меняется спустя минуту молчания и концентрации, но через мгновение всё становилось на свои места — ничего.

Кейтлин крутила в руках какую-то вещицу с рукоятью, иногда протягивая вперёд и закрывая один глаз.

— Что-то ты слишком спешишь, — сделала замечание Эстер. — Сначала уделяла по полторы-две минуты на предмет, а сейчас максимум сорок секунд.

— Да я как-то...

— Предвечная! Эст, а ты что, считаешь? Серьёзно?

Только наблюдательница произнесла это, как Эстер сжала кулаки, повернулась к Кейтлин и заговорила с таким раздражением, которое, казалось, вовсе не свойственно Эстер.

— Да закрой ты уже свой рот! Ты можешь просто замолчать? Что ты сидишь и скулишь, скулишь мне под ухо?! И на кой ты направляешь оружие на людей? Ты понимаешь, что это опасно? Скажи, ты хоть на секунду своей бестолковой головой подумала об этом?

Кейтлин опешила от такой реакции и даже перестала крутить вещицу на пальце. Просто замерла, с недоумением смотря на подругу. Лишь после на её лице появилась недобрая усмешка.

— Ну, во-первых, я не скулю, а разговариваю. Это так, на всякий. Во-вторых, оружие разряжено, бестолочь ты. Оно не опасно. — Девушка демонстративно приставила дуло к своей голове и пару раз послышалось щёлканье. — А ещё, если уж берёшь на себя роль учителя, так учи человека, а не занимайся битьём головы об стену, хорошо? Потому что вот это мацанье всех подряд предметов — бездарное прожигание времени, а не тренировка. Но ты ведёшь себя как овца — смотришь лишь в одну сторону и будто в упор не замечаешь забора. Отлично, стараешься.

Эстер только и делала, что несколько секунд прожигала Кейтлин взглядом, в котором не было ничего хорошего. Затем взгляд этот стал жалостливым и гордым, но потерял свою враждебность.

— Да, это бездарное прожигание времени. Ты права. На сегодня всё.

Мия окликнула наставницу, но та не обернулась. Тогда она побежала следом чувствуя, как внутри гарцует паника и тоска охватывает оттого, что важному ей человеку сейчас дурно. Тихие слова не долетали до Эстер, а громче и смелее Мия говорить не могла. Тогда осталось лишь нагло и молча идти. Идти до тех пор, пока Эстер не остановится сама. Это сработало, и только они вошли внутрь, наставница обернулась и приобняла её.

— У нас всё получится, Мия. — Голос выдавал, что ей спокойный тон даётся с трудом. — Никого не слушай. Всё получится, обещаю. Но пока мне нужно время. Наедине с собой.

Они ещё какой-то миг простояли вот так, просто грея друг друга в объятиях. Очень короткий момент, чтобы успеть им насладиться. После одна пошла наверх, а другая обратно на тренировочную площадку.

— Чтоб ты не думала, что я полностью не права, — Кейтлин крутила на пальце всё ту же игрушку, — она могла просто отказать мне, когда я попросила присесть здесь. Но нет, она ведь дала добро, а потом заткнула мне рот. Хотя я ей ни одного грубого слова не сказала, а наоборот как-то пыталась расшевелить это тухлое молчание, понимаешь? Но ты всё равно думаешь, что я виновата, да?

— Не думаю. — Мия сдвинула в стороны предметы на скамейке и села напротив Кейтлин. — Мне, наверно, и не хочется искать виноватого. Просто не по себе оттого, что вы близкие друг другу люди, но... — хотелось, чтобы собеседница перебила на полуслове и продолжила мысль, но этого не случилось. — Но и ей сейчас плохо, и тебе, думаю... так себе. Эстер любит каждого из нас — это я точно знаю, она мне сама на крыше рассказывала. Поэтому такие склоки даются ей тяжело.

Кейтлин, до этого момента глаза которой прямо горели то ли из-за раздражения, то ли из-за уверенности в своей правоте, поникла. Она перестала крутить безделушку и села в нормальную позу, чуть сгорбившись.

— Ну так, а я не люблю всех, думаешь? Эстер не права, это я тебе точно говорю. Но мне б и в голову не пришло, что она вот так раз, и... Просто возьмёт и уйдёт. Я уже сама была готова уйти, лишь бы она не кипятилась.

Мия только покивала.

— Она плакала, не знаешь?

— При мне нет. Но показалось, что вот-вот.

— Да-а... Знаешь, я почему-то совсем не удивлена.

Собеседница раскачалась и спрыгнула наземь. Попросила подождать и, с несвойственным ей спокойствием, направилась в замок. Вернулась Кейтлин через минут двадцать, довольная и улыбчивая.

— Порядок, — коротко бросила она, но в детали вдаваться не захотела. Призналась, что не любит обсуждать ссоры и заикливаться на “больных” темах и сама перевела разговор в шуточное русло. Мие тоже полегчало. Пока был не лучший момент, но она пообещала себе, что сама навестит наставницу. Просто нужно время.

А пальцы в бордовых перчатках всё так же ловко крутили уже другую, куда более красивую безделушку, похожую на первую только формой. Стоило засмотреться, и как же изящно это выглядело, не оторваться.

— А это что у тебя, оружие какое-то?

— Ну... Да, это револьвер вообще-то. Милейший, знаю.

— Можешь чуть ближе показать?

— На-на, держи, не урони только, пожалуйста, — попросила Кейтлин, и сама сунула своё сокровище в руки.

Мия рассмотрела эту красоту: гравировка на рукояти и сам корпус поблёскивали на свету, а металл выглядел настолько отполированным, что в нём можно было разглядеть собственное отражение. Затем взгляд упал на длинное дуло револьвера — его словно оплетали стебельки, чем делали вдвое длиннее обычного. Единственный крючок этого приспособления был в форме изогнутого листа.

— Красота какая. Где ты такое смогла откопать?

— Я сама собираю их. И все детали лью тоже сама. Ну, слушай, — она нахмурилась, — почти, почти все. Что-то заказываю из других городов, а иногда даже самой приходится ездить очень далеко.

— Никогда раньше я таких устройств не видела. Если честно, каждый раз даже спрашивала себя, что значит это твоё прозвище, леди-револьвер, но никогда не уточняла. Не хотелось показаться невеждой, что ли. Не знаю.

— Палки-моталки, в следующий раз не загоняйся так. Ты спрашиваешь, я с удовольствием отвечаю. А так да, я обожаю их как в разобранном, так и в уже готовом состоянии. У меня в правом крыле четвёртого этажа что-то вроде своего гнёздышка, скажем. Маленькая, такая, комнатуха. Кейтлин, которая одета с иголки, с красивыми револьверами на поясе, запахом духов и макияжем — это, конечно, та ещё красавица, очень её люблю. Но есть прекрасная изнанка всего этого. Когда трясешься от того, чтоб не разлить раскалённый металл, когда в мастерской стоит запах пота, везде стружка, руки запачканы по самые локти, а предел мечтаний — это стать под холодный водопад и сполоснуться. М-м-м-м, — мечтательно протянула собеседница, — лепота та ещё, ну?

— “Кейтлин среди других” и “Кейтлин наедине с собой”, да?

— Да-да, около того. Но если захочешь посмотреть чем живу, то заходи, покажу. Только не сейчас.

— Само собой. А у тебя много их? Револьверов разных.

— Много, — гордо заверила собеседница. — Но я к каждому из них по-разному отношусь. Свои ассоциации, даже свой характер представляю, как у человека. Тот, что ты держишь, я особо люблю. У него даже имя есть — «Оттепель». Я долго над ним думала.

— И почему именно так? Какой-то символизм? — Оружие снова оказалось в руках владельца.

— Да. Я верю в то, что с этим револьвером я растоплю холод. В отличие от других образцов, здесь запаянный барабан с одним патроном внутри. В моей теории эта пуля и должна бросить вызов, который покажется невыносимым. Когда она покинет своё гнездо, стебли переломаются. Но сложно тебе объяснить, что это за холод, на самом деле. Что-то личное, думаю. Просто создавала я эту красавицу с мыслью: “А что, если бы одна пуля могла изменить вообще всё?”. Поэтому просто считай, что это декоративный шедевр с одним сердечком внутри.

— Получается, ты планируешь убить кого-то? — испугалась Мия.

— Какой резкий вывод. Почему ты так думаешь?

— Но основное свойство оружия — убийство. Они для этого и сделаны.

Кейтлин осмотрела револьвер, словно где-то на нём мог быть выцарапан ответ. Этот взгляд был полон обожания и читалось в нём что-то сдержанное, что-то зрелое, что ценило форму и саму суть, а не лишь пёстрые цвета.

— Ну, значит мне быть первой, кто докажет, что это не так. Револьверы многограннее, чем может показаться. А тебя так пугает убийство человека?

— Н-ну да, — теребя рукав, замялась Мия. — Это же убийство. Разве оно может не пугать?

Собеседница ухмыльнулась и простодушно пожала плечами.

— Разные взгляды бывают. Для меня в этом ничего такого нет. Но не нужно думать, что я с кровью на руках. Мне никогда не приходилось доводить ситуацию до крайности. Поэтому людские жизни я не забирала. Просто потому, что я предпочитала альтернативные варианты.

— А не людские жизни?

— Я сформировала предложение именно так, как нужно было. Думаешь, нам нужно

углубляться в детали?

Мия резко покачала головой и даже замахала руками. Кейтлин пожала плечами, мол, как есть, так есть. «Оттепель» вернулась на пояс, где и было её место, а в руках оказался уже другой револьвер, поменьше.

— Разомнусь.

Девушка махнула рукой и вскоре они оказались на другой части поля, где были подвешены большие белые листы с цветными полосками посередине. Мия отошла в сторону, чтобы не мешать. На какое-то время взгляд застыл на дуле оружия. Выстрел звучал тихо и приглушённо, без того треска и грохота, который она ожидала услышать. Та лёгкость, с которой кисть сжимала рукоять, и пули, каждая из которых попадала в мишень, вызывали приятный водоворот чувств. Перед ней стоял человек, который будто знал какую-то тайну. Несмотря на характер Кейтлин и её легкомыслие, она казалась счастливой просто оттого, что пули дырявили бумагу. Её брови не хмурились, руки не дрожали, а тело выглядело расслабленным. И из-за этого она была лучшей на этом поле и достойнейшей из всех, кто держал револьверы. Потому, что в её руках он становился существом, а не средством.

— Это твоя бесконечность? — выпалила Мия перед тем, как Кейтлин выпустила очередную пулю.

— А? Револьверы?

— Да. Ты наверно знаешь об этой теории, правда?

— Само собой. В Эмиронии вообще много кто о ней знает, просто одни верят, другие не то чтобы. Но даже так — они невольно следуют ей, этой бесконечности, если остаются сами собой. Кто-то, конечно, больше, кто-то нет. Плюс-минус, как говорится. Вот такое противоречие, понимаешь?

— Противоречие... — заворожённо повторила та. — Ага.

— Что до меня... — Кейтлин выставила револьвер перед собой и прицелилась. — Скорее, те чувства, которые они мне приносят. Не само оружие как таковое. Вот эти эмоции, когда я собираю их и стреляю из них, и есть моя бесконечность, плюс-минус.

— И сейчас ты хочешь помочь другим найти это же чувство, да? Поэтому вы придумываете какой-то план против покровителей?

— И да, и нет, — голос звучал сосредоточенно. — В твоих словах что-то есть. Но куда больше мне хочется разрушать то, что я считаю злом, чем помогать другим найти себя. Это уже их дело.

Кейтлин не отрывала взгляда от мишеней. Она выстрелила, и очередная пуля прошла сквозь, немного в стороне от белого пятна по центру.

— Если разобраться, то я за то, чтоб обретать страсть к жизни, без которой просто невыносимо. Но это только касательно близких мне людей и всё. Я не сердобольная девочка, которая будет из кожи вон лезть, чтобы помогать чужим людям искать то, что им важно. Найдут или нет — их дорога. Но я всей душой презираю тех, кто эту страсть целенаправленно ворует или отбирает, вот в чём дело. Вот от чего, от чего, а от такого меня просто коробит.

— Недавно Эйдан показал, как хищные глаза наблюдают за людьми. Как рупоры не только говорят, а и слышат каждый шорох в подвалах, закрытых комнатах и чердаках. И мне пришла мысль, что даже когда рисуются самые красивые картины, когда пишутся лучшие стихи и рассказы, руки создателей дрожат. Потому что какое бы они сокровище ни создали, оно останется в недрах подвала. А если случится иначе, если оно всплывёт, то в недрах

подвала останутся уже они. Навсегда.

— Так и есть. Понимаешь, отобрать ведь легко. Начать можно и со слов. Порицать человека за вдохновение, например. Осуждать за порывы и попытки проявить себя. Надломать человека — запросто, если есть рабочая схема. Но подавить зачатки ярких цветов в человеке для меня равносильно его убийству. Худшая мера из всех.

— А ты... смогла бы убить человека, если бы точно знала, что он — зло, о котором ты говоришь? — вопрос звучал неожиданно даже для самой Мии. — Если бы знала, что именно этот человек похищает страсть к жизни у других?

Кейтлин призадумалась и даже на какое-то время перестала концентрироваться на мишени.

— Слушай, я не буду отвечать сразу. Зайду немного издалека, — она выдохнула, подбирая слова. — Предположим, что мазок за мазком, и человек мог бы влюбиться в цвета так же, как я люблю свист пуль. Нота за нотой, петелька за петелькой и так далее, правильно? Человек может создать себя с нуля, просто найдя эту страсть. Что-то, что выделялось бы на фоне утра и вечера. Поиск себя, даже если ты бросаешься от средства к средству, — созидание. Создание собственного...

Девушка мотнула головой, повернулась к Мие и подошла вплотную. Она поставила оружие на предохранитель и протянула его собеседнице. Та послушно взяла.

— Мия, возможно ты не совсем понимаешь, о чём я болтаю, но в моей голове тоже есть стоящие мысли, просто их не всегда легко выразить. Этот револьвер может унести меня дальше, чем смог бы ветер, превратись я в лист дерева. Свист, который создаёт пуля для меня, — жажда жизни и искусство. Это моя человечность и жестокость. Этот свист, звук выстрела и каждая деталь оружий, что я создала, всегда со мной. Даже ночью, когда я сплю, даже когда уезжаю в другой конец мира. Это шифр, который я смогла для себя разгадать, улавливаешь?

Пальцы старались быть нежными с этим предметом. Каждое движение было на уровне инстинкта.

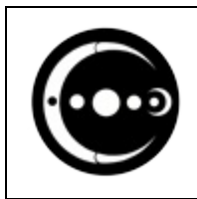
— Человеку важно однажды найти то, что он никогда не сможет потерять. Если сам того не захочет, конечно. Для меня детали и пружины выстраиваются в очередь, становятся в нужном порядке и оживают. Это картина, но воплощённая по-своему. — Кейтлин аккуратно забрала револьвер, отошла и сняла предохранитель. — Поэтому, если бы передо мной был некто, убивающий смысл и всё названное до этого, для меня он убивал бы и самих людей. И в него я бы выстрелила без раскаяния. Я бы стреляла и стреляла, пока не послышатся сухие щелчки барабана.

Девушка закрыла глаза, нажала на спусковой крючок и, погодя, отпустила его. В этот раз пуля проделала отверстие в десяток раз больше её собственного диаметра, словно в мишень кинули булыжник и попали в самый её центр.

— Такой вот агрессивный мотив у меня получается. Но в любом случае одно только моё решение уничтожить зло ничего не изменило бы.

— Почему не изменило бы?

— Потому что здесь нужно что-то ещё, понимаешь? Ну, помимо желания победить то, что я называю злом, нужна и какая-то альтернатива. То, что можно предложить вместо этого зла. И вот в этой альтернативе вся суть и вся сложность, с которой бесконечность одного человека ну никак не сможет справиться. Самое интересное начнётся тогда, когда из дула вместо пуль полетят цветы.

Меня трясёт. Глубокая ночь, но я никак не могу опять уснуть. Это не из-за жёлтого голоса. А Эйдан — это он. Выполняет своё обещание. Сама не знаю почему, но мне не хочется писать “сон”. Мне опять приснилась реальность, но под другим углом. Вот так.

Я стояла на площади перед человеком, который публично сжёг свою картину. Сперва он извинялся перед каждым в толпе, в том числе и передо мной. Никакая картина не должна была быть нарисована никем, кроме художников. Так говорили рупоры и правило это знали от мала до велика. Человек передо мной был ростовщиком, а не художником. В извинениях он не раз это подчеркнул.

Мужчина стоял на коленях и просил простить его за nepотребство. Просил не только рупоры, а и меня, и всех в округе, и даже тех, кто был далеко от этого места. Говорил не лукавя, серьёзным тоном, время от времени заикаясь. Я была в первых рядах и смотрела не на виновника, а на холст, пока тот был цел. Это просто красно-жёлтый цвет с вкраплениями зеленого — так он решил изобразить куст, такие краски он подобрал. Ничего выдающегося, нарисовано явно дрожащей неопытной рукой. Куст — это мелочь, по сравнению с тем, что рисовали художники Мейярфа. Куст — это не так красиво, как здешние шатры и не так величественно, как высокие статуи. Это последнее, что можно рисовать, чтобы поразить мейярфцев, учитывая здешние красоты. Но именно для этого куста были куплены кисти и краски, именно для него холст лишился своей белизны, а пальцы художника оказались испачканными. Чтобы вместо статуй, высоких стен, яркого солнца, огромных рынков и пёстрых шатров на картине появилось пару невзрачных веток, нарисованных порывом вдохновения.

Виновник встал с колен и принялся обливать картину какой-то жидкостью из ведра. И минуты не прошло, как картина загорелась. Мне почему-то стало жаль этот крохотный кусок ткани так, будто убивали настоящее растение. Больше всего хотелось понять, врёт ли человек передо мной или он по-настоящему мог так раскаиваться. Говорил он сожалея, а картину жёг сразу, не мешкая. И никого из замка рядом, никого, кто бы был опытнее, кто бы сказал как есть на самом деле. Решать должна была я одна, и мне предстояло либо попасть наверняка, либо ошибиться на все сто.

В Мейярфе у каждого своя роль — так большой город работает уже не один год. В нём теряются маленькие картины на фоне больших, теряется музыка на фоне разговоров из рупора и стихи на фоне патриотических песен грастий. А ещё в нём теряются люди. Те, которые хотят быть не частью великого мегаполиса, а всем целым себя самого. Засиживающиеся допоздна чтобы описать или изобразить ручей далеко за стенами города и те, кто запирается в подвалах и на чердаках, чтобы танцевать, пока никто не видит.

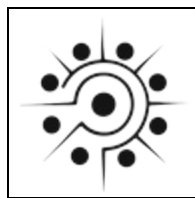
Мне почему-то кажется, что покровители боятся кустов. И их, и внезапных открытий, и всего того, что выбивается из поля зрения и их голоса. Будь моя воля, я бы смотрела на картину дольше, если бы её не сожгли. Я бы заразилась этим, а потом нарисовала всё то же самое, но в зеленом цвете. Чтобы кто-то увидел и нарисовал два куста, а затем одно дерево. Одно за одним, кто-то нарисовал бы поляну, кто-то лес, а их последователи решили бы пойти дальше — взрастить его. Создать зелень не только на картине, а и в жизни. Чтобы прилетели птицы и здешний мир перестал быть полностью жёлтым. Чтобы кисть сжимала флейты, а не рукояти оружия, а под ногами струилась вода вместо песка.

Когда-то, может, так будет, но я этому не поспособствую. Я уже слабо помню, как выглядела сожжённая картина. Стою на том же месте, уже почти одна, ведь толпа давно разошлась. Пытаюсь вспомнить и не могу. Только знаю, что мужчина, уничтоживший картину, стал самоубийцей. Публично наложил на себя руки и ушёл, будто и не произошло ничего. Но он ведь не картину сжёг — он сжёг себя.

[1] Ноксеналь — предпоследний, седьмой день флатии. Часто именно в Ноксеналь эмиронцы, только кончится рабочий день, любят пошастать по лавкам, купить себе новых вещей и провести спокойный вечер перед наступлением выходного.

[2] Длань — единица измерения длины в Эмиронии. Эквивалентна четырнадцати метрам.

В этой главе согреют беззаботность и беспечность.

Это была не просто прогулка по окрестностям, нет. Куда они только ни шли! Мимо населённых улиц с косыми домами, мимо площадей-островков с цивилизацией и буквою глушь, мимо озёр, где на лодках плавали влюблённые, мимо стогов сена, на которых спали кошки и мимо стада койорми, которые фыркали и забавно шевелили ушами. Всё это был Стеокс — где-то он выражался в щебете и мычании, где-то в гуле толпы и песнях посреди площадей, но он оставался одним необъятным, теперь уже оранжево-красным мазком на юге материка. С каждым днём осень окутывала его всё сильнее, стирая остатки зелёного цвета и крадя тёплые ветра.

Докс брёл в случайном направлении. Он заверял, что с ним куда ни уйди — не потеряешься, но в то же время никого бы не удивило, если бы он заблудился прямо возле самого замка. Как карта ляжет.

— Вот что оттуда постоянно так гремит? Будто где-то внутри целая гроза.

Мия показала пальцем на незнакомый предмет, что красовался на шее собеседника. Ни то украшение, ни то важная вещица какая-то — так и не разберёшь. Парадокс осмотрел себя и сразу понял о чём речь.

— А-а-а, так ауризонос. Единственный в этих землях, между прочим. Прямиком с Хикаридуса[1], моей родины.

— И что ты с ней делаешь? Слушаешь гром?

Парень крикнул, молча снял диковинку с шеи и приставил к ушам подруги.

Послышалась череда звуков. Она не была совсем уж хаотичной, но и музыкой в привычном для Мии понимании такое не назовёшь. Какая-то волна, где звучали короткие гудки, глухие удары и слишком быстро повторяющиеся хлопки. Не слышалось ни смычковых, ни духовых, ни каких бы то ни было других известных ей инструментов. Не музыка, а скорее очень мелодичный ритм. Голова сама двигалась в такт, а когда звуки затихли, странное приспособление вновь вернулось законному владельцу.

— Это у вас музыка такая?

— Музло-о-о! — гордо бросил тот. — Музище, которой нигде больше нет!

— А там, в Хикаридусе, всё совсем уж отличается от Стеокса? Или кроме музыки и языка всё похоже? Венди как-то разговаривала на ридасе — ну совсем что-то из ряда вон.

Парадокс тут же заговорил на этом самом неясном языке, где ни то что слова, даже чего-то похожего на Йетрагге-янтэ не услышишь.

— Ладно, это я так, балуюсь. Отличается всё. Нет, правда всё, это совершенно другой материк, совершенно другая культура, и, молния мне на голову, если вру, совершенно другой

мир. Даже одежда, если присмотришься ко мне или к леди-револьвер.

— Это да, иногда вы надеваете совсем уж необычные наряды.

— Мы носим те же флайо, но они цветастей и фасон у них не сказать, что классический. В Хикаридусе все помешаны на яркости и пёстрости, это у нас с рождения. Так что мы с Кейтлин вроде прикидываемся местными, а вроде и выглядим для окружающих как те ещё иностранцы.

— Вы познакомились ещё там, на родине? Или уже в замке?

— Здесь, в Орторусе. Но знаешь, чувство, что я знаю её дюжину лет и ещё столько же сверху.

— Понимаю. Это так интересно, родиться на одной земле и спустя годы встретиться на краю вообще другого материка в другом конце планеты. — в голове всплыл лишь образ далёких-далёких земель, но ничего конкретного, что можно было бы связать с Хикаридусом. — А какая она, твоя родина за океаном? Расскажешь?

— О-о-о... Ну, на востоке Дамон-Тарра, — начал Докс, — есть государство ночи. Огромное, представь Мейярф, который живёт после захода Терсиды. Появляется очень много огней, фонарей, звуков и быстро стучащих сердец. Мировой мегаполис развлечений, серьёзно. О, а какая там еда! Очень отличается от нашей, но ради неё я стабильно раз в полгода на пару дней возвращаюсь к себе на родину. А днём постоянно чувство, что всё готовится к ночи. День — это так, условность. Но мои земляки научились контролировать освещённость города. Они не убрали день, потому что ночь бы тогда всем быстро надоела. Но сделали его короче, скажем так.

— И что, нет ощущения, будто ты приехал из мегаполиса в деревню какую-то? Что здесь может быть интересного, если ты видел такие чудеса?

— Вот ещё! — прыснул парень. — Наш замок строили знатоки своего дела. Он же на шаг впереди большинства городов Эмиронии по технологиям и всяким там примочкам. Так что с чем-чем, а с деревней Орторус не сравнивай. И вообще, не идеализируй всё, что я говорю. Земли моей родины тоже не мечта всех мечт, иначе бы я оттуда не уехал. При всей любви к громким звукам и ярким цветам, Стеокс мне ближе. Вот такая несуразица. Стеокс, он же хорош совсем в другом, понимаешь о чём я?

Мия попыталась представить какие-то достижения, какие-то невероятные постройки, но вряд ли всё это могло тягаться с Хикаридусом. Ничего толкового не приходило на ум. Докс с возмущением прыснул и сразу начал опровергать любые сомнения по этому поводу. Он не то что не мешкал, а даже не запинался.

— Да даже музыка — она ведь не хуже, она просто другая. А Вездесущие, а нормальный климат, а местная одежда? Искусство ж! Хотя я и не понимаю, как в таких балахонах ходить и осенью, и весной, но мне нравится стиль. У вас всё гармонично смотрится, а не показушно. Вот даже твой костюм, Мия. Улёт тот ещё. Расшибиться, да банально — природа! Таких полей ты во всём Дамон-Тарре не найдёшь, уверен. А в Хикаридусе вообще нет ручейков, таких замечательных закатов и красивых лугов. Всё застроено, и от этого теряется что-то важное. Знаешь, как важно иногда просто посидеть под деревом и подумать о своём?

Они остановились возле чьего-то загона, но людей вокруг не было. Собеседник издал цокающий звук и вытянул руку — к нему подбежала овца. Тот принялся гладить животное, тогда к ним подскакало ещё одна, и её потрогала уже Мия. Сначала не спеша, опасаясь, но когда животное начало забавно вертеть головой, переживание улетучилось почти сразу.

Парадоксу на капюшон упал красный лист, но он не заметил. Мия потянулась и сняла его сама.

— Жаль только, что уже всё постепенно опадает. И деревья выцветают всё быстрее. Так, кажется, что и снег скоро может пойти.

— Оу! Так-так, ты знаешь про снег?

— Что я о нём знаю?

— О его существовании.

— Ну... — она прищурилась. — Подвох, да?

— Ничуть. Ну вот откуда ты узнала про снег? Я, допустим, с Хикаридуса, там снег идёт. Но местные его ни разу в жизни не видели, потому что в Эмиронии нет ни снега, ни зимы. Ну нет его, потому что здесь чередуются весна, лето и осень. Только вот ты-то где на него полюбоваться успела?

Мия задумалась. В Стеоксе она действительно ни разу не видела снега. Чего уж говорить, пока она жила в Мейярфе, она столкнулась с такой жарой, что даже снежинки в представлении казались нагретыми кусочками пепла. Но сейчас картинка была довольно понятной: существовали снежинки, существовала зима, холод и совершенно голые деревья. Такая же элементарщина, как то, что небо находится над головой, а не где-то под землёй.

— Ну да ладно, это я к чему. Зима, она в Дамон-Тарре есть, но не здесь. Но там и сутки по-другому считают, и времена года. А здесь принято так: весна, лето, осень и снова лето. А потом всё по новой.

— Как же, совсем без зимы, даже на севере?

— Даже да. Мне тоже эта новость казалась огромной такой жирной молнией, свалившейся на голову. Но здесь свои, очень замороченные и чудные устои, как выяснилось. Даже если изморозь появляется, то это называется «чахлой осенью», но никак не зимой. Снег здесь — это миф, выдумка, шашни злых духов и всё в таком духе. Свои странности, в общем. Давай будем иногда собираться с тобой и обсуждать странности этой Эмиронии, а?

— Клуб обиженных?

— Ну да. Сплетники и оскорблённые.

— Подходит.

— Сразу добавляю в список местных ужасов “зефир”.

— Что, не любишь его?

— Вообще отказываюсь признавать *это* едой. Ужас, сделанный невесть из чего. Лучше жрать политое мёдом болото.

— Идёт, мне зефир тоже не очень нравится. Тогда сразу за ним запиши и воду с лимонным соком.

— Да-а-а! — рассмеялся Парадокс. — Даже знаю кто тебя заставил её пить. Мятная выпечка ещё — преступление против вкуса, считаю. Три пункта на ровном месте, вот так энтузиазм!

Взгляд замер на воронке в небе. Ассоциация сразу же протянулась к Скаю, а оттуда к мелодии и его словам, сказанным на крыше. Оттуда нить мысли протянулась дальше и превратилась в тот самый вопрос, ответ на который Мия каждый раз ждала с за́мершим сердцем.

— Докс, а ответишь мне на один вопрос очень честно?

— Сначала задай его.

— В чём заключается твоя бесконечность?

— Не-е-ет, — проскрипел парень. — Нет-нет-нет. Дурацкий вопрос, Мия.

— Почему же?

— Я не люблю формулировать сложные мысли и пытаться в нескольких предложениях выразить суть чего-то. Я плохо подбираю слова, в конце концов. Поэтому ответа от меня не дождётся.

— Ты даже не попытаешься?

— Может, когда-то, но не сейчас. Пока что вся суть в том, что нас окружает сейчас, но через момент времени этого уже не будет. — Парень выждал секунду-другую и досадно щёлкнул языком. — Ну вот, его уже нет. И снова. И снова!

* * *

Она вернулась к полудню. Вот-вот должна была начаться очередная тренировка, уже седьмая, если не подводила память. Стоило только выйти из комнаты чтобы не опоздать на поле, Эстер была тут как тут. Она оставалась столь же серьёзной, что и в последние разы: ни намёка на ту притягательную улыбку, широкий шаг и чуть наклонённый вперёд корпус, будто она рвалась побыстрее оказаться на улице.

— Доброе. Давай так, — сразу выпалила наставница. — Я придумала, как ещё можно попробовать раскрыть твой потенциал. Совсем другой способ, и, если не сработает, будем пробовать что-то ещё. Всё хорошо, спать или есть не хочется?

— Нет, — голос её был бодр. — Полностью готова к тренировке.

— Замечательно. У меня есть одна хорошая идея и несколько тех, что мне нравятся поменьше. Потому давай начнём с первого. Помимо воздействия на другие физические предметы нам с тобой обязательно нужно попробовать направить амарантин на твоё тело. Это совершенно отличается от того, когда ты воздействуешь на посторонний объект. Сейчас всю эту энергию нужно замкнуть в себе и дать ей циркулировать внутри.

— Так.

— И давай сразу тебе скажу, что это может быть опасно. Слегка. Если твои мысли «соскочит», то в теории ошибка скажется на твоём теле. Понимаешь, о чём я?

— Понимаю. — В голове всплыл образ, как Мия плачет от боли и не может потушить обожжённые руки. Ни с того ни с сего, будто она уже видела это и лишь снова вспомнила. — Может тогда не стоит?

— Нет-нет, стоп, пожалуйста. Не паникуй раньше времени. Ты должна понимать, что у неопытного носителя ничего не произойдёт мгновенно, хоть изо всех сил попытайся взорвать всё в округе. Естественно я буду рядом и выведу тебя из этого состояния, как только увижу, что ситуация накаляется. Опасность, она здесь скорее потенциальная, поэтому я даю гарантию твоей безопасности. Просто хотела, чтобы ты знала. — Эстер обернулась на ученицу и замешкалась, стараясь сохранять серьёзный вид. — Ну... Если тебя и правда пугает этот метод, то мы прямо сейчас отбросим эту затею. Я придумаю что-то ещё.

— Нет-нет, — сразу возразила та. — Не то, что пугает. Это не страх и даже не трусость.

Мия понимала это чувство внутри. В такие моменты самая примитивная часть тебя хочет откинуть любой важный урок и почему-то сбежать с него. Не потому, что он скучный или опасный, — это только повод. Отдых, а вслед за ним ещё один и ещё один — довольно длинная цепь, изо дня в день ни к чему не приводящая. А продуктивность и саморазвитие казались нужными, даже необходимыми, но в то же время и чем-то другим, абсолютно

незнакомым. Это желание развиваться в совокупности с порывами пойти путём наименьшего сопротивления вызывало очень двойное ощущение. Но каждый раз она твердила себе: «Статичность ни в коем случае не должна победить».

— Я сделаю что нужно, обещаю. Это была просто секундная неуверенность, правда. — Взгляд упал на всё ту же банку, что даже стояла на том же самом месте. — Так как, направить ту же энергию, что и в прошлые разы, но в этот раз на себя?

— Верно. — Слово прозвучало неуверенно, но Эстер словно словила себя на этом и тут же собралась. Тон стал таким же серьёзным, что и был. — Да, верно. Направить и попытаться найти нужный образ. Можешь приступать, а я буду наблюдать.

Всё то же самое: закрытые глаза, концентрация и удобная поза. Седьмая тренировка, а чувство, словно она всё это с детства знает. Нужно и самой будет подумать, как разнообразить подход: задерживать дыхание, стоять спиной к цели или достигать помутнения, как Венди — вдруг поможет, мало ли.

Это состояние перехода не ощущалось таким уж тяжёлым. Стоит только понять принцип, и сложный первый шаг становится совершенно понятным. Мия чуть ли не зарекалась, что не будет тратить всю энергию сразу, чтобы снова не стало плохо — лучше попробовать несколько раз, чем вложиться в один и потом мучительно таять до конца дня. Но неожиданно для неё самой, поток полился так просто, так быстро, что остановить его было бы просто кощунством.

В этот раз мысли ощущались совершенно по-другому. Она не думала о каких-то конкретных проявлениях и цветах, старалась не слышать звуков и отдать мысли на растерзание чему-то большему, чем попытка найти правильную картину. Амарантин представлялся похожим на то, как его описывала Фрида: фиолетово-серое солнышко, которое находилось где-то совсем неподалёку от тела. И сейчас его лучи были направлены не на банку, а на тело, которое пронзали. Сознание рисовало образ, как лучи эти просвечивали сквозь кожу и оставались где-то внутри. С едва заметным покалыванием какие-то невидимые серые иголки вонзались в тело, а какие-то разбивались об него, трескались и растворялись, так и не коснувшись земли.

Ощущения притупили даже звуки, какими она привыкла их слышать. Всего на несколько секунд, чтобы дать заговорить внутри чему-то более важному. Тому голосу, который впервые послышался настолько громко и ясно. Сначала он не произнёс ничего конкретного, просто создавал ритм: гудел, трескался и просто звучал вразнобой. Он не вызывал чувства страха, но и не звучал дружелюбно.

Голос внутри казался до того родным, что путались мысли. Говорила ли Мия сама с собой? Она готова была поклясться, что нет. Или же это раскрылась та её сторона, которую она очень плохо знала. Та часть, которая всё это время в ней существовала, но до этого момента даже не удосужилась представиться. У него был всё тот же образ — жёлтый огонь, что напоминает форму глаз без радужки и зрачков. Сейчас из огня исходил не только голос, а и жар, который одновременно и прожигал, и заживлял. Именно он знал нужные вещи, именно он точно понимал, что из себя представляет амарантин.

Медленно и глубоко выдохнув, Мия ощутила, что внутри неё есть энергия. Это была не выдумка мечтателя, который в глубине своей фантазёрской души знал, что мир куда менее удивительный, чем есть на самом деле. Образ становился таким же настоящим, как и дыхание, как и мысли, зарождающиеся в голове, как и чувство предвкушения. Голос и энергия казались настолько реальными, что на их фоне растворялось всё, даже образ

стоящего рядом человека.

«Не что-то дикое, — нашёптывал он. — Бесформенное. Но не воздух. Форма, которая на грани. Форма из мыслей её носителя — безвредная и простая, но всеобъемлющая. И опасная, когда это необходимо. Создай движение, что поможет оторваться от пола. Создай неосязаемую волну, без начала, без конца, без запаха и цветов. Создай собственный мотив».

Серо-фиолетовое солнце захотело ещё — сейчас лучам было мало лишь касаться тела носителя. Из свечения появился луч-остриё, которые моментально пробил жестянку, что находилась перед ней. Маленький кусочек металла играл по правилам солнца. Играл по правилам самой Мии. Её ступни начали отрываться от земли, а нанизанная на луч банка следовала за ней, подчиняясь потоку энергии. Всё выше и выше.

Снова возник образ глаз. Там, во вспышках огня было что-то некогда родное, но уже забытое. Они вели за собой и рассказывали, как воплощать немислимое. Они могли даже издать крик. Вопль, который звучал, как завет.

«Создай свой мотив!»

Порыв длился ещё несколько секунд, а после утих. Образ глаз исчез без предупреждений и слов. Ноги коснулись травы и вся эта уверенность, это окутывающее могущество показались скорее мороком, нежели чем-то настоящим. Перед глазами всё плыло, и даже успел зародиться страх того, что она слепнет. Но через несколько секунд зрение вернулось в норму. Сиюсекундный страх отступил.

У Эстер было выражение лица, которого Мия ни разу не видела до этого. В нём не просто изумление, а восхищение, восторг, которые лишают слов и заставляют замереть на месте. Она переводила взгляд то на банку, то обратно на ученицу. Вся эта нарочитая строгость исчезла и Эстер была собой — человеком, который выплёскивал водовороты эмоций, а не подавлял их.

— Вездесущие, ты смогла... Правда смогла. — Она поднесла ладонь ко рту. — Я-я-я просто поверить не могу. Просто... не могу!

Она сорвалась с места и обняла ученицу. Крепко, будто через этот жест хотела отпраздновать победу, на которую и сама не рассчитывала. У Мии пробежали мурашки и вся усталость, все предыдущие неудачные попытки и накатывающая тошнота показались такими пустяками, что хоть смейся.

— Какая же ты умница. Я горжусь тобой, Мия. Ты бы знала, как я тобой горжусь. Получилось.

— Да. Смогли. Мы смогли! — она отвечала на объятия так же искренне и сильно. — Как это назвать, а? Как это выглядело?

— Я не знаю, как это назвать. Левитация, наверно? Но это потрясающе! — В голосах обеих тот восторг, который не скроешь, а в головах понимание, что самая сложная планка, наконец, преодолена.

— Я оторвалась от земли, да? Я чувствовала, что не касаюсь ничего, будто меня подняли невидимые руки!

— Не только ты, банка тоже парила. Сначала она потянулась следом вверх, а затем к тебе. И ещё вот, присмотришься. Смотри говорю!

Эстер на время разорвала объятия и указала на траву возле изначальной позиции банки. Кончики травинок в этой области оказались надорваны или очень помяты, будто на них

наступили. И только несколько из них были вырваны почти у основания.

— Это тоже я?

— Это тоже ты. Поэтому похоже на левитацию или, знаешь... На управление гравитацией, что ли. Но теперь мы понимаем, что нужно развивать. Я тебя кошмар как поздравляю!

Как ни радуйся, а приступ слабости дал о себе знать и стоять оказалось уже не так легко, потому пришлось сесть. Резко стало совсем уж не по себе. Даже открывать рот было сложно, и казалось, что приступ тошноты вот-вот возьмёт своё.

— И что, и что? Ты чувствуешь что-то, что никогда не чувствовала до этого?

— Тошнота. Вялость. Плохо.

— Нет-нет, это просто таяние. Я волнуюсь на счёт аномалии, но раз она не появилась даже сейчас, то, думаю, опасности нет. Время покажет.

Мия легла на спину и засмотрелась на размытые ветки и листья. Красивые и яркие. Сейчас всё хотелось описывать настоящими, но простыми словами. Рядом с ней лёг важный ей человек. Не строгий учитель, не ранимая подруга и не говорливый собеседник. Это была та, с кем приятно держаться за руку и в обычное время, и в разгар тошноты. И если найдутся те, кто доведёт её до слёз, то Мия простодушно попросит: “Не трогайте её, она — важный мне человек!”. Может помочь, но если злопыхатели так и не исчезнут, значит рыдать им обеим. Как ни посмотри, а победа.

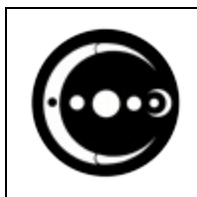
— Ты... Стой, ну почему же ты плачешь?

— Я? Да ну, нет. Просто знаешь, первый шаг всегда значит для меня очень много. — Эстер тоже легла рядом и смотрела вверх, сквозь ветки и листья. Слёзы катились по её вискам, но девушка улыбалась теплейшей из своих улыбок. — Но за ним ведь ещё целая дорога. Всегда так. Но мы обязательно её пройдем, Мия, что бы там ни говорили. Ведь когда даже первый шаг не сделан, считай, у тебя нет ничего. Совсем. А у нас с тобой уже есть нечто. Пусть и малое, зато своё.

— Вот так. Малое за малым, и все трудности станут по плечу.

— Да. Спасибо, что ты не отворачивалась, когда я ошибалась. Спасибо.

Мия задумалась, каким же простым и красивым было полотно за ветками. Будто даже сквозь веки виднелись белые облака, невероятно вписывающиеся в синий фон, и эти самые переходы, о которых рассказывал Скай. Два-три цвета — больше и не нужно, чтобы почувствовать, что в жизни недавно наступила другая эпоха. Тёплый конец дружелюбного осеннего месяца. В мыслях отпечатался момент, один из тех, которые запоминаются навсегда. Часто это моменты из детства, и в них, если задуматься, ничего такого нет. Обычный день, но почему-то именно он представляется через годы, как живая фотография. Это была не победа над своим ароматом, не конечный пункт длинного пути, но Мия почувствовала, что впервые за всё время по-настоящему хочет справиться с навалившимися трудностями. Несмотря на сложности, они забудутся, в отличие от таких моментов. Это было беззаботностью, несмотря на все заботы, с которыми предстояло совладать. И почему-то даже дикая усталость делала её счастливой. Она была дома.

— Ну давай ты уже, просыпайся, — Скай потряхивал Мию за плечо и явно был против тех пяти минуточек, о которых так мечтает каждый спящий. — Вставай и собирайся.

— Куда я должна собираться ночью? Ты что, куда-то уходишь? — спросонья пробубнила она.

— Мы уходим! Самое время для подвигов. Я же говорил, что тебе не отвертеться, а?

Мия нашла в себе силы открыть глаза и даже сесть на кровать, укутавшись в плед практически с ног до головы. Увидев, что полдела сделано, Скай переключил своё внимание — он начал ходить по комнате и что-то искать.

— А почему именно сейчас? Может хоть немного попозже?

— Именно этой ночью, в этот час и в эти минуты. Как ты не понимаешь, не может быть никакого «попозже». Поверь, я тебе покажу такое, что ты не пожалеешь, только найди в себе силы проснуться. — В руках парень крутил фитильную лампу и то потряхивал её, то рассматривал что-то внутри. — Давай, невидальщина ждёт.

Направив на подругу указательный палец свободной руки, он словно ставил условие, от которого нельзя было отказаться.

— Мы уже готовы и ждём на площадке. Не забудь накинуть что-то тёплое.

— Мы?

— Мы.

Вдаваться в подробности парень не стал. Дверь приоткрылась; ещё мгновение, и Мия осталась в комнате одна. Идея закрыть глаза и рухнуть обратно спать показалась слишком соблазнительной, но хватало сил не поддаться желанию.

Нужно было оставаться человеком слова. Пустяки вроде сонливости точно не могли её остановить, но проскочила мысль, что ещё минута в тёплом пледе, и всё может быть.

Пришлось пересиливать себя.

Эта ночь была куда холоднее всех предыдущих. Стоило только выйти на улицу, как всем сердцем захотелось, чтобы поскорее наступила весна. Сейчас ей и близко не пахло.

— Какое мерзкое чувство. Гадость. Терпеть не могу эту холодрыгу, — жаловалась Венди, крепко обнимая себя руками. — Холод, темнота, сонливость — фу! Как вообще можно искать что-то интересное ночью?

— Как-как? Самозабвенно, сестрица. Самозабвенно! — отрезал проводник и махнул им рукой.

Всего их, решивших побродить по ночному Стеоксу, было четверо: рядом со Скаем шла Эстер, слева от неё Мия и, наконец, Венди. Первые двое выглядели даже бодро. Парень тащил на спине ранец и не казался раздражённым или сонным, как ни посмотри. Эстер оставалась спокойной и явно согласилась на путешествие по своей воле. Венди же была самой что ни на есть жертвой, которую невесть как занесло на этот холодный луг.

— Ты же говорила, — вспомнила Мия, — что видела разные удивительные вещи и они тебе нравятся. Я почему-то думала, что тебе такие походы только в радость.

— Тогда был день. И уж потеплее, чем сейчас. Скай, я надеюсь не будет сегодня никаких: “Как же так, я был уверен, что всё получится, а оно куда-то делось!”. А то в такую холодину...

— В этот раз точно всё получится, — сразу заверил парень. — Безымянный на отсечение даю. Нет-нет, погодите. По фаланге двух мизинцев, вот так. Безымянный мне ещё нужен.

Венди выждала паузу и повторила:

— А то такую холодину я совсем не готова к неожиданным сюрпризам.

— Значит мёртв в тебе романтик, подруга. Не думал, что ты так быстро сдашься.

Несмотря на ночь, было вовсе не тихо: редкие слова, шум ветра, треск тростника под ногами и звуки животных создавали ритм, которого, казалось, не должно быть ночью. Насекомые трещали, стрекотали и даже посвистывали. Среди прочих звуков изредка слышались и те, которых точно не ждёшь, например кудахтанье, топот копыт и даже рычание. Стоило только вслушаться в это природное эхо, как казалось, что звуки становятся разборчивее. Создавалось впечатление, что и насекомые, и звери видели их, наблюдая издали, но медленно приближались всё ближе и ближе. Где-то в глубине пугливого сердца даже могло показаться, что помимо зверей и насекомых здесь находилось что-то ещё, что-то, что показывается только ночью.

— А нам не угрожает опасность? Тут никакой гадости не водится? — набравшись смелости, спросила Мия и повернула голову в сторону Венди. Та шла, закрыв лицо ладонями и размеренно, но громко дыша.

— Леди, ну пошёл бы я с вами сюда, если бы тысячу раз всё не проверил?

— Да, — мгновенно ответила Эстер. — Полностью в твоём духе.

— А вот это уже пахнет чистой водой предательством.

— Нет, почему же? Просто знакомлю Мию с тобой поближе и... Эй, куда?! Эй!

Парень на секунду остолбенел, а затем резко рванул вперёд, попросил остальных подождать. Он проскользнул между рядами деревьев, стволы которых плотно прилегали друг к другу и почти соприкасались. Девушки мигом рванули за Скаем, несмотря на его указание стоять в поле ночью и ждать невесть чего.

— Шикарно, пришли! Даже раньше, чем я планировал, — ликовал проводник. Все остальные просто переглянулись.

— Грот? Это же абсурд какой-то. Нет-нет-нет, это очень, очень плохая идея.

— Заходите внутрь. Давайте, не толпитесь.

Венди не мешкала, лишь пожала плечами и решила быть первой. Её поведение придало уверенности, потому Мия решила тоже долго не думать. Они взялись за руки и друг за другом проскользнули в маленькое отверстие. Почти сразу за ними направился Скай, но голос Эстер остановил его.

— Я туда не полезу. В жизни. Ни за что и никогда. Ты не говорил, что мы идём в какой-то там грот!

Парень выпрямился, подошёл к подруге и положил руку на её плечо.

— Не проблема, Огонёк. Уважаю твоё решение, — он пальцем указал на замок вдалеке, горящий огоньками. — Тут по прямой, не заблудишься.

Проводник хлопнул стоящую по плечу и, явно довольный собой, ловко скользнул за остальными.

* * *

— Если с нами что-то случится, что тогда? Если тут какая-то, не знаю... дрянь водится?

Мои мама с папой этого не переживут. Я у них — единственный ребёнок. — Эстер вцепилась в запястье Венди и всё продолжала возмущаться шепотом. — А Фрида, а? Представляете, что сказала бы она? Она ведь волнуется за нас, а мы такое делаем.

— Ладно, я думала, это я ною. Эст, тебе что, восемь? Какие мама и папа? Прекрати.

— Мои, какие ещё?

— Огонёк, я обещаю, всё будет хорошо. Ты подожди немного.

Скай шёл с самодельной лампой в руках, которую зажёл уже внутри пещеры. Все четверо шагали по тонкой тропинке, то протискиваясь между камнями, то нагибаясь, чтобы не удариться головой. Молчание в пещере немного угнетало; слышалось даже собственное дыхание и капанье воды где-то неподалёку.

— Скоро там? — поинтересовалась Венди.

— Две минутки ещё, честно.

— А удобно это ты устроился. — встряла Эстер. — Завтра будешь рассказывать всем, как был в пещере сразу с тремя милыми девицами. Повёл невесть куда, а они, глупые и наивные, согласились. Одной про холод не сказал, другой про грот... Мия, от тебя он что утаил?

— Никто никому ничего не будет рассказывать! — с едва уловимой раздражённостью в голосе, ответил парень. — Ни я, ни вы. Разве не знаете? Что было в пещере — остаётся в пещере. Так же и с другими местами, где можно найти всякую невидальщину. Мы уже совсем близко, поэтому я тушу лампу. Не пугайтесь.

Они оказались в самом конце пещеры, которое из извилистого коридора перетекало во что-то большее. Это напоминало куполообразное помещение с высоким потолком. Внизу было не так много места, пожалуй, как в средних размеров шалаше. Потолок виднелся в трети длани[2] над головой, а стены освещали тоненькие, едва заметные блики луны, просачивающиеся через небольшие отверстия. Это пространство напоминало уютный домик доисторического человека, где можно было спрятаться от ненастья снаружи. Скай попросил гостей устроиться поудобнее, а сам доставал из ранца различные предметы.

— Так, это тупик?

— Тихо! — проводника будто током ударило, он выпрямился и поднёс ладонь ко рту Венди. — Ты хоть бы шептала, а то как у себя дома. Сядьте и погодите немного, пожалуйста.

Все трое сели у стенки и взялись за руки — в темноте хотелось держаться поближе. Тут особо ничего и не рассмотришь, просто куполообразная пещера. Скай на ощупь возился с вещами из ранца и тоже молчал, только пару раз подбодрил себя тихими: “вот так, ага”. В конце концов он прокашлялся и прошептал так, чтобы было слышно:

— Итак, мои хорошие, предисловие. В одной очень интересной книге я прочёл про крылатых существ, живущих далеко от людей. Там описывается, что они прячутся в безлюдных местах, существуют не в теле, но всё же существуют. Они издают знакомые нам звуки и похожи на нас самих. В книге они называются «начала».

Скай чем-то чиркнул, поджёг фитилёк странного прибора и накрыл его полусферической зеркальной крышкой. Только темнота, лунные лучи и маленький огонёк посреди пещеры.

— Знакомьтесь.

Огонёк стал ярче, и оранжевый свет, словно резко пробуждённая звезда, осветил нижнюю половину помещения. Тут же послышалось хлопанье крыльев, словно десятки... Да нет, сотни птиц в один момент слетели с дерева. Тени, появившиеся непонятно откуда,

быстро переместились с освещённой части пещеры вверх. Оттуда, из темноты, начали виднеться размытые очертания огромного количества серых форм. Мир внутри этого купола разделился на верх и низ: серые пятнышки, похожие на людей, на фоне почти полной темноты и люди внизу, отбрасывающие собственные тени.

Вдруг чёткая грань, разделявшая оранжевый цвет и темноту, нарушилась. Сверху протянулась тонкая тень руки, точно человеческой. Пальцы виднелись очень хорошо и можно было предположить, что это мужская рука. Она медленно, но опасно тянулась к тени тех, кто находился внизу. Эстер аккуратно обернулась и нашла собственную тень. Вытянув свою руку, она медленно преодолела расстояние и соприкоснулась своей тенью с незнакомой сущностью.

— Попробуйте, — прошептала она. — Сделайте так же.

Мия протянула свою дрожащую руку, чувствуя, что и боится, и ощущает восторг. Навстречу её плавным движениям потянулась более хрупкая ладонь. Едва они соприкоснулись тенями, как Мия почувствовала тепло на кончиках пальцев, словно приставила их к огню. Тени сплелись сильнее, и жар передался по всей ладони, затем по всей руке. Существо вышло из темноты, и было видны очертания его профиля: волос, форму носа, губ и подбородка. Тень сделала ещё один неуверенный шаг, и Мие стало тепло, по-настоящему тепло. Она смотрела не на свою тень, а на тень существа, которое каким-то образом её согревало. Рядом с ней начали появляться другие тени и тянуться, но не к ней. К остальным.

Ещё шаг, и в груди Мии стало горячо настолько, что, казалось, сердце начало плавиться. Поток жара опоясал её, и она увидела, что их тени практически полностью слились в одну. Нахлынуло чувство, что дарило умиротворение и укрывало даже от самых глубоких страхов, которые словами не выразить. Мия закрыла глаза, глубоко вдохнула и почувствовала, как по щекам катятся слёзы. Сдержанные и искренние, они были потоком спокойствия и понимания. Это ощущение благодарности за своё существование, за маленькое рокошущее сердце, что до сих пор стучит, несмотря на свою уязвимость. Однажды оно окрепнет и звук его будет оглушительнее грома. Но пока его греет существо, не ищущее других сердец. Одна лишь тень и один человек, что рождали один сплошной поток тепла.

Мимолётное чувство, делающее её по-настоящему живой, но выкидывающее все привычные слова знакомого языка, кроме самых фундаментальных.

«Я чувствую». «Я думаю». «Я не понимаю, но я могу понять». «Я есть». «Я живу».

Это момент, который не удержать, как ни хватайся. Тень начала медленно отступать, а тепло исчезать. Тело с каждой секундой всё сильнее чувствовало изменение температуры. Только теперь, когда процесс шёл на спад, Мия могла открыть глаза и осмотреться. Скай сидел так же, как и до этого, — контактировал ли он с кем-то из этих существ или нет, было сложно ответить. Эстер стояла на ногах, но казалась возбуждённой, словно всё это закончилось для неё только-только, всего момент назад. Венди же стояла, остолбенев, всё ещё прикасаясь ладонью к существу и пока не открывая глаза.

Тепло ушло, и тень вернулась к себе домой. Трудно было сказать почему, но Мия знала, что в этом есть необходимость. Перенасыщение таким теплом могло сказаться ещё хуже, чем его полное отсутствие. Почувствовав, что её ноги дрожат, она села на пол.

К тому времени, как Венди вернулась к нормальному состоянию, Мия и сама была в порядке. Огонь под стеклом угасал, и грань между темнотой и светом таяла.

Все четверо какое-то время сидели в полной тишине, смотря на нечёткие образы тех,

кто здесь живёт. Хотелось выразить свой восторг, но никто не проронил ни слова. Четырёх объединяло одно чувство — они это точно знали. Холод, сонливость и опасения темноты остались настолько позади, что сейчас даже с большим трудом не вспомнишь какие они, эти чувства. Фитилёк горел из последних сил. Над ними тихо порхали существа, будто стараясь не привлекать внимание.

Ещё несколько секунд, и гости остались сидеть практически в полной темноте, вернув жителям этого места привычное освещение — бледные лучи Йеталь.

— Я вас люблю, — шёпотом произнесла Венди. — Это искренние слова.

— Больше не будешь жаловаться на холод, сестрица? — Она не ответила и все четверо ещё какое-то время молчали. Кто-то боялся разрушать тишину, кто-то же знал, что это нужно сделать. — Мы в гостях, как никак. Нужно собираться.

Все послушались его и, подождав, пока проводник соберёт вещи, покинули пещеру.

Едва-едва светало. Все четверо выбрались из темноты, проскользнули меж высоких деревьев и остановились. Замок вдалеке, стоящий уже не на чёрном, а бледно-синем фоне, притягивал взгляд. Помимо ещё сонных деревьев, ручейка и неба, внимание притягивал только он.

Скай заложил руки за голову и явно был доволен происходящим. Его широкая спокойная улыбка не могла спрятать настоящих эмоций, да и незачем ей делать подобные глупости. Эстер выглядела счастливой, но спокойной. Прямо как человек, который уже видел подобные чудеса раньше и этой ночью застал ещё одно из них. На лице Венди уже не читался тот восторг, но она всё ещё оставалась взбудораженной.

Сама же Мия ощущала непомерную благодарность за то, что её взяли с собой, что показали секрет, который никакими историями не опишешь. И правда, пойти и рассказать об увиденном кому угодно, даже самому близкому человеку, казалось пустой тратой времени — не поймёт. Поймут только те люди, которые были с ней, не иначе.

— Вот и всё, Мия, — заключил парень, продолжая улыбаться от всей души.

— Что всё?

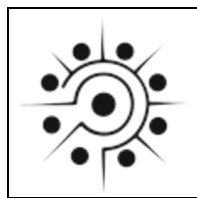
— Я показал то, что хотел. Показал себя и важную часть моей жизни. Подобные открытия — это и есть моя свобода и та бесконечность, о которой мы говорили. А Орторус — мой дом. Вспомни о том, что увидела, и ещё раз посмотри на картину перед собой. Подумай о людях, с которыми ты сейчас стоишь, и о наших эмоциях. И ты думаешь, есть мне дело до всех этих покровителей, о которых идёт речь? Ничуть. Но есть дело до людей, которые могут ощутить то, что ощутили мы. Я хочу, чтобы они увидели это, хотя бы раз. Поэтому для меня бесконечность — это не то, что ты можешь забрать у похитителей чудес. А то, что можешь дать людям, которые этих чудес толком и не видели.

[1] Хикари́дус — город-государство, расположенное на востоке северного материка, Дамон-Тарра.

[2] Треть длани — чуть меньше пяти метров.

Глава 9. В никуда

В этой главе рушится наивность.

Через пару дней вернулись Хлоя с Фридой. Первая оставалась собой, но Фриду казалось, что-то беспокоит. Она обняла Мию с всё тем же теплом, и не было в её поведении намёков на неприязнь или отстранённость. Но даже так, за обедом с ней не получилось поговорить.

Практически все, кто присутствовали, отобедали и разбрелись. Единственной, кто вовсе не спешил с едой, была Хлоя. Они остались наедине и слово за слово, разговорились. В основном о повседневном, но стоило направить разговор в более серьёзное русло, как Хлоя это запросто парировала. Её зацепил не сам вопрос о покровителях и бесконечности, а то, что его задала Мия. В поведении и речи проступил азарт. Отвечала Хлоя налегке и важных слов не подбирала.

— Для меня? Для меня это игра, не более того. Я не люблю всю эту высокопарность, а ля “Моя бесконечность — это чистота души и крепость духа”. — Девушка произнесла это наиграно. — Ха! Чушь, какая же чушь. Это не справедливость и не какие-то там высокие чувство. Игра, азарт и кайф.

Она говорила и смотрела на Мию так, будто та вызывала несуразное умиление. Словно десятилетка, что пытается походить на взрослого и говорить о серьёзном, но никак не заслуживает того, чтобы стать равным собеседником. Хлоя подыгрывала и было в этом что-то неприятное.

— Этих, которых все называют “покровителями”, на самом деле куда больше, чем кажется. Они не только ведь в Мейярфе. В смысле люди, что выбирают устрашение как метод. Просто те, о ком мы говорим, не стыдятся открыто перегибают палку.

— Есть идеи, как их подавить?

— Есть, но слово «подавить» не подходит. Я дипломат, я никого не давлю. Что ты предлагаешь, прийти в город и устроить кровавую резню? Можно, запросто. Но это вне моей идеи. — Хлоя пожала плечами. — Так игры не выигрываются.

— Почему?

— Потому что идея превратится в каннибализм.

— Тогда ты планируешь уничтожить их словом?

— Я могу тебя удивить, Мия. Могу удивить, но их не нужно уничтожать. Опять мимо.

— Ну хорошо, хорошо, я выбираю не те глаголы. Речь не о том.

— О том. У каждого своя роль, и моя точно не заключается в том, что ты назвала. Попробуй подобрать другое.

Хлоя взяла собеседницу за руку, отогнула её указательный и большой палец, а остальные сжала. Воображаемое оружие коснулось лба Мии.

— Что ты будешь делать, когда к тебе домой придут те, кому ты не можешь сопротивляться, и прикажут делать всё, что идёт вразрез с твоей человечностью и любовью? Возможно, даже вразрез со смыслом жизни. Ты будешь лицемерить или позволишь промыть себе мозг?

— Первый вариант.

— И думаешь, у тебя получится? У тебя дуло возле головы, ты с ними не шути, — словно слушая наивного ребёнка, улыбнулась Хлоя.

— Получится. От этого зависит моя жизнь. Я буду притворяться так, как никогда.

— Тогда докажи, что ты на их стороне. — Хлоя перенаправила указательный палец на свой лоб. — Тебе дадут в руки револьвер и прикажут пристрелить меня. Затем следующего встречного, а потом каждого в этом замке по очереди. Импровизируй.

Картина с оружием в руках мгновенно всплыла в голове, и Мия задумалась о том, как бы она поступила в таком случае. Ситуация, казалось, имела много выходов, но ни один из них не был правильным. Даже понятие «правильный выход» стало звучать в голове сомнительно. Мия не нашла что ответить и слово стало за собеседницей. Хлоя жестом попросила опустить руку.

— Вот моя роль заключается в том, чтобы рассказать людям, что барабан-то пустой. Что там нет патронов. Поэтому я, скажем... компенсирую. Компенсирую отсутствие выбора. Ведь если не знать этого, то сейчас в реальности Мейярфа вырисовываются две картины. В одной из них тебя заставляют прострелить себе разум, но остаться с живым телом, а в другой — получить травмы, несовместимые с жизнью и отстоять своё слово. И это, Мия, прямой вызов очень опасному сопернику. Вызов осознанному меньшинству, а оно, поверь, способно менять ход истории. Сейчас этим людям подвластны невиданные ранее вещи. Я говорю как о самой свободе мысли, так и об аромате, который может эту мысль защитить. Единственный, кто может пойти против покровителей, это человек или ищущий, или нашедший своё. Вкусивший его так, что уже не отберёшь. Который поймёт, что револьвер можно направить не на себя, не на здравый смысл, а на них. И именно таких людей покровители душат на корню, потому что в самом начале это делать не сложно, совсем. Намного проще срезать росток, чем взрастить его. Но появление тех, кто сможет отказать подчиняться покровителям не только словами, а и действиями, — летальный исход для них. Даже если это теория, даже если количество таких людей будет мизерным. Игнорировать таких — это осознанное самоубийство. Вот тебе и суть, что побеждать тёмную массу не нужно. Нужно просто растормошить тот снежный шарик, где каждая снежинка имеет ценность. Каждая.

Мия замолчала. Она думала, на какое из огромной кучи тёмных пятен в голове стоит пролить свет сейчас. Хлоя, казалось, готова была ответить на любой из вопросов.

— Как это случится?

— Результат ты увидишь. Не думаю, что тебе нужна техническая составляющая всего, что будет. Главное одно — это будет путь слова, а не путь меча.

— И...

— Перебью тебя, — извинилась Хлоя. — Ещё кое-что, самое важное. В этом, чтобы ты понимала, и удовольствие от игры — быть на стороне слабых, потому что я люблю победы, которые даются с трудом. Чтоб аж из кожи вон лезть, а не просто нажать на спусковой

крючок. И люди Мейярфа здесь не причём. Если честно, то мне нет дела, что многих из них перетирают мощные шестерни. И шестерни эти, и те, кто их вращает — они ведь не плохие, нет-нет. Механизм прекрасно работает, крутится, перемалывая костные ткани, заглушая крики и плач. О, знала бы ты только, насколько это мощный механизм, Мия. Знала бы ты... Но вся ирония в том, что мне нет дела ни до перерабатываемого материала, ни до цели, для которой этот механизм крутится и пачкает шестерни. Я просто люблю чистоту. Люблю настолько, что я остановлю его даже имея минимальные на это шансы. Остановлю, но не ради людей, а чтобы отмыть кровь и выскоблить останки. — В голосе её было всё больше и больше упоения. — Дочиста. Чтобы блестела.

— Звучит уверенно и... хищно, что ли.

— Ещё как, Мия. Ещё как.

— А скоро мы сделаем этот шаг?

— Очень скоро, — Хлоя кивнула, и улыбка её стала какой-то издевательски надменной. — Только ты... Слушай, не напридумывай себе чего не нужно. У нас всех ведь разные бесконечности. И игры тоже разные. Поэтому ты играй в замок и не забивай голову другими правилами, хорошо?

Она довольно произнесла эти слова, после чего встала и, махнув рукой, ушла. Вскоре трапезную покинула и Мия, а поднявшись по лестнице на второй этаж, обернулась на голос.

Эйдан опирался спиной на стену, весь взъерошенный и нервный, что ли. Он сразу начал с извинений. Знакомое чувство, когда слова не становятся сами по себе в нужном порядке, когда рушилась элементарная цепочка — сейчас складно говорить у Эйдана получалось из ряда вон плохо. Он и сам был другим, не тем, кто обитает в комнате на четвёртом этаже. Главная разница — его чувства и чувственность, с которыми звучали слова. Сейчас он был слабее, человечнее и куда взволнованнее.

Обида на него была задушена на корню, ещё при разговоре со Скаем. Сейчас задушенное чувство, доселе лежавшее замертво, но всё же видимое, вовсе перестало существовать. Эйдан взял её за руку и повёл за собой. Заверил, что есть важный разговор и пообещал, что в этот раз никаких фокусов. Попросил лишь приготовиться, но не бояться.

Они перешагнули порог его кокона, и Мия заметила, что некоторые ленты со стены содраны, а голубые листы надорваны. Эйдан взял её за руку и попросил посмотреть в маленькую щель меж листов. И только она пересилила себя, только сделала это, оба оказались в мире-выдумке, от которого голова шла кругом. Это был не островок мыслей и не вразумительный сон, где всё состояло из понятных образов. Это оказался лабиринт, существующий везде, в самом смысле происходящего. Сплошная путаница размером с реальность, где одни повороты, изгибы и углы. Не было в этом скомканном мире ничего плавного и округлого. Лабиринт этот был не как строение, а как естество — простирающийся вдоль угловатой земли, растущий и от неё, прямо к завёрнутому небу. Пальцы и ладони Мии изогнуты как и всё остальное. Стоило закрыть глаза, и даже извечно ровное полотно тьмы здесь оказалось скомканным. Одним словом мир, где ни согнуться, ни разогнуться.

— Не открывай, иначе тебя стошнит прямо на пол. Хотя скорее наискось, а не прямо. Пока что всех тошнило именно наискось.

— Мне здесь нехорошо. Совсем нехорошо.

— Сейчас. Дай мне секунду.

Что-то произошло и пространство, где они находились, стало привычным. Словно

маленький клочок смятого листа снова оказался гладким. Можно было открыть глаза, только место от этого понятнее не становилось. Становились только они и небольшой клочок земли вокруг.

— Это что, сон? Твоя голова? Или опять какой-то морок?

— Мы в замке, — простодушно отрезал Эйдан, став за спиной. — Просто комната необычная. Недостроенная и, признаться, немного выдуманная. Захотелось показать тебе, где я временами пропадаю. Далеко не бесконечность, конечно, а просто важное мне место. Когда совсем на грани и когда до неё бесконечно далеко, я тут часто хожу. Из угла в угол, из угла в угол. Ищу всякое.

— Всякое?

— Да. Большие секреты. Варианты событий, интересные сны и всё в таком духе. В любом лабиринте должна быть награда, так мне кажется. Я когда-то захотел, чтобы этих наград было безобразно много и каждая из них была бесценной. Чтобы не один приз, а тысячи, тысячи разных красот. Но какие награды, такой и лабиринт, так-то. Вот я постепенно и ищу награды и знания. Сглаживаю углы. Такое вот увлечение.

Эйдан махнул рукой и попросил идти за ним, не уточнив куда. Пространство перед ними медленно распрямлялось, а мир за их спинами снова становился скомканным донельзя. Они остановились у развилки. Эйдан замешкался, но после повернул налево и заверил, что идти им недалеко.

— А ты поедешь в Мейярф, когда всё начнётся?

— Нет. Я всегда здесь, в замке. Всегда.

— Всегда? То есть что, никогда не покидаешь его пределов?

— Редко. Если по-настоящему, телом, то очень редко. Нужно быть в хорошем настроении и с очень хорошей головой. Тогда можно на несколько минут выйти. Но быть недалеко.

Парень наполовину был сосредоточен на дороге, хотя, казалось бы, иди вперёд и она сама расстелится под ногами. Но, оказалось, есть повороты, потому на первой развилке они пошли направо.

— Почему так? Страх? — пыталась угадать Мия. — Самобичевание, может? Или боязнь солнца. Я слышала, что есть люди, которые начинают чесаться под ним.

— Не солнце. Мы говорили с тобой о маловероятных, но возможных событиях в будущем, помнишь? Твоя клятва мне. Тут похоже. Маловероятный метеорит или маловероятное эхо, которое сделает больно всему миру. Чей-то злой умысел, может. Маловероятный взрыв, который вырвет весь Стеокс с землёй или не пойми откуда взявшееся торнадо, например. Всё дело в вероятностях. Виоландо — такой мир, знаешь, не застрахованный от катастроф. Оказывается. И уже завтра может случиться что-то, из-за чего Эмирония будет лежать в развалинах. Например самих создателей этой планеты вдруг стошнит на собственное творение и тогда всё. Но замок — он будет стоять, пока я здесь.

— И как ты его защитишь от катаклизма?

— Качественно, — ответил парень и стало понятно, что копать дальше не стоит.

— Тогда получается ты — оберег для этого места?

— Получается.

— Ух ты. Если честно, я часто представляю, что наш замок вроде как живой. И если так, это ведь так приятно знать, что всегда есть кто-то, кто защитит. Знаю, когда человек защищает человека, когда оберегает даже несколько людей, а тут целый замок со всеми, кто

в нём живёт. А у вас с ним, с замком, был... диалог, что ты пообещал его охранять? Ну, если это вообще можно так назвать.

— С Фридой. У нас был договор с Фридой. Как у нас с тобой, но куда... знаешь, куда существеннее. Она боится внешнего мира. Боится, что он дотянется до нашего дома и что-то с ним сделает, я это знаю. А у меня свои проблемы с головой. Бывает. Случается. Мне нужна была клетка, но не обычная, а с ключом. Чтобы захотел — зашёл, захотел — вышел. Мы сошлись. Для нас с Фридой всё, что за пределами замка — это внешний мир, просто ей он бывает симпатичен, а мне он всегда безразличен. Но Орторус и для меня и для неё — это трепет. И я этот трепет никому забрать не дам. Никому, кроме самой Фриды.

Эйдан замешкался на развилке из пяти поворотов, но в конце концов просто пошёл вперёд. Там был тупик и большой ларец у стены, которому Эйдан обрадовался.

— Вот, я его нашёл. Есть вещи, которые я уже находил и знаю, как ими пользоваться. Это смотровая площадка. Не бойся сейчас, хорошо?

Она ответить не успела, как парень взял Мию на руки и ногой пнул крышку ларца. Из-под земли начал расти несоразмерно большой срезанный ствол дерева, что нёсся строго вверх. Мия вцепилась в одежду Эйдана и прикрыла глаза, но всё кончилось слишком быстро, чтобы успеть по-настоящему испугаться. Сейчас они находились высоко над землёй, но лабиринты по-прежнему были везде. Повороты и изгибы куда ни глянь, кроме маленького островка посреди этого мира, на котором они находились.

— Подумал, что здесь будет красивее. Ты не разобьёшься насмерть, даже если упадёшь, не пугайся.

Они сидели спиной к спине и даже засматриваться вниз было не страшно. Из-за странности самого мира становилось сложно измерить высоту даже на глаз, поэтому Мия закрыла глаза и представляла, что сидит на башне замка. В этом месте с закрытыми глазами было куда легче.

— Я хотел сказать, что она не права. В корне, — с неприязнью произнёс Эйдан, и Мие в нос ударил запах гари. — И тебе это важно понимать. Понимаешь же?

— Подожди. Кто не права, Хлоя?

— Да. Она лукавит. Говорит, что её бесконечность — это игра и сейчас она играет против покровителей. Но Хлоя попросила тебя заняться своими делами и оставаться в замке, тем самым определив твою роль, понимаешь? Так ведь делают и покровители — придумывают роли, не спрашивая мнения. Тебя обманули.

— Думаю, она просто имела в виду, что мне рано. Всё же я даже близко ароматом так хорошо не владею, как остальные.

— А при чём тут? При чём? — спокойствие Эйдана дало слабину, но он тут же взял себя в руки и голос стал искусственно слаще. — Всё крутится совсем не вокруг аромата. Не вокруг непобедимой девушки, которая станет частью плана, нет. Все твои ответы, они ведь в сравнениях. Ты веришь мне, маленький человек, видишь пластилиновые сны и слушаешь тех, кто кажется тебе лучше. Но правда, она не может быть односторонней — тебе нужны не истории, не подробные описания реальности, а сама реальность.

Эйдан чуть повернулся и сидел уже бок о бок с Мией.

— Услышать то, что скажут покровители. Увидеть самой, как выглядят обглоданные. Представляешь себе, как по улицам ходят люди в венцах осуждения? Уводят взгляды, чтобы никто не прочёл, где проведут ночь. Прячут руки за рукавами, чтобы краски на ногтях не было видно, а рукава в карманы, ведь пятна чернил могут их выдать. Им, может, что-то и

светит. А как же те, другие? — Эйдан шептал прямо на ухо. — Тот человек, который сжимает оружие своей жилистой рукой. Он не боится солнца в зените, а панцирь его твёрже мейярфского камня, Мия. Такой панцирь ничем не пробьёшь, с таким грастией даже тягаться нечего. Только вот внутри него — ничего. Полный доспех с живым и одновременно мёртвым человеком внутри. Уже не вытащишь, не выскребешь, не выскоблишь даже маленький кусочек, потому что он сам боится думать о том, что по-другому может быть. Безропотный. Ничтожный. Он, и тысячи подобных ему. По всей столице пропадают люди, но ни одного плаката, ни одного глашатая, который бы произнёс это вслух. Ничего, мой маленький человек. Только осознание людей, что это происходит. И тебе нужно это увидеть самой, чтобы решить, кем ты хочешь быть: плотоядным или прячущимся? Обглоданным? Или воплощением искусства? Ты бы хотела сама ответить на вопрос, кто ты такая?

Эйдан положил ладонь поверх её закрытых век. От этого не стало страшно.

— Я... Хотела бы. Хотела бы сама решить это.

— Но пока не можешь.

— Не могу. Не знаю как.

— Просто потому, что ты обьяелась патоки, а горечи пока так и не попробовала. Она гадкая, она мерзкая, но знаешь как отрезвляет? Это ведь не так просто, увидеть ржавую сторону воочию и не испугаться её. Слышать о покровителях, злиться на них, осуждать. Д-а-а-а. А следующий шаг осилишь? Гордо прокричишь слово “Я”, но сможешь отстоять его? Или всё же перечеркнёшь? Ты ведь похожа на них, на этих полых людей в халатах и панцирях. Только у тебя ничего не крали, потому что и красть пока нечего. Что там своя бесконечность, тебе бы хоть на минуту настоящей оказаться, мой ты безликий человек. — Эйдан не убирал руки с лица. — Но те люди — они пустые уже. Уже, понимаешь? А ты, ты не “уже”, ты “пока что”. Между вами дистанция больше, чем от полюса к полюсу.

— Я хочу услышать их, — она волновалась и дышала чуть быстрее обычного. — И посмотреть на них.

— Думаешь, имеешь право этого хотеть?

— Я... не знаю. Не знаю, имею ли право быть там вместе с остальным замком. Я ведь им не ровня. Совсем.

— А если и не сравнивать себя? — в его вопросах звучал всё больший и больший соблазн. — Если выбить себя из координат? Никаких “я среди них”, только ты и большой необъятный мир. Можешь слушать о нём сладкие рассказы сколько угодно, а можешь самолично открыть глаза. Что тогда выберешь?

В его словах всё сильнее и сильнее читался соблазн.

— Открою. — Захотелось повторить это слово. — Открою глаза и посмотрю сама. Мне... знаешь, ведь сейчас и покровители, и их жертвы мне кажутся идеей, а не настоящими людьми. Их, может, вообще не существует, этих людей. Я только представляла их, но никогда не видела. Их же может просто не быть на самом деле.

— Может и не быть. Ты проверь. Спой на публике или поиграй с краской. А хочешь, станцуй на главной площади. Вдруг тебя обманул каждый, кому ты поверила? Каждый, Мия. Можешь сама проверить, так ли это.

— Да. Я... могу? — ей тут же показалась странным, что она спрашивала разрешение. — Я могу, конечно могу. Значит мне... Эйдан, мне нужно быть там. Мне нужно быть в Мейярфе.

— Больше, чем кому-либо.

Мия убрала руки и повернулась к собеседнику. Его улыбка была змеиной, но сейчас змеи казались самыми мудрыми и прекрасными животными на планете. Каждому бы такую змею за спину, если на то пошло.

— А ведь сейчас я для них неуязвима. Неуязвима, ты понимаешь? Ведь им и правда нечего у меня забрать. Скажут сжечь что-то, и я сожгу. Скажут поломать и я притворюсь. Поломаю, и больно мне не будет.

— Пока у тебя нет “своего”, так и есть. Перечеркни его, а хочешь, забери у другого, как я и говорил. В этот тоже есть своё удовольствие. И это куда, куда легче, чем отыскать его самой. Но если отыщешь, то клянусь, что станешь бессмертной. Бессмертный и неуязвимый — это тоже, знаешь, как полюса. Далеко друг от друга. Потому хватит тебе сидеть и слушать нас, маленький человек. Не Хлое решать, что с тобой будет дальше. Не мне и даже не покровителям. Начинай звучать, хоть как-то. Стань блеклым пятном Мейярфа, стань фоновым шумом, чтобы потом стать чётче и громче. Договорились?

— Договорились. Сейчас мне срочно нужно идти.

— Сейчас пойдёшь, мир никуда не убежит. Выждем немного.

Она была на взводе, но Эйдан на секунду остановил момент. Он протянул ей два костлявых пальца в которых ничего не было — вдохновению нужно было немного подождать.

— Но сначала диско. Хочешь?

— А как?

— Соедини так же, как я. И дыши.

Мия сделала тот же жест и пальцы сомкнулись в замок. На выдохе начал валить чернющий, но вовсе не тяжёлый дым. Они оба закурили — на вид сажу, но на вкус самый душистый фрукт из всех несуществующих.

— Каждый раз как ты куришь — это диско?

— Не каждый. Но вот сейчас — диско. Это оно.

Эта гордость за себя, эта внезапная готовность действовать и уверенность в новом этапе — не результат первых в жизни затяжек. Сейчас настроение было таким, что Мия готова отвечать на вопросы, а не задавать их. Она знала куда пойдёт, как только сажа кончится.

И даже не нужно было описывать что же оно значит, это “диско”. Во внешнем мире шпилей и штормов умирают и рождаются люди. Кто-то ворует человеческое естество, кто-то публично казнит себя сам, а другие видят в этих казнях добродетель. Среди обречённых, благословлённых, счастливых и мертворождённых нет их, Мии и Эйдана. Сейчас они точно не из тех, кто может спасти человека от гибели, бросить вызов зубастой пасти или хоть что-то поменять. Пусть мир хоть гремит, хоть ломается пополам и загорается на полюсах — пока они здесь, до них это не доберётся никогда. Они выдыхают сажу и смотрят на углы лабиринта, который не под силу разогнуть ни одному человеку извне. Даже если Виоландо не пройдёт проверку временем и навсегда пропадёт, то ничего страшного. Всё сущее может посереть и выцвести, но этот уголок свои краски не потеряет. Можно захотеть навести шума, выйти наружу и стать частью потока. Но можно остаться здесь, где красный, зелёный и синий. Это, показалось Мие, и есть “диско” — выдыхать сажу и смотреть, как мир выворачивается наизнанку. Остаться или нет — нужно решить пока длится момент. Но если всему сущему остались считанные секунды, ни в коем случае нельзя спешить и курить в быстрый затяг, ведь фруктовый вкус просто пропадёт. И какое тогда диско?

Мия несла за собой знамя, невидимое, но цветастое и красивое, как парча. Это была уверенность, прочная и эластичная, которой сначала удалось расцвести внутри и только потом принять форму шуршащей ткани.

Атмосфера в комнате Фриды оказалась совершенно не такой, какой представлялась. Она напоминала музей со множеством экспонатов. Хранитель этого музея дорожил ими и словно не собирался показывать остальному миру свою личную коллекцию. Здесь на маленьких подставках лежали совсем блеклые вещи: чья-то старая шляпа, сделанный из ракушек браслет, компас, треснутые очки и много другого. Все без освещения, но под стеклом, защищающим от пыли. Даже так все эти предметы казались старыми, неработающими и никому не нужными. От стен комнаты отражалось сиюсекундное нечто, что-то непривычное и даже чужое. Стоило только сесть рядом с полуосвещённым силуэтом, как знамя треснуло, подобно раскалённой добела кости.

Неясно отчего, но в полуосвещённой комнате единственное крыло превратилось во что-то бесформенное, способное лопнуть, расколоться и даже взорваться. Ничего общего со стягом, который она гордо принесла сюда.

Хотелось поздороваться, но получилось только подойти и с накотившим чувством стыда сесть рядом. Хотелось раскрасить комнату своей уверенностью, но в самый важный момент она выпорхнула прочь. Их приветствие не задалось.

Фрида держала в пальцах монету. Её взгляд, задумчивый и почему-то поникший, был прикован к маленькой металлической безделушке.

— М-м-м... Какая-то старая монетка? — хотелось хоть как-то начать диалог.

Собеседница ответила не сразу. Она продолжала смотреть: то на аверс, то на реверс. Картинка выглядела обычно, ничего такого, от чего нельзя было оторвать взгляд. Но Фрида словно смотрела сквозь металлическое тело, вглубь монеты.

— Моя мама очень любила собирать разные старые или редкие вещи. Мне кажется, она умела видеть ценность в старье, которое показалось бы другим хламом. Хорошо это или нет, но эта странность досталась и мне. Поэтому я могу сидеть и долго смотреть на фотографию или, например, монетку. Главное — узнать историю вещи, которую ты держишь в руках.

С одной стороны монеты Мия разглядела странное, неизвестное ей животное. Оно было продолговатой формы, свёрнутое в кольцо. Это существо кусало свой хвост, отчего походило либо на ноль, либо на что-то совершенно противоположное.

— История вещи бывает особо интересной, иногда даже намного интереснее, чем у некоторых людей. Например, эту монету моя мама нашла в обычной кашемировой пряже. Почти такой же экземпляр, каких раньше было миллионы, просто не медного цвета и больше, чем другие. Возьми да выброси. Но ей захотелось узнать, почему обычная монета вдруг стала белого цвета и увеличилась в размерах. И, как она рассказывала мне в детстве, история действительно необычная.

Мия присмотрелась, продолжая слушать. Хвост находился в пасти существа со страшной мордой, прямо внутри, но если идти вдоль туловища, то расстояние казалось просто огромным. Было похоже на то, что в обычную монету смогли уместить десятки десниц, лет, поколений и идей.

— Ей удалось найти человека, который создал эту монету. За сорок пять лет до этого мужчина, который работал со станком, уронил в него своё обручальное кольцо. Он говорил, что никогда его до этого не снимал, но в тот день повредил палец, и тот начал отекать. Знаю, что все звучит очень сумбурно, но послушай, что произошло дальше. Он решил снять кольцо из-за того, что палец на его руке немел. И кольцо тут же выскользнуло, попав в отверстие размером с горлышко бутылки. Получилась вот эта фальшивая монетка, которая по всем законам логики не должна была появиться. Ремесленник даже не пытался расплатиться своим кольцом с кем-то, а сразу выкинул ненужный хлам. Ни я, ни мама, ни тот мужчина не знают, как вышло так, что спустя столько времени этот предмет оказался в пряже. Забегу вперёд и скажу, что наша семья продала его за очень большие деньги. Такие деньги, которые мы в своей жизни не видели и о которых даже не задумывались. Почти сразу после этого она приняла решение переехать на другой материк, который и называется Эмирония. На то время он действительно казался более благополучным.

Существо медленно-медленно двинулось по кругу. Что-то совершенно здоровое внутри подсказывало, что стоит моргнуть, и всё вернётся восвояси. Но сейчас этот зверь полз и поглощал свой хвост ровно настолько, насколько нужно было, ни укусом больше, ни укусом меньше. Его тело являлось идеально ровным кругом: ровнее, чем форма полной луны или радужки глаза, совершеннее даже воображаемой окружности. Пальцы держали эту монету, но создавалось впечатление, что именно существо опоясывает ладонь Фриды, её тело и мысли. И сейчас оно сделает ещё один виток, теперь уже вокруг ноги самой Мии. Только подумав об этой ерунде, она сразу моргнула несколько раз.

— Она переехала сюда вместе с моим отцом, а то место, которое было их родиной, перестало существовать меньше, чем через год[1]. Всё кроме Эмиронии просто пропало. Со всеми людьми там, скорее всего... скорее всего, даже с тем мужчиной, который создал эту монету. Поэтому я родилась уже здесь, в Виоландо. Так уж... — Фрида теряла слова. — А может это мы исчезли, а на родной планете нас всё ждут, ждут... И не могут дождаться, как бы ни хотели. Не знаю. Но каждый раз, когда смотрю на эту монету, я задумываюсь. Иногда с тоской, иногда с непониманием, всегда по-разному. Я вижу две очень широкие, но совершенно разные дороги, связанные с этой историей. Если всё, что мне рассказывали, правда, то все мои стремления и идеи, мои эмоции, мои мечты и маленькие шаги к чему-то большему — это... дело случая? Он невероятным образом появился в моей жизни, но мне становится не по себе, что человек, которым я успела стать, обязан всему отёкшей руке незнакомца. Ведь если бы не она, то наша семья вряд ли когда-то бы сдвинулась с места. И через год она бы исчезла так же, как и все люди там. Но с того момента я проделала огромную дорогу, это вся моя сознательная жизнь, это та Фрида, которая сейчас сидит перед тобой. Мне тяжело гадать, вдруг нас бы обогатило что-то ещё, и всё пошло по той же схеме, не знаю. Но можно ли сказать, что наш с тобой разговор в этом замке — это плод одного неумелого движения, сделанного когда-то незнакомым нам человеком на планете, которой уже не существует? Я не прошу ответа, просто говорю, что натыкаюсь на эту стену каждый раз, как засматриваюсь на это маленькое солнце в своих пальцах.

Понадобилось время, чтобы продолжить. Это была не та ситуация, когда Мия могла подгонять.

— Вторая дорога проще. Может быть, кто-то кого-то обманул, и история не заслуживает такого внимания. И возможно, не было никакого кольца. Но тогда мне грустно из-за... шанса, что ли, которого мне на самом деле никто не давал. Когда ты понимаешь, что

проживаешь запасную жизнь, то немного иначе смотришь на вещи. Думая об этой невероятной возможности, даже воздух кажется чем-то особенным, как снег, которого здесь не сыскать. Смотри назад, я вижу, что далеко не всё гладко, но я горжусь теми незначительными вещами, которых я добилась и которые смогла преодолеть. А если никакого шанса и не было, то выходит какой-то... самообман, что ли? Тогда всё — это лишь холодный ход истории, в котором нам с тобой повезло встретиться. Оба варианта вызывают у меня трепет. И ещё больший трепет у меня вызывает то, как ко мне вернулась эта монета. От незнакомца, который должен был исчезнуть с целым миром. Я хочу тебе рассказать эту историю после того, как сама себе в ней смогу признаться. Но не сейчас. Не сейчас.

Фрида спрятала сокровенное в ладони. Всё её внимание только сейчас переключилось на собеседницу. Даже взгляд, такой, каким не смотрят на живых существ, изменился. Обеспокоенный, но осознанный.

— Ты пришла ко мне не просто так, я права?

— Не просто так, — махнула та головой.

— Говори. Я слушаю каждое твоё слово.

— Хорошо, но отнесись к этому серьёзно, пожалуйста.

— Настолько, насколько это возможно.

Перед тем как снова заговорить, в голове снова возник образ знамени, которого сейчас не было за спиной. Но вот же, вот же оно развевалось лишь несколько минут назад, помнилось это чувство уверенности. Теперь лишь образно, без деталей, многие из которых важны. Без нужных ударений и акцентов, без знания и практики. Уверенность в теории, ценность которой была прямо пропорциональна сокровищу, которое Фрида сжимала в ладони.

— Есть что-то важное, о чём я тебя хочу попросить. Что-то такое, к чему я, наконец, готова. Так вышло, что теперь я знаю очень много о покровителях. Я спрашивала всех понемногу, знаю, чего покровители хотят добиться и что вы можете им противопоставить. Я узнавала о них, о бесконечности, и только недавно всё это связалось в один прочный узел внутри меня. Я разделяю вашу идею, честное слово, она меня восторгает! Думая об этом, мне даже на тренировках хочется выкладываться на максимум и совсем не жалеть себя. Поэтому я бы очень, очень хотела тебя попросить разрешения пойти... в важный момент быть в Мейярфе с вами. Это невероятно важно.

Слова путались, и чуть ли не через каждое произнесённое предложение возникала мысль, что на деле всё совсем не так просто. Нужно было думать о том, что и как говорить, не затягивать и не заикаться от волнения, не бубнить и не повторяться. Одним словом — не оплошать, но, Вездесущие, насколько же это было тяжело.

— Закончи мысль.

— Вы будете обсуждать тактику, правильно? Нет, даже правильнее сказать, что вы уже её обсуждаете. Я буду придерживаться её вместе с вами и гарантирую, что не буду мешаться. Я даже примерно представляю, как всё это будет, хоть пока только в теории. Мой аромат будет полезным. Да, это немного, но пригодится, обещаю. Пожалуйста, Фрида. Я буду очень благодарна, если ты разрешишь мне отправиться в Мейярф вместе с Орторусом. Мне очень хочется участвовать во всём этом. И это... — призадумалась рассказчица. — Это, кажется, всё.

На лице собеседницы ничего не изменилось, всё та же живая задумчивость, освещённая слабым светом. И всё же показалось, что по ней прокатилась невидимая волна высочайшего

напряжения. Одновременно незаметная как вода и болючая как ток, эта волна стала катастрофически большой. Она мчалась с самого центра этого океана, подметая под себя каждую каплю. Но человек, стоящий на берегу, человек, которым была в эти секунды Мия, не мог почувствовать несущегося бедствия. До него долетела только маленькая волна, которых миллион. Она превратилась в слабый вихрь и разбилась о песок. Сокрушительная сила теперь была лопающейся пеной на песке, которой бы всё равно никто не поверил. Такой выглядела и Фрида — тающей под солнцем, но лишь недавно рвущейся в сторону берега.

Каждое слово она произносила куда увереннее, чем всё сказанное Мией до этого. И только прозвучало первое слово, как вся эта игра перевернулась, потому что решающим звеном в ней стало совершенно не количество просьб и не их искренность. Её старшей собеседнице достаточно было просто произнести одно слово, она бы могла уложиться меньше, чем в секунду. И тогда всё бы закончилось так же само. Возникло ощущение, что, перепробуй Мия миллионы других вариантов, подбери другие слова и заговори в более подходящий момент, не изменилось бы совершенно ничего. Одно только первое слово, и все существующие версии этого разговора показались заведомо проигрышными.

— Нет. Ни за что и никогда, Мия. Это стопроцентный отказ без какого-либо шанса на то, что я передумаю. Я не хочу продолжать эту тему и когда-либо к ней возвращаться. Нет.

— А почему? Я могу узнать почему нет? — девочка оторопела, не зная, стоило ли ей задавать этот вопрос.

— Потому что ты задала этот вопрос именно мне. И именно мне предстояло на него ответить. Поэтому.

Фрида смотрела без сожаления, так, будто её слова могли сделать больно дальше физически. Только голос утих, как образовалась та пауза, которую нужно было избежать любой ценой. Пусть даже голосом, который не был окрашен ни в один из оттенков.

— Я поняла.

Внутри появилась горечь, которая пожирала мысли с непередаваемо быстрой скоростью. Непонимание такого резкого отказа и обида. На эти слова. На саму Фриду. На место, которое они так любят называть домом. Ступор сковал тело, а лёгкие почему-то сжались так, что стало не по себе. Что-то отвратительно наивное умоляло, чтобы прозвучало это “но...”, которое всё исправит, но Фрида продолжала молчать.

Мия не рассчитывала на этот ответ. Не от этого человека. Пусть бы ей Хлоя какую мерзость сказала, пусть бы Эйдан посмеялся над ней или Вилсон грубо указал на дверь. Сейчас её ярчайший свет отказался светить ей и бросил увядать в темноте, так это ощущалось. Мия не спрашивала, можно ли ей уйти и этим самым пошла против себя самой. Какая-то часть её запрещала уйти, не сказав ни слова, но она перешагнула и это.

Внутри бурлила какая-то болезнь, которую она никогда до этого не испытывала. Из-за чего внутренние органы сдавлены, голос сжатый, будто за горло держат, а мысли становятся чернее и грязнее некуда. И понимание того, что они лезут в голову, делали ещё хуже.

Мия вышла и направилась в свою комнату. Её сон был длинной широкой лентой, к которой забыли прикоснуться, чтобы передать истории и образы. Простое пространство, ни чёрное, ни цветное.

[1] Речь идёт об Амальгаме. Виоландо был сотворён неизвестными силами из четырёх абсолютно различных материков. Это событие полувекковой давности, в ходе которого целые континенты разных планет были слиты в одну новую, называемую Виоландо, и зовётся Амальгамой.

10. Бекар

Этой главы не существует.

Бумага меня слышит.

За эти пару дней тоска съела меня, не оставив ничего. Я всё реже выхожу из своей комнаты. Мне по-прежнему невероятно интересно думать о бесконечности и о покровителях.

Не получается быть многословной, но я не знаю почему. Кто-то из замка это понимает и говорит сам. Размышляет вслух. Благодаря этому не нужно вытягивать слово за словом. И мне кажется, что чем я больше знаю, тем тоскливее мне становится. Я слушаю, и у меня опускаются руки. Я уже очень хорошо могу писать и читать, но с моим ароматом всё не так замечательно. В такую глубокую осень вообще мало что волшебного происходит.

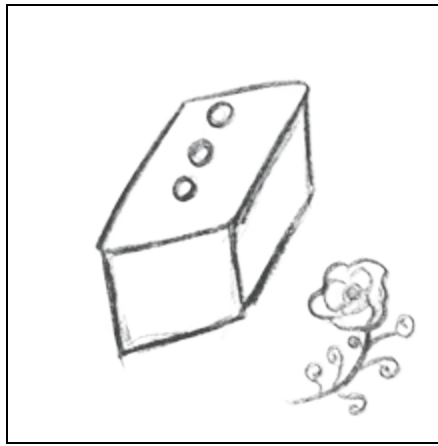

* * *

Мне захотелось придумать историю. Это её начало.

1.
С приходом нашей весны,
Коснувшись рукой волос,
Под светом святой луны,
Она задала вопрос.

Слова, как предчувствия знак:

"Скажи мне, кто ты такой?
Ты свет мой или же мрак?
Ты полный или пустой?"
Не страшен такой вопрос,
Поэтому и смеюсь.
"Я полный, доколе с тобой,
Я — смысл, покуда свечусь".

* * *

Я потрачу эту страницу на то, чтобы написать, что меня пугает нависшая над нами глобальность. Подумать только, что пока кто-то лезет на стены от тоски и неопределённости, другой может ощущать радость, и этот день для него будет чистой эйфорией. Кто-то рождается в ту же секунду, когда кто-то умирает. В одну секунду происходит первый поцелуй у влюблённых и трагедия у других. Всё это происходит на одной планете и даже, уверена, на одном материке. Но состояния такие разные, словно у каждого из нас существует своя планета.

И становится понятно, почему мы иногда не можем подобрать слова. Просто спуститься со своего слоя, или наоборот, подняться, бывает не всегда просто. Друг, он ведь не может из планеты-себя превратиться во что-то ещё. Я — одна целостность, он — другая. Поэтому, когда плохо одному, это всегда сочувствие и поддержка, а не совместное горе.

Мне бы не хотелось ощутить тоску другого человека или, что ещё хуже, заразить его своей грустью. Но ещё быстрее я бы отказалась тянуть кого-то вниз, к себе. Мои трудности, чем бы они ни кончились, делают из меня целую планету.

Но хотелось бы взглянуть на мир, где весь этот глобализм приравнивался бы к среднему числу. И люди бы чувствовали чего больше: смертей или рождений, убийств или свадеб, поцелуев или пощёчин. Было бы страшно застрять в мире, где на моё счастье могло повлиять предательство человека на другом конце материка. Но взглянуть бы хотелось.

Получается, мы живём под куполом далеко не самого кошмарного глобализма, что можно представить. И равно как есть самые разбитые, есть и счастливые. Их роли могут поменяться уже завтра, а может, и через считанные секунды. Но я не уверена, что хочу

этим сказать что-то важное. Просто знайте, счастливые люди где-то там, в глубинах далёких материков и планет, что как минимум один непримечательный человек сейчас радуется за вас всем сердцем.

** * **

Мне кажется, что сильнее всего человек меняется тогда, когда в нём пропадают одни мелочи и появляются совершенно другие. Мне всё чаще хочется сидеть с выключенным светом и есть здесь, у себя. Я осознаю эти изменения, и возникает чувство, будто самый опытный из всех докторов проболтался мне, что я смертельно больна. При большом количестве таких маленьких изменений ты не переплываешь из одной формы себя в другую, а перечёркиваешь первую и становишься второй. Обречённый вызовет у меня зависть, если скажет, что ему осталось жить пару дней и он боится расставаться с семьёй. И в такие моменты я захочу оказаться на месте этого обречённого. В последние дни он будет хвататься за тепло так крепко, как, может, не хватался никогда до этого. Что-то похожее на покрывало эмоций, в которое он завернётся с головой.

Мне не хочется даже тянуться к этому покрывалу. Когда человек из живого в один момент превращается в мёртвого и исчезает — это не удивляет. Он в последний раз укутывает себя под покров и уходит. Но мне грустно, когда я думаю о человеке, который превращается в мёртвого и продолжает просыпаться утро за утром, даже не пытаясь дотянуться до этого проклятого тепла.

2.

*Сегодня я не хочу
Летать полевой пчелой.
Они соберут пыльцу,
А я улечу домой.*

*Когда уже станет темно,
Вернётся пчелиный народ,
Осудит меня он, но
На всех приготовит мёд.*

*Наемся и сразу рассеюсь,
Без формы я, словно вода.
Но я зазвучал и, надеюсь,
Ты сохранишь мою речь навсегда.*

** * **

В комнате горела одна лампочка, слишком яркая, чтобы правдиво описать атмосферу этого места. Шторы оказались задёрнуты, а комната была заполнена тишиной. Не той, что свойственна Глэдис, а самым примитивным её видом. Когда больше нечем было заполнить ни себя, ни своё окружение, проще всего сказать, что молчание — тоже способ самовыражения. Но я же знаю, что это не так. Мне нечего выразить.

Я ещё не сказала ни слова, но уже наперёд знала, как всё будет происходить. И реакцию Эстер, и то, что оторвать взгляд от пола так и не удастся. Она сперва промолчит, а затем переспросит, но ответить мне будет нечего.

«Пока что прекратим наши занятия» — попросила я.

В ответ ничего, никакого грустного вздоха или чего-то такого. Беспокойство в ответ на молчание. Редкие слова не мешали ни одной из нас оставаться немой.

Она спросила надолго ли, а я не знала, что ответить. Я думаю, что насовсем, но мне это принять легко. Ей — нет. Потому я не говорю и надеюсь, что кто-то ей потом расскажет.

И Эстер нарушила молчание. Попросила поделиться хоть поверхностно. Пообещала, что выслушает, и мы со всем справимся. Хоть немного слов о наблевшем, но у меня и их не было. Я не ответила на её просьбу.

Она сделала шаг навстречу, но я шагнула назад и осмелилась покачать головой. Я напомнила себе Фриду, ведь сумела отказать так же. Это было то отрицание, которое сжигало все аргументы. Она ко мне не подойдёт.

— Почему? Почему ты так?

— Потому что нечего говорить. А значит тебе нечего слушать.

Эстер мяла кончики своих пальцев и явно хотела сказать что-то ещё. Куда более важное. Но молчала. Только потом кивнула и неуверенно отошла к выходу. Я же просто подняла взгляд и тут же увела его в сторону.

— Отдыхай.

Она повернула ручку и на каких-то несколько секунд застыла. А потом сказала следующее, слово в слово:

— Ты не одна. Не одна, как бы очевидно это ни звучало. И я готова нырнуть за тобой настолько глубоко, насколько смогу. Только в самый нужный момент протяни мне руку.

Мне нужны были эти слова. Нужны, пусть я и не захотела принимать их в тот момент. Будь я на её месте, сложно было бы сохранять самообладание и эту согревающую искренность. Мне, наверно, было бы проще и вовсе не стучаться.

Дверь распахнулась, на доли секунд подарив комнате и мне неприятный живой свет извне. Аккуратный щелчок, и всё, кроме мыслей в голове, вернулось на свои места.

** * **

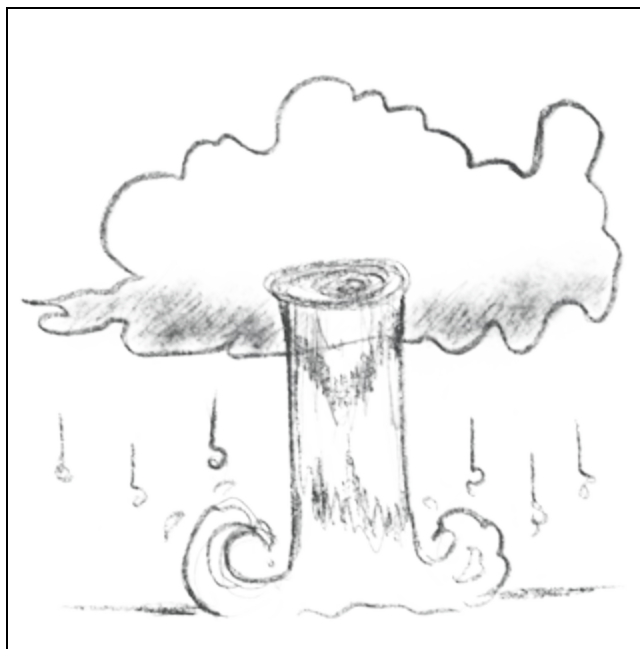
Насколько же тяжёлой мне кажется дверь, что отгораживает меня от других. Я с трудом её открываю, потому что она разделяет этот замок на две части. Одну из них я избегаю, но в ней живёт всё самое светлое. И это светлое с большим трудом входит сюда,

в темноту и беззвучность. Пытается говорить, пытается хоть на секунду забрать с собой и успокоить. И даже когда эта дверь открывается — два мира не смешиваются. Здесь остаётся почти полное самокопание, а там — что-то сильное, чего нельзя охарактеризовать. И когда я выхожу наружу, даже в эти самые моменты я несу холод с собой. Я не ем в тепле, а возвращаюсь в ледник, и пища становится холодной и пустой. Она просто поддерживает жизнь, а где-то внутри себя я скучаю по яркому вкусу. Не только еды, но и жизни. Я скучаю по тому, как листья на деревьях только начали желтеть, скучаю по вопросам, каждый из которых был жаждой жить в этом мире.

Я слишком много себе позволяю. Я принесла в это место, мою любимую обитель, нечто, напоминающее опухоль. Это не опасно для них, потому что они на несколько шагов впереди. Но сам жест, сама его суть мне противна. Противна потому, что это опухоль посреди моего дома. И ещё она невероятно страшна. Потому что это опухоль также во мне. И я совсем, совсем не уверена в своих силах. Я совершенно точно проигрываю четырём стенам внутри моей головы.

3.

Шагая над снежной пеной,
Под ноги я глянул, и
Столкнулся с противной сценой,
Что злила глаза мои.

Нахал, изменивший такту,
Бездарный развил талант.
Бедняк — не бедняк. По факту,
Он просто лихой симулянт.

Артист он хорош, хоть молод.
И можно легко разглядеть,
Под кожей хронический холод,

И скорую тихую смерть.

* * *

Мне грустно из-за того, что меня всё меньше тянет к дорогим мне людям. Я люблю, но пока эта любовь отходит на второй план. Она перестала быть жизненно важной, хотя точно была такой совсем недавно. Я где-то там скучаю по ним, когда иду за едой, когда даже мимолётом слышу их голоса, пока спускаюсь по лестнице. Но в этой комнате мне не хочется думать о таком живом и настоящем, как они. И даже так, они остаются со мной.

Мне не лучше от наивных стараний Эстер разговорить меня. Ей сложно зацепиться за что-то с человеком, который отказывается говорить, и я могу её понять. Это противно, но мне даже забавно наблюдать за её словами, что разбиваются о бессмысленность. И даже молчание старших жителей замка не проходит мимо меня. Они молчат, и я молчу. Они бросают пару фраз, каждый свои, и я делаю то же самое. А потом они выходят отсюда, и всё продолжается.

И Венди, которая каждый раз рассказывает мне истории о своих куклах, понимает, что они мне не нужны. Мне от них не становится весело. Но она всё равно приходит каждый день и пять минут проводит со мной. Значит ли это то, что она верит в результат, который я пока не могу даже развидеть?

И Скай, который играет за моей дверью вечером, когда в замке тихо. Он просовывает бумажных птиц под дверь, но не решается войти, а я даже подумать не могу о том, чтобы выйти. Мы давно друг друга не видели, но, кажется, пока не думаем забывать.

Мне часто становится стыдно оттого, что со стороны я выгляжу откровенно нездоровой и уязвимой. Не нуждающейся в поддержке, а какой-то безвозвратно сломанной. И я бы поверила в пустую жалость к себе, если бы рядом была лишь пара человек. Но не покидает чувство, что обо мне пекутся куда больше, чем это делаю я. И пусть от этого всего мне не становится лучше, но я не могу представить, что бы со мной сейчас было, подумай они, что в этой комнате больше никто не живёт.

* * *

Наш разговор с Венди был совершенно неловким. Когда она зашла, то спросила меня:

— Можно отнять меньше минуты твоего времени?

Я кивнула.

— Вот. Одна из тех кукол, которые я постоянно вяжу. Просто эту я постаралась сделать похожей на тебя. И написать имя. Обычно мои куклы не носят имён.

— Спасибо.

— Она может составить тебе компанию, если нужно, но в то же время она неживая. Поэтому можно наслаждаться одиночеством.

— Я запомню.

— Да, вот... На самом деле вышло куда меньше минуты.

— Как ты и планировала.

— Да. Как и планировала. Я тогда пойду?

Я помню, что в этот момент не смогла сдержаться. Сейчас бы сил хватило, но тогда захотелось какой-то непонятной мне искренности.

— Я кажусь со стороны странной?

— Странной?

— Да. Для вас всех. Я кажусь странной?

— Ты кажешься грустной. И заболевшей.

— Все это видят? Когда я сижу здесь, у себя, вы ведь не обсуждаете это?

— Обсуждаем. Но без гадостей за спину. Просто переживаем.

Я кивнула и поблагодарила, а Венди перед выходом добавила:

— Послушай, я не хочу бросать общие фразы, потому что я их не люблю. Но я на твоей стороне. И против всей той темноты, что мешает тебе победить.

— Да. Против, — подумала я, и сразу стало как-то невыносимо обидно за эту темноту внутри себя.

* * *

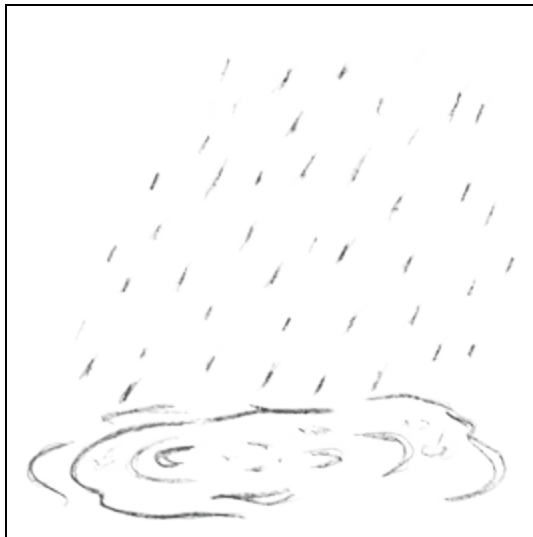
4.

И в дни кольцевой суматохи

Ты улыбалась мне.

Мы мчались сквозь дни и эпохи.

Мы были с тобой наравне.

"Ненастье отступит само,
Пусть гневен и горделив,
Не ставь на себе клеймо,
Пока ты не пуст, а жив".

"Нет, не паду я ниц,
Стоять на ногах не устану.
Выросший среди птиц,
Ни мраком, ни пеплом не стану".

* * *

Приятно понимать те моменты в жизни, когда ты совершенно иначе смотришь на вещи, которые только недавно тебя тревожили. Теперь, сталкиваясь со своей личной неизвестностью, ты исследуешь её, фаланга за фалангой, понимая, что даже сюда доходят лучи извне. И даже сквозь решето неуверенности твоих действий всё равно чувствуется, что ты становишься взрослее и, к счастью, опытнее.

Вот так и у меня случилось с тем, что я вижу в своих снах. Это всё те же жёлтые глаза и тот же голос, но теперь я воспринимаю их по-другому и, что главное, совершенно по-разному.

Когда я слышу этот голос (а я его помню очень хорошо, даже когда просыпаюсь), то ощущаю, что рядом со мной стоит очень близкий, но неосвязаемый друг. Настолько близкий, будто ещё один житель этого замка, который говорит только со мной. И он знает, где находятся самые секретные ходы и тайники, те, о которых никто и не подозревает. Эти тайны в первую очередь касаются меня самой. Голос даёт мне понять, что я целый лабиринт, а он — путеводная сила, которая открывает забытые и неизведанные уголки. И он никогда, никогда не был настроен ко мне враждебно.

Когда это чувство укоренилось, я открыла для себя, что это мог быть голос той, с кем я связана кровью. Я ничего не помню о своей семье, но я могу представить, что говорю и со

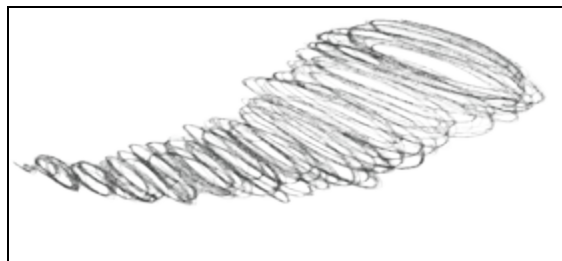
своей матерью, и со своей сестрой. Возможно, даже с отцом или братом — этот голос обтекает любую форму, что я представляю. И благодаря ему я различаю заботу своих родителей, своей сестры и брата, о наличии которых я и не подозреваю. Получается, что сейчас я завишу от выдуманных мной эмоций и людей, о существовании которых мне рассказало бесформенное, неизвестное и совершенно расплывчатое существование внутри меня. Но я без сомнения, без тени неуверенности могу сказать, что каждый этот далёкий разговор мне жизненно важен.

И самое удивительное, мне не страшно слышать голос неизвестности. Пока я в ней, не получается сказать ни слова, только слушать. Но каждый день хочется поскорее заснуть и проспать как можно дольше.

* * *

Я открыла для себя новый вид страха. Сложно представить и тем более выразить, почему я нахожусь в странном состоянии, но я знаю, что, чтобы выбраться из него, мне хватит минуты. Нужно вполне серьёзно, имея ясное сознание, сесть и подумать о том, что меня держит на этом месте. Это не разговор с Фридой и не обида. Секунда за секундой, и у меня получается откидывать все лишние варианты настолько быстро, что хватит этой самой минуты, чтобы прийти к ответу. Но я ни в коем случае не задумываюсь об этом больше, чем на пару секунд. Потому что я боюсь ответа, настолько, что готова даже считать листы в своём дневнике. Это как необходимость вынырнуть из воды в мир, который полностью изменился. И кто знает, что там, за слоем привычного мне моря? Пока у меня есть время думать, это верно. Но получается, что я либо задохнусь в безопасности, либо... что? Сейчас для меня первый вариант не лишён смысла, несмотря на такое глупое сравнение. Он удобный, и, вынуждена признать, удобство играет для человека большую роль.

Но утонуть с совершенно спокойной душой тоже не получится. Мне важно знать, что по ту сторону воды, даже если это смертельно. Отсюда и берётся этот зеркальный страх. Я не готова пройти дорогу длиной в одну минуту. И так же сильно я не готова отказаться от неё. Паралич.

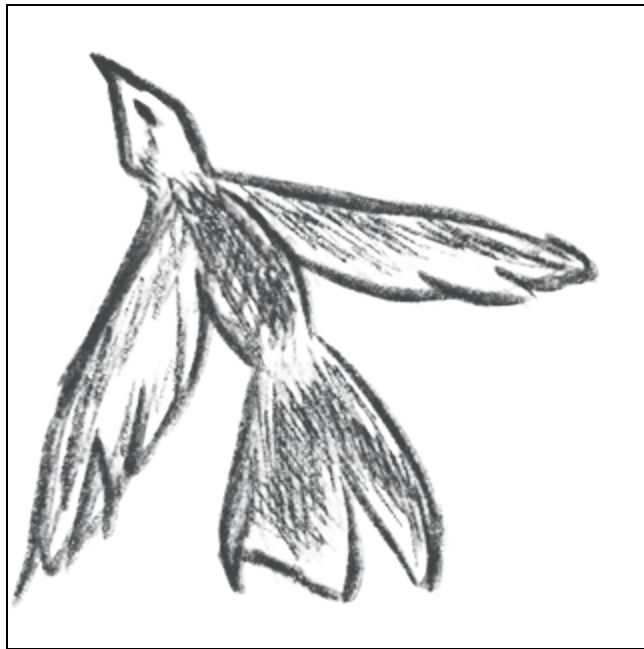
* * *

Со мной происходит кошмар, но вопреки ему, ночью мне снятся х орошие и красивые сны. Невероятные сны, которых я не заслуживаю. Думаю, это Эйдан меня так подбадривает. Знал ли он, что мой разговор с Фридой обречён на провал?

Сейчас мне кажется, что у меня нет никого ближе него. Эйдан точно знает, что со мной, ему даже говорить об этом ни с кем не нужно. Мы не выходим из своих клеток, но знаем что это — отгородиться от мира. Ведь весь настоящий мир сейчас — это одна комната. И нам не нужны слова утешения, когда есть такая взаимосвязь.

Он не такой, как другие. Это болезненное состояние жизни, не опасное, но слишком хаотичное, чтобы его понять. Эйдан часто делает странные паузы, бросает странные слова, находится на грани спокойствия, но не срывается. Я скучаю по этому. Я могу выйти в любой момент, нужно лишь превозмочь, только и всего. Он — нет. Когда он сказал, что навсегда в этом замке, меня это зацепило. У меня есть свобода, но я добровольно от неё отказываюсь. Это — или саморазрушение, или глупость. А у него её нет. Нет и не будет.

5.

Сине-седая лента,
Рои летящих комет.
Падающих с момента,
Как мне опротивел свет.
Близким в своих снах
Ручей ответит, журча:
—«Я застрял на цепях,
Без скважины и без ключа».

Паук комара съест.
Он у него в плену.
Когда мне тьма надоест,

Тогда я, пожалуй, вдохну.

* * *

Если покопаться, то среди моей жизни в Мейярфе можно вспомнить как минимум один любопытный эпизод.

Я тащила очередной товар к очередному клиенту. Это был единственный случай, когда колесо наехало на бугорок и несколько полупустых коробок упали на землю. Тогда ко мне подошёл мужчина, на которого я не сразу обратила внимание. Он помог и протянул мне несколько коробок. И то, что меня удивило, — его выражение лица.

Он посмотрел на меня так, будто знал, как меня зовут, и даже то, что со мной в дальнейшем произойдёт. Даже больше, словно он был из тех, кто знал, откуда и зачем я пришла. Он протянул мне руку, но не так, как это сделал бы любой другой. Не между прочим, не автоматически, а совершенно отгородившись от всего происходящего вокруг. Он ничего не сказал, но в глазах читалось: «Я знаю этот город лучше линий на своих ладонях. Я знаю, что с ним было и что с ним случится. И я знаю тебя, Мия. Всё, что было, но не то, что произойдёт. Покажи мне развязку».

Кажется, что одним только выражением лица такое передать нельзя. Но пробирает до дрожи, когда ты видишь в этом мегаполисе-поглотителе человека, который ему не принадлежит даже самым крохотным кусочком себя. Будто он и не человек вовсе, а наблюдатель, глаза и уши которого могут находиться где угодно.

Наверно, если попытаться уместить это в одно предложение, то абсолютно незнакомый для меня человек выглядел так, словно волновался обо мне. В целом, а не в какой-то промежуток времени. Он волновался о Мие с самого её появления и до самого её конца. И почему-то кажется, что даже сейчас он может знать, что я пишу о нём.

Для меня смысл до безобразия прост. Я жду результата. Того, кем я в итоге стану. Жду, пожалуй, даже сильнее этого незнакомца и бесформенного образа в моей голове. Самое пугающее и одновременно забавное — то, что, жди или нет, ползи или беги, да хоть замри на месте, всё равно ты, в конце концов, обретёшь «я», которое сам себе воздвиг. Или разрушил.

* * *

Голос, что роднее собственного, остаётся рядом. После пробуждения аромата он стал ближе, и я всё ярче ощущаю жёлтый цвет. Когда он звучит внутри, я знаю, что отвечать не должна. Это символ, что я не остаюсь одна, а не наставления или попытки докричаться. Не речь, а просто уникальная нота, летающая по огромному миру — моему сознанию. Она не

бежит, и это заставляет верить, что и я от себя не так далеко ушла.

Моя собственная жёлтая нота.

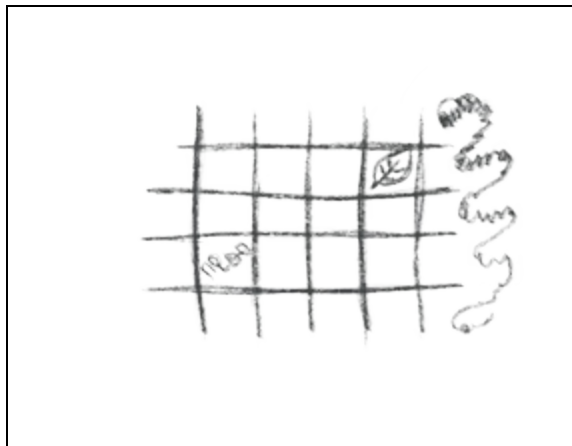
6.

"Не трогай меня рукой,

Хватит меня утешать.

Сложно бороться с собой,

Проще не жить, а молчать".

"Я знаю, что ты — не зло,

Я вижу в тебе сердцевину.

Очисти себя, высоко

Ногами ступив на вершину.

Осмелишься ли сказать,

Что больше не свет ты, а мрак?

Что птицам не нужно летать

Что ты мне не друг, а чужак?"

* * *

Я нахожу в себе странности, которые не кажутся мне нормальными. Есть необычная вещь, представляя которую мне становится неловко даже перед самой собой. Но идя на поводу у своего желания, я ещё ни разу не оборвала эту мысль, не отвратилась и не испугалась её. И наверно этот соблазн, который кажется мне искажённым, но не злым, помогает мне думать о хорошем.

Я засыпаю с приоткрытыми шторами, чтобы стены моей комнаты освещал блеклый свет. И когда я лежу с закрытыми глазами, не слыша шума и собственных наваждений, я представляю танцующие посреди комнаты тени.

Часто это взрослые мужчина и женщина, которые аккуратно прикасаются друг к другу и

кружатся в каком-то красивом танце. Обычно я сама додумываю мелодию, а они двигаются в такт. Касаясь его, она перестаёт быть всецело разрушаемой, а температура её тела повышается. Он же, кажется, даже не дышит из-за своих чувств и забывает о том, что не может существовать без источника света. Они начинают жить отдельно от луны и меня, но не отдельно друг от друга. Так же и когда я представляю их молодыми, только их движения более стеснительные и они все никак не могут перестать нервничать. Их руки соприкасаются не так крепко, но даже через эти молодые касания чувствуется важное обещание. Они оба появляются при луне и так же вместе исчезают, ни разу за ночь не оторвавшись друг от друга. Для них ночной цикл — история, с одним танцем, но каждый раз с новыми ощущениями.

И я сама ощущаю, как близки мне эти тени, как я понимаю её робость и его приходящую уверенность. Пока я сплю, моя тень тоже танцует, слившись с кем-то важным в одно тёмное облако. И на несколько бессознательных часов я становлюсь зависимой от придуманной мной мелодии, от красоты нашего бесформенного облика и медитативных движений, которые я так люблю.

Их танец становится скрытым от других искусством, а мой — частью них самих. Я всей своей сущностью люблю луну и те человеческие силуэты, которые она создаёт на полу. Пока моему телу и мыслям плохо, моя тень с каждой ночью, с каждым танцем показывает, что находится вне законов тяжести и простоты. Это успокаивает и даёт силы спокойно заснуть.

Вот так перед сном я создаю искусство чувств, которое станет невидимым с первыми лучами солнца, но никогда, никогда не растает, пока луна способна ярко светить.

* * *

Если бы нужно было указать пальцем на то, что разделяет мою жизнь на «до» и «после», то это была бы печать на моей кисти. Странно, что не замок или не Фрида, а просто выжженный под кожей символ размером с монету. Люди здесь и это место — дороги и тропы, по которым я уверенно иду. Но я могу не идти, в любую секунду могу повернуть назад и пойти тысячей других неизвестных мне направлений. А метка на руке подобна рубежу, который падает на меня с неба. Он разделяет меня на две части: ту, что привыкла к солнцепёку и песку под ногами, и девушку, которая живёт в замке. Две совершенно разные личности, которые барьер мне не даст совместить в себе. Свободные мысли кроются в голове той, на чьём теле выгравирован символ принадлежности. Не нарушения и фальшивомонетничества. Символ не вины, а собственности.

Это сбивает с толку, и я не до конца могу понять, какие из слов будут настоящими. Я напишу, что я просто хочу отпустить вихрь мыслей, наклонить голову и тащить за собой телегу, куда мне скажут. Я знаю, что мне будет жарко и нудно, но зато будет очень легко внутри. Я скажу, что я готова отказаться от тяжести мыслей и понимания, потому что так мне будет проще. Но буду ли это я? А могу сказать, что я человек, который хочет следовать направлению, которое я выберу сама. Что дорожки будут мне сопутствовать, и, доверяя им, я пойду по своей, неповторимой. Эти буквы будут на листе бумаги, но кто их написал?

Этот рубеж отнимет у меня половину, совершенно отличимую от второй. Я боюсь покровителей, но я и доверяю их словам. Я зла на них, но никогда не говорила с ними, а значит, и не могу злиться. Я доверяю словам родных, но хочу услышать слова чужих. Мне не один день подряд хотелось пожаловаться самой себе на то, что трудно справиться с нахлынувшим. Хоть мне и кажется, что я стараюсь.

Потом это сменилось на страх, а сейчас не представляет ровным счётом ничего, кроме абсолютного непонимания всего, что меня окружает. Тяжело выбраться, если не знаешь, в какую из сторон двигаться. Если не знаешь, стоит ли вообще двигаться, или это сделает только хуже.

Я сижу за столом и одновременно стою на краю какого-то нескончаемого обрыва. Я делюсь с бумагой мыслями и задаю себе самый бесполезный вопрос, что может себе задать человек: «Где мне узнать, как правильно жить?».

** * **

Когда я подолгу сижу перед окном, возникает желание написать какую-то сказку. Что-то оторванное от моей истории, правдоподобное, но яркое. И чем дольше я сижу, чем больше листьев опадает у меня на глазах, тем ярче мне хочется создать эту историю. Мне не так сложно представить себя за окном и признаться, что я опала вместе с листьями. Куда сложнее мне взяться за перо и начать писать нужные предложения. Как аромат, так и слова: кажется, что они вот-вот слетят с мысли и языка, но что-то не получается. Даже если я представляю сказку во всех деталях, я знаю, что в конце концов оставлю её в своей голове.

Мне интересно задумываться о том, сколько таких порывов остаётся у людей в голове. Тех, которые формируются на грани вдохновения и какой-то несоразмерно кривой полосы. Настоящие истории, которые рождаются в голове, могут стать лучшими, но их почему-то хочется закончить, так и не начав. Не притронуться к блокноту, а поставить единственный знак во всей рассказанной сказке — точку.

Но я могу представить человека, который мог бы создать что-то своё, перешагнув через это чувство. Даже если бы тебе до тошноты тяжело было двигать рукой, ты бы в итоге смог натянуть кожу настоящего и существующего на идеальную маленькую жизнь, которая не живёт за пределами головы. Если бы ты был таким человеком, я бы хотела провести с тобой целый день своей сознательной жизни. На вопрос о том, знал ли ты с самого начала, что справишься, ты бы ожидаемо кивнул. Потому что твоя природа не может проиграть её полному отсутствию. Мы с тобой оба придумываем истории. Твоя вышла совершенно не такой блестящей, как ты её представлял, и далась тебе трудно. Но это будет самая чарующая и мягкая сказка, насыщенная настоящей жизнью. Жаль только, что у меня так и не получилось оживить свою.

7.

И я нарушил обет,
Её сердце залилось тоской.
"Кто ты мне — мрак или свет?
Ты полный или пустой?"

И голос её перестал
Быть чудом. Как все голоса.
Или смысл куда-то пропал,
Или я разлюбил чудеса.

"Я заблудился давно.
Не полный и не пустой.
Мне уже всё равно,
Мрак или свет я твой".

Глава 11. Я хочу слышать

В этой главе — невесомость.

В одну из ночей стало невозможно уснуть. Было до того тревожно, что Мия села у двери своей комнаты и начала считать секунды до рассвета. От атмосферы комнаты, которую приходилось впитывать изо дня в день, становилось просто тошно — хотелось хоть какой-то смены обстановки. В комнате не получалось оставить то, что отравляло всё сильнее и сильнее.

Минуты путались в один ком, но Мия даже не тратила свои силы чтобы его распутать. Только ловила себя на мысли, что новая минута — такая же блеклая и бесполезная, что и предыдущая. Трудно было разобрать какая минута шла по счёту, но в какой-то момент эта однотипность нарушилась: Мия услышала голос, но почему-то совершенно не услышала шагов. Это тот человек, который ходит очень тихо и никогда не издаёт лишнего шума. Голос Глэдис звучал обеспокоенно, но голову поднимать не хотелось. Стыдно было смотреть на неё этим пустым взглядом. Но снова и снова задаваемый вопрос не растворился в воздухе, и пришлось ответить.

— Мия, что с тобой произошло? Почему ты здесь?

— Я не могу спать.

— Почему не можешь?

— Не получается.

— Не получается что? — её тревога не давала голосу трещать по швам. — Что тебе мешает? Кошмары?

— Странный сон. И всё на свете.

Глэдис опустила перед ней на колени, взяла за руку и принялась ждать. Ничего не говорила, а когда непреодолимая усталость прошла, помогла подняться.

Мия не без усилий встала, и Глэдис, не отпуская руки, повела её в свою комнату. Там было то самое спокойствие, которое раньше хотелось назвать давящей тишиной. Горела настольная лампа. Мия села за стол, и возникло чувство, что она впервые за долгое время может различать звуки, а не написанные в блокноте буквы.

— Почему ты сидела у своей двери?

— Всё, как я и сказала. Мне приснился странный сон, и я не смогла заснуть. И не могла оставаться в комнате.

— Почему? Тебе там страшно?

— Очень много мыслей. Я не могу выбросить их из головы, но и не могу перестать думать. Полный бардак, Глэдис. И есть ещё кое-что. Неприятное.

— Ты можешь не спешить. Даже нескольких слов будет достаточно.

Мия опёрлась на стол и прикрыла глаза ладонями. Она понимала, что самое трудное, что можно сделать в этом состоянии, — произнести первые слова. Найти их, всё равно, что

слепить снежок кровоточащими руками. Дальше всё превратится в снежный ком и покатится само по себе — говорить станет проще. Но пока лишь чувство отвращения к себе от того, что она жалуется и выливает на собеседника ненужную ему грязь.

Чувство, которое минута за минутой можно пересилить, если попытаться. Если от тебя не просят что-то сиюсекундно, не подгоняют и просто дают собраться с мыслями. Мия бы держала рот на замке ещё долго, ощути она давление. Но с этим человеком и в этой комнате, все злополучные правила почему-то переставали работать.

— Мне постоянно снится образ какого-то существа. Я не знаю его пола, даже имени и... вообще ничего о нём не знаю. Оно не хочет вредить мне, но всё чаще всплывает в сознании, и это меня пугает. А я не могу выйти с ним на контакт. Прогнать его. Или попросить приходить реже. Раньше оно появлялось не так часто. Просто приходило в самые неожиданные моменты. Во время применения аромата. Когда я спала. Когда я подолгу оставалась одна.

— А сейчас? Каждый день?

— Сейчас мы будто в одной комнате живём. Оно постоянно там, — Мия вяло постучала костяшками по лбу.

— Опиши его хотя бы поверхностно, пожалуйста.

— Жёлтые глаза. Непередаваемый на словах голос. Оно всегда стоит сзади. Хочу прогнать и одновременно понимаю, что это самое близкое, что у меня есть. Это всё.

— Существо не уходит даже когда видит, что у вас не получается общаться, верно?

— Если честно, думаю, оно хочет помочь. Лезет глубже и глубже, чтобы вырвать прогнивший корень. Раньше такого не было, мы просто наслаждались присутствием друг друга, а сейчас мне кажется... Глэдис, мне кажется, что оно прожигает во мне невидимую дыру. И это ощутимо даже физически.словно где-то здесь, в сердце, иглолка застряла. — Мия пальцем указала туда, где было больно. — Только знать бы самой, откуда этот корень во мне появился. Наверно, это всё наш разговор с Фридой. Кошмар. И что остальные переживают обо мне, но я не становлюсь лучше. Я... Я ведь вообще не двигаюсь.

Глэдис протянула руку к своему зонту и раскрыла его над их головами. Пока Мия путалась в своих словах, она протянула руку наверх и что-то зачерпнула.

— Что мне со всем этим делать? — произнесла она и покосилась на огонёк, что находился в руке.

— Не знаю, — прошептала девушка. — Я не знаю, милая.

Ладонь Глэдис коснулась виска и лазурный огонёк, что в ней прятался, точно будто прошёл сквозь кожу. Светлячок, что улетел куда-то прямо к центру сознания, где скапливались все страхи — так Мия это представила.

Всё появилось мгновенно, стоило только на секунду прикрыть веки. Лазурный комок света не прогонял всю гадость, но делился красивыми и простыми образами: плывущими по реке каланами, свистом спрятавшегося в кустах зверька, высокими замками из песка и запахом ягод. Места, в которых Мия никогда не была и вряд ли побывает, потому что их нет на самом деле. Огонёк дарил ощущение, в котором каждая мелочь издавна была знакомой и родной. Солнце не спешило за горизонт, ветер скорее щекотал, чем дул, а вода и песок завораживали. И вот в этот самый момент, когда тело будила утренняя прохлада, а звуки и запахи оказались будто из самой родной истории, всё стало по-настоящему хорошо. Мия смотрела на песочный замок и была уверена, что он исчезнет до того, как до него донесётся волна. Но в итоге погасла Мия, а замку просто некуда было исчезать — он и так был совсем

ненастоящим.

Глаза открылись и обе девушки будто застыли.

— А-а-ах... — голос звучал так, будто марево ещё не до конца прошло. — Так это ты мне всё время посылала хорошие сны? Огоньки — это твой аромат, да?

— Да. Но это бабочки, а не огоньки. Я не очень хорошо знаю, что нужно людям, которые чувствуют себя скверно. Но когда им плохо, мне хочется с ними делиться вот такими образами, пусть и ненадолго. Я верю, что они могут дать человеку больше, чем сиюсекундное счастье.

— Спасибо.

— Есть кое-что ещё. Кое-что, что я могла бы показать тебе, — Глэдис закрыла зонт и продолжила: — Надеюсь, это поможет тебе отвлечься. Хочешь, мы создадим воспоминание?

— Какое воспоминание?

— Наше. Воспоминание, которое мы сейчас проживём и к которому сможем вернуться.

Кивок. Если это было возможно, в эти минуты Мия бы хотела создать целую историю, огромное количество кадров и образов. От совокупности образов и историй могла создаться и её собственная. Этот случай, может, и был важной первой ступенькой.

Они оделись теплее, спустились по винтовой лестнице и вышли на задний двор. Мия прекрасно понимала, куда они идут, даже несмотря на то, что снаружи царил практически полный мрак. Дверь позади закрылась, и холод сразу пропал. Но всё по-настоящему началось тогда, когда в оранжерее загорелись все лампочки.

Вокруг порхали бабочки, маленькие и большие, пёстрые ожившие рисунки. Движения их крыльев были плавными и напоминали танец. Ритмичный полёт, о красоте которого бабочки даже не задумывались, очаровывал с каждой секундой всё больше. Десятки насекомых пролетали рядом с гостями, некоторые даже садились на них, позволяя рассмотреть себя поближе. Хоть Мия впервые видела этих насекомых так близко, внутри даже мысли не промелькнуло о том, что эти создания могут укусить её или причинить какой-то вред. В отличие от других насекомых, бабочки будто знали границу, которую нельзя пересекать без разрешения. Существа подлетали и аккуратно, медленно махая крыльями, садились на вытянутые пальцы. Затем летели дальше, мимо широких зелёных листиков, над тонкими дорожками из камня. Некоторые останавливались у пиал с водой и отдыхали там. И это только некоторые, ведь внутри находились десятки бабочек, за каждой из которых просто невозможно было уследить.

В оранжерее даже поздней осенью оставалось тепло, а в помещении ощущался запах дерева и земли. Только Мия начала забывать о словах, как с ней заговорили, и восприятие всего окружающего сменилось.

— Уютно?

— Сейчас мне кажется, что хочу остаться тут навсегда. Как в образах, которые ты создаешь своим ароматом.

— Я тебя хорошо понимаю.

Ответ оказался коротким, но прозвучал очень чутко. Это не был тупик в разговоре, наоборот, он означал, что в этом месте можно не бояться.

— Здесь ты лечишь свои раны и болезни?

— Нет. Я лечу раны в мыслях других людей. А свои не умею. Мои кошмары прогоняют родные люди. А здесь я просто чувствую себя спокойнее всего.

— Место, где точно не заболеешь и не поранишься, да?

— Да.

Это целая пропасть между самой Мией и человеком, что стоит перед ней. Исцелять людей — это недостижимое мастерство. Так же сложно, как создать своё место, где никакие страхи, никакие беды тебя не достанут. Даже представить было сложно, с чего всё должно начаться, чтобы научиться такому.

— Почему ты решила именно так воплотить свой аромат? Ты ведь не обязана лечить других людей, пусть их бывает и жаль.

— И правда, не обязана.

Мия выждала паузу, ожидая, что Глэдис продолжит. Но тут же вспомнила, что с этим человеком бывает не так, как она привыкла. С губ слетела полноценная мысль, без намека на продолжение. Более прямой ответ мог прозвучать только после более прямого вопроса.

— Тогда почему же так?

— Всё дело в ранах. Но не только в них, — ответила хозяйка этого места. — Кто-то хочет заживить свою рану. А кто-то хочет не дать пораниться другим. Ещё это способ расцвести. Расцвести самому или помочь расцвести другому. Каждому своё.

— А другие из замка? Зачем это им? Они тоже тянутся ко мне, но сейчас я никому из них не могу ответить тем же.

— Это ведь нормально, Мия. Нормально, если близкий человек хочет помочь, просто у всех свои способы. Кто-то может только бабочек в голову посылать, а кто-то защитит от удара собственным телом. Даже если его рана потом будет сильно кровоточить. Но тяга к тебе — другое. Не думаю, что в ней есть место ранам. Это тяга не в ущерб кому-то из нас.

Мия растерялась. Перекати-поле из разных чувств никуда не делось: внутри колола обида, стыд за своё поведение, тяга развиваться и полное нежелание покидать свой кокон. Глэдис, этот человек, который будто по воздуху может ходить, настолько он лёгкий и невесомый, тоже ведь сталкивалась с такими комками неоднозначных эмоций. Сталкивалась и как-то пересиливала их. С таких хочется брать пример, но редко когда понятно, как это сделать.

— Спасибо тебе за всех бабочек, которые прилетали ночью.

— Пожалуйста.

— Когда ты делишься этими образами с человеком, ты помогаешь расцвести ему или больше расцветает сама?

— Я сама часто задавалась этим вопросом. И если честно, у меня нет ответа. Я просто хочу любить. И я люблю. От этого я ощущаю счастье.

После этих слов стало понятно, почему Глэдис относится к старшей части замка. Это было не только из-за возраста. Просто в один момент этот человек мог произнести фразу, в достоверности и правдивости которой не оставалось сомнений. Всего-навсего простая интонация и несколько слов, которые в совокупности звучали как искусство.

— Поняла. Спасибо.

Девушка медленно, но уверенно кивнула. Слова временно закончились, вместо них это место дарило ощущения. Вернее, их дарили те, для кого эта небольшая оранжерея была домом. Мия села на белую лавочку и начала наблюдать за происходящим вокруг. Всё здесь сладостно тянулось: и звуки, и движения, и вдохи с выдохами, и даже целые слова.

Неприятный осадок внутри начал таять, но лишь малая его часть осталась позади. В том отрезке времени, когда себя хотелось назвать моложе и вспыльчивей. Хотя и прошло всего ничего, уже хотелось воспринимать себя немного другим человеком, который бы мог понять, что любовь — это любовь, и искать, откуда она берётся не стоит.

С десяток минут Мия не отрывала взгляда от девушки в платье: вот она поправляет свои волосы, а вот подставляет ладонь, чтобы счастье с крылышками село на неё и отдохнуло. Десятки разных цветов летали вокруг и непроизвольно заявляли о том, что они — маленькие живые пёрышки. Создания садились на одежду и кожу; их крылья порхали, сперва быстро, но потом спокойнее. Некоторые из бабочек вовсе замирали, но их жизнь всё равно ощущалась, пусть они и оставались неподвижными.

Мия чувствовала, что на каждой из ладоней сидит как минимум по одному маленькому путешественнику. Но взгляд оставался прикованным к Глэдис. Её рука была вытянута над головой, а на ней отдыхал один из жителей этого дома. Взгляд девушки оставался спокойным и любящим. Со стороны казалось, что и насекомое, и человек чувствовали, что существует мир вокруг них, но в эти моменты, в эти секунды могли позволить себе создать собственный: беззвучный, цветастый и мимолётный.

Взгляд не отрывался до последней секунды, пока бабочка не вспорхнула и не поднялась в воздух. Рука Глэдис опустилась, но глаза будто не могли поверить в расставание. И только услышав голос, девушка пришла в себя. Она словно забыла о чём-то далёком и тут же вспомнила о настоящем.

— А что движет тобой? — поинтересовалась Мия. — Что для тебя эта идея?

— Идея? — переспросила та, призадумавшись.

— Да. Бесконечность. Я спрашивала у других, и они рассказали мне об этом. И я бы хотела узнать, что ведёт вперёд тебя. Можешь рассказать, пожалуйста?

Глэдис сделала пару шагов и села рядом с Мией. Та ждала тех немногих слов, которыми с ней поделится. Вроде что-то подсказывало, что тут достаточно молчать, чтобы задать вопрос и получить ответ, но разум пока никак не мог понять этот беззвучный шифр.

— Я хочу соединить людей нитью. Малое количество людей, которое сможет прочувствовать важность этой нити.

— Близких тебе людей?

— Любых. Даже если я их никогда не увижу, никогда не узнаю их имён — мы можем быть связаны.

— А в чём суть этой нити?

Глэдис повторила вопрос и усмехнулась.

— В жизни. В жизни человека, у которого чистый разум и неугасаемые эмоции. Суть в том, чтобы человек, где бы он ни находился, сказал себе: «Я человек, и я жив». Суть в том, чтобы гореть и не дать себя погасить. Не сгореть самому, но зажечь других. В простой форме. Например, знаешь, как это делают бабочки?

— Нет, но... — она замялась. — Но хочу узнать.

— Они живут очень мало, чтобы совершить что-то глобальное. Здесь кроме меня и пары людей их никто никогда не увидит — они погибнут, и как бы ни хотели изменить эту планету, у них не получится. Но свою нить они доносят до меня. Находясь здесь и смотря на них, я чувствую себя бессмертной. Там, — Глэдис указала в сторону выхода, — я бы могла сломаться и могла бы сомневаться.

Девушка подняла ладонь с синекрылым насекомым. Маленькое создание находилось

прямо на уровне её глаз.

— Но, приходя сюда, я помню о том, кто я. Я человек, а значит иногда созидаю мелочи, иногда скорблю по мелочам. От настроения к настроению и от спада к подъёму, а затем наоборот — вот так и живу. Я могу мыслить, и самое важное, — могу наслаждаться происходящим. Всему этому меня учат те, кто к концу флэтии погибнет. На их место придут новые, и когда-то они будут вдохновлять кого-то другого. Я на это надеюсь.

Глэдис вытянула руку вперёд, и бабочка, словно поняв человека, улетела.

— И мне тоже хочется быть тем, что олицетворяет бабочка. Я не хочу перевернуть сознание тысяч — мне достаточно малого. Существующий мир враждебен, но я не хочу разрушать его. Эти нити, которые я представляю между людьми, прочнее существующей устоявшейся оболочки. Они создают гармонию. И ответ на твой вопрос — гармония. Моя бесконечность — гармония.

Мия замаялась; голова опустилась, а взгляд приковался к полу.

— Честно говоря, у нас странное общение выходит. Мы виделись, проводили вместе время, но словно оставались немыми. Я говорила с тобой, но это не было так же, как с остальными. Мне хочется понять тебя, но это очень тяжело сделать без слов.

— А почему тебе хочется понять именно меня? Я чем-то привлекла твоё внимание?

— Ты кажешься сформированной личностью. Не в обиду другим, я не имею в виду ничего плохого. Но под твоими ногами уже выстроенная дорога, так мне кажется. В ней почему-то молчание вместо многословности, такое приятное спокойствие, которое я даже в пустой комнате не могу найти. Мне интересно, как ты стала собой и как научилась понимать этот мир просто смотря на него.

— Если хочешь, я тебя научу понимать вещи без слов. Часто умею обходиться без них, и будет интересно узнать, сумеешь ли ты. Но, по правде, я не самая молчаливая в Орторусе. Есть один важный мне человек, который сейчас в Мейярфе, с остальными. И я — что-то вроде моста между полной тишиной и многословностью, ведь слова мне гораздо нужнее, чем ему. Потому одним я кажусь слишком тихой, а ему — слишком разговорчивой, — Глэдис дружелюбно хмыкнула.

— Как его зовут?

— Сорроу. Рано или поздно вы познакомитесь. Если научишься понимать его, то у нас троих будет свой язык общения.

— Это точно. Секретнее любого шифра, — произнесла Мия, подняв взгляд. — Он лучше всех тебя понимает?

— Нет такого, что кто-то лучше всех. С каждым у меня неповторимая связь. С ним — в том числе.

— Поняла. Как бы это глупо ни звучало, но ты кажешься мне совсем другой планетой. Необычная такая, но по-хорошему. Как эта оранжерея — маленький кусочек красоты и простоты посреди кошмарной мороси и нескончаемой осени.

Глэдис снова дружелюбно хмыкнула, но не ответила. И нечего было отвечать, если выбросить эту неуместное желание поддерживать разговор, лишь бы речь звучала. Наблюдая за бабочками, девушки просидели ещё с полчаса, не обмолвившись ни словом. Бабочки их понимали и так.

Как только Мия вернулась в свою комнату, она взяла перо и начала писать на первой

попавшейся странице. Она выводила буквы, думая о недавнем счастье, которое действительно можно было назвать воспоминанием. Это тот всплеск, для которого не нужно подбирать слова. Просто расплывчатые мысли маленького продрогающего человека, что хотел поделиться.

Я таю. Мне нечего сказать ни немым, ни говорящим, нечего сказать даже самой себе. Кажется, что мне приелась печать на моей руке, приелась невесомая беззаботность юности, которая превратилась в вязкий и тяжёлый ком. Мне очень быстро пришлось вырасти, и я прекрасно это чувствую. Кажется, меня отталкивает даже любимый чай. Я не выдерживаю этой осени, и дело совсем не в холоде за окном. Сейчас я чувствую лист под рукой, но не ощущаю собственных рук. Мне есть что писать, но я не знаю кому. То, что приводит меня в восторг, одновременно загоняет в сумрачное состояние настолько глубоко, что я забываю о радости. Поэтому сейчас мне хочется стереть самые светлые из своих воспоминаний. Забыть про тени в пещере и про приятную музыку. Я понимаю, почему я это пишу, но не признаюсь себе в этом. В голове крутится настоящий ответ, но я не напишу его на бумаге, не произнесу вслух, потому что меня сковывает ужас. Всё ещё кажется, что если я не признаю свой страх, то он постепенно отступит. Но в действительности это я прижата им к стене так плотно, что мои лёгкие едва работают. Значит, я умираю от удушья? Но это нехватка чего-то другого, не воздуха. Наверно решимости. Может, недостаток красок и цветов. Несмотря на то, что эти люди — палитра целого множества цветов. Я просто не могу найти свой цвет. Я не знаю, заслуживаю ли я его и смогу ли я хотя бы наполовину быть такой же яркой, как они?

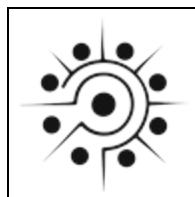
На картине в моей голове я нахожусь не одна и сижу не в чужом месте. Они находятся рядом. Идут, и я иду вместе с ними. Затем они переходят на бег, потому что впереди только плавный полёт по небу. Они ускоряются перед прыжком, а я падаю. Никто не прыгает, и каждый помогает мне встать. Не тащат меня вперёд, ведь если кинут с обрыва, то я камнем полечу вниз. Я уже в шаге от грани между землёй и небом, но никак не могу встать, хотя пытаюсь изо всех сил. Будто яд парализовал всё тело, но я даже об этом сообщить не могу. А они видят, что я ничего не могу сказать, видят, как у меня тускнеет взгляд. Я читаю в глазах сожаление и грусть, будто перед ними покойник. Всё ещё получается видеть и думать, но не больше. У них ничего не получается, и они аккуратно кладут меня на землю. Потом по очереди целуют в лоб и улетают. Им казалось, что я умерла, но я всё так же продолжаю смотреть им вслед. Последний раз пытаюсь ползти, а потом горько улыбаюсь и закрываю глаза.

Грустно, но я бы тоже улетела. Если бы я могла выбрать, я бы стёрла из своей памяти все ударения, выбелила бы все цвета и заглушила звуки. Чтобы не помнить ни бабочек, ни своей семьи. У меня хватит сил, чтобы дотлеть до конца молча. Я не знаю, как сделать этот маленький шаг навстречу свободе. Знаю, что он есть, знаю, что живёт по ту сторону, но тело просто оцепенело. Или я просто боюсь его? Всё строится на страхе. Мой мир строится на страхе. Но если я поборю страх, то выиграю. И пусть я сама не верю в то, что напишу, но хочу, чтобы случилось чудо и написанное оказалось правдой.

Сквозь безнадежную пустыню и отчаяние, сквозь отсутствие веры и слёзы, сквозь холод этой проклятой осени и даже сквозь самую бесконечность пролетят эти слова. Я поборю страх. Я переверну мир.

Глава 12. Я хочу говорить

В этой главе живут, а не существуют.

Следующий день оказался загнан в четыре стены, что уже надоело до невозможности. Хрупкий и subtilный человек застрял в них и не мог сделать даже шага наружу, чтобы снова увидеть внешний мир. В этот раз дверь не закрылась на замок, но и открыть её на распашку не хватило духу. Она осталась приоткрытой, точно лазейка в полноценный мир. Хватало и картины в коридоре, видимую через узкую щель, чтобы убедиться — наружность существует.

Наружность эта стучалась в её комнату и раньше, но изнутри никто не отвечал. Если она и проникала внутрь, то совсем скоро возвращалась обратно. Эстер, как и почти все остальные, жили в том, нормальном мире. Сейчас поводом войти стало то, что Мия оставила дверь приоткрытой — до смешного малый шаг для жителя наружности, но неопишимо большой для пленившей саму себя.

— П-привет. Увидела, что у тебя не закрыто и решила заскочить. На секунду, правда, — робко начала наставница. — Подумала, что может нужно выговориться? Даже если кажется, что это тяжело.

— Я справлюсь сама. Скоро.

— Одной ведь куда сложнее. Разве... разве нет?

Эстер выждала, но собеседница не подняла головы. Она потупила взгляд и пообещала себе ни за что не отрывать его от пола. Хотелось не отвечать, а уменьшиться в размерах и превратиться в зёрнышко.

— Тебя будто что-то поедает. И что мне, просто наблюдать со стороны за всем эти? — продолжала собеседница. — Время ведь ничего не меняет. Молчание делает только хуже. Но я точно, как никогда, уверена, что просто так лучше не станет. Ведь со всем можно разобраться, если вместе и постепенно, шаг за шагом. Как мы сделали с ароматом, помнишь? Стоит только начать.

Нахлынуло чувство стыда. Со стороны Мия казалась себе до того жалкой, что куда там помогать — смотреть было противно. Несмотря на слова Глэдис в оранжерее, она игнорировала близких людей и тешила ту слабинку, которую следовало душить что есть силы. Страх по-прежнему затмевал что-то здоровое и светлое, но не мог справиться до конца. Одновременно хотелось и чтобы он полностью её обглодал, и чтобы маленькая искра внутри, если она вообще была, поскорее превратилась в молнию.

— Или не стоит, — совсем рядом послышался голос Докса.

Он проскользнул в комнату и положил руку Эстер на плечо.

— Эст, не дави, прошу тебя. Иногда говорить именно невозможно. Невозможно, а не просто сложно.

— Чем это я давлую? — отрезала было Эстер, на что Парадокс приобнял её.

— Просто не сейчас. Пожалуйста.

Они какое-то время смотрели друг на друга. Эстер казалась растерянной и испуганной, но в Доксе ничего этого не читалось. Может потому-то он и победил в этом маленьком вызове.

— Пойду на крышу и подышу свежим воздухом. Нужно сменить обстановку.

И Эстер вышла, отчего и часть звуков в комнате пропала. Парадокс поджал губы и пожал плечами, указав большим пальцем на дверь.

— Может, тоже подышим воздухом? Побродим по округе, только и всего. Сама знаешь, зачастую я много треплю языком, поэтому можешь просто слушать и ничего не говорить. Всяко на улице лучше, чем в этой коробке.

Он приподнял брови, ожидая ответа. Мия посмотрела на него исподлобья. Это напомнило один из тех дней, когда он звал её пройтись ещё тогда, когда с деревьев не опали листья. И в его голосе звучала всё та же простота, которая и, удивляла и, без сомнения, сближала. Даже если вокруг неё кружил толстый слой тумана, сейчас хотелось сделать вид, что всё сносно. Она обернулась на кровать, и её пробрало чувство, что от выбора может зависеть не только досуг. Возможно, это решение скажется на последующих днях и даже конечном результате всей этой канители. Может предстоящему ответу предстояло окончательно перевесить одну из чаш весов. Нелегко протянуть руку любому из людей, когда ты сама её не чувствуешь. Но сзади, на её кровати, да и во всей этой комнате находилось что-то, от чего хотелось скорее избавиться. Оно оставалось невидимым, вязким и даже опасным. Важно было сделать этот простой шаг, который казался невозможным. Парадокс взял её за запястье и слегка-слегка потянул в сторону выхода.

— Пойдём, — попросил он.

Через его касание ощущалось что-то, что многократно увеличило светлое зерно внутри. Если можно было ходить следом и просто молчать, значит эта прогулка не невозможна. Мия неуверенно кивнула и сделала шаг вперёд. Дальше телу стало двигаться не так сложно.

Она сидела на краю телеги и следила за следами от колёс, что оставались на грунтовой дороге. Ноги едва касались земли и от этого по ступням пробегала приятная дрожь. Это напоминало бег наоборот: уходящая из-под ног почва бежала под стопами, а те просто не двигались. Главное было сохранять равновесие, ведь подайся Мия чуть вперёд и надави ногами на землю посильнее — точно выпала бы.

Парадокс сидел рядом. Спиной он опирался о деревянный бортик телеги, а локтями на гитару, что прихватил с собой. Он разглядывал треугольную монетку так, будто такими деньгами никто никогда не пользовался. То и дело он вставлял её в квадратное обрамление чуть побольше, и затем снова вынимал. Магниты то притягивались, то оставались порознь.

— Не могу понять своё отношение к деньгам, — не спеша начал Докс. — Мне кажется, ничто не объединяет разные государства и даже цивилизации так сильно, как деньги. Понимаешь, это же средство массового поражения. Всемирная таблетка от катастрофы или сама катастрофа. Смотри что ты скажешь человеку. Нет, даже не так. Смотри кому ты дашь эти железяки. Мешок монеток — и у тебя вкусный ужин на столе. Или подарок для невесты. Или её голова. Странно, разве нет?

Мия промолчала, но и вопрос совершенно не предполагал ответа.

— Заставляет выложиться по полной и в то же время немного стирает границы морали. Для некоторых людей. Расшиби меня молния, всё же основной вопрос в принципах. Думаю, принципы — это то, с чем монетки не всегда могут справиться. — Докс оторвался от магнитов. — В голову приходит та же Эстер. Единственный человек из всех, кого я знаю, который мог бы своим ароматом наплодить сотни и сотни таких монеток. Но Предвечная, она никогда в жизни не согласилась бы создавать фальшивые деньги. Совершенно нечестный аромат для слишком уж честного человека. Получается, всё дело в её принципах?

Собеседница едва заметно пожала плечами, а Парадокс случайно задел струны гитары. Послышался немелодичный звук.

— Не знаю, может быть. Не то чтобы нам не хватает денег и всё такое... Просто я бы, наверно... Хотя сам не знаю, как бы я поступил. Может, и наклепал бы себе парочку штук на память, не больше.

Он цокнул и сунул монетку обратно в карман. Теперь и перед ним открылась петляющая дорога, по которой ехала телега. В самой дороге ничего интересного не было. Красиво становилось, только если смотреть на картину целиком, захватывая и её, и небо, и весь красно-оранжевый спектр осени.

— Так-то она немного наивный человек в этом плане. Ну, когда дело доходит до откровенных серьёзных разговоров. Зарядит тебе всё как есть, бам, — он легонько стукнул себя по лбу. — Не совсем, может, даже совсем не правильно. Но я понимаю эту нашу Эстер. В её духе волноваться за других так, что сама себе места не будет находить.

Докс издал смешок.

— На первых порах знакомства было даже так, что мы с Венди висели за замком и говорили о какой-то ерунде. Сущяя мелочь, потому что я даже не помню, о чём именно. Так вот, прибегает Эстер, вся запыханная, взгляд — будто она не бежала к нам, а давала дёру от какого-то монстра. Спрашивает, всё ли у нас нормально. Мы переглянулись, а она меня как возьмёт и начнёт трясти за плечи.

«Парадокс, всё хорошо?»

Я отвечал, мол, конечно хорошо, у меня же по-другому не бывает практически. Обняла меня, похныкала. А в итоге виной всему оказалась Кейтлин. Она с совершенно серьёзным лицом заверила, что меня придавил огромный каменный блок и я едва-едва дышу. Знаешь, так бросила и с грустным видом закрылась в своей комнате. У неё, конечно, своеобразные шутки, но все в замке понимают, когда она серьёзна, а когда нет. Но огрей молния эту Эстер...

Докс осёкся, осмотрелся по сторонам и, судя по лицу, не сразу сообразил, где они. Он закинул голову кверху и обратился к извозчику.

— Простите, а мы вообще где?

— Яблочный пруд. А на перекрёстке — направо, через Заколамастельницу.

— Так, Заколамастельница, — он почесал затылок, будто пытался вспомнить, где это. — А, тоже по пути. Ничего так, быстро мы тут очутились. Получится остановиться у рощицы?

Извозчик присвистнул, и это, видимо, было каким-то знаком согласия, потому что Докс присвистнул в ответ. Он закинул гитару на плечо. Уже меньше чем через минуту они сошли с телеги и побрели в сторону высоких деревьев.

— Вообще, к чему я начал. Я знаю, ты не обидчивая, Мия. Просто пусть эта её черта не отталкивает тебя. Я уверен, что ты справишься со своими проблемами, а она со своими.

Поэтому не вздумайте задирать нос и вредничать. Нам всем важно держаться друг за друга. Пусть даже молча, но держаться. Да?

Докс умел прыгать с темы на тему, даже если расстояние между ними было в пушечный выстрел. Причём он делал это так свободно и спокойно, что вот ты думаешь с ним о природе человеческих эмоций, а уже через секунду пытаешься понять, может ли чесаться спина у бабочек.

— Ух-ух! Не первый раз замечаю, что какой-то молодец развесил в этой роще столько гнездовых. Встреть я этого человека, с удовольствием пожал бы ему руку. Просто понимаешь, есть такие птицы, которым трудно бороться с дождями, а осенью они часто лупят, дожди эти. Некоторым легче спрятаться и переждать. Отогреться, ну и брюхо набить, разумеется. Кстати-кстати! — Докс выставил руку, и Мия остановилась. Он указал пальцем на птицу с маленьким панцирем, что сидела на одном из пней.

— Смотри-смотри! Например, вот эта вот черепаха. Даже нет, это ещё маленькая черепашка. Когда близится дождь, они выдалбливают нишу в пнях и прикрывают её большими листьями, чтобы спрятаться от дождя. Тот редкий вид птиц, что не улетает осенью. Очень шумные заразы.

Птица решила продемонстрировать то, в чём действительно хороша. Одно можно было сказать наверняка — крепкий сон и этот стук совершенно не сочетались друг с другом.

— Значит, нас снова ждёт дождь, ну и ну. Молнии с ним, ничего против дождя не имею. Разве что кислотные дожди та ещё дрянь. Я что-то там о них слышал, но в вопросе не разобрался. Но сама подумай, это же кислотный дождь. Неужели от него действительно можно раз-два и превратиться в лужу? Вот ты шёл, и вот ты жижа с пузырьками. — Мия слегка дёрнула его за рукав и указала пальцем в сторону.

— Вот те на. Человек? Ну да, он! — сообразил Докс. — Старик!

Незнакомец стоял на месте и трясся. Он опирался на палку, и та тоже прыгала из стороны в сторону, будто вот-вот выпадет из рук. Подойдя ближе, стало понятно, что старик шёл, только очень-очень медленно.

— Простите, с вами всё хорошо?

— Да. Я иду купить п-п-продуктов, — заикнулся тот.

— Вы весь дрожите, — забеспокоился парень. — Вам плохо?

— Я болею. Болотным п-п-палазом. — Название было совершенно неизвестным Мие, но вот Докс нахмурился. — У вас не будет н-немного спондеев[1]? Сколько сможете д-дать.

— Вам же идти до ближайшего острова ещё минимум пару часов. Вот это вы, конечно, придумали, — удивился Докс. — Говорите, что нужно купить, и я сбегаю.

— А у м-м-меня есть список. Чтобы я не забыл. Вам б-б-будет это сложно?

— Ничуть нет.

Старик дрожащей рукой потянулся в карман и достал оттуда клочок бумаги, где каждое слово было написано детским почерком. Он принялся зачитывать.

— Восемь ломтиков черничного хлеба. Не нужно другого. П-п-п-овязку, плюс одну. Значит, итого две повязки. Тряпки. И лекарство там написано. Не помню, как называется. Можно даже повязку одну не купить, но лекарство обязательно. К... Корзину...

Парадокс аккуратно забрал листок и пробежался по нему взглядом.

— Я разберусь, обещаю. Мигом туда и обратно. А вы пока идите обратно домой, хорошо? Эта милая девушка за вами присмотрит и поможет.

— Мы будем идти по холму вниз. Там дом-колодец с флажком на крыше. С-с-с-

можете...

— Смогу-смогу! — тот сунул руки в карманы, поправил гитару и собрался было уже убежать, но старик своим хилым голосом крикнул так сильно, как мог. Вышло не очень-то громко, но Докс обратил внимание.

— И там масло. Я не могу есть жирное масло. Я чешусь от него. Не жирное пожалуйста.

Тот в очередной раз кивнул и за несколько секунд исчез из виду. Мия взяла старика под руку. Ей стало жаль этого человека. Шажок за шажком, они направились обратно.

— Вы живёте один?

— С моей невестой. Но она не могла выйти. Сильно болеет.

— Поняла, — бросила Мия и больше не нашла, что сказать.

— Вообще, я грибник. Из грибов можно сварить хороший суп, а вот лекарство — нет. Плохо, ч-ч-что все эти острова расположены далеко друг от друга. Рядом с моим домом их нет. Зато есть винодельня. Только вот что мне там пить, если я терпеть не могу в-в-вино?

Она просто слушала, поэтому не считала себя полноценным собеседником. Старик не упускал возможности поговорить, и даже обычных кивков головы хватало, чтобы он продолжал. Это ничуть не злило, не действовало на нервы и время от времени даже вызывало любопытство. Утомляли только медленные, растянутые на минуты шаги. Сложно было поверить, что человек может двигаться как маленькая сонная черепаха, а то и медленнее.

— Поверить не могу, дошли! С-с-скорее, чем я думал. Вот такие мы п-проворные.

Парадокс вернулся быстрее, чем они переступили порог дома. Он держал шесть больших корзин и как-то умудрялся бежать. В них явно уместилось куда больше всячины, чем было написано на листе. Парень всего на секунду заскочил в дом просто для того, чтобы оставить корзины. Выбраться оказалось куда сложнее — Мия тихонько вышла почти сразу, Докс же встрял в диалог, который так сразу и не закончишь. Пришлось ждать не меньше минуты, пока тот снова не очутился на улице.

— Нет-нет, совсем не голодны. Абсолютно, — пятясь, заверял он. — Мы только поели, сейчас животы лопнут. А эти ваши непонятные монетки мы не собираем. Мы не местные, у нас другие деньги. Вы лучше оставьте их себе, отдохните. Перекусите. Я не могу взять эти монетки. Да ни в жизнь, вы что?

Парадокс ещё пару раз уверенно кивнул, отходя дальше и дальше. Старик поблагодарил, и парень крикнул «спасибо» в ответ. Дверь хлопнула, и уже скоро домик оказался далеко.

Они шли и какое-то время не говорили. Мия думала про редкие слова, что могла бы сказать. Их не хотелось произносить, но они были сиюминутными и честными. Такие короткие комбинации букв не заслуживают того, чтобы заикливаться на них. Просто раз, и внезапно появилась возможность поделиться.

— Жаль его. Нелегко приходится.

— Нелегко, — с досадой согласился собеседник. — Надеюсь, что поправится.

— А ещё ты сказал, что мы не голодны. Ага, не голодны.

— Да ну тебя, старика объедать собралась?

— Составить ему компанию. Перекусить, поболтать.

— Да не мог там получиться уютный ужин. Правда, не думаю. Там кто-то спал, и атмосфера была в целом... Не для милого вечерка.

— Доверюсь твоей интуиции, — Мия флегматично хмыкнула. — Но всё равно нужно

бы где-то подкрепиться. Я ела только утром, а уже начинает темнеть.

— Обязательно. Но сначала, — Докс уже весёлым тоном подчеркнул это слово ещё раз, — сначала мы что?

— Сначала мы...

— Сделаем то, зачем мы сюда приехали. Вернее, я сделаю, а ты поможешь, если будет желание. Если нет, то просто посидишь немного. Я о чём — нужно бы почистить один ручеёк от листьев. Осенью они, как ни удивительно, опадают. И те, что падают в ручей, пачкают его в красный цвет и загрязняют этим, как его...? Э... — Парадокс почесал голову. — Я, конечно, забыл, чем именно, но местные рыбёшки едят размякшие листья и погибают. Не то что б я пытаюсь бороться с природой, но раза два-три за осень я на страже чистоты. Стабильно. Потому что жаль рыбёшек.

— Где ты предлагаешь искать сачок?

— Так мы и есть сачок. В этом-то и вся красота.

* * *

Мия набрала в руки очередную горсть сгнивших намоченных листьев, что больше всего походили на слизь. Гадкая кучка неприятно стекала вниз, и возникало чувство, что после такого руки уже не отмыть от противного запаха. В местах, где ручей сильно сужался, появлялись небольшие засоры, словно тромбы. И без отвращения и скрежета зубов дотронуться до этого не получалось.

— Ты хоть бы соорудил какой-то простейший механизм для таких дел.

— Нормально-нормально.

— Я в тебя сейчас кину ком этой грязи, посмотрим, как нормально будет.

— Я её когда-то ел даже.

Мия замерла, и два непонимающих взгляда вцепились друг в друга. Один ждал объяснений, а второй не понимал, что могло вызвать такое недоумение.

— Я проспори́л.

— Скажи, что ты...

— Нельзя нарушать условия спора, Мия.

— Предвечная! — крикнула та. — Фу-фу-фу!

— Сложно поверить, но после второго кома ты даже привыкаешь ко вкусу.

— Противно! Какая же это гадость.

Парень с глазами полной растерянности шагнул к ней и протянул сложенные в лодочку ладошки.

— Да ты попробуй, глупая. По ощущениям вообще улёт. Это вкус молодости, — только произнёс он и, не выдержав, залился смехом.

Грязь вывалилась у него из рук, и Докс упал на колени. Стоило признать, что на секунду-другую она действительно поверила в такую глупость. Уже не первый раз проскакивала мысль, что если Докс говорит какую-то чушь, то она просто не может оказаться правдой. Не стоит верить в такое, даже если он корчит серьёзное лицо. Но снова и снова это забывалось в самый неподходящий момент, и казалось, что в этот раз он наконец говорит всерьёз.

Захотелось метнуть в него комок, но тот прилип к рукам, будто тесто. Было одновременно и смешно, и гадко, и совсем чуть-чуть радостно. А ещё тоскливо. Но эта

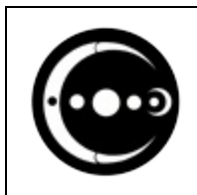
тоска, которая никак не могла исчезнуть просто так, на небольшой промежуток позволила себе спрятаться сзади. За короткими моментами, из которых строилось настоящее. Даже за гадким запахом, от которого хотелось задержать дыхание на ближайший час.

— Бросай эту дрянь в мешок и молний ради хорошенько вымой руки. Вот теперь пора спокойно перекусить.

— Мы же не закончили.

— Но ведь уже совсем темно. Основную часть мы же сделали? А если тебе так понравилось, то можем вернуться сюда завтра днём.

— Не понравилось, — буркнула Мия. — Просто рыбёшек и правда жаль.

До любимого острова оставалось подать рукой. От ручейка идти, оказалось, не так близко, может, потому что они просто не спешили. На улицах изредка появлялись люди, и это выглядело непривычно, будто из Стеокса уехали практически все, кто жил в нём днём. Уже перевалило за полночь, но гулять было совсем не страшно. Попадались пастухи с койорми, перебегающие улицу лисицы, бредущий куда-то гусь и извозчик на телеге. Даже если бы не свет уличных фонарей, Стеокс не был тем местом, где темнота приносила с собой дискомфорт.

— Я уже минуту как пришёл к выводу, который хорошим не назовёшь. Ты с достоинством принимаешь трагичные новости?

— От меня всё ещё пахнет этой мерзостью?

Докс прищурился, присмотрелся и развёл руками.

— Закрыто, — заключил он, только они перешли каменный мост, ведущий к любимому островку. — Мы опоздали.

— Как это? Точно закрыто? Ты уверен? — опечалилась Мия. — Но ведь «Амбра» работает круглосуточно.

— По будням. А я забыл, что сегодня выходной день. Да, точно закрыты, там даже табличка висит. Да и какой умалишённый будет торчать на острове в самый разгар ночи в выходной день? Нормальные люди спят.

— Мы, получается, не входим в их число, да?

— Мы не ненормальные. — Докс засмотрелся на тень от основного источника света, центрального фонаря. — Скорее особенные.

— И цирюльня закрыта. И библиотека тоже. Вообще всё.

— Так еду здесь всё равно готовят только в «Амбре». Остальные места нам и не особенно нужны.

— Да, но так площадь будто забросили и ни... Ай. Ух ты, что ж так резко?

Тяжёлая капля стукнула Мию по носу. Дождь начался внезапно, она даже предложение договорить не успела. Первым делом ноги понесли её к лавочке у таверны. Над широкой доской красовался блестящий лист металла — своеобразная крыша. Сильно промокнуть Мия не успела: хватило бы и пары минут, чтобы полностью высохнуть. А вот Парадокс всё так же

дурачился под фонарём, будто игра с тенями была куда важнее.

— Эй, ну иди сюда!

— Лучше ты. Я сделал тень какой-то непонятной твари!

Он подозвал к себе, но даже мысль о том, чтобы сейчас промокнуть, хотелось выдернуть из головы. Тяга к уюту не дружила с дождём. Парень недолго стоял на своём и в конце концов уселся рядом. Промокший или нет, его хорошее настроение никуда не делось.

— Прекрасный повод посмотреть на обычные прекрасные вещи, а? Лучше, чем стоять и мокнуть под дождём.

— Черепташки никогда не ошибаются, поэтому я знал, что будет дождь. Не зря ведь она у пня крутилась? А вообще я тут ради гитары спрятался. Вдруг она заржавеет? — струна дёрнулась, и раздался дребезжащий звук. — Ну и ради обычных прекрасных вещей, само собой. Куда смотреть?

Мия указала пальцем вперёд. Она наклонилась вперёд, а Докс, наоборот, откинулся назад. На удивление под слоем дождя и молчания время шло достаточно быстро.

Нахлынуло забавное полусонное состояние. Желудок капризничал и ныл, а глаза хотелось закрыть крепко-крепко, чтобы до самого утра. Только пряный запах из таверны да дождь не давали нормально заснуть. На свету от фонаря мелькали серые пули. Они подружились с металлической крышей и соприкасались так крепко, что это хотелось назвать любовью. Главное, что капли не долетали до них самих. Мия часто зевала и смотрела на малую частичку спящего Стеокса. Площадь была совершенно пуста, что уж говорить о дорогах или лугах. И здесь, под пляшущим ливнем и при спокойном свете, слова действительно переставали быть врагами. Кроме них не было никого, и от этого место казалось чистым, а не пустым.

— Таверна закрыта, а пахнет, будто что-то вкусное готовится. Аж обидно, что нужно до утра ждать.

— Мы можем опередить время.

— Каким образом?

— Кейтлин показывала, как взламывать замки.

— И ты внимательно слушал, да?

— Узнать теорию и применять её на практике — совершенно разные вещи. Так что даже если бы ты очень попросила пролезть в таверну, я бы отказал. Да-да, — совсем не убедительно закивал тот.

— Сидеть нам голодными, значит.

— Значит, сидеть. А вообще, я не вникаю, почему другие не любят дождь. Вот ты, например. Что мешает наслаждаться каплями? Сыро становится?

— Потому что осень. Поэтому да, сыро и зябко.

— Как ты сказала? Зябко? — Докс расхохотался. — Очень смешное слово, Предвечная. Зябко! Звучит как «жаба» на языке малышей.

Скрипучий смех этого человека даже сейчас казался Мие заразительным, поэтому на её лице появилась сдержанная улыбка.

— Ты не знал этого слова?

— Знал, ещё как знал! Просто на этой мысли себя не ловил. А ещё меня смешит слов «тютелька». Абсолютно нелепое слово. Можно сказать «зябкая тютелька»? И ещё слово «ватрушка». Не знаю почему, но оно меня просто уносит.

Парадокс буквально выдавливал это, говоря между порывами смеха. Мие тоже стало

смешно, и она вдруг резко для себя поняла, что сон совершенно пропал. Исчез, будто внезапно наступил полдень, и она только проснулась. Сейчас все мысли были сконцентрированы на глупом, но смешном словосочетании.

Со временем смех стих, и они сидели в абсолютно комфортном молчании. Докс смотрел то на траву, то назад, за окошко. Несколько минут, и от его смеха не осталось ничего. Напротив, он выглядел серьёзным и явно думающим о чём-то своём. Почему-то возникла мысль, что барабнящий дождь всё же проникал сквозь крышу и барабанил по самому Доксу.

Мия заострила своё внимание на покачивающихся неподалёку колосках. Они казались такими крепкими, способными устоять и утром, и ночью, и даже под осенним дождём. Стало интересно, что вообще способно прорасти сквозь землю в пору, когда даже листья с деревьев опадают. Суть заключалась не в температуре, ведь было не так холодно, а в самой природе этих колосьев. Деревья почему-то лысели, трава становилась красной, а большинство цветов прятались под землёй. Только колосьям всё было нипочем.

А потом впервые за всю ночь подул прохладный ветерок. Настроение стало осенним, и даже вдохи казались какими-то тяжёлыми. Дождь прекратился.

— Вот дождь и сдался. Переждали.

— Это было красиво. Мне кажется, или постепенно начинает светать?

— Так и есть. — Докс хмыкнул. — Я предлагаю возвращаться домой. Хоть и спать перехотелось, но вечно гулять всё равно нельзя. Что ты думаешь?

Спутница кивнула и встала с лавочки. Докс потянулся, поправил гитару и через едва-едва освещённые луга они направились в сторону замка.

— Это ощущение, оно тоже до тебя дотронулось? Этот ветерок.

— Ветерок? Ну, ветерок я почувствовала.

— Хороший ветер. Он такой холодный и... Забытый, что ли. Я просто хочу сказать, что есть у меня в жизни ощущения, которые ассоциируются с детством. Когда я был маленьким, то ощущал другие запахи, ел другую еду и даже воспринимал другой ветер. И когда я с ними сталкиваюсь сейчас, они мне кажутся такими далёкими-далёкими, как воспоминания, что я не смогу ни вернуть, ни забыть. Откуси бабулин пирог сейчас и тогда, когда тебе семь лет. Два разных пирога получатся. И ты только можешь вспомнить ощущение того, что было, а вот вкус никогда уже не почувствуешь. Так у меня бывает и вот с таким, уже холодным ветром.

Рассказчик хмыкнул и задумался, будто не сомневался в том, что доходчиво объяснил. Но он рассказывал так, словно просил, чтобы ему дали договорить и не перебивали.

— Вообще, если быть честным, я хотел бы немного поговорить. Даже не поговорить, а поделиться с тобой одной вещью, что засела у меня в голове. Хорошенько, так, засела. Но никаких нравоучений, обещаю. Просто мои мысли обо всём, что у меня получится сказать. И про этот ветер, и про всё на свете.

По пути Парадокс сорвал не спрятавшийся цветок. Идя, он отрывал и скручивал в трубочки лиловые листья. Так, наверно, думалось легче.

— Для меня всё начинается с ощущения. Назовём его предчувствием, что меня преследует. Я часто задумываюсь о том моменте, когда всё начиналось. К примеру, наш замок, он ведь тоже когда-то появился. И это стало большим началом для тех, кто боролся за каждый его кирпич. Для некоторых из нас это ярчайший момент, и текущий эпизод жизни берёт начало именно с него, будь уверена. Я пришёл сюда вскоре после этого, но понимаю, о

чём говорю. Это такой момент, с которого время решает течь по-своему. Ты находишь близких людей и чувствуешь, что ваши сердца отбивают схожий ритм, не как с другими людьми. Тогда начинается ваша, непонятная всем другим история. Со временем появляются ассоциации, будь то цвета, музыка или фразы. Пусть так. Непередаваемые моменты обычно чувствуются потом, когда начинаешь за ними скучать. Ты живёшь рука об руку с лучшим, что можешь себе представить. Но что происходит потом?

Докс перепрыгнул лужу и помог Мие сделать то же самое.

— Замок, он не сможет стоять всегда, как бы мы ни хотели. И люди, они... Кто-то уходит и после возвращается, но кто-то делает это насовсем. Иногда даже не по своей воле, просто уходит и оказывается так, что навсегда. Возможно, это происходит в самый разгар вашего тёплого периода. Тогда ты продолжаешь жить, но на тебе появляется прорезь. Глубокая и едва ли излечимая. И о них-то я и думаю, об этих вспышках в памяти. Мне откровенно страшно вспоминать приятные моменты потому, что в них есть что-то невыносимо притягивающее. И оттого тоскливое. Потому что такое больше никогда не повторится. Настоящее постепенно переплывает в прошлое, и находятся новые образы, цвета и мелодии. Но если всё это не отнимет кто-то другой, то это сделает время. И когда ты вдруг захочешь рассказать самую захватывающую историю, у тебя просто не найдётся слов. Никак иначе, кроме как заглянуть в твою голову, это не увидеть. И как-то так получается, что я... Я иногда скучаю по тому, что ещё не успело пройти, и боюсь того, что ещё не началось. Мне нравится вдыхать этот ночной запах, но мне его уже не хватает. Так и получается, что я невероятно ценю минувшую секунду, но так же сильно боюсь грядущей. Хуже этого страха только тот, в котором моё счастье силой забирают раньше времени.

Дверь в замок тихо скрипнула. Они оказались внутри, а просыпающийся Стеокс остался позади. Мия шла за своим другом на самый верх, где обычно собиралась большая компания.

Докс приоткрыл дверь и позволил Мие ступить на крышу первой. Никого. Приблизился их общий конец длинного дня, о котором никому не хотелось говорить. Они стали у края и какое-то время молчали. Но молчание не превратилось в тишину. Парень держал гитару в руках.

— Надо же, вот это мы загулялись. Ещё немного — и рассвет. Редко, когда вижу восходящую Терсиду.

Он пару раз дёрнул одну и ту же струну странного инструмента, который решил принести с собой. Потом затих и уставился на озеро, которое отсюда, сверху, казалось фиолетовым туманом среди тёмно-синей ваты.

— Если серьёзно, то не думай, что одинока в своих эмоциях. Мне тоже не очень хорошо внутри, Мия. Вряд ли эти паразиты в наших мыслях похожи друг на друга. Не решусь сказать, что с тобой происходит. Думаю, только ты сможешь ответить, главное — не торопи себя. Дай себе ещё немного времени. Не сильно-то умею помогать людям, но, надеюсь, глупая болтовня сегодня немного отвлекла от... твоего хаоса, а? Давай я просто назову это так. Мне кажется, что ты думаешь о каких-то безымянных вопросах. Пройдёт время, и они исчезнут из твоей головы.

Прозвучал первый нужный звук.

— А мне вот грустно. Никаких вопросов, но всё равно паршиво как-то. Даже из-за всей этой неразберихи с покровителями. Хотя знаешь, не так. Из-за людей и из-за себя самого. Мне бы хотелось поделиться с ними самым сокровенным, но я понимаю, что эти чувства примет очень мало человек. Ведь эти эмоции может перехватить злая рука, которая

скомкает их и прячет. Грустно оттого, что я не могу дать свою гитару каждому и сказать: «Играй». Потому что кто-то испугается, а кто-то просто откажется даже попробовать и учиться. И я говорю не только о гитаре, а о чём бы то ни было. Хочется помочь всем и найти отклик, но так не бывает. Наивно, я знаю, знаю.

Направляемое ветром птичье перо проскользило по воздуху, упёрлось в Докса и колышущимися движениями упало на пол. Парень нагнулся и поднял перо за самый его кончик. Ветер не мог вырвать его из хватки всего лишь двух человеческих пальцев. Собеседник выждал и сам отпустил перо, которое упорхнуло туда, куда изначально мчалось.

— Но я, может, и наивен. Ещё наивнее всех, кого ты знаешь. Я постоянно, сколько себя помню, верю, что мы по-настоящему живы тогда, когда создаём. Творим, не важно как — придумываем идеи, наслаиваем масла на холсте или укладываем строчки в нужном порядке. Сочетание наших мыслей и тех порывов, которые толкают к действиям, — вот, благодаря чему мы создаём. И только создатель в какой бы то ни было области или мере может сказать — я индивид, я живой. Вот так мне кажется. Кажется, что у нас забирают это и не дают взглянуть на этот быстрорастущий, завораживающий мир. С каждым днём огней в ночном городе становится больше, но ведь загораться должны мы. И мне от этого грустно, — не скрывая тоски в голосе, признался Докс.

Он легко провёл пальцами по струнам живого существа в его руках. По крайней мере, Мие так показалось в этот момент. Как и револьверы для Кейтлин, как и бабочки для Глэдис — этот инструмент в руках друга имел своё имя и свои переживания. Лишь для простоты его можно было назвать «гитарой», но тогда он становился похожим на других своих неодоушевлённых братьев. Однако сейчас именно инструмент играл пальцами человека, именно он вёл их по своим струнам и создавал нужный ритм, музыку, продолжая слова мелодией.

— Это мы должны сиять, не обязательно ночью. Многие хотят жить по старым правилам, но Виоландо нам показывает — так жить не получится. То, что раньше казалось нормальным, превращается в строгий закон, который заковывает нас во всё больший и больший слой стали. И это не просто какие-то изменения, Мия. Это мир, где людям хочется поднять себя к облакам, чтобы узнать, что находится там, за гранью неизвестного. Люди хотят погружаться глубже и глубже под землю, люди хотят заплывать всё дальше и взлетать всё выше. И если они обрекают себя на незнание из-за свода правил, если они отказываются признавать то, что у них есть такая же мелодия, что есть и у меня, — тогда происходит самое страшное. Может случиться самый страшный геноцид, в ходе которого ни один человек не погибнет, но каждого из них можно будет смело хоронить.

Дыхание музыки звучало ровно. Как и дыхание Докса.

— Поэтому говорю о том малом, что я успел понять. Я не хочу, чтобы люди боялись оторвать взгляд от пола. В нашем замке, в столице или во всём мире — не хочу. Это революция, но не в политике, не в каком-то там городе, а внутри человека. Будет момент, когда и мне, и тебе станет легче. Когда у тебя пройдёт хаос, а у меня тоска. Не знаю, что будет для тебя этим апогеем, но я бы хотел услышать, как человек признается в простом. Когда скажет себе: — «Я — создатель. Я могу цеплять свои чувства и идеи, могу цеплять чувства и идеи других, двигать этот мир вперёд и вдыхать столько воздуха, сколько хочу».

Докс тяжело вздохнул. Пальцы подстроились под нужное звучание, такое же размеренное, как всё вокруг. Всё, что было частью этого мира на верхушке башни, на которой собирались люди: немного разные, конечно, но куда более родственные.

— И этот человек будет готов создавать для себя и таких же, как он сам, — другие своды правил не будут его интересовать. Этот стержень, который почувствует человек в себе, примет форму чего угодно — крыльев, пера, бумаги или гитарных струн. Всё это, от шестерёнки до полотна, несёт в себе один смысл — смысл свободного и безвредного созидания. Не паразитирования и не насилия, ведь и то, и другое — лишь формы псевдосозидания, я не отношу его к творчеству. Это касается и открывателей, и людей с ароматом. Нам были даны эти невероятные способности не просто так, не для того, чтобы каждое утро виновато смотреть на себя в зеркало. Думаю, Виоландо создан и затем перевернулся не просто так. И обычно мне кажется это таким простым — донести одну-единственную мысль до каждого, кто видит в себе хоть зачатки личности. Не звена лживого рынка, не надзирателя, охраняющего ложные правила, а индивида.

В этих зачарованных звуках, среди их меланхолии и вечерних колыханий, было что-то, подбадривающее Мию. Оно всё так же лишало дара речи, но давало понять, что им обоим сейчас непросто. Мелодия не заканчивала на этом свою историю. Лишь им двоим она говорила, что что-то будет потом. Поднимет ли кто-то свою голову, или эта вера лишь наваждение? Мелодия не говорила ни да, ни нет. Она была последней страницей истории, о которой никто не узнает, пока не придёт время. Но эта страница, самая последняя и долгожданная, существовала. И это почему-то согревало обоих.

— Мне нравится это всё. Нравятся люди, которые здесь. Хотя мы все во многом отличаемся, но Эстер как-то сказала и правда замечательную вещь — нас связывает то, что куда прочнее ссор и различности характера. И зная, что рядом с тобой есть люди, которые поддерживают твой баланс, жить становится... — Докс запнулся, продолжив мягче, не с таким энтузиазмом в голосе, а скорее с простотой. — Счастливее. Легче. Лучше. Я не знаю. Но я хочу, чтобы мои струны были способны вытеснить из головы и пустоту, и страх. Хочу заполнять своими мелодиями пустые сердца и насыщать красками те, которые быстро-быстро бьются. Я хочу двигать мир вперёд, и каждый здесь хочет того же, но по-разному. И если я шёпотом не смогу донести свою мысль до других — я скажу громче. Меня проигнорируют — тогда я заору, заору что есть силы, наплевав на то, что обо мне подумают. Я хочу раскрыть эти стержни, которые люди боялись заметить или просто не хотели замечать. И я буду стараться пробуждать сознание людей так, как у меня это получается, — окуная их в своё творчество. Каждый из нас будет это делать. Не получится с первого раза — мы проорём ещё раз. Если мы неугодные шестерни в чьих-то глазах, что же, пусть попробуют нас переплавить. Сколько бы ни пришлось кричать — такие, как мы, не затихнут, не позволят человечеству исчезнуть. Придётся потратить годы — потратим годы. Я не знаю, сколько времени может длиться война меча и слова, но во мне огня, хоть стены плавь.

Маленький и хрупкий, практически желеобразный, но он всё-таки существовал. Совсем далёкий от конкретной формы, пока не имеющий цвета, но имеющий шанс. Готовый развалиться от любого неаккуратного движения, его пока нельзя было назвать стержнем. Но эта субтильная, только-только зарождающаяся жизнь ощущалась внутри, вызывая у Мии и радость, и страх совершенно другой формы. Гордиться пока было нечем, но было чем дорожить. Искра из полымя, которая вот-вот может потухнуть. Но дай ей время, дай пару сухих веточек, и она могла бы превратиться в огнище невероятных масштабов.

— Я — часть Орторуса, а Орторус — маленькая часть одного огромного процесса. Я представляю всё это в виде пожара, который вопреки всему создаёт вещи, а не сжигает их. Он лечит раны, но горит ярко-ярко. Найдутся те, кто будет показывать на него пальцем и

кричать: «Огонь должен разрушать, а не наоборот». Будут и те, кто вбежит в него и ощутит тот мир, что не чувствуют люди снаружи. Но найдутся и те, кто будет тушить этот пожар. Они будут против огня, который не может жечь, ведь им кажется, что он обязан это делать. У него нет права не подчиниться им. Они будут лить воду вёдрами, чтобы потушить источник чужеродного тепла. Но как думаешь, Мия, — он впервые улыбнулся за всё это время. Тяжело, но так, словно смог сосчитать все белые огоньки над головой. — Сколько этот огонь сможет просуществовать благодаря тем, кто в него поверил? Сколько он сможет гореть, пока есть люди, которые говорят: «Долой страх — я верю этому пламени»? Я кучу раз пытался ответить, и каждая догадка отличалась от предыдущей. Но сейчас я уверен, что знаю.

Она тоже знала ответ. Может, единственный точный ответ за всё время, пока находилась в замке. Он ошарашил её, но она не подала виду. Мия смогла сохранить спокойствие, когда картина открылась больше, чем наполовину. Всё внутри задрожало, а правда показалась такой очевидной, такой близкой и нерушимой, что ничего, ничего другого быть на её месте не могло. Это был первый её разговор, который она поняла всецело, от первого слова и до самого его конца.

Докс не открыл ей тайну — за секунду до этого Мия сама узнала её. Он просто озвучил её мысли. Ни больше ни меньше.

— Бесконечность, плюс-минус. В этом диапазоне.

Парень замолк и глубоко вздохнул. Вместе с ним замолкла и музыка. Рассветало быстро. Ласковая темнота отступала, унося за собой атмосферу ночи и чувство, что ты способен проламывать землю одной лишь мыслью. Свет ясно дал понять — любая ярко представленная идея нуждается в реализации. День требовал действий, в то время как ночь позволяла делать то, что для многих являлось финальным пунктом, — фантазировать. Докс устало выдохнул и дружелюбно, со всей теплотой, обнял Мию.

— Поэтому действуй, человек с большой буквы. Думай, решай, развивайся и проламывай землю одной лишь мыслью. В конце концов, это возможно, кто бы что ни говорил. Я буду делать то же самое. Но пока мне нужно отдохнуть — вымотался за сегодня на славу. То ли от прогулки, то ли от музыки.

Докс ещё несколько секунд посмотрел вдаль, уже не такую интересную, как несколько минут раньше. Он развернулся, хлопнул свою собеседницу по плечу и направился к двери. Мия, не отрываясь от уже бледных огней на горизонте, думала о новой мысли, которая прочно засела у неё в голове. Думала о том непонятном, что зарождалось внутри. По телу пробежали мурашки, и пришло осознание — она готова бежать вперёд, в буквальном смысле. Возможно, даже едва касаться невидимых ступеней и двигаться наверх, становясь к блеклым огням ближе и ближе. Хотелось заново зажечь их несмотря на то, что это могла сделать только ночь. Мия могла поклясться, что эти огни безвредные, даже не горячие внутри. И поэтому на пути к ним она была готова преодолеть много, очень много шагов. Больше сотен, тысяч и, несомненно, даже миллионов. Какое-то огромное значение без единого ноля в себе.

* * *

Ночью цвет озера становился тёмно-фиолетовым. Свет Йеталь отчётливо отражался в зеркальной грани воды, в отличие от земли, которой почти не было видно. Удавалось

рассмотреть низкую траву и маленькие кусты, но не саму почву. Первое время было страшно ходить ночью: казалось, вот-вот за что-то зацепишься и непременно упадёшь. Сейчас же, зная наизусть все дорожки, деревья и камни, тело двигалось плавно, зная, куда направляется.

Как и всё остальное вокруг, страх внутри оставался спокойным, практически неслышимым. Не паника, не трепет, а что-то неизбежное, на которое стало практически всё равно. Эта стадия позволяла думать о другом и замечать происходящее вокруг. Мия окунула ладонь в воду и шевелила пальцами. Холодноовато, но для поздней осени в самый раз. Проскользнула мысль, что это время года влияет не только на неё. Меняется всё: вода, поведение животных, деревья и, конечно же, мысли в голове. Наверно, меняются даже страхи. Стало интересно представить, как выглядит весенний или даже летний страх? Чего можно бояться, когда деревья благоухают, а птичье пение не утихает с каждым днём всё больше и больше? Когда темнота наступает не так быстро, когда вода не так холодит — насколько важны эти мелочи? Возможно, летом озеро стало бы не такого холодно-фиолетового оттенка, и тогда бы всё могло быть лучше.

Позади раздались шаги человека, которого Мия с нетерпением ждала. Желание поговорить с ним именно здесь и именно в это время казалось верхом невежества. И всё же, весомая часть внутри была уверена, что этот человек обязан прийти. Фрида присела рядом.

— Вот я и снова могу говорить. Думаю, это немного удивляет.

— Это очень успокаивает. В первую очередь.

— Это было странное поведение, я знаю. Осознанное, но недопустимое молчание, за которое стыдно. Сейчас мне хочется поделиться с тобой всем тем, к чему я пришла за это время. Именно с тобой, Фрида.

Собеседница поднесла пальцы к губам и начала вслушиваться.

— У меня хватит смелости высказаться, но сейчас я хочу говорить с тобой на равных. Не как маленький человек и спаситель, подаривший ему всё. Не как старшая и младшая, не как хранительница замка и его странный обитатель. Только тогда разговор выйдет настоящим, хотя что-то подсказывает, что я не имею права даже просить подобного. Но не воспринимай мои слова проявлением наглости, пожалуйста. Сейчас мне важно быть равной, но твоё слово мне важнее моего желания. Потому прошу твоего разрешения.

— Будь собой.

В ответ последовал кивок. Фрида внимательно ждала продолжения. От её согласия внутри взыграло волнение и благодарность. Здесь, у отражающего лунный свет озера, даже самые твёрдые камни внутри становились текучими.

— Наш разговор в твоей комнате, когда ты показывала мне монету. Я думаю, это был настолько же важный момент в моей жизни, как и тот, когда ты привезла меня сюда. Второй у меня ассоциируется с приятной беззаботностью, и я запросто могу вспомнить любой его момент, даже самые глупые мелочи. Я выросла среди вас. Я радовалась с вами. И я восхищалась многими моментами. До сих пор некоторые звуки и образы перед глазами значат для меня куда больше, чем я смогу тебе передать. Но они открыли мне восторг и восхищение. Значит, я не просто существовала среди вас, а жила. Я жила, так ведь получается?

Вопрос был адресован ни озеру, ни Фриде. Скорее себе, вопрос, который с лёгким паром растаял в воздухе, так и не дождавшись своего ответа.

— Жила. В самом ярком понимании этого слова для меня. И мне хочется сказать, что раньше облака казались мне насыщеннее, а трава живее. Я замечала, как птицы машут

крыльями, издают звуки и садятся на деревья. А сейчас их почти нет, они все куда-то улетели. И вроде ничего не изменилось, но даже осень становится злее с каждым днём. Я вижу, как опадают листья, я чувствую, как ветер становится холоднее. И мне постоянно кажется, что я опала вместе с этими листьями. Кажется, что сильный ветер подобрал меня и унёс. И это позднее лето, когда ещё чувствуется минувшее тепло, оно куда-то делось. Я его больше не слышу, не вижу и не ощущаю. Я не знаю, где это тепло, заполонившее всю мою суть тогда. Я очень скучаю по нему, но оно прошло после нашего разговора с тобой.

Хотелось немного успокоить себя, поэтому её рука потянулась к исчезающему зелёному цветку.

— Пока что не совсем полностью, но я понимаю тебя как человека. И какое-то время я очень злилась и обижалась на тебя, смотря глазами ребёнка, которому запретили что-то нужное ему. Но в твоём «нет» тогда прозвучало что-то сильное. Это был не простой отказ, навеянный прихотью. Я знаю, что ты видела в моих глазах восторг тогда, когда я говорила с тобой. И перешагнула через него. Но человек...

Мия крутила в руках травинку — одну из тех, которые ещё не успели засохнуть. Она была мягкая, едва-едва боровшаяся с холодом, хотя её проигрыш казался неизбежным. Выпрыскивая последний сок, она оставила на кончиках пальцев целую цепь воспоминаний — запах юности.

— Самый важный для меня человек не сделал бы это просто так. И я уже который день ломаю голову над причиной. У меня было огромное количество вариантов в голове, я придумывала целые теории, но потом отказалась от всех до одной. Я просто устала угадывать. Мне хочется понимания между нами. Поэтому Фрида, пожалуйста, если можно, расскажи. Почему у меня не было и шанса против твоего “нет”?

Ветер удивительно мягко скользил по глади озера, создавая рябь. Он подслушивал и нёс любые слова и секреты ещё дальше.

— Это... Тяжёлое чувство. — Слова разили неуверенностью и понадобилось время, чтобы звучать смелее. — Это страх. Мне кажется, что нашими действиями часто движет или вдохновение, или страх. Вне зависимости от какого-либо понятия, есть что-то, что сидит в нас максимально глубоко и что мы очень боимся выпускать наружу. В моей почве тоже есть страх, как бы я ни старалась выкопать его. К сожалению, он успел пустить корни достаточно глубоко. Я маскирую его под разными словами, но есть правда, которую не так просто вытащить наружу. И это то, что движет мной в такие моменты. Говорю откровенно. Чтобы это было понятно, без каких-то теней, которые способны нарисовать воображение.

Собеседница на пару секунд повернулась в сторону замка. Он находился на своём месте, просто захотелось убедиться в этом ещё раз. Просто так, на всякий случай. Достаточно было увидеть хорошо знакомые очертания, чтобы подобрать нужные слова.

— Когда-то я создала нечто настолько важное для себя, что до сих пор не перестаю видеть в этом смысл своей жизни. Оно оказалось настолько ценным, что я смело могу сказать, что это и есть та самая бесконечность, никаких плюсов и минусов. Этот замок за нами, это место и люди, которые его наполняют, превратились для меня в куда более важное понятие, чем семья. Я не знаю, какое слово подобрать, но с каждым из вас у меня есть что-то большее, чем просто связь. Здесь происходили и ещё произойдут самые яркие, самые лучшие моменты моей жизни. Я готова отвернуться от всех живущих, пока вы рядом, я готова броситься в заведомо проигрышное сражение против всего мира, если только буду знать, что Орторус будет со мной.

Фрида произносила слова и предложения так, словно давно научилась перешагивать через самые высокие препятствия. Но это было не так, хоть её паузы казались минимальными, а темп речи практически обычным. И всё равно чувствовалось, что каждое предложение словно срывает с неё слой теплоты.

— Но я боюсь потерять каждого из вас. Несуразица, знаю. Ведь то, чем мы занимаемся совсем, никак не сходится с понятием “безопасность”. Каждый из нас часто рискует очень многим. И, несмотря на это, я боюсь, что важная для меня жизнь в один день оборвётся. До сумасшествия боюсь даже на миг представить это. Каждый раз, в решающий момент таких заданий, как это, я стараюсь не сойти с ума и выглядеть сильной перед всеми. Но быть стойкой наедине с собой очень тяжело, Мия, и это невозможно скрыть. Мы создали этот дом для того, чтобы какая-то горстка людей могла чувствовать себя счастливой. Но счастье в нашем случае — окончание очень острого лезвия, по которому мы идём, стараясь не потерять равновесие. Счастье стоит риска, я понимаю это, но в то же время... Страх. Мои мысли обгладывает страх, который я не могу утихомирить. Поэтому я даже не хотела слушать твои слова. Потому что остальные опытные, уже не раз сталкивались со сложностями и тщательно к ним готовились. Но ты — нет. Я просто не прошу себя, если в этот дом не вернётся та, кому я хотела показать так много. Пусть даже она уйдёт потом, убежит и возненавидит нас. Но только не смерть. Я боюсь смерти. Я боюсь увидеть мёртвое тело человека, которому я могла бы подарить будущее.

Это стало последним предложением, которое произнесла Фрида. Затем понимание одной сути связало их обеих. Эти слова казались настоящими, и их вес был ничуть не меньше чем у того, что намеревалась произнести она сама. Хотелось приобнять этого человека и соврать, сказав: «Я понимаю этот страх так же хорошо, как ты». Эмоции были такими же яркими, только совершенно другими. Но вот сам вид страха являлся клеткой, которая сковывала именно Фриду. Клетка Мии выглядела совершенно по-другому.

— Я верю тебе. Не так хорошо могу почувствовать, но верю твоим словам и понимаю их. И даже если бы я их возненавидела, я бы сумела принять любое твоё решение. Не из-за слепой покорности, а из-за уважения. Того уважения к тебе, которое возьмёт верх над любой фразой, которую я способна произнести. Пока меня направляет твоя рука, я последую любому направлению, клянусь своей жизнью. Но сейчас дай мне один, один только шанс поделиться своим страхом. Дай мне шанс сделать это, пока у меня хватает смелости. Не возражать тебе, но осмелиться попросить. Стоит тебе просто отрицательно мотнуть головой, и я пойму, но у меня получится хотя бы поделиться. Я хочу, чтобы эти слова слышали только мы вдвоём и больше никто, ни один человек в целом Виоландо. Один только шанс.

Фрида медленно, но довольно решительно кивнула. Мия не сразу нашла что сказать. Простой и до боли знакомый симметричный знак застрял в сознании, готовый то ли испариться, то ли навсегда там остаться.

— Мой страх, он... Лишь недавно стал понятным мне. Как и тебе, мне страшно произносить его имя, но я знаю, что он такое и как выглядит. Я помню момент — я проснулась и почувствовала тревогу, которая постепенно начала говорить со мной. Я ощущала это день за днём после нашего разговора и пыталась разобраться в том, что же не так. Почему, когда я говорила с Хлоей о бесконечности, где-то глубоко я чувствовала тоску? Она описывала всё так подробно, что всё играло в моей голове всеми цветами, которые я знаю. Но чем ярче становилась картина, тем мне было тоскливее. Я не знала почему. Когда я спросила о бесконечности Глэдис, то по моему телу не раз пробежали мурашки. Я помню,

как затаила дыхание, но только я вышла из теплицы, как словно растворилась в грусти и тоске. Словно меня проглотили сразу и целиком. Я смотрела на бабочек, слушала Глэдис, а потом вернулась в свою комнату и едва сдержалась, чтобы не разрыдаться. Какое-то время я думала, что это зависть говорит во мне. Но нет, я чувствую, что не хочу что-то у кого-то отнимать. Это другое зло, я в этом уверена. Мне всё время хочется написать что-то на бумаге, чтобы не потерять важные слова. Я писала и всё равно не понимала причины. Почему-то мне не хотелось выходить из комнаты, а когда я видела счастье, то мне становилось больно. Это молчание накапливалось, пока один человек не лопнул этот шар. Я тогда не сказала ни слова, а он вбил мне в голову мысль, которая дала мне ответ на единственный вопрос: почему это всё происходит? Потому что во мне нет всего, что я вижу в вас. Нет созидания, нет творчества и нет бесконечности. Нет чего-то, что бы я создала или с чем бы я была едина. Во мне ещё живёт та часть, которая могла бы склонить голову и послушно подчиниться приказу. Как бы далеко я не уехала из Мейярфа, цепь, которая делает меня слабой, тянется за мной. Она боится свободы и не видит ничего особенного в слове «человек». Я понимаю это слово, но я боюсь его. Я понимаю, о чём вы все говорите, но не живу этим. Поэтому я не одна из вас. Поэтому пока что это место мне чужое, никакой это не дом, как бы мне ни хотелось его так назвать. Я не могу улыбнуться страху, потому что у меня нет гитары, у меня нет револьвера в руках и вокруг меня не летают бабочки. А я понимаю, как это важно — найти свой стержень, который бы держал тебя в самый безумный, словам не поддающийся ураган. Я не знаю, что может произойти, но я чувствую всем, всем, чем только могу чувствовать, что мне важно оказаться там, в Мейярфе. Чтобы либо жажда жизни задушила мой страх, либо наоборот.

Тело дрожало, но сознание оставалось удивительно ясным. Хотелось дать себе волю и просто закричать вдаль что есть силы.

— Ведь только сейчас я могу говорить с тобой на равных. Когда презираю свою трусость и страхи, но цепляюсь за единственный шанс, чтобы их побороть. Не как младшая по возрасту и не как новый житель этого замка. Сейчас я просто человек, без возраста и лица. Я не умею различать цвета и силуэты, поэтому стараюсь идти на ощупь. Стараюсь аккуратно ступать, чтобы не уйти от вас слишком далеко. Но сейчас я чувствую, что почва под ногами пропадает. Я должна ринуться вперёд, хоть мои глаза и не смогут мне помочь. Но я буду полагаться на чувства и слух, а если отнимут и их, то на удачу. Сейчас я готова бежать вслепую, даже если понимаю, что столкновение может меня убить. Но эта попытка стоит того, чтобы ощутить себя живой. Я знаю, что есть чувство, которое я никогда не испытывала, но которое заставляет понять, что ты живёшь не зря. Я хочу его, я жажду найти это чувство.

Голос звучал надрывисто; не агрессивно или злобно, а будто что-то через боль выходило наружу.

— Это не наивный интерес Мии, которую ты знаешь. Это не глупое желание быть полезной. Хочешь, назови это инстинктом самосохранения. Потому что если я останусь в замке, то моя история закончится, и я больше не смогу её дописать. Это единственная возможность, ради которой я могу поставить на кон свою жизнь. Потому что ощущение петли меня душит, заставляет улыбаться тогда, когда мне хочется вопить так громко, как только смогу. Мне хочется кричать, но я никогда не кричу. Я всегда стараюсь спрятать это, как и ты, когда тебе страшно. Даже грусть, даже ненависть, которую я могу испытывать. Сейчас мне тоскливо и страшно, сейчас мне очень-очень плохо, Фрида. Но я не стесняюсь

своих чувств, и, наверное, поэтому я ... так реагирую.

Она на время замолчала, вытерла мокрые глаза и постаралась вернуть себе способность говорить нормальным голосом. За это время Фрида не сказала ни слова.

— Это моё первое счастливое воспоминание в жизни. То, когда у ворот ты сжала мою руку и гладила меня по волосам. Тогда всё за пределами этой связи казалось мне настоящим злом, огромным комом грязи, от которого я не смогу убежать. Но с каждым поглаживанием ты открывала мне новое чувство, которое я никогда раньше не испытывала. Я поверила, что кроме холода внутри и отвратительного ежедневного озноба есть и тепло, и счастье. Встретившись со мной впервые, ты дала шанс мне стать человеком. Ты привела меня в дом, где я научилась самостоятельно думать и задумалась о собственной бесконечности. Здесь этот знак отпечатался в моём сознании. И каждый раз что-то показывая, кто-то из вас был рядом со мной как взрослая птица, оберегающая новорождённую. Но сейчас я хочу выпрямиться и посмотреть вверх. Хочу лететь, а не ютиться в тепле. Я хочу лететь, Фрида. Больше всего на свете я хочу лететь. Чтобы найти то, что со мной будет от моего рождения и до самой моей смерти.

По лицу собеседницы тоже текли слёзы, но руки не смахивали их. Никто не прятал своё лицо ни от друг друга, ни от застывшего бесшумного озера.

— Мне важно твоё понимание, — измождённо добавила Мия. — Не согласие. Понимание. Мне нужно твоё понимание.

Фрида аккуратным движением ладони попросила остановиться. Её веки были долго закрыты — казалось, она накапливала энергию, чтобы произносить слова.

— Мия, я очень хорошо помню один момент. Когда я тебя увидела, то мне казалось, что ты идёшь по бездорожью, как и многие другие люди в Мейярфе. У вас был очень похожий взгляд, походка, и вы даже вздыхали одинаково. Но почему случилось так, что из всех этих людей я обратила внимание на тебя? Именно тебя мне хотелось держать за руку, чтобы ты не упала. И меня пугает то, насколько быстро ты дошла до мысли полёта. Я никогда не думала, даже на секунду, что это желание может появиться настолько быстро. Ты просишься туда, где я не смогу сопровождать тебя. И даже если это самый гадкий из всех видов эгоизма, мне всё равно страшно отпускать тебя туда. Кроме этих слов я бы не смогла выдавить из себя ни слова. Но есть слова, которые можно произнести с большим-большим трудом. У меня есть такие слова, Мия. И есть то, что выше первобытного страха, каким бы он необъятным для меня ни был. Мне хочется двигаться вперёд, но ведь ты понимаешь, насколько это тяжело. Побороть страх и сдвинуться с мёртвой точки... Это... Перевернуть свой мир.

Фрида затихла, оставшись наедине с теми словами, которые губы никак не хотели произносить, на которые был наложен запрет. Она обхватила одной ладонью другую и сильно сжала их. Её тело дрожало, и было видно, как она пытается совладать с собой. Несколько раз она приоткрывала рот, чтобы выдавить хоть слово, но каждый раз только устало выдыхала, не находя нужных букв. Она едва сделала шаг вперёд и приобняла ту, для кого пыталась найти силы. Напряжение переросло в едва-едва сформировавшуюся расслабленность. Таковую, которую нельзя было отвергнуть, потому что сил воссоздать всё это просто бы не нашлось. Она приоткрыла рот, и в этот раз что-то непосильное и невозможное всё же надломилось.

— Отказать тебе — значило бы то же самое, что и убить тебя. Но я нашла тебя не для того, чтобы убить. Возможно, даже не для того, чтобы защищать, как остальных. Здесь что-то другое. Может для того, чтобы растопить трусость и одним поступком попробовать

надломить сразу два огромных страха. Хотя бы попытаться. Это чувство, когда ты готова бросить вызов целому миру, рождённому твоей тёмной стороной, настолько же непостижимое, настолько же бесконечное, как и желание создать себя. Это ещё не победа, ведь страх пока не побеждён, а творение ещё не создано. Но это взгляд намного дальше, чем за границы горизонта.

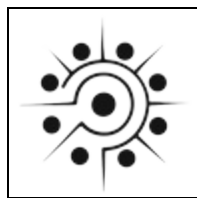
Мия прислонилась лицом к шее Фриды и не смогла сдержать наплыва эмоций. На глаза снова навернулись слёзы, и она не сдерживалась, чувствуя каждой своей клеточкой всё происходящее вокруг. Сейчас казалось очевидным, что, даже когда листья опали, природа продолжает играть музыку, стоило только прислушаться к другому звучанию. Какое-то время она ничего не говорила, только ощущала, как руки обнимают близкого человека, как сильно ей хочется плакать, и то, что родная рука гладит её волосы.

— Я хочу, чтобы ты чувствовала себя живой. Я хочу, чтобы ты нашла свою бесконечность. Потому что мою ты подпитываешь одними только словами. Поэтому лети.

— Я люблю тебя, — резко сказала Мия. — Мне сейчас очень хочется это сказать. Я люблю этот замок и люблю воздух, которым сейчас дышу. Люблю сидеть вечером на крыше и говорить с вами. Люблю даже мелочи, вроде запаха табака и бабочек. Я люблю каждого в этом замке, но по-своему. Но любовь к тебе я не могу описать. Я даже не знаю, с чем её можно сравнить. Ты — человек, в котором я вижу торжество искренности и саму суть тепла. И скоро я буду рядом. Мне всего лишь осталось выловить свою жизнь из точки невозврата. И всё самое сокровенное во мне говорит, что я смогу до неё дотянуться.

[1] Спандей — квадратная часть полноценной монеты, состоящей из треугольника, квадрата и круга. В Эмиронии один спандей у многих ассоциируется с сытным завтраком или обедом в таверне или забегаловке.

В этой главе сердца дрожат от предвкушения.

Никто не мог точно сказать, когда начнётся запланированное. Решающее слово было за Сорроу, который находился в Мейярфе вместе с остальными. По несколько раз на дню Мия спускалась на первый этаж, в помещение, называемое “Перекрёстком”, где обсуждались детали предстоящего дела. Зачастую Хлоя вращала колёсико непонятного изобретения, нажимала на треугольные кнопки и ставила его на середину стола. Диалог в основном вела либо она, либо Фрида, остальные подключались реже. Голос Сорроу был слышен всем присутствующим, потому любые нюансы обсуждались на месте. Иногда ему задавали вопросы, иногда нет, но в конце каждого разговора тот заключал: “Нужно ещё немного подождать”.

Остальное время все ходили как на иголках. Казалось вот-вот, и момент наступит, с минуты на минуту раздастся звонок и послышится долгожданное: “Пора”. Разговоры во время трапезы помогали отвлечься, но после все разбредались кто куда. Большую часть дня конечности оставались холодными, аппетита не было, а сон шёл с трудом.

Через три дня после разговора с Фридой у озера приехала Моника. Это была высокая кареглазая девушка, торс и бёдра которой прикрывала металлическая белая чешуя. Серо-золотое флайо было наброшено поверх, на плечи, а красный пояс на талии больше напоминал широкую верёвку с отрезанными кончиками. Из-за долгой дороги запах ореха на её одежде ощущался едва уловимо.

Во время прогулки у оранжереи, Эстер рассказала, что Моника вернулась для того, чтобы согласовать действия. В Мейярфе этим занимался Сорроу, здесь же выстроить конечный план предстояло ей.

— Моника — она ведь фельцблер. Как и Сорроу, и Хлоя, — рассказывала Эстер, пока они были наедине. — Имею в виду, что ключевые звенья, на плечах которых тактика, организация и самые важные решения. Обычно они вчетвером с Фридой и выстраивают ход того, как мы будем действовать. — Эстер всё крутила в руках печенье и было видно, что аппетита у неё совсем нет. — Обычно ребята прислушиваются к мнению остальных, потому можно высказывать всё, что найдёшь дельным. Просто сейчас с этим Мейярфом... Другой размах, что ли. Поэтому знаешь, лучше дать им время самим всё продумать. У меня лично не ахти с какими-то внезапными озарениями в тактике.

— Могу похвастаться тем же. Значит главное обсуждение ещё впереди?

— Конечно. У Моника очень хорошо варит голова даже когда намечается что-то серьёзное. Обычно она следит за замком и занимается внутренними вопросами. Хлоя же часто ездит по разным городам, много работает с бумагами и заручается поддержкой “нужных”, как она любит выражаться, людей. А Сорроу, он... другой эшелон. Экстренный.

Эстер отложила печенье и принялась монотонно крутить свою кружку с остатками чая и смотреть, как жидкость то приближается к краю, то возвращается на дно.

— Волнуешься?

— Есть немного, — призналась та. — Никогда ничего такого не делала. Обычно всё проще. Даже если оплошаешь, то плохо, конечно, но не катастрофа. А сейчас и думать не хочется, чем может обернуться провал.

— Вот и не заикливайся. — Мия чуть покачала стул, на котором сидела подруга. — Вечерняя тренировка, а? Провеетрится заодно.

Эстер согласилась без особого энтузиазма и в конце концов больше наблюдала, чем практиковалась сама.

* * *

Полдень следующего дня стал важным для каждого в замке.

Все, даже Эйдан, Вилсон и Мелисса собрались в Перекрёстке за широким столом. Е этот раз намечался не диалог с Мейярфом, а полноценное обсуждение и закрепление каждого предстоящего шага.

Моника была человеком, который способен воодушевить целое войско и то пойдёт следом за ней, чтобы сражаться до последнего. Человек-щит, за которым можно спрятаться в самый трудный момент и не испугаться, что всё пропало. Её ароматом был металл, который, если прислушаться, читался даже в её голосе. Она словно уже одержала верх и делилась историей славной победы, так звучала её речь.

В словах Хлои, которая акцентировала внимание на вещах, что казались ей особо важными, была другая магия. Это лазейки в ситуациях, что на первый взгляд кажутся безвыходными. Всё это время за ней была роль информатора, который находил нужных людей, выискивал компроматы на неприятелей, уводил людей из ненужных мест и заставлял собраться там, где следует. Это были мелочи, незаметные даже пристальному взгляду Мейярфа: несколько грастий с болью в животе, которые отпросились с дневного караула, планировка некоторых зданий, безопасное жильё для нескольких совершенно непримечательных и неинтересных людей, вовремя вылитое на сорочку пограничника вино и многое другое. Тонким и незаметным слоем над столицу легла паутина, которой управляли самые нежные и проворные пальцы.

Фрида говорила реже, но каждая её фраза — точка, необходимая для того, чтобы понимать какую идею отсечь, а какой точно следовать. Даже самые убедительные мысли нуждались в её согласии, потому она была человеком, который отсекает лишнее.

В ходе обсуждения Мия поняла, что будут те, кто останется в замке или будет наблюдателем, но не участником предстоящих событий. Среди первых были Мелисса с Вилсоном и, конечно, Эйдан. Среди вторых — Фрида и те, кого Мия пока не знала.

Моника описывала роль каждого во всех подробностях, тем же занимался и Сорроу, но на другой части материка. Фельцеблеры объясняли кто за кем идёт, кому и когда стоит применять аромат, даже количество дозорных в разных местах.

Как и остальным, Моника лично объяснила Мие её роль. Это был их первый длительный разговор, но ни в её повадках, ни в речи не читалось того, что новичку здесь не место и важность его действий посредственна. Фельцеблер разъяснил что нельзя делать ни в коем случае, а когда допустимо действовать на своё усмотрение. Мия запомнила даже

мелочи, потому что в эти минуты голова работала на удивление хорошо. От всего происходящего была лёгкая дрожь, но Мия быстро нашла способ её преодолеть и сложила пальцы в очень крепкий замок. Всё, что раздражало, это лёгкое подташнивание. В этот раз из-за волнения, а не траты амарантина. Пусть, главное — слушать.

Картинка действий одного переплеталась с картинкой другого человека, и от этого план становился цельным. Важно было знать каждый шаг не только свой, но и своих товарищей.

— Есть одно-единственное правило, — заключила Фрида в конце обсуждения, — не умирать. Я не хочу жертв и не хочу, чтобы это вылилось в грубое столкновение. Не хочу сражений. Не хочу паники. Но это всё пожелания. Главное другое. Если жизни кого-то из вас что-либо по-настоящему угрожает — не вздумайте этим пренебрегать. Вам запрещено умирать. Это недопустимо. Жизнь каждого из вас во много раз важнее любого, даже самого блистательного результата. Это понятно?

Орторус кивнул в ответ. Единый разум, созданный из мышления и ощущений небольшой горстки людей. Барабан его револьвера был заряжен шестью цветочными лепестками, а внутри, под слоем каменной кожи, таилось свыше двух десятков сердец. Живой ритм каждого из них не должен был стать вопросом удачи и надежды на успех. Несмотря ни на что, он должен оставаться безусловным. Несмотря ни на что.

* * *

На следующий день Сорроу, наконец, назвал дату — две группы должны были встретиться в Мейярфе через три дня. Целый день у Мии в голове крутилось другое. Она обратилась к Эстер, чтобы та помогла своим ароматом удалить клеймо на предплечье. Эта идея слишком долго оставалась просто мыслью и только сегодня преобразилась в просьбу. Эстер тут же отказала. Заверила, что есть много нюансов из-за которых она скорее сделает её инвалидом, чем аккуратно уберёт стигму. Этот резкий отказ можно было понять.

На вопрос о том, кто мог бы помочь, Эстер сразу принялась всеми силами отговаривать от того, чтобы делать это сейчас. Она тут же начала напирать, что кого ни попроси — это будет сделано на скорую руку и может оставить на ней увечье куда сильнее того, что есть. Что вместе с непредсказуемым результатом будет ещё и боль, и шанс заражения крови, и чего только не будет. Тоже можно было понять. Пусть так.

Разговоры с остальными шли легко и помогали лишь ненадолго развеяться, но в них не было ничего ни глубины, ни откровений. Так тянулись дни: среди болтовни о любимых насекомых и спорах о самом приторном варенье уже не ощущалась та беззаботность. Что бы ни слетало с языка, все мысли были о грядущем.

* * *

За день до отправления они ещё раз всё обсудили в Перекрёстке. Когда разговор кончился, наступил уже поздний вечер. Этот раз на крыше не был похож на предыдущие. Почти никто не разговаривал. Могли перекинуться парой фраз, но не более того. Каждому хотелось собраться со своими мыслями и хоть как-то упорядочить их.

Мия свесила ноги с крыши и не боялась упасть. Внутри дребезжали эмоции. Она держала перо и собиралась писать практически вслепую. Поток, и никаких раздумий. Это были слова, что могли стать по-настоящему последними. Поэтому она думала о том, что мог

выразить человек, который так и не вернулся.

Сегодняшняя ночь — это очень странный сон. Уверена, что не наваждение Эйдана, не образ, навеянный бабочками Глэдис, а мой собственный сон. Его нужно воспринимать так, будто человек во сне — это другая девушка. Его придумал кто-то другой, и вся история совершенно о другом человеке. Но и обо мне в первую очередь. В голове всё очень сумбурно, но произошедшее мне настолько нужно, что я должна записать это. Эти строки — наследство, что я могу передать с помощью чернил.

“Когда я летела вниз, я падала наверняка. Моя статуя разбилась вдребезги. Но только я коснулась груди камней, что оказались ладонью, всё заплыло красным цветом. Я начала понимать и преодолевать его. Когда я шла по пустой земле, навстречу дули багровые ветры. Сначала я катилась обратно, но потом научилась делать своё тело тяжёлым. Пройдя их, я коснулась большой треснутой ладони, что раньше была разрушена. Тогда я приобрела форму, и всё покрылось зелёным.

Зелёный был сопутствующим. Он дал мне корни, по которым я могла путешествовать в воздухе. Как и раньше, я искала важные частицы себя. Я научилась парить, а красные бабочки подбрасывали меня в воздух. Я помню зло в виде чёрной птицы, от которой у меня получилось убежать. И тогда я коснулась ладони, что на этот раз была целой. Теперь у статуи появились шея, волосы, ключицы, но не было глаз. Только я дотронулась, как воцарился синий цвет.

Тут же полил дождь. Лес радовался мне, но я спряталась под землёй, там, где много светлячков, где всё действительно светилось синим. Я помню пыльцу из-под огромных грибных шляпок и холодные комнаты, где я всего на миг превратилась в кристалл. Затем я научилась плавать и проплыла огромные расстояния. Я встретила большую черепаху, что осветила мне дорогу там, где о свете никто никогда не слышал. Вместе мы проплыли сначала через темноту, затем через космос. Я снова оказалась перед статуей. И когда я посмотрела на её лицо, на её полноценное красивое лицо, она открыла глаза. Статуя посмотрела на меня. Только мы вместе мерцали под луной, как зло вернулось. Чёрная птица превратилась в морскую змею. Как бы я ни плыла, она попевала за мной. Света становилось всё меньше, и вскоре я оказалась в полной темноте. Поворот в узкий тоннель, и я выплыла в безопасном месте, где жил жёлтый цвет.

Я пыталась выбраться из самой глубокой точки нашего мира. В крошечной воде я ориентировалась по блеклым маячкам. Когда я попала в вертикальный тоннель, зло опять ринулось за мной. До сих пор пугает угреобразная голова, которая как клякса пыталась растворить меня в себе. Когда у меня не осталось сил, снова появилась большая черепаха, засветилась и развеяла всё, кроме меня самой. Дальше вода была доброй, и я очень быстро поднялась на самый верх. Светлячки, которых я раньше не видела, научили меня ходить по воздуху. Я следовала за ними, и пол оказывался то вверху, то внизу. Я увидела луну с близкого расстояния и нашла что-то очень важное. Это был мой голос. Только я начала петь, вокруг меня начали распускаться цветы. Из них вылетали бабочки, что подбрасывали

меня ещё выше. Я долго искала точки, которые оказались звёздами. Перевернутый мир, где меня тянуло то вверх, то вниз, стал привычным. Я спела для звёзд и, в конце концов, они выстроились в созвездие, на которое получилось ступить ногами.

И снова появилось зло, но в этот раз изо рта змеи показалось моё лицо. Оно открыло пасть и съело всё: звёзды, оттенки вокруг, космос и землю под ногами. Я упала в безграничный белый свет, но это лицо появилось внизу. Потом оно поглотило и меня.

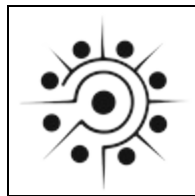
Я выплыла из воды. Океан и бабочки были безгранично чёрными, а всё остальное пространство вокруг — белым. Я прыгала по разбитым вдребезги парящим осколкам статуи. Другая версия меня была разбросана по воздуху, и я дошла до самого верха — раздробленной ладони. Тогда я спела так искренне, как могла. Пение не переставало звучать, даже когда чёрная вода стала подниматься, и я начала тонуть в ней. И в один момент статуя приобрела цвет. Я дала его всему миру, сделав деревья зелёными, луну жёлтой, а воду синей. Чернила опали. Я раскрасила всё, где раньше была, пока статуя склеивалась воедино. Когда она стала собой, то заплакала, и слеза эта упала на мою голову. У меня вновь появился шанс пройти вверх по созвездию, к которому я так долго шла”.

И я прошла. Так я собрала все свои цвета. Я нашла себя саму.

Глава 14. Наше слово

В этой главе неуязвимое зло даст первую трещину.

На центральной площади Мейярфа собиралось всё больше и больше людей — день города в столице принято было отмечать с широким размахом. Центральная площадь стала далеко не единственной, но самой пёстрой и торжественной частью мозаики. Десятки тысяч мейярфцев толпились перед городской ратушей и ждали начала. Три улицы тянулись на запад, восток и север от площади, на каждой из них присутствовала атмосфера праздника. Прохожие и гости хохотали от комичных выступлений на сцене, рукоплескали уличным музыкантам и трюкачам, соревновались друг с другом в борьбе за мелкие призы и не выпускали из рук блюда, на которых оказывалось всё больше и больше ярмарочной еды. Их флайо пропахли жареным мясом и овощами, кошельки опустели за считанные часы, но даже так, мейярфцам жуть как нравилась вся эта праздничность.

Уже к полудню толпа на площади напоминала живую кляксу, где каждый тесно прижимался друг к другу, понапрасну пытался выискать себе место поудобнее и старался не отрывать взгляда от балкона городской ратуши. Лица горожан оставались скучающими ровно до тех пор, пока на балкон не вышла группа людей. У каждого из смотрящих наверх в голове было своё: кто-то, завидев покровителей, нахмурился, кто-то наблюдал с интересом, другие принялись бодро аплодировать и лебезливо выкрикивать приветствия. Но мало кто оставался зевакой, которому не было никакого дела до происходящего.

Ближе всех к краю стал человек, чей голос узнавался куда лучше его внешности. Его мог различить каждый: от дотемна гуляющею по улицам ребятни, до стариков, которые редко выходили из дома. Он поднял руки, поприветствовал стоящих внизу и в ответ услышал аплодисменты, такие громкие, будто никто и не думал жалеть своих ладоней. Один из соратников протянул ему рупор, раздался гулкий звук, все как один затихли, и толпа услышала своего главного покровителя.

— Здравствуйте, любимые горожане! Сегодня важный день и для меня, и для каждого из вас. В конце концов, сегодня невероятно важный день для нашего обожаемого и несломимого города, который мы зовём Мейярфом! Это день его основания, а ведь, не пояись он, мы бы могли лишь пытаться угадать, что произойдёт с каждым из нас. Были бы у нас родные дома, к которым мы успели привыкнуть? Были бы у нас те семьи, которые мы любим больше, чем самих себя? Всё сложилось именно так — появился наш Мейярф, и в нём живёт каждый из нас. Это место, которое делаем живым мы с вами. Место, в котором мы и сами оживаем. И пусть в нём тысячи разных улиц, пусть сотни кварталов — мейярфцы всегда остаются близки друг к другу. Близки и связаны так, как никто другой быть связан не может. А те, кто решится сказать, что это не так, будут категорически, совершенно точно

неправы.

Минута, затем другая, а болтовня всё продолжалась. Пока толпа слушала речь, другие люди сновали неподалёку. Их взгляды оставались затуманенными, а лёгкие привычно фильтровали сухой разгорячённый воздух. Никому из них не было дела ни до жары, ни до других людей. Погружение в привычный мир жаркой рутины оказалось настолько глубоким, что едва ли из него можно было спасти. Едва ли, если ты не волшебник.

Цветочный дождь начался не сразу, парой-тройкой капель он пробовал на вкус эти улицы. Капли-лепестки медленно смаковали невесомость и плавными движениями опадали на крыши зданий и горячий камень. Некоторые пурпурные частицы исчезали в янтарном песке этого города, пока спустя несколько робких мгновений яркий дождь не ворвался вспышкой новизны в текучесть обывательского дня. Один, два, десять, сотня ошеломлённых взглядов направилась ввысь. Туда, где у края цветного облака парил человек. Человек-волшебство. Человек-источник. Его улыбку с такого расстояния не получалось развидеть, но сам человек был окружён пурпурным дождём. Словно это он — туча. Словно это он — то неизведанное в небе. Словно он заклинатель этого пурпурного дождя невиданных красок и оттенков. Вместе с собой незнакомец принёс самый необычный ливень из всех, что мог увидеть этот город. С неба падали не обычные капли дождя, а цветы, неизвестные целому Виоландо. Они неспешно опускались меж остолбеневших людей, превращая улицы в пурпурное море.

Казалось, что секрет этих цветов мог знать только один человек — та крупца в небе, которую не разглядеть. Он стоял на большом белом скате с острым хвостом, будто животное было сделано из плотного облака чёткой формы. И каждый, кто находился на улице, отвлёкся от выгодных сделок, от песчинок под ногами и знакомых вывесок. Они оторвались даже от балкона ратуши и торжественной речи. Все как один смотрели вверх.

Когда последние лепестки опали на землю, померещилось, что незнакомец на скате просто-напросто застыл. Будто маленькая часть неба замерла, и можно, наконец, опускать голову вниз. Пару секунд картина казалась неподвижной и даже мёртвой, пока крошечное светящееся создание не подлетело к человеку в небе. За ним ещё одно и ещё с десятков точек, которые то мерцали голубым, то сливались с Терсидой.

А затем над головами людей всполохнуло иное волшебство. Вокруг бумажного ската начало собираться невероятное количество голубых огоньков, словно целый рой светлячков пытался окружить его. Только когда они пролетали достаточно низко, чтобы их можно было рассмотреть, у каждого в голове проносилась одна лишь мысль — бабочки. Будто сотканые из самого неба, они являлись тем, что мейярфцы так редко видели вживую.

Существа в небе не рвались вниз и не разделялись, оставаясь частью огромной, но совершенно безобидной волны. Рой казался живым и двигался, но не хаотично. К нему слеталось всё больше и больше огоньков, но откуда они появлялись было не разобрать. Недавно появившиеся бабочки сперва пролетали рядом с людьми, а только потом летели вверх, к остальным. Одни наблюдатели отстранялись, завидев их, другие протягивали руку навстречу, а третьи позволяли себе позабыть о заученных дорожках и идти следом. Все, в ком преобладал интерес, столпились и ждали, что же будет дальше. Те, кому не хватило места, быстро нашли способ поглазеть на любопытное зрелище: они забирались на каменные блоки, широкие гранитные ограждения, ящики, тележки и даже крыши. Кто-то выглядывал из окон домов, а кто-то продолжал пить в тавернах будучи уверенным, что суматоха уляжется через пару минут. Три длинные улицы, что вели к площади, были

заполнена почти наполовину.

Вскоре рой начал покачиваться, как волна, выпорхнувшая из океана и научившаяся летать. Бабочки то поднимались к скату, то застывали у самой земли. Все они двигались непредсказуемо, но синхронно и плавно. Вверх и вниз, пока, наконец, не взлетели слишком высоко. Существа замерли и только облака продолжали плыть так же, как и всегда. Люди затаили дыхание и ждали, пока вмиг рой не взмыл ещё выше. Те, кто стояли прямо под ним, сделали шаг назад, затем ещё один. Они не понимали языка этих существ, но все как один были уверены, что нужно подвинуться. И только посреди площади появилась свободное пространство, со всей скорости, будто выпущенные из пращи камушки, бабочки устремились вниз. Они резали воздух своими крыльями и разбивались об разогретый камень. Соприкасаясь с землёй, они разлетались, а их маленькие осколки тут же таяли в воздухе. Каждая живая частица разбилась и растворилась — рой исчез за считанные секунды.

На его месте не осталось ничего чудесного, лишь каждодневная жёлтая картина. Люди оторопели. Они замерли, перешёптывались и не понимали, погибли волшебные насекомые или нет. И стоило им совсем немного подождать, как появился росток голубого цвета. Из того самого места, о которое разбились тысячи загадочных жизней, появился стебелёк, что словно пророс промеж камней.

Это было не живое растение. Оно родилось из чего-то слишком чужого для этого места, чего-то холодного, но почему-то не тающего под всемогущей звездой. Прямо посреди центральной площади мегаполиса, на глазах у огромного количества людей появился стебель, полностью сделанный из льда.

Он рос очень быстро. За несколько секунд появились ледяные листочки, затем тонкий ствол стал шире. Словно дерево рождалось в сотни раз быстрее, чем должно было. На хрупких веточках почти сразу образовались почки. Листок за листком, это растение рождалось от руки спрятавшегося в толпе архитектора. Он стоял со всеми, но не подавая виду создавал невысказанную для Мейярфа красоту.

Наконец дерево распустилось полностью. Пышущее жизнью даже под Терсидой, неизвестное, но завораживающее. Кто-то из толпы видел в этом растении опасность, но находились и те, кто невероятно хотел прикоснуться к нему. Они видели совершенно новый образ: притягательный и словно спрятанный всё это время. Пар шёл от холода, а не горячих напитков, как они привыкли. Красота, несвойственная этому месту. Красота минусовой температуры.

Небольшая группа людей первыми подняла голову, когда услышала радостный крик человека наверху. Незнакомец пролетал практически над их головами, гораздо ниже, чем раньше. В его руках был большой, наполненный до краёв мешок. Он перевернул его вниз, даря всё содержимое миру, что лежал под ним. На землю посыпались листы, так кучно, будто кто-то вырвал все страницы из пары десятков энциклопедий. Они были не плоскими, а напоминали сложенных из бумаги птиц: виднелись и клюв, и крылья с острым хвостом, и подобие оперения. Человек двигался вперёд и оставлял за собой бумажную полосу из опадающих бумажных созданий. Эти существа отличались от роя и не боялись подлетать к людям. Некоторые протягивали им руку, и бумажные животные приземлялись прямо в ладонь. Какие-то птицы падали на землю быстро, а другие ещё немного кружились над ней.

Человек-посланник улетал и становился всё меньше. Но трепет внутри некоторых подсказывал, что цветы, рой бабочек, ледяное дерево и эти маленькие бумажные существа — его неугасаемый отзвук. За несколько минут кто-то неизвестный показал Мейярфу то, что не

получалось просто взять выбросить из головы.

Он передал это и в своих словах. Человек из толпы посмотрел на бумажный подарок вблизи и первым увидел на его теле буквы. Пальцы сами развернули лист, а глаза всматривались в смысл, который несла каждая из птиц. На сотнях листов была приписка: “Читать только вслух” и одни и те же строки, написанные от руки.

Я и есть настоящее волшебство.

* * *

Эстер держала Хлою за руку и с нетерпением ждала приказа. Ей было нехорошо от того количества амарантина, который сейчас бурлил в ней. Слишком много ресурсов было поглощено, слишком долго она бездействовала. Хлоя или полностью была сосредоточена на реакции толпы, или зачем-то оттягивала момент. Эстер стиснула зубы и обещала себе терпеть до конца, как бы омерзительно она себя не чувствовала в эти секунды.

И только услышала приказ, как сжала руку Хлои покрепче и тут же реализовала аромат. Сразу накатило невероятное облегчение и даже дышать проще. Аромат принял свою форму: под их ногами возникла лестница, что завивалась в спираль и стремительно росла вверх. Под широкой верхней ступенью, на которой стояли они обе, образовались сотни других, крутых и узких.

Два носителя, лишь пару мгновений назад безликие для толпы, сейчас поднимались всё выше и выше. Внимание мейярфцев было приковано уже не к ледяному дереву, не к упавшим с неба запискам, а к странным людям на лестнице, которая появилась буквально из ниоткуда. Снизу казалось, что они так и будут мчаться вверх, пока не исчезнут за облаками.

Но оказаться выше всех не было самоцелью. Лестница замерла именно тогда, когда следовало. В момент, когда Хлоя смогла посмотреть на Маттиаса Мендакса на задирая головы и не щурясь от солнца, как остальные. Когда их друг от друга отделяла лишь невысокая перегородка, а не десятки и десятки фаланг. Они поднялись достаточно высоко. Высоко настолько, что не каждый человек мог позволить себе посмотреть на город с такого ракурса. Не каждый мог даже подумать о том, как это — смотреть на столицу с такой высоты.

Хлоя опёрлась руками на перекладину и чуть наклонилась вперёд. Хотелось высказать слишком много, проще было не затевать разговор вовсе. Потому девушка лишь приказала людям перед собой замереть и сделала это так, что пойти против её воли не получилось ни у кого. Она любовалась испугом на лице Маттиаса Мендакса и его маленьких прихвостней, для которых он давно стал божком. Это отражение слабости и беспомощности в их глазах было сплошной секундной эйфорией. Онемевшие и ничтожные, покровители были донельзя уязвимыми даже при наличии полдюжины грастий на этом балконе. Всади она стилет в висок Маттиаса по самую рукоять, и только после вся эта чернь начнёт действовать и суетиться.

Все как вкопанные смотрели наверх. Они видели неизвестных им людей у балкона ратуши и ждали. Ждали выстрела, ждали, когда кто-то закричит, увидев, как Маттиас Мендакс держится за перерезанное горло. Момент, пока девушки стояли перед покровителями, был невыносимо долгим: никаких приказов, никто не звал на помощь, никто не визжал от боли.

Безукоризненную тишину нарушил сам Маттиас Мендакс. Он вышел к краю перегородки и с уст главного из покровителей слетели слова, казавшиеся невыносимыми.

— Я есть ничто, — сказал он в рупор. — И голос мой для вас не абсолютен. Вашей покорности я добился путём лжи, изуверства и запугивания. Изменится сегодня что-то или нет, зависит от вас. От вас, а не от покровителей или их противников. И если вы думаете, что мы непобедимы и неприкосновенны, то ошибаетесь. Неуязвимы мы лишь до тех пор, пока вы в это верите.

После этих слов Хлоя медленно протянула руку и забрала рупор. Один длительный момент наслаждения, будто на её глазах Маттиас Мендакс самолично перерезал себе горло. Она не могла сдержать улыбку, ведь внутри кипело удовольствие от застывших лиц покровителей, лишь недавно уверенных в своей недосыгаемости. Грастии стояли рядом со своими ничёмными хозяевами, но и шагу не делали — сейчас Хлоя была поводырём для всех них. Хотелось растянуть этот сладостный момент: дать пощёчину одному из них и приказать улыбаться, поставить всех на колени и глумиться, пока не станет скучно. Но тогда бы это переросло в личное. Тогда бы её секундное наслаждение взяло верх над чем-то большим. Да и Эстер бы ей таких вольностей в жизни не позволила.

— Закрывай.

Напарница кивнула и спустя несколько секунд балкон начал зарастать густой каменной паутиной, отделяя покровителей от огромной толпы внизу. Вид у субстанции был неестественный, но сейчас было не до эстетики.

Лестница под ногами опустилась: Эстер и Хлоя оказались в трёх десятках фаланг[1] над огромной толпой. Ступени стали шире и расстилались прямо под ногами. Так они поначалу вели вниз, после вверх и по кругу, создавая подобие замкнутой лестницы.

— Жители Мейярфа, — произнесла Хлоя в рупор. — Ваши покровители сами выбирают, какую правду вам слышать. Через рупоры вы слышите истории о сумасшедших и сумасбродах, из раза в раз слушаете осуждающие диалоги в эфире, но редко когда вам дают узнать историю от самого начала и до конца. Сейчас каждый из вас волен как выслушать меня, так и протиснуться через толпу чтобы уйти. Это исключительно ваше решение. Я же хочу поделиться с вами той реальностью о жизни в Мейярфе, от которой вас отгородили. Я не заставляю вас верить мне, но очень прошу просто выслушать. Мы не собираемся угрожать или вредить никому из вас. Напротив, всё, что мы можем дать вам в эту секунду, — другой звук. Всё тот же голос Маттиаса Мендакса, но спрятанный от ваших ушей до этого момента.

Хлоя вкрутила в рупор крохотный прибор, который до последнего страшно было выронить из рук. За пару секунд молчания успела подняться небольшая шумиха. Некоторые люди со страхом оглядывались, кто-то вставал на цыпочки и что-то выискивал, кто-то начал пробираться меж других к выходу, но большая часть просто молча ждала. Одни грастии слушали вместе с горожанами, другие, оказавшись песчинками в огромной толпе, не могли понять как можно помешать происходящему. После нескольких секунд ожидания, из рупора послышался голос Мендакса.

— Не мы ваш враг, господин Рейм, не мы, а вы сами. И, конечно, то, что вы делаете. У вас и вашей семьи есть только одно спасение. Только один шанс.

Чужой голос что-то просипел, но ни слова расслышать не удалось. Словно он едва вдыхал, и даже это удавалось с трудом.

— Ненавидеть то, что вы создали. Презирайте это, и тогда мы будем благосклонны. Но делайте это прилюдно. И никто, никто никого больше не обидит. Это ведь правильно?

— Это... правильно, — хрипя согласился незнакомец.

— Скоро ваше состояние улучшится, и, Рейм, уверяю, вам станет легче. Тогда вы выйдете к людям публично и разломаете все свои фрески. Мы сделаем так, чтобы на вас обратили внимание, а вы сыграете свою роль. Вы их растопчите, а потом сожжете.

— Сожгу.

— Но почему, Рейм? Почему вы их сожжете?

— Я не хочу проблем для семьи. Не хочу, правда. Не надо.

Послышалось шуршание одежды и несколько глухих ударов. Мужчина застонал и голос его стал плаксивым. Речь Маттиаса оставалась такой же холодной.

— Вы не поняли, Рейм. Не в семье дело. Почему вы сожжете фрески, а?

— Потому что они не помогают.

— Кому?

— Всем, всем нам. Они не помогут нашему государству. И людям не помогут. Эти фрески бесполезны. Полностью бесполезны.

— Верно, но зачем же вы делали то, что никому не сдалось?

— Страдал глупостями, — не сразу ответил мужчина, — которые никому не нужны. Я создавал мусор.

— Вот сейчас вы описали вещи своими именами, — в моменты молчания было слышно, как собеседник всхлипывает и шмыгает носом. — Так выскажите, выскажите эту правду людям. Мусор? Сожгите его. Хлам? Затопчите. Говорите так, будто от этого напрямую зависит вся ваша суть. И обещаю, что это здравомыслие даст безопасность вам и вашей семье. Всем до одного. Ведь ваше творчество в результате оказалось пороком, разве не так?

— Самым грязным, — согласился мужчина, — самым гнусным и отвратительным его выражением.

Рупор передал какой-то шорох, и пару секунд люди слушали громкое ничего. Но потом послышался второй разговор с совершенно другим человеком.

— Без обид. Просто важно проводить такие профилактические беседы перед тем, как выйти в эфир. Но в результате все говорят то, что следует говорить, исключений не бывает. Может быть, я сразу дам вам текст, и вы произнесёте то, что нужно?

— Очень в этом сомневаюсь.

— То есть, вы считаете, что вы правы? Тогда давайте с самого начала. Вдумайтесь, простейший вопрос. Что арфист может дать нам?

— Вдохновение.

— Зачем нам ваше вдохновение? Предположим, на наш город нападут. Кого вы будете вдохновлять?

— Себя, — нагло процедил женский голос, — других.

— Кого других?

— Я вас не смогу переубедить, что бы ни говорила. Вы ведь это знаете.

— А я вас смогу, как думаете?

— Очень сомневаюсь.

— А почему тогда вы так паникуете, мисс Оурэй? Вас так смущает револьвер?

Ответа не послышалось, только глубокая затыжка и расслабленный выдох. Казалось, что дым просачивается и на площадь.

— Это отступничество. Вы не имеете никакого права сумасбродно решать, как вам хочется жить, а как нет.

— Разве я кому-то навредила своими действиями?

— Вы учили детей играть на бесполезных инструментах. Максимум — звучать где-то в трактире для пьяниц и швали. Ваши ученики могли потратить своё время и более полезно. Вы украли их детство, думаете, этого недостаточно?

— У вас другое восприятие. Вы человек правил, а я счастливый человек. Я не понимаю ваш мир.

— Так выслушайте и поймите. Я же не бью вас, даже пальцем вас не тронул. Просто хочу пофилософствовать и привести к правде, вот и всё. И...

— Я знаю, — раздражённо оборвала женщина, — знаю то, что вы называете правдой. В болото вашу недофилософию. Нет.

— Что «нет»?

— Ваша реальность. Ваша безыдейность. Нет.

— «Нет» без аргументов?

— Без чего-либо. Нет.

— Не хотите слушать?

— Нет.

— Договоримся.

— Не договоримся.

— Мисс Оурэй...

— Мы не договоримся с вами. Никогда и ни за что не договоримся.

Сразу после этих слов послышалось три выстрела, а затем несколько щелчков. После — молчание, которое изредка нарушали спокойные выдохи.

— Нет так нет. Котилáй, выжми мне кружку какого-то кислого сока. Нервничаю.

И звуковая рябь, едва слышимая поначалу, усилилась, перенося слушающих в совершенно другую картину.

— Я не люблю отсчитывать минуты до эфира. Я пришёл, а значит, я готов. Но нет, остаются минуты, которые нужно просто прожить. Очень вкусно приготовлено, Маттиас.

— Сказочник ты, конечно, тот ещё.

— Нет-нет, совершенно серьёзно. Сейчас я тебе не вру. Предвечная, тебе я никогда не вру, уж поверь.

— Ты же всегда играешь словами и эмоциями. Это твой дар, безусловно, я восхищаюсь им, но верить тебе всё равно, что пытаться выдоить быка. Поэтому никогда не говори мне о честности, лицемер. Просто ешь.

— Думай-думай себе там, в своей голове! Я вот что-то не могу перестать смеяться, сколько ни кривись. Чем больше хмуришься, тем больше смешно мне!

— Начинаем. Койс, думай о важном. О тяжёлом. Ты жертва.

— О том, что ты мне не платишь уже больше флатии? Я, может, от этого смеюсь. Плакать хочется, а я смеюсь.

— Здоровым будешь. Койс, если ты не заткнёшься, я подойду и ударю тебя.

— Угрожаешь мне? Я же тут жертва, разве можно?..

— Начинаем!

После небольшого молчания тона голосов переменились.

— Я Маттиас Мендакс, это станция “Просвещение” и мы снова в эфире. С нами по-прежнему наш уважаемый гость, ставший свидетелем интересных событий. Расскажите свою историю, господин Гóрдин. Мы выслушаем вас.

— Моя история проста. Я оказался в ловушке, — в голосе читалось нескрываемое возмущение. — Вы знаете понятие «секта»? Знаете? Я, сам того не понимая, стал её участником.

— Начните с самого начала. Поделитесь с нами.

— Люди, что зовут себя простым словом — «исследователи». Группа учёных, что прячется от всех и обсуждает глупости. Пытается создать то ли трубку, то ли очки, чтобы смотреть в космос. Думают о том, что находится на других планетах, и высчитывают расстояние между звёздами, представляете? Их интересуют даже эти дырки в небе, что угодно, но не насущное. Им плевать на то, насколько прочно стоят стены нашего города. Пишут свои бесполезные формулы и вечно что-то рисуют на бумаге. Но говорят обо всём этом так сладко, так сладко!

— Разве недостаточно их просто игнорировать? Ненормальные? Несомненно. Но разве они опасны?

— А вы думаете, — с надрывом спросил тот, — это горстка людей, на которую можно просто не обращать внимания? Таких шаек появляется всё больше и больше. Они ведь воздействуют и на других людей. Я оказался одним из них. Я приходил к ним, слушал и слушал, захлёбываясь в тоне грязной и бесполезной информации. Мне было страшно смотреть на разного рода изобретения. Я понимал, что они опасны, но не мог оторвать глаз. Ведь они ведут себя так любезно, что с каждым днём ты становишься дальше и дальше... от Мейярфа и от себя, как здравомыслящего человека. Поверьте мне, их всё больше и больше. Нужно действовать, потому что их способ мышления и их изобретения — яд для нашего дома. Десять человек поверит и застрянет там с концами, а выберется только один. Вот поэтому я здесь! Поэтому!

* * *

Пока записи звучали одна за одной, Докс энергично кивал в такт ритму, что раздавался из ауризонса. Парень не слышал голосов из рупора, не слышал слов Хлои и был поглощён любимой музыкой. Другие звуки ему и не нужны, пока центральная площадь как на ладони. Его дело смотреть. Элементарщина, но с ней он справлялся на ура: лежал на краю крыши одного из высоких зданий, наблюдал за людьми, которых должен оберегать, и старался не моргать. А ежели очень хотелось моргнуть, старался делать это поочерёдно, представляя себя хамелеоном. Пока взгляд сосредоточен, ушам можно дать и отдохнуть.

Когда ему на голову села бумажная птица, Парадокс невольно встрепенулся. Потом наощупь взял, раскрыл её и быстро пробежался взглядом по тексту.

Среди толпы есть люди с самопалами. Внимательно!

Сними ауризонс.

— Да ясен пень, потому я тут и развалился, — буркнул Докс сам себе. — Удивил.

Из его пальцев тянулись тонкие цепи — так он себе это представлял. Всего четыре связи — не так много, даже нервничать не стоило. Четыре — это легкотня, это если хорошенько подумать, не десять и даже не пять. Тут чтобы что-то пропустить нужно было

заснуть, не иначе. Докс продолжал выжидать момент. Снять ауризонос он, конечно, не снял, но звук слегка поубавил.

* * *

Скай находился в своей стихии — выше всех. Большой бумажный скат парил высоко над ледяным деревом и даже Хлоя с Эстер казались ему крохами с такой-то высоты. Парню нужно было контролировать не одну зону, потому наблюдал он за всем куда более суетливо. Северная улица, западная, восточная, события на площади, окрестностях и тут же всё заново. Он ходил по скату и замёрзшей рукой писал на клочках бумаги то, что считал важным.

Недалеко от твоей улицы собирается группа грастий.

Парень написал это на трёх листах, после чего подбросил их вверх. Те прямо в воздухе начали менять свою форму и вскоре стали похожи на птиц, сложенных из бумаги вручную. Словно наделённые разумом, они тут же полетели в трёх разных направлениях.

* * *

Одна из таких весточек оказалась в руках Моники. Она стояла в конце длинной улицы, что вела с северной части города прямо к площади. Позади неё десятки магазинчиков для стилиг, лавки с украшениями и шикарными тканями. Огромная часть улицы была укрыта навесами и напоминала крохотный район, где можно отыскать всякую-разную роскошь. Моника не мешала мейярфцам и те шастали как в сторону площади, так и обратно, в северный район.

Первая минута после получения записки прошла на удивление тихо. Когда первые грастии всё же показались, Моника удивилась тому, насколько же они рассредоточены. Строем это было назвать сложно, скорее очень рассредоточенная шеренга, где каждый салага рвался вперёд, будто так и норовил показать свою храбрость и выслужиться перед руководством. Первым из всех бежал юркий парень с болтающимся на поясе кортиком и привычном для всех грастий тёмно-зелёном сетчатом флайо.

— Для грастий закрыто. Прости.

Моника попыталась произнести это учтиво, дабы не нагнетать на ровном месте. Парень с недоумением посмотрел на неё, но не остановился. Он и трёх широких шагов не сделал, как врезался в слой белого металла, что возник прямо у него на пути. Грастия не упал, и металлическая стена тут же начала двигаться навстречу. Парень отпрянул назад и начал задыхаться от возмущения. Даже выругался, после чего явно ждал объяснений.

— Старший блюститель идёт?

— Что?

— Старшего блюстителя ведь тоже сюда направили? Или только рядовых грастий?

— Он тоже явится! Но я — Рухвальд Зодчий, ты это понимаешь? Приказываю тебе пропустить меня.

— Жди блюстителя.

— Если он узнает, что ты задерживаешь грастий, тебе отсекут голову.

Моника пожалала плечами и парня явно разозлило её безразличие. Тот ринулся вперёд, но

металл будто глумился над ним, не давая пройти. Дозорному оставалось довольствоваться угрозами и колкостями, ни на одну из которых не удосужились ответить.

Так начало подходить всё больше обычных грастий, которым Моника не давала пройти дальше. Живая металлическая стена плясала перед ней и отталкивала самых напористых, отгоняя на безопасное расстояние. Девушка держала руки за спиной и высматривала главного — тот шастал неясно где и явно не лез из кожи вон, чтобы прийти поскорее. Дозорный за дозорным, на открытой местности собирались защитники порядка разных рангов и возрастов. Мужчины и женщины в форме собрались перед ней в полукруг и задавали вопросы, на которые Моника отвечала сдержанно и кратко.

— Дождёмся блюстителя, и я вам всё объясню, — говорила она в ответ почти на все возмущения.

Подойти слишком близко она не позволяла и внимательно следила за теми, у кого на спине были самопалы. Потянишь руки кого-то из грастий к оружию, и металл разозлится. Огнестрел в руках этих людей её мало чем пугал, но даже так, обошлось без крайностей.

— Немедленно, немедленно разойдитесь! — важно закричал мужчина с лентами на тёмно-зелёной броне, после сделал шаг из толпы и обратился к Монике. — Это что творится, диверсия? Вы задержаны за нападение на грастий! Вас арестуют, если немедленно не объяснитесь. Немедленно!

— Я предлагаю обойтись без арестов и ненужных столкновений, господин Купол. Под вашим покровительством находится грастийство центрального Мейярфа, и я прошу выслушать меня. До тех пор я не советую начинать суматоху и беспорядки в попытках пройти дальше по улице.

Эмастим Купол был из тех, кто рвётся вперёд и не больно любит копаться в деталях. Во время неразберих он не отсиживался в стороне и не прятался среди толпы. Долгое время за ним наблюдали невидимые ему глаза, разведив характер, лицо, привычки, любимую выпивку и предпочтения в азартных играх. Он был из тех, кто сам бы вышел с мечом наперевес, со всем правосудием и ответственностью обратившись к нарушителям. И только прозвучала его фамилия, тот невольно выпятил грудь и лишний раз напомнил себе, что он — лицо важное и влиятельное, что без него грастии так бы и топтались с ноги на ногу. Эмастим был на удивление несговорчив с незнакомцами, и Моника знала, что человек перед ней редко слушает и ещё реже слышит того, кто ему не нравится. Она же была из тех, кто стремится найти компромисс даже тогда, когда шансы изначально малы.

И старший блюститель, оставив за спиной что худощавых, что коренастых, гордо встал напротив незнакомки. Эмастим не стал кичиться статусом или происхождением — все присутствующие и так знали, что за человек перед ними.

— Это что, грастиям ставит условие один-единственный человек? Не смущает разница сил?

— Если бы у меня были сомнения по этому поводу, я бы здесь не стояла. Я не ставлю условие, а прошу выслушать.

Купол кивнул, будто разрешая начать говорить.

— Весь внимание.

— Я прекрасно понимаю, что вы поддерживаете строй и идеи покровителей, Эмастим. У меня нет цели переубедить вас, но люди на площади имеют право услышать не ту картину, что им рисуют. А мы имеем право о ней рассказать. Дайте им возможность понять, что есть альтернатива.

— Альтернатива в чём?

— В том, кто они есть на самом деле.

— Совсем не вам решать, кем им следует быть. — Блюститель отвечал нарочито враждебно.

— Верно, не нам. Им самим. Каждый человек после услышанного может вынести своё. Презрение к нам или понимание собственной ценности — это не важно. Если люди решат, что услышанное — это вздор и полная чушь, то так и быть. Но пусть это будет *их* вывод. Пусть решают они сами, а не вы. Мы здесь не для убийств, погромов и разрушений. На площади сейчас ни...

— Ты в своём уме?! — рявкнул тот. — Покровители — единственные, кто сможет удержать и объединить Мейярф. И заменить их невозможно, просто невозможно! А твои люди прервали их торжественную речь! Сперва угрожаете Мейярфу, творите диверсии, приносите раздор и беспорядок, а после просите снисхождения? У меня, того, кто стержень всего порядка в этом городе? Да ты не в себе!

Тот шагнул вперёд, но металл перед ним быстро принял форму острой и шипастой волны. Мужчина сжал зубы от злости и окинул девушку перед собой взглядом, полным отвращения. Моника продолжала общаться так, будто не замечала этой враждебности между ними.

— Вы в самом деле верите в то, что сейчас говорите, господин Купол? Что прервать торжественную речь — это преступление, а разговор с населением — раздор и беспорядок? Вы в это верите?

— Здесь есть люди, действиям и словам которых вам не стоит перечить, — заключил мужчина. — Есть система, и не таким, как вы, её менять. Покровители, они ведь дали нам всё! Дали нам законы, которые вы хотите отнять, прикрываясь благом! Никогда этому не бывать. Никогда.

Пока слова Эмастима покрывались всё более широкой коркой строгости и осуждения, что Моника, что несколько десятков караульных напротив, просто ждали. Блюститель говорил шаблонами, от которых уже тошно было, потому она слушала лишь краем уха. Понимала, что даже сядь и объясни всё как есть, расскажи об их цели от и до, дай альтернативу и попроси хотя бы задуматься об изменениях — такие люди не поймут.

— Это преступление против города! — проревел Эмастим Купол, уже вовсе не такой спокойный, как в начале разговора. — Это убийство наших ценностей!

Каждый вздох делал его злее. Купол не давал выразить мысль и всё кричал, что дурить себя никому не даст. Он искренне надеялся, что виновная почувствует тот укол вины, что всё не появлялся и не появлялся. Но собеседница не смотрела на него как на главного представителя закона этого города. И почему-то позволяла себе смотреть не как житель на главу центрального грастийства, а как простой человек на простого человека. Точно поведение интриганки и заговорщицы.

Когда Эмастим в порыве взялся за рукоять оружия, Моника тут же применила аромат. Между ними возникла высокая металлическая стена, полностью закрывающая вход для каждого извне. Вступать в бой она не планировала в любом случае, но безмерно раздражало, что её даже не пытались услышать. Слепая злоба в глазах и нежелание даже думать о компромиссе, больше ничего.

Моника чувствовала, как грастии стреляли в металл, как тщетно пытались разрубить или проломить его. С ним мог совладать только носитель, потому за свою часть задания

девушка была совершенно спокойна. Лишь надеялась, что у остальных не возникло проблем.

* * *

Мортимер, перекрывший западную улицу, не утруждался кого-то убеждать. С ним тоже не сказать, что пытались выйти на диалог, поэтому это было взаимное желание не размениваться на мелочах.

Было важно проявить себя достойно. Чёрная одежда — убийственный выбор для такого жаркого города, но всегда очень гармонично смотрится с его тростью и цветом волос. Ему была важна эта не всегда уместная “безупречность” в вещах и ситуациях. Чтобы удар в солнечное сплетение унёс сознание именно с первого раза, чтобы кости если и ломались, то ровно пополам, чтобы ногти были одинаковой длины, а обувь и одежда сидели как влитые. По тем же причинам было важно выглядеть в столице с иголочки, даже когда вокруг океан грязи.

Мортимер убрал волосы с лица и второй рукой покрепче сжал набалдашник трости. После большим пальцем провёл по кольцам, чтобы убедиться, что те на месте. Грядущий момент должен был стать противостоянием. Именно этим словом. Нужно было показать себя так, чтобы ни он, ни присутствующие не сказали, что это была “заварушка”, “потасовка”, “драка”, или чего хуже, “побоище”. Именно “противостояние”. Мортимер обожал это слово всей душой. Его и то, что оно в себе несёт.

Когда грастии ринулись на него, всё в округе залила грязь. Появившиеся чёрные густые лужи начали разрастаться на глазах и жёлтый цвет временно уступил чёрному. Болотом покрылись и стены зданий, и песок с брусчаткой. Один сплошной организм, оказавшийся полноценным и живым. Смоляные руки тянулись из луж и хватали грастий за оружия и конечности, растекаясь по телу и сковывая движения. Словно подчиняясь движениям трости, лёгкие колебания перерастали в настоящие волны и набрасывались на дозорных. Пачкая их с ног до головы, грязь мешала нормально открыть глаза, дарила ощущение липкости, вязкости, тяжести, и вдобавок вызывала тошноту своим запахом.

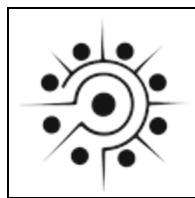
Мортимер не жалел грязи. Не жалел жителей и торговцев, которым случайно досталось. Чёрные стены, смоляной песок и вонь — вот стихия, окутавшая западную улицу. Важно было совсем другое.

Управлять ей, но не стать её частью. Запачкать всё что только можно, кроме себя. Потому каждый раз как парень шагал, под его ногами появлялся островок чистоты, на котором мог стоять лишь он один. Ни одна волна, ни одна капля не должны были коснуться его, потому Морти то и дело осматривал свой флайо, свои руки и обувь. Простая причуда или настоящая мания — она воодушевляла драться на всю силу. Чувство, что заставляло человека двигаться ещё быстрее, а грязи давала выпустить заложенный в ней хаос. И сейчас одежда Мортимера была в безупречном состоянии.

[1] Три десятка фаланг эквивалентны примерно двенадцати метрам.

Глава 15. Внутри и снаружи

В этой главе появится птичий бог.

Звуки шагов барабанили по нервам. В Мысе Хохотунов каждый новый поворот походил на предыдущий — целая куча похожих коридоров и деталей интерьера. Солнечный свет слабо проходил через небольшие матовые стёкла, потому основным источником освещения были настенные светильники. Каменная мозаика под ногами была одинаковой, трещины на дверях и стенах походили друг на друга и даже плющ на стене словно извивался по одной и той же траектории, куда ни сверни.

Они прошли мимо десятка дверей, но ни одну из них не открыли. Напротив, у некоторых Венди останавливалась и кивала, чтобы за работу принялась Мия. Устройством, что она несла, научили пользоваться ещё в замке, ничего сложного в нём не было. Сейчас руки уже хорошо подбирали нужный угол, чтобы жидкость попала на замок, язычок и щеколду. В конце концов дверь заклинивало, и выйти из помещения становилось куда труднее.

Грастий в Мысе осталось меньше обычного из-за событий на площади. Кого-то получалось запереть внутри, с некоторыми приходилось сталкиваться лицом к лицу. Шёл их отряд быстро и до сих пор умудрялся не поднять шумихи. Все пятеро держались друг за другом на расстоянии вытянутой руки, блуждая, казалось, по одинаковым коридорам.

Каждый шаг и поворот зависел исключительно от Венди — она мягко, совсем не спеша, шагала вперёд, ведя за собой остальных.

Сейчас глаза её были прикрыты, а редкие слова, что она произносила, звучали тихо не просто так. По большей части это был непонятный остальным разговор с собой. Мундштук находился недалеко от губ, и лишь иногда она прикасалась к нему, вдыхала дым и задерживала дыхание. Хотелось поспорить на что угодно, что выдох просто не может быть настолько медленным, что обычный человек уже бы задыхался от нехватки кислорода. Но было похоже, что Венди забыла о воздухе и концентрировалась на чём-то совершенно другом: неизвестных Мие звуках, странных образах и картинках, которые нельзя увидеть, открыв глаза. На то она, наверно, и была путеводителем.

За ней шагали Кейтлин и Сандер, которые брали на себя дозорных, что попадались на пути. Справлялись они ещё быстрее, чем Мия возилась с дверью, и умудрялись сделать всё так, что о тревоге не шло и речи.

Позади них шла Мия, а за ней человек, к которому хотелось повернуться спиной, только если точно знаешь, что он твой союзник. Сорроу был фельдблером, но не имел ничего общего ни с Хлоей, ни с Моникой. Он не отдавал команды так, что хотелось выполнить их любой ценой, не воодушевлял своим присутствием и вообще не был многословен. Но

почему-то казалось, что настигни их какая беда, за тыл переживать точно не стоит. Опасность скорее прорвётся сквозь трёх людей спереди, чем настигнет их сзади. Это придавало спокойствия.

Венди вскинула свободную руку и плавно опустила её. Все пятеро замедлились, а шаги их стали ещё тише обычного. За поворотом послышались два мужских и один женский голос. Кейтлин и Сандер выжидали момент, обмениваясь друг с другом незнакомыми Мие жестами.

Они одновременно вышли из-за поворота и голоса грастий заглушил резкий шипящий звук. Только дозорные завидели посторонних, небольшой металлический шар разорвался у них под ногами и из него хлынуло целое облако густого дыма. Один из мужчин стремительно двинулся к ним навстречу, но тотчас врезался в барьер, пошатнулся и упал. Дым заполнил куб, границы которого были невидимы. На какое-то время форма дымки стала совершенно чёткой, словно полноценная фигура.

— Ждём, ждём, — сухо произнесла Кейтлин. Мия заметила, что только они перешагнули порог корпуса, её привычная игривость куда-то пропала. Сейчас она была куда серьёзнее обычного. — Всё, Сандер, убирай.

Она суетливо, не отрывая взгляда от дыма, помахала рукой человеку с белоснежными волосами. Тот не ответил, лишь кивнул. Границы куба исчезли — дым начал терять свою чёткую форму и стремительно поднимался вверх, к самому потолку.

Лицо одного из стражников скорее походило на гримасу, отражающую боль. Мышцы были напряжены и выглядел он так, словно хотел громко крикнуть перед тем, как сознание покинуло его. Мию передёрнуло.

— Ты это всерьёз? Думаешь, что они мертвы? — Кейтлин заметила противоречивый взгляд Мии, пока Сандер складывал тела грастий у стены.

— Я что? Нет. Нет.

— Ты лучше проверь сама, а?

— Это концентрат пылецвета. Он не опасен, — встрял Сандер, но его слова остались проигнорированы.

— Проверь сама. Не хочу потом каких-то недосказанностей. Тем более *такого рода*. Проверь, пожалуйста.

Мия не понимала, почему Кейтлин так взъелась. Было просто неприятно смотреть на неподвижных и бессознательных людей, но ни о каком убийстве мыслей не возникло. Пальцы коснулись тёплой шеи дозорного и почувствовали пульс. Тогда Мия поднесла руку к носу — дыхание слабо, но тоже ощущалось.

— Всё в порядке. Я... Кейтлин, я и не думала лишнего, правда.

— Хорошо. Просто захотелось перестраховаться. Может, это мои тараканы, — спутница кивком головы попросила вернуться на свою позицию.

Они пошли дальше. Каждый раз, как начиналась какая-то маленькая заварушка, Мия вздрагивала, но пыталась не показывать волнения. Внутри бурлила не трусость. Скорее каждый шаг, что она ступала, ощущался как ненастоящий, как мечта, что ещё не успела переплыть в реальность. Находясь среди этих людей, Мия не могла оторваться от мысли, что и у неё есть своя роль. Это было чем-то настолько значимым, что проявить замешательство или неуверенность казалось недопустимым. Шаг за шагом — она не нарушала темп.

Хотелось окончательно убедить себя, что это не из-за страха сердце стучало быстрее обычного. От волнения, небольшой паники, но никак не страха. Масштаб происходящего

казался невыносимым, словно от этой авантюры зависит не просто Мейярф, а весь Виоландо. Она просто ломала двери, ничего больше, но мысли летели так, что не остановить.

Сандер время от времени оборачивался назад, несколько секунд наблюдая за Мией. Его лицо закрывала маска, похожая на череп птицы, а всё остальное тело было закрыто мешковатой одеждой. На месте впалых птичьих глаз находились два самоцвета янтарного оттенка, и отчего-то взгляд спутника казался тяжёлым и гнетущим. Совершенно точно, он был одним из Орторуса, но сейчас воспринимался абсолютно чужим и далёким.

Кейтлин и Сандер, что шли за Венди, резко остановились, как только та подняла руку.

— Стоп. Вот здесь, — очень медленно проговорила она. Мгновенно стало так тихо, что было слышно даже дыхание друг друга. — Сорроу, я могу вернуться?

— Скорее, — тут же скомандовал тот.

Венди вялыми неспешными движениями нащупала в своей маленькой сумки листок какого-то непонятного растения, сильно сдавила его пальцами и кончиком языка облизнула пару капель сока, что тот смог пустить. Затем выдохнула и какое-то время не дышала. Глаза перестали быть затуманенными, и взгляд хоть и стал ясным снова, но был совершенно несвойственным Венди. В них читался испуг.

— Есть две... Да, две новости. Первое — я нашла нужный нам отсек. Людей держат всех вместе в правом крыле третьего этажа. Грастий там... Не больше дюжины, вроде. Подняться можно по лестнице в двух пролётах отсюда. Так... — Она осеклась и было видно, что Венди нервничает. — И второе. Я чувствую что-то странное. Страшное. Я увидела мир глазами человека, который думал, как животное. И позади... позади ещё одно существо, такое же. Оба искусственные, хоть тело у них похоже на наше. Существа эти до безобразия голодны и никак не могут утолить это чувство. Они ищут плоть. Человеческую плоть, а не животную. Я не знаю, что это может быть, но они настроены максимально враждебно.

— Где они сейчас? — переспросил лидер.

Венди показала большим пальцем через плечо.

— Позади, на нижних этажах.

— Охраняют двери?

— Нет. Приближаются. Бегут на четвереньках.

* * *

На восточной улице грастий от площади отделяла гармония двух ароматов. Тесс следила за движениями каждого дозорного и никого не упускала из виду — это у неё получалось хорошо. Ей приходилось читать настроение людей, понимать кто боится, а кто вот-вот начнёт действовать. И ежели наметится что-то серьёзное, главной её задачей было растягивание момента. Чтобы грастии со всей своей медлительностью тянулись за оружием, чтобы шаг каждого из них растягивался на десятки секунд, а замах был таким медленным, что кортики в их руках становились бесполезными. Командиры неспешно отдавали приказы своим подопечным, а те начинали действовать спустя недопустимо долгий промежуток времени после услышанного — вот, в чём была роль Тесс.

Этого хватало, чтобы к ним приблизилось облако бабочек, которые сейчас несли в себе не приятные сны, а невыносимый шум и стрекотание. Бестелесный аромат Глэдис подобно мыльному пузырю концентрировался возле головы и заставлял закрыть уши любого, кто попадал в радиус роя. Не способные быстро двигаться грастии теряли сознание, начинали

кричать, чтобы заглушить звук и убегали, забывая о центральной площади и своём приказе.

Глэдис и Тесс не первый раз сочетали свои ароматы и каждый раз у них получалось делать это всё более слаженно. Восточная улица была под контролем.

* * *

Пракси терпеть не мог такую работу. Он был среди тех, кто хорошо слышал трепню Хлои, так как сам находился на площади. Сегодня хотелось выложиться на полную, но на него повесили всё самое нудное и скучное. Ледяной барьер отделял грастий, которые охраняли вход в ратушу, и слушающую речь толпу. Временно главное здание города превратилось в тюрьму, а огромная часть грастийства стала её заложниками. Пракси был повернул к барьеру спиной и вылавливал зевак с оружием, что ошивались поблизости. Лёд был быстрым и намертво опутывал ноги дозорных ещё до того, как те наклонят голову вниз. Грастии оставались стоять на месте, перекрикиваясь друг с другом, но таких было не больше дюжины. Этого было мало. Чудовищно мало.

Ему бы подавай свободу действий, где лёд может накрыть весь Мейярф. Дай ему такую цель, и Пракси был уверен, что справится. Что заставит окоченеть любого даже в полдень, что накроет холодом сотни болванов с кислыми мордами. Горожане бы кричали от восторга, наверняка узнавали бы его лицо и просили повернуть какой-то трюк со льдом. Девушки однозначно вешались бы на шею, а парни уважительно бы стучали в плечо. В момент какого-то опасного падения ветер развивал бы его белокурые волосы так, что даже в опасности парень выглядел бы неотразимо. Местные бы точно поинтересовались, откуда он взял этот солидный жёлтый шарф и такие прелестные варежки. Тогда он бы рассказал всем заинтересованным, а это минимум толпа на полплощади, что хорошо разбирается в моде и сам вяжет очень даже ничего такие шарфы. Закончить он всё хотел песней, чтобы ребята дружно качались в такт и, наконец, услышали, как поют северяне.

Вместо всего этого Пракси околачивался возле стены и ловил тюфяков, которые видя лёд на ногах начинали орать про демонов.

— Весело до одури, — бросил он раздражённо, сунул руки в карманы любимого фиолетового флайо и со всей своей злостью пнул огромный ледяной барьер.

* * *

Когда закончился последний диалог, рупор прохрипел и замолчал. Лишь записи кончились, снова послышался голос Хлои.

— Каждое слово, что вы слышали, было записано, но не вышло в эфир. Даже самые спокойные из разговоров, что вещали рупоры всё это время — запланированная фальш. Череду спокойных, но ядовитых слов, постепенно вызывающая страх стать предметом обсуждения. Страх показаться ненормальным. Страх быть посмешищем с неправильными мыслями, о котором судачит весь город.

Хлоя убрала микрофон и прочистила горло. Она ощущала состояние потока и, что немаловажно для неё самой, складность речи. Слова не путались, и идея расстилалась перед слушающими мягче некуда.

— Идея, которую я хочу донести вам, проста до невозможности. Это альтернатива всего происходящего. Альтернатива, в которой человек имеет право думать и выражать себя. Где

человек может задавать вопросы и искать ответы, где может заниматься своим делом и расцветать. Главное — не ищите в ней панацею. Эта альтернатива не подарит вам внезапный смысл жизни, не ниспошлёт откровение, не откроет ваше призвание и не создаст вас самих из ничего. Её цель — не подарить вам что-то новое, а не позволить отобрать то, что давным-давно уже ваше.

Раздался выстрел. Громкий, точно не из револьвера или чего поменьше. Люди начали вертеть головами в поисках стрелявшего, но прозвучал ещё один выстрел. Второй стрелок не затаился в толпе, а поднялся на крышу одного из близлежащих зданий, чтобы оказаться поближе. Это был обычный грастя среднего возраста: форма его была чиста, намерения тверды, а самопал разряжен, но не опущен. Его взгляд на миг скрестился со взглядом Хлои, после чего лестница стала подниматься выше, подальше от опасности.

В эти секунды прямо под лестницей прозвучало ещё три выстрела. Они звучали потише и, судя по расстоянию, были сделаны практически вслепую, авось хоть одна попадёт. На удивление, одна действительно попала.

— Не бойтесь, в вас стрелять никто не будет. Они пришли за нами, — она пыталась успокоить напуганных мейярфцев. — И пока право выбора, пока саму мысль о переменах пытаются заглушить выстрелами, я всё равно продолжу говорить. Потому, если не хватало смелости поднять голову до этого момента — у вас есть целый день, чтобы сделать это. Сегодня можно сказать себе: *“Я — человек без маски на лице. Я не покорившийся и не безучастный. Во мне живы идеи. Мои идеи, которые я люблю”*. Сегодня можно задуматься, были ли жертвы эфира настоящими сумасшедшими и место ли им в Мысе Хохотунов. Можно даже представить, что эти люди способны подарить Мейярфу крылья, в существовании которых вас отчаянно пытаются разуверить. Что в руках у вас не кортик, не шприцы или лицензия караванщика, а то, что вам хочется держать больше всего. Что вдохновение и порывы — оно вне подвалов и опасений. Вот альтернатива, которую я хочу, чтобы вы увидели.

Хлоя почувствовала отчаянное желание докричаться до людей, трусость и покорность которых она презирала. Хотелось швырнуть в них рупор и выругаться пожёстче, но она всегда сдерживала такие порывы моветона. Хлоя считала себя каким-никаким, но дипломатом, а значит ежели придётся разжёвывать совсем уж очевидные вещи, она сделает это терпеливо, доходчиво и дружелюбно.

— Каждое моё слово обращено к вам, а не покровителям. Я не буду читать мораль охотникам за головами каждого, кто осмеливается её поднять. Я не прошу вас слепо верить мне или кому-то, чья позиция похожа на мою, ведь тогда мы станем такими же покровителями и ничего не поменяется. В моих словах нет истины, но есть послы. Я прошу лишь не бояться его услышать и решить для себя самих, где та правда, которая вам нужна. Я прошу сравнивать информацию, прошу видеть альтернативу, и лишь после этого решать. Прошу попытаться выразить свои мысли и чувства, а не стараться их умолчать или задушить. И тогда, если вы найдёте свой ответ для себя самих же, будьте уверены, что он будет услышан. Будьте уверены, даже если вам кажется, что громче рупоров в этом городе нет ничего. Потому *вам*, вам и никому другому стать символом того, что никогда шуму рупоров не заглушить рокот сердец, которые бьются со всей скоростью.

Невидимый глазу барьер подмёл дозорных к левой стене. Они были как крошки, которые метёлка элементарным движением выстроила в ряд. Размашистое движение руки, затем ещё одно, и караульные превратились в прямоугольник повалившихся друг на друга тел. И снова всё завершал дым — дозорные оказались вне игры. Кейтлин подошла к спящим грастиям, покрутилась, немного походила туда-сюда и полезла в карман к одному из караульных.

— Полапаю вас немного, джентльмены. Уверена, вы не против. — Она принялась обыскивать тех одного за другим.

Ярусы в Мысе Хохотунов оказались куда живее лабиринта из коридоров на первом этаже. Бледно-синие стены были покрыты росписями из мрамора, а широкие арочные окна пропускали достаточно света, чтобы это место казалось престижным и живым.

Ярус, в котором находились они, представлял собой лишь несколько коридоров и большое помещение высотой в три этажа. С самого низа наверх вели две узкие лестницы, но достаточно было встать посреди первого этажа, чтобы обеспечить себе этакий паноптикум и пробежаться взглядом практически по каждому уголку этого места.

Посреди помещение было полым, но на всех трёх этажах по периметру были расположены комнаты с весьма прочными на вид металлическими дверьми. В них находились небольшие окошки, которые можно было закрывать и открывать снаружи. Несколько ламп, куча одинаковых дверей, пара лестниц и невысокие ограждения на верхних этажах — вот и всё, за что мог зацепиться взгляд.

— Во внутреннем кармане, серьёзно? Кто носит ключи во внутренних карманах? — Кейтлин выпрямилась и протянула связку Мие. — Держи. Постарайся разобраться где какой, но пропускай все, которые начинаются с тройки. Третий этаж на мне. Только шустрее, сони не будут спать вечно. Тик-так, тик-так!

Напарница сразу метнулась на третий этаж, Мия же полезла в карман и развернула список со списком имён. В одной руке был листок, в другой огромное количество ключей, которые она пыталась перебирать. На одних число оказалось выгравировано, на других написано краской, но находились и ключи вовсе без опознавательных знаков.

Комната с номером “1.1.46”, который был обозначен и на ключе, была совсем недалеко. Она подбежала, отодвинула окошко и обратилось к человеку внутри:

— Так, извините! Назовите своё имя.

— Вы кто такая? — ответил испуганный женский голос.

— Я не вам не враг. Просто представьтесь, пожалуйста. Потом я смогу всё объяснить.

— Тэонриль Флисс. Вы, кажется, не грастия, да? Послушайте, я не преступница! Я никакой закон не нарушала, я совершенно нормальный человек. Пожалуйста, выслушайте!

— *Ф... Ф...* — Мия пыталась сосредоточиться на листке. — Секунду, одну секунду! *Фл... Флисс, да!*

Её имя значилось в списке, потому Мия сунула ключ в скважину и открыла дверь.

— Мы не хотим вас обидеть, напротив. Сейчас мы всех соберём и объясним, хорошо? Только не нервничайте, всё в порядке... Будет, правда.

Женщина стала посреди первого этажа, прижав руки к груди и оглядываясь по сторонам. Постепенно рядом с госпожой Флисс оказывались и другие заключённые. Мия даже не пыталась подобрать замок к безымянным ключам и полагалась только на те, которые были обозначены числами.

— И меня, прошу вас! — Мольбы звучали чуть ли не из каждой камеры с открытым

окошком, мимо которых проходила Мия. — Проверьте меня в списке, я здесь ни за что!

— Паури Жойль, посмотрите!

— В этом блоке нет преступников!

— ... и сумасшедших тоже нет! Мы нормальные люди, а не безумцы какие-то.

— Не оставляйте. Только не оставляйте меня здесь!

Всё сливалось в гомон, но Мия старалась выложиться на полную. Нервы и паника не одержали верх: к десятой камере уже получалось искать нужное имя в списке, готовить следующий ключ и параллельно успокаивать заключённых по соседству.

С Кейтлин они пересеклись в левом секторе второго этажа, когда дело подходило к концу. Она работала отмычками и справлялась со своей частью просто блестяще. Сейчас Кейтлин явно ощущала себя куда свободнее, чем до этого. Видимо, её постоянная болтовня с заключёнными лишь положительно сказывалась на скорости её работы.

— А вы мне имя-то своё скажите сначала. — Коленом девушка прижимала листок и взламывала дверь почти на ощупь. — Туктук? Тук-тук-тук... Ага, вижу! Туктук Пампам? Вот уж интересные у вас родители, ничего не скажешь. Не местный, да? Я тоже. С Хикаридуса приплыла, представляете? Да как, просто взяла и приплыла, да. О, открыто! Прошу на волю. Я к вам сейчас приду, а вы спускайтесь к остальным.

— Нас сюда насильно запихнули! Мы не нарушали закон!

— По очереди, милейшие! — крикнула Кейтлин всем, кого ещё не освободила. — Не нужно суетиться! Вы же просидели здесь не один день, так потерпите ещё одну минутку! — девушка переключилась на заключённого. — Стра... Предвечная. Страяшт? Страяшт Праул, вижу. Выходите, пожалуйста. Аккуратнее, не падайте. Всё хорошо, я вас держу.

— Девушка, а что вы здесь вообще делаете? — спросил невысокий старик с очень густыми бровями. — Вам здесь опасно быть.

— Знаете, те ещё пустяки. Бродим по лабиринту, — ответила Кейтлин, работая уже со следующим замком. — Мечтаем о хорошем сне и надеемся спасти эпоху. Идите к остальным. — Девушка рыкнула и крикнула уже другому заключённому. — Да слышу я, слышу! Уже открываю!

Когда с освобождением пленных было покончено, у выхода собралась толпа в почти сто человек. Это были люди, которым посчастливилось выжить в разговоре с покровителями и не отказаться от своих убеждений до конца. Каждый, кто присутствовал здесь боялся голоса Мейярфа, но не потворствовал ему. Они отказывались от своих затей публично, но сохраняли самые драгоценные мысли в своей голове. В моменты, когда требовалось назвать чистоту грязию, эти люди притворялись умалишёнными. Эта неменяемая осознанность и была тем, за что каждого из них посадили в клетку и тем, почему они её покинули.

Не все из списка оказались в этом ярусе. Не хватало с полтора десятка человек, но ни где их искать, ни живы ли они вообще никто не знал. Нужно было спасать тех, кто есть.

— Мы знаем, почему вы оказались здесь. — Кейтлин стояла на лестнице и обращалась к толпе. — Сейчас вам важно понимать то, что мы на вашей стороне. Наша задача — вывести вас отсюда и обезопасить.

— А что потом? — бросил один из присутствующих. — Если вы понимаете всю суть ситуации, то знаете, что нас просто в покое не оставят. Покровители снова придут за нами!

— Покровителями сейчас занимаются другие люди. Если всё будет хорошо, то оставят, будьте уверены. Сейчас вас должно волновать то, чтобы выбраться отсюда. Поэтому, пожалуйста...

— Да галдёж это! — заворчал седой мужчина. — Это какая-то уловка. Нас могут казнить просто за то, что мы решили сбежать отсюда. Это проверка на вшивость!

— Лично *вы* можете вернуться в свою камеру. Я даже позабочусь и закрою за вами окошко, хорошо? — Кейтлин зазвучала грубее обычного. — Прекратите притворяться, что у вас то положение, чтобы что-то выбирать. Хватайтесь за шанс пока он есть.

Седой буркнул, пробубнил что-то и стыдливо наклонил голову.

— Я пойду с вами, но всё равно вам не верю. И буду начеку.

— Замечательно. Насколько мы знаем, в других блоках нет тех, кого арестовали по той же причине, что и вас? Кому-то что-то известно?

— Только этот, — ответила женщина. — Я здесь давно. Этот отсек построили специально для таких, как мы.

— Замечательно. Тогда услышьте меня сейчас. Мы будем двигаться к выходу. Если возникнут трудности, мы будем защищать каждого из вас. Поэтому, пожалуйста, если вы хотите выбраться отсюда не по частям, — Кейтлин загнула палец за палец, — слушайте наши команды, не отставайте и не суетитесь. Три простых правила, от которых будет зависеть ваша жизнь. Справитесь?

Кто кивнул, кто согласился вслух. Венди уже стояла у выхода и оценивала всё происходящее за металлическими дверьми. Люди собрались в более или менее чёткую фигуру, напоминавшую прямоугольник. Ведущей нужно было время, и никто даже не думал подгонять её. Она глубоко вдохнула, и на пару секунд стало совсем тихо. Все замолкли, словно боялись оборвать какую-то тонкую нить сосредоточенности. Ладонь обхватила ручку и замерла. Выдох, и только тогда дверь заскрипела.

* * *

Парадокс старался не запачкать флайю собственной кровью. Из ноги лило как из ведра, куда хуже ран в плече и левой части груди. Его накрыло состояние, с которым парень сталкивался не впервые: дышать получалось с большим трудом, желание отхаркнуть кровь возникало каждые несколько секунд, а тело невольно дрожало. Пусть боль и не ощущалась, тело явно давало понять, что ему не по себе. Парень неуклюже попробовал снять флайю и швырнуть его в сторону, но бросок оказался слабым и рукав попал прямо в лужу крови.

— Бездарь какой... в ноги стрелять... — ворчал он себе под нос. — Разжаловать бы тебя, придурка...

Он покрывал горе-стрелка ругательствами, ни на секунду не забывая о Хлое и остальных. Аромат продолжают работать и цепи, тянущиеся с пальцев, никуда не делись.

Аномалия работала быстро и возвращала всё на свои места. Тело регрессировало, нужно было лишь перетерпеть неудобства. Когда пик дискомфорта миновал, Докс уже не злился на ранение в ногу. Всё же куда лучше, чем лежать с простреленной головой.

* * *

К трём ароматам на западной и восточной улицах присоединился ещё один. Скай стоял в паре дланей над землёй и помогал чем мог. Десятки чистых листов прямо в полёте принимали разные формы и мчались вниз. Они не могли нести какую-то серьёзную угрозу, но вывести из себя могли запросто. Бумажки мельтешили перед глазами, залетали за ворота,

врезались в лицо, мешали дозорным сосредоточиться и оценить ситуацию. Иногда было достаточно всего одного столкновения, чтобы листок замят упал на землю. Этого хватало, чтобы отвлекшегося грастию поглотила грязь или окружили бабочки.

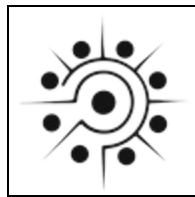
Скай видел, что на северной улице его помощь не нужна, но даже так листы в альбомах заканчивались с невероятной скоростью. Когда он заметил неладное на востоке, рука тут же неряшливо и второпях принялась писала весточки остальным. И только парень потянулся за очередным листом, как его ската сожрала огненная пасть. Платформа под ногами загорелась больше чем наполовину и Скай начал очень быстро терять высоту. Флайо его загорелся, а руки и часть лица обжёг горячий поток воздуха. Пришлось сразу сменить курс, чтобы не упасть в толпу, но огонь сжирал ската прямо на глазах, за считанные секунды. Бумажное создание полностью сгорело, не пролетев и полпути до одной из крыш.

Тесс подняла голову, смотря, как в небе горит бумажная опора. Вся её левая часть полыхала, и она падала, проносясь мимо косых улиц. Среди горожан и грастий поднялся гомон.

Маленький уголёк упал возле ног Тесс и загорелся. Жар от него был неестественно сильным, потому пришлось сделать шаг назад, чтобы не обжечься. И тогда прямо на глазах Тесс из толпы грастий вышел человек, вокруг которого крутились с десятков таких угольков. Он и люди, что шли за ним, не были дозорными и не были обычными горожанами. Они были равными.

Глава 16. Назойливое трещание

В этой главе больно ударит током.

— Налево, — промямлила Венди.

Она находилась на грани. Будто шум от людей позади не давал сосредоточиться и удержать ту едва уловимую нить, что показывала дорогу. Приходилось идти медленнее обычного и иногда останавливаться на поворотах.

— Тише, — наконец бросил Сорроу, и Кейтлин принялась громким шепотом просить толпу снизить тон.

— Так, хорошо, то есть там на улице кошмар? Поджоги? — спросил кто-то из толпы.

— Убийства? Там что, массовые казни?

— Бросайте вы. — Кейтлин, кажется, готова была сколько угодно объяснять, лишь бы не идти в полной тишине. — Какие ещё казни? Там всё глаже некуда.

После освобождения заключённых девушка немного приободрилась. Предостережения о странных существах впереди её, кажется, не пугали, но все остальные в отряде оставались напряженными. Сейчас Мия шла третьей, за Сорроу и Венди. Куда сильнее она разделяла их сосредоточенность и готовность, чем такую удивительную расслабленность. Будь то беспечность или самоуверенность — этой черте Кейтлин можно было только позавидовать.

— Нас стоят и ждут в гостевом зале. Это в шести пролётах отсюда, — доложила Венди Сорроу. — Примерно расстояние половины десницы. Их двое. И человек. Эти существа всё ещё стоят на четвереньках. Они не люди. Я в этом уверена. Но выглядят они... Странно, очень. На вид полностью одинаковые то ли гуманоиды, то ли... мужчины? Не знаю.

— Ещё что-то?

— Они выглядят сильными. Их кости отличаются от привычных. Они покрыты какими-то зубцами. А человек просто стоит. Ничего интересного, обычный мужчина. Но он их контролирует.

— Ваше дело! Не хотите верить — не верьте, — загнула их Кейтлин. — Неблагодарный. Да благослови вас Предвечная хоть трижды — ни за что не помогу, если что случится.

К ней обернулся Сорроу. Он поднёс указательный палец к губам, и Кейтлин виновато махнула головой.

— А что, — шёпотом ответил пожилой мужчина, — люди, что упрятали меня сюда, тоже много сладких слов наговорили сначала. Но пусть, пусть я ошибаюсь. Хочется в это верить.

Мия ощутила, как по телу пробежала неприятная волна. Её пальцы были холодными, и уже которую минуту она старалась их согреть. Волнение, похоже, пробирало настолько же сильно, насколько обходило стороной Кейтлин.

— Расскажите, а что дальше? Мы выйдем, но как нам жить в обществе? Вы собираетесь

убить покровителей?

— Что вы заладили, а? Я никого убивать не собираюсь.

Ответ тут же волной шёпота понёсся к тем, кто шёл позади. Все сбавили тон, но препираться не перестали. Вопросов, обвинений и предложений было слишком много, чтобы ответить каждому. Это неуместное ребячество продолжалось до тех пор, пока Венди не подняла левую руку. Что ряд, что группа позади, замерли.

— Сейчас повернём направо, к выходу. Там будет длинный коридор и дверь в главный зал, — произнесла она. — В этом зале мы столкнёмся с теми, кто хочет нас остановить. Я не думаю, что сражение затянется, но всё равно прошу вас доверять нам так, словно от этого зависит ваша жизнь. Потому что на деле так и есть. Сандер!

Человек в маске аккуратно протиснулся между людей и стал вторым в шеренге. Сорроу занял место Венди, а та стала перед Мией. Позади шла Кейтлин и все те, кто хотел, наконец, оказаться на свободе.

— Направо, — повторила Венди, и все повернули в длинный коридор. Впереди была широкая дверь в гостевой зал, которая постепенно становилась ближе. Люди перестали переговариваться, лишь иногда что-то шептали на ухо рядом стоящим. Сорроу положил руку на ножны, а человек в маске оставался таким же безмятежным, как и до этого. Венди подрагивала, и в этом страхе чувствовалась какая-то родственная связь. На полпути Мия обернулась. Кейтлин снова взяла себя в руки и выглядела серьёзно, даже ещё серьёзнее, чем в начале. Её ладонь касалась рукояти одного из револьверов на поясе.

Все ненадолго остановились у последней двери.

— Они стоят у противоположного входа, — доложила Венди. — Напротив.

Все как один набрали воздуха в грудь, и тогда Сорроу надавил на дверь. Друг за другом они зашли в зал, что оказался куда просторнее узких коридоров. Дверь за ними осталась нараспашку, но нужна была другая, ведущая наружу. Та, перед которой действительно стояли трое. Настолько же реальные, как и они сами. Через высокие стёкла проникал свет, что освещал их лица. И достаточно было лишь посмотреть на них, чтобы уловить тех, с кем договориться не получится. Когда один из них выпрямился и обнажил зубы, Мия была уверена, что сжала кулаки настолько сильно, как никогда до этого.

* * *

На востоке проблемы.

У Вереска аромат.

Эстер мигом прочла весточку и, запрокинув голову, наблюдала за рыжим пятном, которое пронеслось над их головами и исчезло за городской ратушей, оставив за собой тонкий след дыма. На широкую горящую простыню отвлёкся почти каждый из толпы.

Эстер протянула листок Хлое, та на секунду покосилась и кивнула, не перестав говорить в рупор. С высоты удавалось разглядеть, что в конце всех трёх улиц мелькали ароматы, которые до этого Эстер не видела. Виднелись и яркие вспышки, и пыльные ураганы, и что-то напоминающее стекло. За всем происходящим наблюдали небольшие горстки людей, которые осторожничали и не приближались слишком близко. Они повыходили на крыши домов, попрятались за здания и даже умудрялись подсаживать друг друга на арки.

— ... но не мне говорить вам о том, где найти альтернативу. Не мне отвечать вам на вопрос: “Если не это, то что?”. Это лучше выразить самому Мейярфу, тому его слою, который годами ждал возможности сделать это. Слою, который понимает этот город, слою, который всё это время был у вас под носом, но который вы не замечали. Который пока закутан в смирительную рубашку, но способный изменить Мейярф. Я покажу вам лишь часть его, а вы смотрите. Смотрите и, главное, слушайте. Я же сказала вам всё то, что хотела сказать. Спасибо каждому услышавшему.

Хлоя показала пальцем в сторону одного из близлежащих домов, на верхушке которого стоял мужчина с рупором. Он поднял руки и прыгал, чтобы привлечь внимание толпы. Человек заговорил ещё до того, как к нему повернулись все стоящие на площади.

— Выслушайте, пожалуйста! Моё имя — Маччери Мортале, я всю жизнь жил в Мейярфе и наблюдал за тем, как он с каждым годом меняется. Меня дважды посадили в Мыс Хохотунов за то, что я, галантерейщик, начал писать научный труд по кристаллизации. Сейчас я расскажу, как оказался в Мысе, как общался с остальными заключёнными и докажу вам, что они не безумцы. Они — наше будущее!

Маччери должен был справиться и показать людям тот ракурс, который Хлоя просто не могла увидеть ввиду того, что Мейярф не был её родиной. Он был тем редким человеком, кто не имел отношения к Орторусу, но кому Хлоя во многом доверяла. Именно Маччери с парой своих друзей, таких же толковых, приоткрыл завесу происходящего и самолично показал вещи, которые не каждый мейярфеец мог заметить, чего уж говорить об иностранцах. Бесспорный представитель интеллигенции, в котором вместо амбиций явно читалось самоуважение, а вместо патологической болезненной тяги к помыканию и закостенелости прослеживалось иногда даже излишнее стремление к новшеству и совершенствованию своих идей. Мужчина этот был временами опрометчивый, иногда наивный, но напрочь отказывающийся от таких понятий как “непогрешимый”, “непоколебимый” и “истинный”. Таким этого человека видела Хлоя и именно ему она решила вверить часть большого плана, от которого многое зависело для каждого из участников.

Пока Маччери говорил, Хлоя отдала рупор Эстер и кивнула в сторону серой дымки. Устройство распалось на частицы и дало небольшой запас амарантина. Словно повинувшись кивку, ступень под ногами набрала скорость, и устремилась в нужном направлении. Только удалось миновать толпу, они свернули в ближайший переулок.

— На тебе Скай, милая. Быстро.

— А ты?

— Подстрахую остальных.

— Как подстрахуешь, а? Как? — Эстер занервничала.

— Импровизация.

— Нет! Нет, там же другие носители! Это сразу крышка. Скажи, почему всё именно так, почему? Откуда у Вереска аромат? Как так могло выйти? Как *такое* можно было упустить? Хлоя, скажи мне, как?!

— Ещё раз. Тебе нужно помочь Скаю. Правильно?

— Конечно правильно. Но как остальные? И ты? Хлоя, я очень тебя прошу, не показывайся и не рискуй. Эти люди опасны, ты ведь понимаешь это.

— Нужно уметь выбирать правильные моменты.

— Они тебя даже слушать не станут! Это же сражение, кто там будет разбираться в том, что ты хочешь сказать? Пожалуйста, послушай меня.

Хлоя не умела передавать своё спокойствие другим людям. В таких ситуациях она зачастую взглядом и тоном речи приказывала остановиться и взять себя в руки. Чувство ответственности и прямой приказ обычно ненадолго, но побеждали панику. Сейчас почему-то захотелось отреагировать иначе: рука легла на голову Эстер и пару раз мягко прошлась по её волосам.

— Маленькая паникёрша. Если что-то идёт не по продуманному плану, значит, нужно придумывать другой, вот и всё. Мы бы тут и не торчали, если бы не имели альтернатив, так?

— Так. Значит, у тебя есть запасной план?

— Нет. Я настолько же понятия не имею, что теперь делать, как и ты. Но я что-то придумаю, и хоть пару секунд, но выиграю. А вот быть в двух местах одновременно, чтобы посмотреть как там Скай, я не могу.

— Понимаю, да. Ты правильно говоришь, — напарница благодарно закивала. — Прости. Я побегу! Оберегай вас каждый, каждый из Вездесущих!

Они не обменивались любезностями. Эстер нырнула в узкий проход и побежала в сторону сгоревшей бумажной кометы. Хлоя тоже ни секунды не медлила. Позади оставались удивлённые взгляды и испуганные лица, а впереди слышался неприятный лязг, что с каждым ударом становился громче и громче.

* * *

Пракси никакие бумажки не были нужны, чтобы понять наличие больших проблем. На его глазах объятый огнём скат под ногами Ская превращался в не пойми что. На восточной улице, что была к Пракси ближе остальных, раздался взрыв, слышный даже сквозь шум толпы. Бабочки Глэдис виднелись над крышами невысоких зданий, но всецело проигрывали высоким оранжевым столпам, издающим какие-то неестественные звуки.

Долго думать было не в его духе. Первоочерёдный план остался где-то на задворках мыслей, сам же Пракси нёсся в сторону восточной улицы.

Лёд какое-то время мог продержаться и без него. Парень тешил себя мыслью, что успеет справиться со всем до того, как грастии прорвутся наружу и начнут разгонять толпу.

— *Олухи. Ряженные олухи. Безмозглые ряженные олухи!* — ругался он про себя, то и дело оборачиваясь назад. Потому что знал, что его нужно ставить на защиту улиц, а у ратуши мог постоять и кто-то другой. Пракси злился на грастий, злился на свою смехотворную роль у ратуши и внезапные сюрпризы, чтоб их. Бесили и трусы, что решили напасть на девушек вместо того, чтобы первым спровоцировать его. Из себя выводили все эти толкающиеся люди, пищащие паникёры и даже трёп Маччери, голос которого резал уши. Этой злостью на всё подряд он давно научился вытеснять страх и растерянность. Потому каждый раз Пракси представлял не худшие последствия для себя, не самый плачевный результат, а тех, кто за всё это ответит.

Он выбежал на восточную улицу, где было чуть просторнее, и тут же увернулся от сгустка огня. Чужого, враждебного и опасного для близких ему людей. Огня, который он во что бы то ни стало пообещал себе потушить.

* * *

Мортимер так и не смог раскрыть бумажную птицу. Он лез из кожи вон чтобы не попасться и сполна потянуть время. С четырьмя враждебно настроенными носителями было справиться куда сложнее, чем с десятком-другим грастий. Они напали одновременно и единственное, что Морти пытался выяснить сейчас — способны ли те пойти на убийство или нет.

Всё вокруг было в грязи, но одежда его оставалась чистой. Значит азарт жив и можно сражаться на полную. Рукава были обожжены, подол флайо надрезан, а манжет порван, но безупречная чистота оставалась с ним — Мортимер не чувствовал на себе ни капли грязи.

Руки, лапы и щупальца, что без труда схватили бы грастий, не поспевали за носителями. Те или были слишком быстры, или помогали друг другу освободиться. Морти не думал бежать ни на другую улицу, ни куда-то ещё, потому что чувствовал — силы покидают, добежать он не сможет. Звучал голос Маччери Мортале, значит всё идёт по плану и отступить раньше времени нельзя. Нужно было тянуть момент.

Мортимер выложился как мог, чтобы вывести из игры двух носителей: те не просто застряли в чёрном цвете и оказались обездвижены, нет. Аромат реализовался вовсю, и когтистые руки затащили жертв глубоко в грязь — отдельный маленький океан, порождённый воображением своего носителя. Два человека там и остались: застывшие, но живые для того, чёрного мира, и временно несуществующие для этого.

Это оказалось пределом возможностей, хоть сражение ещё не было закончено. А значит грязь победила. Победила желтизну песка, окропив его, победила двух недругов, повседневность Мейярфа и даже своего хозяина. Брошенная за спину трость тут же пропала в огромной луже. А после, вслепую шагнув назад, в чёрное и холодное болото упал и сам Мортимер. Месиво поглотило его почти сразу, и они стали едиными — как глубоко ни суй руку, а тела нащупать уже бы не удалось. Лишь вязкую грязь, напоминающую по форме человеческое тело.

* * *

Клочок бумаги подтвердил все опасения Моника. Под куполом из металла удалось заточить всех трёх носителей из Вереска, но она понимала, насколько же это непрослительно мало. Амарантина хватало чтобы быть уверенной — её стихию подавить не удастся. Люди изнутри пытались выбраться, металл чувствовал каждый из этих потуг. Купол оказался слишком низким, чтобы встать в полный рост, а внутри было совершенно темно, что мешало сосредоточиться и раскрыть ароматы в полной мере.

Мало. Этого было до ужаса мало. Напади на неё хоть полдюжины таких, было бы куда спокойнее. Моника знала бы, что она — сдерживающая сила, что сделала достаточно, дабы шансы на успех возросли по-настоящему. Но на северной улице людей из Вереска было всего трое. Те будто знали, что пытаться прорваться через металл — дохлая затея, потому решили отправить как можно меньше людей, просто для видимости.

Грастии во главе с Эмастимом не лезли на рожон. Они оттянулись назад: помогать Вереску дозорные не рвались, но и врассыпную бросаться не спешили. Моника в первую очередь контролировала свой металл и лишь поверхностно думала о том, что можно бросить кучке дозорных.

— Нападёте сейчас, и вся пролитая кровь будет на вашей совести. Ни шага!

Блюстители высших рангов переговаривались между собой в попытках прийти к общему

решению. Монике стало не до того. Она держала руку перед собой и была обязана принять быстрое решение. Худшая часть её фантазии дорисовывала страшные образы, из-за которых хотелось немедля рвануть на восточную улицу. Тогда удержать то малое, что есть сейчас, не выйдет: грастии рванут к площади, а трое носителей наверняка понесутся следом за ней. На восток, где из-за большого количества людей всё может превратиться в бойню.

В эти самые секунды что-то подсказывало, что в любой момент может оборваться жизнь тех, кем она дорожит. Кого она считает семьёй. Оттого хотелось сорваться с места и бежать. Чтобы каким бы печальным ни был конец, она либо отстрочила его, либо встретила вместе с остальными. Редко какой-то выбор казался Монике судьбоносным, но этот случай оказался из таких. Тянуть было нельзя.

Моника обратилась к толпе дозорных и попросила выйти трёх представителей высшего эшелона, которые готовы как выслушать её условия, так и выдвинуть свои. Эмастим Купол недолго думая выбрал двух товарищей из толпы и подошёл на пять шагов ближе. Он расположился по центру для красоты картины и даже выпятил грудь, делая первые шаги навстречу. Этого расстояния было достаточно.

Металлическая тюрьма Вереска стала тоньше, а аромат Моники набросился на трёх грастий, в миг заточив и их. Девушка всё так же держала одну руку вытянутой, то и дело переводя взгляд с одного купола на другой.

— Я не причиню вреда этим людям, — крикнула она напуганным дозорным. — Если вы не сдвинетесь с места. Пока бездействуете вы, бездействую и я. Не заставляйте меня показывать всем вам, насколько опасным может быть металл.

Оставалось всем сердцем надеяться на то, что её семья справится. Что лишний раз не спровоцирует, не запачкает руки в крови и сама в ней не захлебнётся. Хотелось верить в каждого из них. В каждого.

А тем временем Моника будет стоять. И быть ей не баррикадой, а лишь маленьким барьером, который будет выполнять свою роль до конца. Появится больше носителей или грастий, она справится и с ними. Пока ноги держат, северная улица останется неприступной.

* * *

Главный зал был иллюзией для незваных гостей Мыса Хохотунов. Только человек переступал порог, как его встречал изыск: высокие потолки, витражи и украшенные росписью окна, крупные картины с гобеленами и свежескрашенные стены. Изнанка, что начиналась прямо за дверью, была серой, однообразной и не имела ничего схожего с тем, что можно было увидеть в главном зале. Её хорошо знали грастии, местные рабочие и пациенты этого места, остальным не полагалось заглядывать туда, куда не следует.

От яркого солнечного света и шума улиц, толпу в сто человек отделяло не больше тридцати шагов. За спиной их начинался лабиринт, из которого лишь недавно они и не думали выбраться.

Сорроу отдал приказ своим тихим голосом так, что даже Мия с трудом его слышала.

— Сандер, нельзя, чтобы люди разбежались в панике. Ты должен закрыть всех. Всех до единого. Это всё, что от тебя требуется. Мне нужно время, поэтому выдержи. Выдержи, чего бы тебе это ни стоило.

Затем он шагнул вперёд, и стоящий посреди зала высокий человек в очках сделал то же

самое. Он был на пару голов выше Сорроу. От его кожи постоянно отлетали синие искры, будто высокое напряжение в теле рвалось наружу. По бокам незнакомца стояли два лютых существа: не то люди, не то звери. Они сутулились и рычали, а густые бакенбарды на щеках делали их похожими на львов. Стоило только глянуть на взбешённое лицо, чтобы ощутить всю ту злобу, что сочилась наружу. Так их и хотелось называть — «злоболюди». Изнурённые голодом, они не умели воспринимать слова как способ решения. В глазах существ не читалось здравого рассудка и уж тем более желания о чём-то договариваться. В них горел один-единственный инстинкт, и они ждали команды, чтобы дать ему волю.

— Не будем ходить вокруг сути, — начал человек в очках. — Мейярф не даст вам покинуть это место. И эти люди отсюда не выйдут живыми, — он указал на освобождённых. — Но вы можете отступить. Ваше поражение стоит куда больше вашей смерти. Я не убивать вас пришёл, а предложить сложить оружие. А значит, *для вас* ничего не предрешено. Всё можно решить мирно, а можно утопить этот зал в крови. Но услышьте меня — у вас мало, фантастически мало шансов на победу, поэтому посмотрите на ситуацию трезво. Я хочу взаимопонимания, но друзьям рядом со мной оно не нужно. Их интересует другие... скажем, менее гуманные вещи.

Ситуация совсем не походила на сражение с обычными дозорными. Эти незнакомцы владели силой и готовились использовать её вовсю. Сейчас осознание чего-то переломного всё сильнее пробуждалось в голове. Уже который десяток минут Мия испытывала что-то совершенно новое, сотканное из всех известных ей эмоций, и сейчас этот шквал чувств был самым ярким на её памяти.

Сорроу сделал ещё шаг, продолжая держать ладонь на рукояти. Он не сутулился, не выглядел так, что вот-вот ударит. Но и ослабить хват, казалось, его не заставил бы даже очевидный факт предстоящей смерти.

— Делай то, что должен, Флавитон. И будет то, что будет. — Единственную фразу Сорроу бросил своему оружию, а не недругам или людям позади. Никакого слышимого ответа не последовало.

— Исчерпывающе. И ожидаемо.

Высокий человек шагнул навстречу и его очертания начали расплываться. Он всё ещё стоял напротив, но перед ним возникла его искристая, похожая на дымку копия. Затем появилась вторая, точно такая же, бесформенная. После этого изменился и сам незнакомец: его тело начало издавать отрывистые трещащие звуки, а привычный человеческий облик растворился. Носитель обернулся тремя одинаковыми существами, и за пару мгновений недругов стало уже пятеро. Все три формы в ту же секунду рванули с места.

— К углу! — выкрикнула Кейтлин. — К углу зала, немедленно!

Только она произнесла эти слова, всё началось по-настоящему. Злоболюди стали на четвереньки и помчались следом за электричеством, но и из освобождённых никто не медлил. Мия бежала за Венди и боялась, как бы кто ненароком не упал. Каждый из убегающих был напуган и не стеснялся расталкивать других, чтобы побыстрее оказаться в углу зала. Будто коснуться стены означало спрятаться от непобедимой силы и этим самым спасти свою жизнь.

Несмотря на панику, ситуация не вышла из-под контроля. Мия чётко ощутила, как ладони коснулись холодного камня. Рядом столпились остальные, и только Сандер неподвижно стоял дальше всех от угла. Он оказался единственным препятствием, разделяющим толпу и атакующих. Его указательный и средний пальцы были выставлены

немного вперёд, на уровне шеи. Это напоминало картину, будто он пытался нащупать пульс у невидимого существа. Вторую руку Сандер занёс за спину, но и на ней загнул все пальцы, кроме указательного и среднего. Он был готов.

— *Безопасно*, — пронеслось в голове у Мии. — *Пока что*.

В их сторону бежало искрящееся существо и один из людоедов. Злобчеловек решил напасть первым. Он разбежался и замахнулся на Сандера своим массивным кулаком. Удар был со всего разбега, но до лица не хватило всего ничего. Вся мощь разбилась о невидимую границу. За спиной Сандера находились две стены зала, и лишь одна невидимая глазу грань отделяла этот угол от внешнего мира.

Удары по барьеру оказались сильными настолько, что их было слышно. Искрящийся лишь касался его ладонями, но от этих прикосновений невидимая стена начинала трещать, а форма её становилась уловимой из-за пробегающих по нему электрических разрядов.

Мия глянула в сторону — Сорроу пытался справиться одновременно с тремя противниками. Приходилось уворачиваться и отступать, чтобы оказаться целым. Второй злобчеловек пытался словить его, а искрящиеся то полностью исчезали, то появлялись, пытаясь до него дотронуться. Каждое своё движение Сорроу направлял на то, чтобы уцелеть. Он не атаковал, только пытался предугадывать движения и ни в коем случае не попасться. У него это получалось. Он ни секунды не стоял на месте и двигался совершенно непредсказуемо. Даже когда Мия была уверена, что вот он, момент для контратаки, тот не спешил. Лёгкий шаг вперёд, оборот, отскок, но не удар. Левая рука буквально прилипла к рукояти, а взгляд тут же находил искрящихся, едва они появлялись. И как они не пытались его коснуться, не выходило.

— Предвечная! — крикнул один из группы. — Это никакой не человек. Что делать, если он нас достанет? О таком вы нас не предупреждали!

— Почему ваш друг остался там?!

— Что, если его одолеют? Мы обречены? — подключился третий, а затем и остальные.

— Почему ж так долго? Сколько ещё выдержит этот барьер?

— Я могу как-то помочь? Я могу отвлечь их. Послушайте, я готов рискнуть собой, только скажите, что делать.

— Простите. Пожалуйста, под ликом Предвечной прошу вас, простите, что не поверил вам с самого начала. Я ошибался!

— Нам нужно бежать обратно! Двери открыты, посмотрите.

И этот панический залп голосов, вопросов, предложений и мольб разросся в настоящий гомон. Мие и самой хотелось просто задать кучу вопросов, выразить свой страх и ждать спасения. Но она была не освобождённой, а освободителем. Для неё это играло огромную роль и помогало остаться на плаву.

— Помолчите, пожалуйста! Вы болтаете и паникуете, это жутко отвлекает, — разозлившись, крикнула Кейтлин, защёлкивая барабан револьвера.

— Не вздумай стрелять, — с излишним спокойствием приказал Сандер. — Обереги Вездесущие. Ты же разломаешь стену изнутри.

— Но тогда я совершенно бесполезна, — запаниковала та. — У меня тут целый арсенал, самые разные патроны.

Тот лишь ответил ей своим спокойствием.

— Так не пойдёт! Ты можешь создать брешь в углу, через которую я выбегу? Мне хватит секунды, даже...

— У тебя совсем голову отшибло? — встряла Венди. — Эта дрянь тебя разотрёт по полу! Ты слышала Сорроу?!

— Изнутри. Отсюда, — объяснил Сандер. — Но не физическое. Не пули. Пусть постарается Венди.

— Поняла. — Она тут же полезла в свою небольшую сумку.

— Зачем тогда я сюда забежала? — пожаловалась сама себе Кейтлин. — Абсурд! Сорроу сражается против троих, а мы просто ждём? Я ведь даже совсем не из защитников, какой от меня прок здесь? Расшиби меня молния, зачем я сюда побежала?!

Никто ей не ответил. Венди достала маленький инструмент с двумя струнами, уселась на колени и закрыла глаза. Её палец начал с одной и той же периодичностью брэнчать по двум струнам, создавая монотонный звук. Её губы произносили какие-то слова, но ни расслышать, ни прочитать их было нельзя.

— Я могу попробовать? — отважилась Мия. — У меня ведь не физический аромат.

Птица лишь кивнула в ответ.

— Только ты сделаешь это, я пробью этот паскудный барьер и вцеплюсь зубами в твою шею, — с ненавистью прошипел монстр по ту сторону стены. — Я разорву тебя на куски своими зубами, только начни. Я раскушу тебя! Ты треснешь пополам!

Мию передёрнуло от неприятной картины, что появилась в голове. Во рту очень быстро стало сухо, а промокшая одежда прилипла к спине, передавая телу холод. Но в голове даже не возникло мысли о том, чтобы прекратить. Как и учила Эстер, она выставила руку вперёд. Несколько секунд, и кое-как получилось сосредоточиться. Совсем не идеальный, но результат был. Злобчеловек и искрящийся отделились на фалангу-другую, не больше. Отодвинуть дальше было куда труднее, потому она сконцентрировалась на том, чтобы не дать им приблизиться. Мия выжимала из собственных сил всё, никакой жалости к себе. Остановиться следовало только тогда, когда начнёт катастрофически сильно тошнить.

Аромат продержался не больше полуминуты. Злоблюд бил уже не так быстро, а удар его таял, едва-едва соприкасаясь с невидимой стеной Сандера. Искрящийся и вовсе не дотягивался до стены, потому странный трескучий звук на время прекратился. Всё это время человек в маске даже не думал убирать пальцы и снимать защиту, но Мия понадеялась, что эти мгновения были для него небольшим отдыхом.

И в одну секунду все в зале, кроме Сандера и Сорроу устремили взгляд в одну точку. И Мия, и освобождённые, и даже злоблюдии на добрые пару секунд обратили своё внимание на залп искристых и громких огней, что вылетали из револьвера и взрывались у самого потолка. Эти три маленькие кометы, летящие одна за другой, просуществовали совсем недолго.

Мия повернула голову. Только взгляд упал на Сорроу, оторвать его стало невозможно. Она видела всё от начала до конца. Когда третья комета взорвалась в воздухе, Сорроу широким шагом зашёл за спину людоеду и впервые за всё время вынул оружие, что лежало в ножнах. Мия ожидала увидеть лезвие, что способно разрезать даже такого громадного человека, даже электричество. Но в них не было ничего, совсем ничего. Будто обычная рукоять оружия с лезвием, которое оставалось воображать. Ни отблесков, ни какой-либо формы. Что-то несуществующее проткнуло злобчеловека в районе живота и устремилось вверх, мчась через грудную клетку, шею и голову.

И когда тот упал, Мия поняла, что злое существо мертво. Мертво настолько, что сама мысль о его жизни показалась противной и неестественной. Это была не смерть от меткого

удара, не смерть от кровотечения или боли. Разрушилась цепкое и самое важное звено в нём самом, и ничто, даже самое высокое и сильное, что только могло существовать, не могло этому воспротивиться. Он умер навсегда и во всех смыслах.

На полу лежал не труп, а незнакомец, образ которого становилось все сложнее вспомнить. Его лицо, казалось, мелькало в памяти когда-то давно, ещё до самого начала, но вспомнить его совсем не получалось. Незнакомца забрало несуществующее лезвие, что снова заснуло в своих ножнах.

— Старина понял, зачем я это сделала, — бодро заметила Кейтлин. — Обожаю его хладнокровие в таких заварушках.

Искристое существо, что билось о барьер, тут же метнулось к Сорроу. Единственным, кто пытался проломить слой, был оставшийся в живых злобчеловек, но теперь он делал это с двойным, а то и тройным упорством. Взгляд на неподвижное тело поджёт что-то внутри, и глаза его налились кровью. Он завизжал, прорвался через аромат Мии и начал бить по барьеру ещё быстрее, чем до этого.

Ей его было уже не сдержать. Людоед заносил кулаки, что было силы стучал об стену лбом и даже пытался прокусить её зубами. Силы в одном кулаке ощущалось столько, что схвати он ненароком кого-то даже за кисть, просто подтащит и запросто переломает шею.

— Я сожру ваши тела живьём! Я достану вас!

Этот вопль показался ещё более жутким. Он надрывался, переходя на рык, сипел, как люди не сипят, кричал так, будто одержим. Каждый его удар, каждый рык пугали и заставляли сделать маленький шагок назад.

Освобождённые паниковали куда заметнее. Некоторые сели и закрыли руками головы, другие прижались лбом к стене и закрыли уши. Старик, похожий на учёного, заплакал. Одни сдерживались, другие не могли перестать рыдать, и от этого вида Мие стало совсем дурно.

— Вы зря так, — уверяла его Кейтлин. — Стена не треснет. Прекращайте. Мы выведем вас отсюда. Присядьте на пол, вот так.

Человек в маске птицы по-прежнему касался барьера лишь указательным и средним пальцами. Он оставался почти неподвижным, хоть каждая секунда явно давалась ему с всё большим усилием. Каждый удар снаружи, что становился сильнее и сильнее, поглощала стена. Мия обернулась на крик мужчины рядом с ней.

— Предвечная. Юноша, что с вами? Ему плохо! — запаниковал он. — Что с ним случилось?

И правда, руки Сандера начали покрываться порезами и кровоточить. Прямо на глазах у Мии на обеих сторонах ладоней начало появляться всё больше ссадин. Когда руки покрылись целым множеством ран, человек в маске ничего не сказал, даже не дрогнул, а лишь начал глубоко и медленно дышать. Меньше чем через минуту такой борьбы кровь начала вытекать и из-под маски. Она собиралась на подбородке и капала на пол. Но и тогда Сандер продолжал молчать.

Освобождённые забились в угол. Они с трудом, но старались держать себя в руках — это было заметно. Кого-то коробило, кто-то тихо хныкал, стараясь размеренно вдыхать воздух, но им стоило больших усилий не свести это к неподконтрольной панике и хаосу.

Сама Мия тут же решила действовать, но в этот раз аромат не помог. Казалось, на это существо теперь не действует гравитация, да и все известные законы. Своей яростью он нарушал их, продавливая невидимый слой, что она создала. Попытка, а затем ещё одна. Ничего.

Венди всё так же сидела на коленях, наклонив голову и закрыв глаза. Она старалась расслабиться и взять себя в руки. С каждым её вдохом Мия ожидала, что что-то поменяется. Вот-вот злобочеловек должен был упасть, скорчиться от боли или хотя бы немного выдохнуться. Но он продолжал бить, как ненормальный, несмотря на разбитые руки и лоб. Собственная кровь, казалось, лишь раззадоривала его и усилила это нездоровое желание впиться зубами в живого человека. Те, кто от страха закрыли глаза, всё равно слышали эти вопли. Рыки, визги и клятвы, от которых снова и снова пробегала дрожь.

— Сложно. Не получается сосредоточиться.

— Попробуй ещё раз. Пожалуйста. — Сандер прилагал усилия, чтобы звучать сдержанно.

Маленькое красное пятнышко появилось уже на плече, затем на голени. Но человек в маске всё так же держал два пальца на весу. Было совсем непонятно сколько ещё выдержит перегородка между миром безопасности и сумасшествия.

— Откройте барьер, — просила Кейтлин, но ей никто не отвечал. — Это вопрос одного барабана. Я справлюсь.

Венди старалась сосредоточиться. Несмотря на ор и страх, она пыталась перестать слышать все ненужные звуки и остаться наедине с собой. Ничего не выходило. Она сжимала зубы от злости, старалась снова и снова, но безуспешно.

— Не паникуйте, — мягко попросил человек в маске. — Что там Сорроу?

Мия оторвала взгляд от лужицы крови, что скопилась под Сандером. Сорроу сражался, но сейчас перед ним мелькало не три, а всего одно искристое существо. Рядом с мёртвым злоболоудом лежало уже и мерцающее тело. Даже после смерти оно почему-то было словно под напряжением. Один, куда более яркий, всё так же пытался достать до Сорроу, а его перемещения в пространстве оказались гораздо быстрее. Он исчезал и появлялся пару раз в секунду, отчего приходилось реагировать почти моментально. А вот третий мерцающий исчез — его вообще не было в помещении.

— Он победил одного искристого. А второй, кажется, спрятался, чтобы восстановить силы. Его нигде нет. Третий появляется и исчезает очень быстро, но приблизиться не может. Сандер, ещё немного. Я думаю, что ещё совсем чуть-чуть. Держись, пожалуйста.

Его кровоточащие руки побледнели и казались невероятно холодными. Парень будто замер в предсмертном состоянии и просто отказывался шевелиться. Он не горбился, не дрожал и уже даже дышал спокойно. Возможно, стоило опустить ладонь, и его захлестнула бы настоящая агония, но сейчас вся его суть хранилась в двух пальцах, что до сих пор не оторвались от барьера.

— Спасибо. Попробуй аромат. Хоть немного. Не страшно, если не получится.

Стоило только Мие занести руку, как послышался крик. Она почувствовала, как на неё налетел один из освобождённых и размашистым неаккуратным движением ударил её по голове. Помимо него упали и другие, около десяти человек. Среди толпы находился один из искрящихся, который словно запрыгнул сюда откуда-то извне на огромной скорости, растолкав целую толпу на своём пути. Существо повалило Кейтлин на пол и обеими руками душило её.

Вихрь внутри Мии проснулся сам по себе. Она даже не закрывала глаза, но чувствовала, что сейчас какая-то сила покинет её тело, направившись прямо к врагу. Люди бросились помогать, пытались пнуть или скинуть это существо, но у них не получилось даже дотронуться до него. Только Венди не предприняла никаких попыток и продолжала сидеть

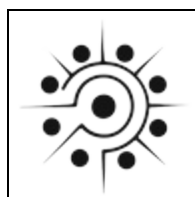
на коленях, даже не приоткрыв глаза. Мия попыталась ускорить поток внутри себя. И только он должен был ринуться вперёд, как Кейтлин крикнула и, превратившись во взорвавшуюся искрящуюся бомбу, растворилась.

Всё это, от вторжения и до исчезновения, заняло чуть больше десяти секунд. Поток амарантина тут же утих и спрятался где-то, откуда его было уже не достать. Существо повернуло свою голову к ней, протрещало и исчезло. В голове ещё раз пробежала мысль, что на одного человека стало меньше. И только Мия почувствовала, что сильные искрящиеся руки сомкнулись уже на её шее, одолела уверенность, что выбраться уже не выйдет. Люди рванули на помощь, начали что-то кричать Сандеру, искристому существу и друг другу. Всё опять переросло в настоящий гул. Она чувствовала тёплое давление на шее, но не могла коснуться душителя. На какие-то попытки применить аромат просто не хватало дыхания. В тающей картине настоящего Мия увидела, как к ней обернулся Сандер, что продолжал держать стену и никак не мог помочь.

Искристый подтянул её к себе и что было сил толкнул в сторону стены. Мия ясно ощущала, как затылок коснулся твёрдой поверхности. И только это произошло, её тело затрещало изнутри, превратилось в рокошущие искры, затем ярко вспыхнуло и куда-то пропало. После этого потухло и сознание. Последний образ, что оно успело унести с собой — истекающая кровью птица, что защищала своё гнездо.

Глава 17. Самость

В этой главе сердце не перестаёт, а начинает стучать.

— Что за чушь? — Тесс отскочила назад, к Глэдис, и ждала ответа на вопрос. — Почему вы ни слова не сказали про носителей? Сколько вы были в Мейярфе, а?!

Пракси хотелось ответить ей самыми гадкими ругательствами, но он сдерживался. Парень понимал, что часть вины лежит и на нём. Пусть не он лично прозевал это, пусть он поехал в Мейярф только чтобы помахать кулаками в случае опасности, но неприятное чувство безответственности всё же терзало его. Пока Пракси помогал оттеснить Вереск, в голове только и крутились мысли, что бы им ответить.

— Замолкни ты уже и соберись! — рыкнул парень в ответ. — Не знаю я ничего! Не знаю!

— Это рушит... рушит вообще всё, что мы придумали. Вообще всё!

Несмотря на распри, Тесс хорошо чувствовала, когда льду нужна помощь. Пока Пракси вовсю пытался обездвигить очередного болвана, ни одна деталь не оставалась без внимания. Что бы это ни было, на своём пути оно сталкивалось с одной и той же силой: горящие угли вяло падали на полпути до цели, осколки стекла были не в состоянии пробить кожу, а от мчащихся по асфальту ударных волн можно было запросто увернуться.

Тем временем бабочки перестали просто лишь оттягивать время. Теперь они врезались в недругов и жгли, жгли так сильно, будто состояли из кислоты. Боль была сильной и заставляла если не бежать, то дважды подумать, прежде чем лезть на рожон. Вокруг Глэдис их было так много, что как ни изворачивайся, близко подступить к ней не получалось.

Когда же трое из Вереска выбыли из игры, оставшиеся перешли в активное наступление. Они двигались навстречу, окружали, залезали на невысокие здания и пытались зайти с тыла. Трое их оппонентов стояли спина к спине и старались контролировать всё пространство.

— Вереск здесь! — в панике кричали одни дозорные. — Назад, назад! Дайте им место для сражения.

— Нет, дурни! Вперёд, помогайте, помогайте Вереску! — возражали другие.

Дисциплина дала трещину, и пока большая часть грастий оставалась в стороне, некоторые из них рванули вперёд. Те хотели отвлечь внимание на себя, пока Вереск не займёт позиции и не окружит. Самый быстрый из дозорных успел даже замахнуться, но до цели так и не добежал. Его остановил не лёд, не бабочки, а яблоко. Оно разбилось точно о голову караульного и разлетелось на части. Мужчина упал и схватился за лицо, а его товарищи остановились.

Яблоко прилетело из толпы неподалёку, что до сих пор казалась одной большой, но безобидной лужей. Под осуждающий гомон полетели не только яблоки: в расход пошли камушки, горшки, кружки, монетки и вообще всё, что попадалось под руку и могло лететь.

Доселе осмелевшие грастии попятились, но толпа не прекращала: некоторые метили уж больно метко, чтобы дать грастиям уйти. Такие же красные яблоки попали по голове сначала одному, потом второму и третьему дозорному.

Самым действенным решением оказалась физическая сила. Мужчина из Вереска, чей аромат напоминал кучу управляемых стеклянных осколков, ринулся к толпе. Один из метящих яблоки пареньков в первых рядах не успел занести свою руку для очередного броска, как схлопотал размашистый удар по лицу. Когда он упал наземь, то выхватил ещё, затем ещё один. Толпы зашумела громче, но начала разбегаться и прятаться. Удар за ударом, пока кулак носителя не упёрся в лёд.

Юношу окутал холодный плед. Взгляд Пракси вцепился в человека, что крепко сжимал кулаки. Слепая месть закипала внутри вместе с неподконтрольной яростью. Сам себе он поклялся, что пока кто-то из них двоих не будет лежать с переломанными пальцами в груди стекла или льда — никаких компромиссов. Ни одной поблажки носителям, у которых поднялся кулак на тех, у кого нет аромата. Для Пракси это было равносильно ошеломительному удару из-под тишка по ребёнку, который вдвое меньше его самого и не ожидает этой подлости.

— Чернь! Только что ты переступил грань, паскуда! — парень бросился навстречу.

Пракси дал своему аромату карт-бланш: никаких переживаний о сломанных конечностях, обморожении или непредвиденных травмах. Они вошли в симбиоз, где носитель направляет лёд, а тот вершит волю своего хозяина. Его злили и глазающие дозорные, и смотрящие на него как на добычу придурки из Вереска, но ярость лишь подпитывала парня как нельзя сильнее.

Лёд не оставался статичным, постоянно менял форму и даже не думал проигрывать какому-то там стеклу. Послышался протяжный треск, и разбушевавшаяся стихия остановилась в последнюю секунду: её зубы, выросшие из-под земли, сомкнулись на уровне шеи. Сдержаться и накрепко не сжать холодные клыки — это была война с собственной ненавистью. Ещё немного, и человек лишился бы жизни, а ледяная стихия и дальше расстилалась по улицам и площадям, со всей своей враждебностью нападавая на каждого, кто захочет её остановить.

Амарантин человека, что управлял этой слепой злобой, кипел[1]. Он в буквальном смысле бурлил в нём, перешагивая далеко за рамки закрытых глаз и сосредоточенности. Всё, что он находил враждебным, обгладывал лёд. Замерзло стекло и снаряды, блики и огоньки, руки, шипящие жидкости, колючий песок, лезвия и сами люди. Всё, бросившее вызов холоду, утопало в голубых глыбах.

С чем Пракси не мог совладать, так это с количеством. Каждый, с кем он сталкивался, вне зависимости от аромата, в конечном счёте выбывал из игры. Из-за усталости, связь с ароматом то пропадала, то вновь появлялась, но череда побед не прерывалась. Пракси превозмогал раз за разом, пока не пришло осознание, что сколько бы он ни побеждал, целей не становится меньше. Люди из Вереска замирали, но их место занимали другие, такие же быстрые и опасные. Тогда Пракси начал только защищаться, а не охотиться. И вскоре к нему впервые пришло понимание того, что, сколько бы он ни надрывался и ненавидел, как бы ни хотел потушить Терсиду и победить, у него это не получится.

Докс бросил защищать Маччери. Сейчас парень нёсся по крышам зданий чтобы поскорее оказаться поближе к заварушке. На его глазах Мортимер утонул в своём аромате, но что там происходило на восточной улице разглядеть было невозможно. Он не аккуратничал, потому по пути не раз подворачивал ноги и даже ломал их из-за очень неудачных приземлений. Парадокс ковылял, если не получалось ковылять — падал и просто полз, надеясь, что его аномалия сработает поскорее. Когда тело приходило в порядок, он поднимался на ноги и бежал что было силы.

“Вам запрещено умирать”. — Слова Фриды снова и снова звучали в голове. — *Запрещено, запрещено, запрещено. Никто не должен погибнуть. Никто.*

Добежав, Парадокс нырнул в узкое пятиэтажное здание, которое заприметил по пути. Никакого внимания на посетителей или кем там они были — парень просто промчался мимо них на самый верх. Надеялся, что вся его невезучесть, все жизненные уроки и шуточки, которые в обычное время кажутся забавными, сейчас обойдут его стороной. Пусть именно в этот раз ему повезёт, и крыша будет открыта.

“Потом будь что будет. Хоть потоп, хоть пекло, пожалуйста!”

Парадокс с такой силой врезался плечом в дверь, ведущую на крышу, что потерял равновесие и едва не упал. Наверху уже было достаточно зевак, которые наблюдали за происходящим, выглядывая из-за перегородки. Больше всего подростков и детей, но было среди них и несколько взрослых.

— Уматывайте отсюда все. Быстро, быстро! Уматывайте! — он старался сделать голос пораздражённее и агрессивнее, чтобы никто не начал спорить. — Бегом, я сказал, не то прямо сейчас грастий сюда приведу!

Наблюдатели отреагировали так, словно знали, что попались на самом страшном из преступлений, и не думали препираться. Парадокс торопил их и даже подталкивал в спину, а когда последний мальчуган оказался на лестнице и повернулся что-то спросить, Парадокс захлопнул дверь прямо перед его носом. Вход он подпёр тяжёлой бочкой с жидкостью внутри — не гарантия безопасности, но немного времени в случае чего выиграет.

С этого ракурса всё было видно как нельзя лучше. Тесс лежала у ног одного из Вереска, колена её были поджаты, а руки находились у живота. Девушка шевелилась едва-едва и нельзя был рассмотреть, в сознании она или нет. По всей улице было почти с десятков людей, примороженных то к зданиям, то к брусчатке. Было видно, аромат Пракси всё ещё кипел, но даже так, они с Глэдис очевидно не справлялись — против них стояло близ семи человек, в каждом из которых были силы сражаться.

Из пальцев Парадокса тут же хлынул аромат: он представил, как три неразрушимые и неосязаемые цепи преодолевают пространство и оплетают сердца нужных людей. Так он оберегал тех, у кого хотел забрать боль или кому не мог позволить умереть с первого раза. Даже с его цепями, всё шло совсем наперекосяк. Докс словил себя на мысли, что сейчас от оптимизма и уверенности не осталось и малейшего следа. Носители из Вереска пользовались своими ароматами так, будто тренировались далеко не первый год.

Он увидел, как девушка в капюшоне метнула в Пракси что-то, напоминающее алмазный диск. Со стороны это выглядело так, словно диск на огромной скорости пролетел сквозь, но Парадокс сполна ощутил этот удар. Ему перерубило берцовые кости левой ноги, и он тут же схватился за ограждение, чтобы не упасть наземь. Пусть боли и не было, ощущение казалось совершенно мерзким и отвратительным. Он не смотрел вниз и старался думать только о

картине перед ним, чтобы не нагонять паники.

Возьми Парадокс ещё несколько таких ударов, и тело просто не успеет вернуться к здоровой форме. Носителей было слишком много, чтобы выдержать хотя бы по одному попаданию от каждого из них. Парень словил себя на мысли, что оставались считанные секунды до катастрофы, которой хотелось избежать всеми силами. Он не знал как может помочь. Как Пракси и Глэдис справятся со всем этим ужасом лишь вдвоём. Но если проиграют, то быть среди проигравших и Парадоксу. Пусть в итоге отлетит его собственная голова, но время он потянет. Ещё как потянет.

* * *

До последнего не хотелось открывать глаза. Казалось, так можно спрятаться от происходящего вокруг. Но картина всё равно становилась понятной, как бы ни хотелось обратного. Мия чувствовала, как пульсировали кончики пальцев оттого, что руки были слишком сильно связаны за спиной. Она сидела на стуле, а ноги её плотно прилегали одна к другой. Двигаться было страшно и всё, что получалось, это глубоко вдыхать воздух и не открывать глаза. И тогда, может, сознание бы затуманилось и перенеслось в любое другое место или тело, только бы не оставаться здесь. Эти несусветные глупости казались совершенно реальными: стоит поверить в них, и они станут настоящими, подобно аромату. Но только прозвучал чужой голос, как надежда на несбыточное рухнула. И тогда внутри осталось так мало веры в себя, что даже глаза открылись сами по себе.

— Пора просыпаться, Мия. Пора.

Она находилась посреди небольшого квадратного помещения с хорошим освещением и маленьким окошком. Оно напоминало чердак, правда, ухоженный и даже роскошный. Мия сидела на стуле перед людьми, что выстроились в форму полукруга, заслоняя собой дверь. Только один человек оказался прямо возле неё. Он чуть наклонился, дотронулся тыльной стороной ладони до щеки, и от этого стало непомерно жутко. Ничего во внешности этого человека не изменилось, словно рутина Мейярфа никогда не исчезала, а Стеокс оказался лишь лучшим и самым долгим из снов.

— Ты ввязалась в опасную игру, девочка, — с удивительным теплом произнёс Зауж. — В опасную игру совершенно не с теми людьми.

Мужчина горько улыбался, словно разочаровался в человеке, которому всецело доверял. Стало боязно, что кривая улыбка в любую секунду превратится в злую гримасу, и Зауж даст свободу своей жестокости. Но он всё так же шурился, глядя её по щеке и говоря если не ласково, то сдержанно.

— Интересно приключилось. Я ведь, если подумать, первый человек, которого ты встретила на своём пути. Когда мы с тобой м-м... расстались, Мия, когда ты просто не вернулась, я заподозрил неладное. Но я и подумать не мог, что тебя занесёт так далеко. Нет. Думал, что рыщешь в переулках Мейярфа в поиске лучшей жизни. А ты стала вон какой... Хочешь, скажу *свободной*, вы ведь так грезите этим словом. И как, нравится? Скажи честно, нравится, к чему привела тебя свобода?

Прошли месяцы, а она до сих пор была ему неровня. Запинающаяся девчонка даже смотрелась жалко на фоне Заужа, тем более сейчас. Теперь этот человек воспринимался не как отдельная личность, а как часть того огромного лика, наблюдающего за всей столицей и гремящим своим голосом так, чтобы слышал каждый. Зауж перед ней был или был бы сам

Матиас Мендакс — всё это одно и то же. Лица стоящих позади людей отличались, но каждого из них связывал один разум. Противостоять одному Заужу было невозможно, ведь сейчас она говорила не только с ним. Лицом к лицу Мия находилась с тем единым Покровителем, что ни на секунду не спускал глаз со столицы.

И этот цельный образ напоминал чудовище, нацепившее на себя костюм человека. У чудовища этого не было большой пасти, оно не выглядело уродливым, но казалось непомерно прожорливым и непобедимым. В нём ощущалась и сила, и умение находить лучшие из слов, но никакого чувства равенства, ведь чудовище по определению было намного выше. На Мию смотрело не что иное, как самая могущественная сторона Мейярфа.

— Я никогда не пойму тех людей, с которыми ты пришла. Для меня они неисправимо больны с самого начала, и я бы даже не стал тратить слова, чтобы до них достучаться. Но вот ты, Мия, другая. Тебя я видел здоровой, потому хочу понять, где же та точка невозврата. В какой момент тебя пронзила мысль, что ты веришь этим людям? Что ты готова попроситься с жизнью, готова потерять себя, лишь бы оказаться с ними здесь?

— Зауж, вы не...

— Отвечай мне. Не перебивай и ни о чём не проси. Отвечай.

— Когда, наверно... Наверно, когда они дали мне выбор. — Мия покачала головой и ей было стыдно от того, насколько уязвимо звучали эти слова. — И когда рассказали, что это для них такое, жизнь. Тогда я и поставила на кон свою.

— Не жалеешь? Только искренне.

— Не жалею.

Услышав ответ, Зауж вынул оружие из внутренней стороны плащевки и положил ей на колени. Она тут же узнала это произведение искусства, сплетённое из стебельков и страсти. Перед ней лежала «Оттепель», целая и невредимая. Стебли не были сломаны, а значит, единственная пуля не нашла свою цель. Увидев оружие у себя на коленях, а не в руках Кейтлин, почему-то стало совсем тоскливо. Оно ассоциировалось с замком, с их тренировочной площадкой и неспешным круговоротом дней. Перед ней лежал единственный друг, живой или нет, но совершенно чуждый этому месту, как и она. Их общий дом находился невероятно далеко.

— Зря не жалеешь, Мия. Потому что люди, которым ты поверила, сами пошли на верную смерть, не забыв захватить с собой молодую девушку, которая вообще ни при чём. Вереску удалось подавить дебош, и пока мы с тобой говорим, трёх человек прямо сейчас казнят на площади. Смертный приговор для остальных заговорщиков — вопрос нескольких десятков минут. — Сперва Зауж говорил с неприязнью, но в какой-то момент его речь стала походить на нравоучение. — Ты пойми, это ведь даже не сражение правых и неправых. Вся затея больше походит на спичку, что бросили на цемент, чтобы его поджечь. И сейчас эта спичка просто-напросто погасла. Но я хочу поговорить не о преступлениях, а о другом. О важном и для тебя, и для меня.

Он ходил вокруг, но ни на секунду не отдалился. Руки поочерёдно касались то спинки стула, то неподвижных плеч.

— Я могу быть тебе неприятен, но скажу как есть. Уже не как молчаливой девочке, что таскает чемоданы, а как человеку, который окунулся достаточно глубоко, чтобы знать правду. Ты направила свой потенциал в ошибочное русло. Тебя окружили люди, которые злоупотребляют силой, что у них есть. За этим... добродушием, что они тебе показывали, скрывается неуважение и жажда раздора. Я, признаться, слегка чёрствый человек: вот тебе

дом, вот еда, чемоданы в руки и вперёд. Беспринципно, но честно. А есть искусители. Они назовут себя друзьями и будут улыбаться так часто, что начнёшь привязываться к ним. Они откроют тебе пустяковый секрет, выдав это за сокровенную тайну, и попробуют нащупать что там у тебя внутри. А потом зародят в твоей голове какую-то разрушительную идею, обязательно обозвав её притягательным словом. Любовью, мечтой, свободой, бесконечностью или выбором — не важно.

Мия не подымала головы и смотрела на револьвер у себя на коленях.

— Они представились тебе как последователи добродетели, но подумай, что, если они разрушители? Этот город — механизм, работа которого отточена до идеальных мелочей. И эта работа должна сохраниться любой ценой. — Нравоучительный тон сменился на более мягкий, будто Зауж ни в чём никого не винил. — Я, признаться, тебя недооценил и не разглядел весь потенциал. И вижу, что просто таскать чемоданы — ну не твоё. Поначалу я этого не увидел, да. Но ты человек многограннее, и я хорошо понимаю, как хочется куда-то деть свой потенциал. Вот только ты отличаешься от них. Отличаешься тем, что ты совершила ошибку, а они — преступление. И я не хочу наказания для тебя, Мия. Не с ними на петле тебе проводить последние секунды жизни, так я думаю. Потому больше никаких чемоданов и пыльных комнат. Сейчас, видя твой потенциал, я тебе это обещаю.

И больше ничего не осталось. Как бы ей ни был нужен хоть малейший намёк на надежду, хоть одна бабочка, залетевшая в окно, ничего не происходило. Только пойманный человек и револьвер на его коленях. Единственным, казавшимся близким в эти секунды, стало средство, предназначенное для убийства людей. Мия всё смотрела на него, а стебли блестяли ей в ответ.

— Подумай, ради кого тебе стоит жить. Посмотри на это со стороны взрослого человека. Пойми, что мы не придумываем правила, которые не нужны. Никаких прихотей, Мия, никакого сумасбродства. Мы хотим создать прочных людей, взрослых и ответственных. Такие умеют отказаться от своей забавы ради благополучия нашей столицы. Ведь мы отбираем у людей не еду, а то, чем они могут отравиться. И в то же время подумай о том, под какую черту тебя подвели те, кого ты называешь друзьями. И если ты действительно сможешь посмотреть на всё это глазами взрослого и здорового человека, то каждый из нас тебя поддержит. Я ищу в тебе не предательство маргиналов, которые притворяются твоими друзьями. Я ищу желания стать лучше. Желания перестать быть ведомой. Разве тебе не хочется перестать, наконец, спотыкаться и падать, скажи мне? Поэтому подумай о том, Мия, ради кого тебе хочется жить. Ради целого здорового организма, где ни одна, ни одна клетка не причинит тебе зла, потому что её жизнь напрямую зависит от твоей, или ради тех людей, которые пытаются взрастить из тебя вредителя?

Мысли зациклились на разных образах, в которых умирает человек. Взрослый и молодой, он умирает быстро или мучительно долго. Мия была уверена, что в наличии у неё есть минимум два варианта быстрой смерти — как ни крути, а уже свобода выбора. Если она сейчас согласится, то умрёт мгновенно, даже не вставая со стула. Решение, вызванное примитивным страхом, станет концом для человека, которым она себя считала. Который прожил всего ничего. Она будет ходить неотличимая внешне, но станет частью того зверя, что сейчас стоит перед ней. Её голос будут слушать люди, её слова станут для других судьбоносными. Она будет говорить о высоких вещах и принципах, понятия не имея, где оставила свои.

Или публичная казнь. Здесь всё было проще, и от этой мысли просто кидало в дрожь и

холод. Первозданный страх, с которым ничего не поделаться, сколько не готовься. Но если будет выбор как умирать, пусть она исчезнет так же, как появилась и её утопят в крови. Эти мысли казались глупостями, потому что о таком виде казни ей слышать не доводилось. Но будь у неё последнее желание, именно этого она и попросит.

Единственный друг помогал справиться с трепетом внутри. Стебли оружия на её коленях были особой формой искусства. Рукоять револьвера была остроконечным вестником изменений. Дуло — калейдоскопом, показывающем в тысячи раз больше, чем белое с чёрным. Щелчки барабана напоминали стрекотание живого. Маленький спусковой крючок — безвозвратную и длинную дорогу вперёд. И этот звук выстрела — гимн всего человечества. Мия была не одна. Это людей перед ней оказалось всего с десяток. На её сторону стали трагедии и сказки, стали музыка и эскизы, открытия, порывы, озарение, образы и воображение всех тех, кто ночью прятался по подвалам, чтобы остаться собой. С ней было всё то, что оставалось неисчислимым.

Мия представила бездонные глаза ужаса, в которых не должно было быть ничего. Но в самом их конце, по ту сторону, что никогда не видел человек, она видела погибающую птицу, которая на скорости врезалась в стену. Там, совсем глубоко, отсвечивала одна-единственная пуля револьвера, до сих пор остававшегося парализованным. И за этим пряталось что-то большее. Там была физическая форма мелодии, которую мог наиграть только один человек. Ещё дальше — блеск бестелесных бабочек, обитающих под зонтом. В полной темноте обитал гитарный звук в форме пожара. Затем, намного-намного глубже, стоял замок посреди поляны, что каждое утро встречал рассвет. И в самой глубине чёрных глаз своего страха, там, где уже никто и не ищет, стояла девушка, которая разучилась видеть темноту. Она была настоящей.

И накатило чувство, когда жизнь явилась не хрупкостью, а шквалом. Жизнь, что взрывается красками, а не крошится, когда останавливается сердце. Жизнь, которую не жаль отдать, чтобы почтить её память. Это было чувство неизбежного, сопровождаемое лёгкостью от мысли умереть живым, а не остаться в живых мёртвым.

— Знаете, а она восхитительна. Та мелодичная и практически незаметная ложь, которой вы отравляете предложения — она восхитительна. Клянусь, какая-то часть меня верит каждому вашему слову. Вы обещаете так, что нельзя отказаться. Вы убеждаете, и я запросто могу представить, как часть меня жадно и восторженно обглаживает каждое ваше сладкое предложение. Но эта часть прямо сейчас умирает. Она трескается, Зауж. Разрушается и исчезает. Ведь хоть обещания ваши приторнее некуда, но вот вопросы вы задавать не умеете. Вы хотите, чтобы я перестала падать, но я упаду и поднимусь ещё не раз. Только так ведь и протаптываются новые дороги, но вы этого не поймёте.

Мия пробежалась по глупым лицам чуть дальше от неё и те вызвали у неё смех. Смех настоящий, не вызывающий стыда и не казавшийся неуместный. Она чувствовала, что её слова лучше и прочнее всего, что она произносила до этого.

— У вас есть враг, покровители. Он живёт в человеке перед вами и внутри каждого, с кем я пришла. Он есть и в некоторых людях, на которых вы время от времени тычите пальцем. Сейчас внутри меня рушатся очень высокие стены, даже несмотря на связанные руки и монстров передо мной, которые притворяются людьми. И несмотря на связанное тело, несмотря на ваше численное преимущество, моя победа безоговорочна. Во мне оживает ваш враг, покровители, имя которому — идея. И сколько вам ни говори, вы, к сожалению, не сможете понять, что антижизнь всегда оказывается слабее своего кровного врага. Потому

спасибо за ваше подобострастие и ложь — мне нужна была эта стрела, которая пробьёт меня насквозь и склонит чашу весов навсегда. Это те весы внутри, что застывают и едва ли могут поменяться. Один только вопрос из ваших уст, и вы обрели для себя заклятого врага. Вы пишете название своей столицы с заглавной буквы и так боитесь, что с неё же будет писаться и слово «Человек». Но сейчас вся моя сущность вовсю кричит, что этот день скоро придёт. Потому отвечаю на ваш провальный вопрос о том, для кого я хочу жить. Я хочу жить не ради вас и ни в коем случае не ради них. Я хочу жить ради себя самой. Это особенные эмоции и мысли внутри, но и их вы не поймёте. Я произношу эти слова с гордостью, и я их понимаю. Я хочу жить ради себя.

Мия выждала паузу, и в её голосе послышался яд, который она не смогла сдержать.

— Вам *это* противно, великие покровители? Из-за отвращения к *этим* словам вы ломаете человеческие жизни?

Все на какое-то время замолчали, даже не двигались. Затем Зауж сделал ещё один уверенный шаг вперёд и оказался слишком близко. Его лицо находилось на расстоянии одного лёгкого покачивания. Его единомышленников здесь будто и не было, только они вдвоём. Мужчина колким запугивающим взглядом смотрел в глаза девушки, которая с достоинством смотрела в ответ. Она не отнеслась к этому вызову всерьёз. Становилось понятно, что его силы ей не ровня, и за взглядом, укрытым угрозой и агрессией, ничего нет. Простейшее колыхание, и его лоб коснулся бы её. Но этого колыхания не случилось — пропасть между ними оказалась слишком большой. Покровитель заговорил медленно и разборчиво.

— Ты понимаешь, осознанность — вещь бесценная. Руками толпы осознанные люди способны воздвигать города и способны рушить их. Мы показываем людям нужную дорогу и прививаем послушание не из-за неприязни к их пути развития. Нет. Вся проблема в самом самосознании и том, куда оно может привести. Люди, ставшие индивидами — непредсказуемая и невероятная сила. Сокрушающая и созидающая. Но мы уже давно создали все, что нужно, Мия. Теперь важно не допустить массового появления тех, кому построенное может быть не по вкусу. Ты ведь видишь, нам по зубам и десятитысячеликая толпа, мы справляемся с ней. Но хотя бы сотня таких, как вы, идущих против здравого смысла, отказывающихся от взаимовыгоды, и все пропадёт. И не для того ведь строился Мейярф, чтобы пропасть.

Только после этого на лице Заужа появилось разочарование. Дальше ему было говорить будто даже тяжелее, чем до этого.

— Я зря возложил на тебя надежду. Ты настолько же неизлечима, как и твои соратники. Твои слова, взгляд и то, что ты улыбаешься тогда, когда следует плакать, — всё в тебе об этом говорит. Ты в упор не видишь последнего шанса.

Мужчина трясся, скорее от злобы, нежели от чего-то ещё. Что-то вывело Заужа из себя, хотя Мия продолжала молчать. Он сжал зубы и злобно процедил первое предложение, медленно, чтобы каждое слово было услышано.

— Все эти человеческие порывы проиграны закону. И если есть люди, которые считают по-другому, то они либо примут сторону закона, либо исчезнут. Наши руки дотянутся до них, наши голоса услышит каждый. Мы задушим вас всех. Даже то, что я сейчас вижу в твоём взгляде, Мия, неисправимо. И если не получается решить всё словами, я выскребу это из вас самих, словно распухшую опухоль. — Он взял с колен Мии оружие, и дуло прильнуло чуть выше солнечного сплетения. — Ведь неподконтрольная нам осознанность и полёт мысли, —

это катастрофа. Я ненавижу их. Я презираю их. И тебя, сидящую передо мной связанную гадкую девчонку, я тоже презираю. Потому что даже несмотря на канаты я знаю, что ты смотришь на меня, как равный человек. И мне почему-то мерзко от этого. Мерзко до того, что хочется стереть это чувство любой ценой. Мы готовы дать людям что угодно, лучшее государство, которое они заслуживают, но не осознанность. Только не осознанность.

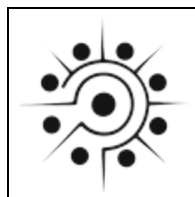
Зауж схватил револьвер и дёрнул какой-то крючок позади. Он стал куда спокойнее, словно выговорился. Только дуло револьвера нацелилось чуть выше солнечного сплетения, на лице мужчины даже появилась улыбка. Мия была уверена, что сейчас не существовало слов, которые бы его остановили. Точка невозврата осталась позади.

— Но пуля может решить всё. Пули не различают идей и вер. И если слова не помогут, то помогут пули, которых на всех хватит. Ведь что человек, что самосознание уязвимы к пороху. И я готов самолично возвести Мейярф, построенный на нём.

Раздался одиночный выстрел и стебли «Оттепели» завяли — пули больше не было внутри. Она исчезла, забрав с собой и хрупкую, только зародившуюся жизнь.

[1] Кипение амарантина — когда носитель тратит слишком большое количество амарантина за короткий промежуток времени, тот начинает вырабатываться быстрее и быстрее с целью восстановить свой изначальный запас. Этот короткий период, когда выработка вещества многократно увеличена, но носитель не даёт ей вернуться к изначальным показателям, и называется кипением амарантина. Потенциал аромата становится многократно выше обычного, но такие манипуляции почти всегда сказываются на последующем состоянии носителя. Если обычно это острое чувство тошноты и усталость, то после кипения амарантина побочными эффектами могут стать ожоги, судороги, кровохарканье и травмы внутренних органов.

В этой главе появится полноценный человек.

— Эй, не стоит. Полегче, — попросила Хлоя, держа руки на весу. — Я безоружна, поэтому не горячись.

— Руки не опускай и становись на колени. *Сейчас!*

Вереск задавил своих недругов количеством и вот-вот готов был сорваться с цепи. Диалог сразу пошёл туго. Без одного шага победителя, им нужно было закончить начатое. Оборви они жизнь Тесс или Глэдис, попавших к ним в лапы, и ход дел примет худших из всех возможных поворотов.

Хлоя была связующим звеном меж двух лопающихся от напряжения сторон. Позади неё был подоспевший на подмогу Сорроу и Пракси, который едва держался на ногах. Хлоя всегда опиралась на слова, потому страх физической расправы путал мысли. Сейчас ценным было каждое слово, что не давало превратиться проигрышу в трагедию.

— Не нужно поспешных слов. И тем более действий, — Хлоя стояла в точности, как приказал лидер Вереска. — Вот, я на коленях. Я не опасна. Аромата у меня нет. Я лишь протеже, не более того. Дай мне тридцать секунд, пожалуйста. Тридцать секунд, чтобы всё объяснить. Потом делай всё, что сочтёшь нужным.

Хлоя знала, что примени она аромат, и им наверняка конец. Носители чувствуют такое куда лучше и ощути хоть один из недругов воздействие аромата на себе — Орторус обречён. Тяга к риску и азарту сейчас оказалась где-то посередине: желание красноречиво навязать свои условия переплеталось с пониманием, что неправильно сказанное слово может быть последним. Люди перед ней умели убивать, если потребуется. У таких рука не дрожит.

— Вы проиграли. Я считаю до трёх, — скомандовал лидер Вереска, — и вы все ложитесь на пол. Иначе, даю слово, я сделаю кому-то из вас очень больно.

— Сделаешь, ага! — Пракси был полностью вымотан, но говорил со всей жёлчью и ненавистью, что у него была. — Но прежде я успею заморозить твою тупую башку и растоптать её об асфальт. Занеси руку, и клянусь тебе, что ты не уйдёшь отсюда живым. Только дай мне повод!

— Тридцать секунд, пожалуйста! — перебила Хлоя, повысив тон.

Руки Глэдис и Тесс не были связаны за спиной. Никто не мешал им применить те малые остатки амарантина, которые у них остались, но сейчас куда эффективнее усталости работал самый верный метод — страх. Обсудить действия друг с другом было невозможно, и любая неудачная попытка запросто могла привести к чьей-то смерти. Поэтому все, кроме Пракси, стали сговорчивыми как никогда, особенно когда кто-то из Вереска начинал повышать голос. Обе девушки опустили голову, чтобы не подумали чего лишнего. Из-за потраченного аромата, Глэдис было ещё больше не по себе, чем Тесс: было холодно, тошнота подступала

всё сильнее, а тело предательски дрожало и от страха, и от недостатка сил.

— Тридцать секунд. Говори.

— Не слушайте пустые угрозы, — обратилась она к Вереску. — Даже при всём желании ни он, ни любой из заложников в этой ситуации вас уже не победит. Здесь ваша победа безоговорочна. Я понимаю, что нас ждёт либо суд, либо трибунал. Я понимаю. Но сейчас вся загвоздка в человеке за мной. Тот, что с ножнами, — она мотнула головой в сторону Сорроу, который держал руку на рукояти. — Я говорю как есть, потому что знаю его роль в этой операции и самолично видела предел его возможностей. Если вы пораните или, не дай Вездесущие, убьёте кого-то из них, он устроит мясорубку, из которой выйдет победителем лишь он один. Мы будем лежать мёртвыми, сгоревшие заживо, если вам угодно, а вы — рассечённые пополам. Я ни в коем случае не пугаю и не блефую, потому что неудачный блеф будет стоить жизни и мне, и остальным. Сейчас только факты, которые я проверяла сама и которые способны сохранить жизнь мне в первую очередь. Вы имеете право не верить и поступить по-своему. Вы можете перерезать мне горло даже просто из принципа, но тогда на этой площади будет лежать с два десятка трупов. Просто потому, что не послушали и были уверены, что один человек на такое не способен. Но он в первую очередь — экстренная мера, а не человек. Мера, которую они до последнего не хотят применять.

Про себя Хлоя благодарила каждого напуганного мейярфца, который хоть и держался на расстоянии, но не убегал. Они и только они были причиной того, что не произошло никакого бездумного самосуда. Если бы не наблюдатели, Вереск, вероятно, и не был бы так многословен. Хотелось верить, что те не разбегутся в самый неподходящий момент.

Её тридцать секунд кончились, но лидер Вереска не перебил. Она тут же уловила этот момент и продолжила:

— Вы наёмная сила для покровителей, как и я для этих людей. Ни вы, ни я не пропитаны их идеями настолько, чтобы за них умирать. Но выходит так, что если и попадём под удар, то все вместе. Вместе потеряем семьи, свои мечты, отложенные деньги и будущее. Потому что покровители приказали пережевать орех, который сами пережевать не могут. А орех, оказывается, до самых краёв напичкан крошечными лезвиями.

— Какой у него аромат?

— Он влияет на пространство и режет его своим странным клинком. Просто взглядом запоминает участки местности и разрезает их сразу, только достанет оружие, понимаете?

— Тогда прикажи ему отбросить оружие в сторону! Прямо сейчас! — перебил лидер.

— Сорроу, выкинь свой клинок. Приказываю. Немедленно выкинь его.

Хлоя даже не повернулась, чтобы посмотреть на реакцию. Гадать не приходилось — тот даже не шелохнулся. Пришлось сдерживать улыбку от такой наивной просьбы.

— Тут, видите ли, всё сложнее. Я для него просто какая-то там наёмница. А он парень идейный, в этом вся подноготная. Так что коль вы хотите навредить просто ради кровопролития — действуйте прямо сейчас. Если нет, то уверяю, можно найти альтернативу. И чтобы показать, что ни у меня, ни у кого-то из нас нет в голове какого-то изодрённого плана, считаю, что правильно было бы разморозить всех ваших людей. Живых, попрошу вас заметить. Пракси, ты слышал?

Парень в ответ неуместно выругался, и тогда Хлоя повернулась к нему. Она говорила со всем спокойствием, и в голосе её не читалось ни натянутой любезности, ни агрессии. Хлоя произнесла приказ и надеялась, что её пустоголовый друг не выдаст, что она применила аромат.

— Пракси, подумай ещё раз хорошо, взвесь все “за” и “против” и освободи тех, кого обездвигил.

Парень сделал это почти сразу и выглядел так, будто на короткий момент ему удалось проглотить свою гордость. Он упал на колени, но не мог себе позволить полностью отключиться. Освобождённые повели себя по-разному, но Хлое было важно одно — никто не стал нападать. Остальное её не интересовало.

— Я надеюсь на благоразумие и с вашей стороны. Пока что все живы, но дальнейших исход зависит от ваших решений. Вы победители и право выбора за вами. Так что решайте — кровавая баня или альтернативы?

Хлоя уловила именно то, на что надеялась с самого начала. Главный из Вереска покосился на самую молодую девушку из всей их шайки и в этом была вся слабина, которую так запросто не скроешь. Секунда-другая, больше не надо, чтобы заметить по взгляду и мимике, насколько эти слова неоднозначны для собеседника. Это было настоящее замешательство, кратковременное и не высказанное вслух, но давшее Хлое понять, как строить диалог дальше. Лидеру могло быть совершенно плевать на людей позади, но молодая светловолосая девушка рядом с ним всецело была причиной того, что решения не принимались бездумно и слепо. Ему было что терять.

Лидер уже не кричал, но говорил грубо и, главное, забыл об импульсивности. Хлоя встречала и таких, и ещё мягче. Они могут заикаться сами про себя, ища единственный выход и пугаясь этого бремени. Но как доходит до речи, они ощетииваются, расправляют плечи, нарочито занижают голос и надеются, что никто не заметил слабины. А слабины, если хорошенько покопаться, там столько, что хоть ложками ешь.

— Какие тут альтернативы? — рыкнул собеседник. — Попросите нас уйти, запугивая своей экстренной мерой?

— Нет, зачем крайности? Но посудите сами, у вас находятся важные для моих клиентов люди, — Хлоя встала, но руки не опустила. — За вашей спиной те, кого вы знаете не первый год. Мы сюда пришли не для того, чтобы совершать физическую расправу, и уж точно не для того, чтобы её совершали над нами. Пока ничья жизнь не оборвалась, не лучше ли победившим получить триумф, а проигравшим сбежать? Наша цель не достигнута, порядок в городе уцелел лишь благодаря вам.

— Но Вереск выиграл, значит ему выносить вердикт. А если проигравшие исчезнут, то кого судить? Что это за победа такая выходит?

— Победа в том, что вам решать судьбу проигравших. Вы сейчас, собственно говоря, это и делаете. Но не стоит забывать и о последствиях своего решения. Вы просто скажите, в чём ваша задача — устранить их? Разогнать? Публично казнить? Подавить? Достигнуть соглашения?

— Обезоружить, — он точно придумал это слово на ходу, лишь бы показать, что Хлоя ничего не знает и в её списке нет правильного варианта.

— Они безоружны. Скажу больше, они намеренно не ранили ни одного члена Вереска, даже когда вы напали. То же касается и грастий.

— Обезоружить, а после задержать. Не заговаривай мне зубы. Ты допускаешь вероятность того, что ситуация полностью перевернётся. И строишь свои схемы в голове, которые я пока не понимаю. Но с каждой секундой они выводят меня сильнее и сильнее.

— Допускаю. Но в моих схемах никто не умирает. Ни граждане, ни ваши люди, ни мои. Никто. Мы хотим позорно уйти, осуждённые гражданами, но живые, а не по частям. Но

проткните кого-то своими стёклами, и через несколько минут мы все будем лежать в крови на земле. Полдесятка жизней ваших врагов в обмен на пару десятков тех, что вам не безразличны. *Это* будет твоя победа, Вереск?

Лидер насупился, но не ответил. Будто его уголькам не давали рвануть вперёд стены из слов, что совсем не внушали страха, но сеяли сомнения.

— Зачастую вопросы на истребление не затягивают надолго. Если бы хотели убить, банально бы задавили количеством. Но ваша цель не в этом, поэтому, если есть хоть маленький шанс на компромисс, им стоит воспользоваться. Так, чтобы мы проиграли, но никто не лишился жизней. Ради этого каждый из нас станет очень, очень послушным и понятливым.

Пока Хлоя говорила, город успокаивался. Жители наблюдали за происходящим с расстояния и не решались подходить близко. Никто не хотел попасть под горячую руку. Но никаких криков и шума, только слова.

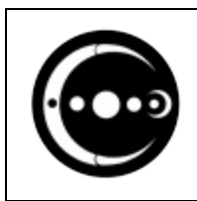
— Трибунал. Трибунал, как ты в начале и сказала. Я не дам вам просто взять и уйти. Твой мечник накинется на нас за то, что мы передадим вас суду?

— Однозначно нет. Но при чём тут Вереск? Вы ведь не грастии, чтобы безукоризненно следовать уставу. Вереск выше по статусу, значит и решения принимать ему куда более нестандартные. Такие ситуации, поверьте, в уставе не прописаны. Я его наизусть знаю.

— И какие тогда альтернативы?

Только лидер Вереска задал вопрос, послышался приказ остановиться. Люди оборачивались, несколько секунд не понимали, что происходит, а затем охали и расходились в стороны. Образовался живой коридор, и в самой гуще событий оказалось свыше десяти человек. Горожане притянулись как магнитом. Видимо, думали, что в присутствии этих людей ничего дурного точно не произойдёт. Голос Маттиаса Мендакса всё так же мог резать воздух, настолько строго он звучал.

— Никаких! Никаких альтернатив. Успокойтесь, дорогие граждане. Это Конец. Пусть все сложат оружия. Эта нелепая бессмыслица закончится прямо сейчас.

Самая тёплая из всех существующих ладоней закрывала глаза. Кто-то не такой уж незнакомый стоял сзади, придерживая уставшее тело Мии. Её не беспокоило то, что она не чувствовала землю под ногами. Не требовалось даже открывать глаза чтобы понять, что Виоландо остался далеко позади, что звуки там совсем другие. И даже несмотря на ладонь перед глазами, Мия откуда-то знала, что перед ней раскрывался многоцветный, но в то же время тёмный мир. Где не нужно ходить по земле, где к насыщенности тёмных цветов нужно просто привыкнуть.

— Тебе страшно? — прошептал женский голос. — Мия, тебе страшно?

— Нет, — устало призналась она. — Раньше было. А сейчас у меня чувство, что я...

— Победила? — закончил тихий голос.

— Да. Я победила что-то, что сейчас не могу описать. Понимаешь?

Ей невероятно хотелось поделиться с той, кто стояла позади. До дрожи родной голос звучал привычнее, чем её собственный. Это был первый настоящий диалог с кем-то, кто всегда приходил к ней как морок, а не собеседник.

— Да. Понимаю, потому что ты — моя луна. Запомни, Мия, это существенно. Это единственное, что жизненно важно для нас обеих. Твоя победа над собой, твои друзья и переходы, о которых тебе так хочется узнать больше, — это очень весомо, и об этом нельзя забывать. Но есть понятия вне системы ценностей, и мы друг для друга — одно из них. Я прошу тебя не понять, а просто поверить.

Мия полностью расслабила тело, но не потеряла равновесия. Сложно было ощутить, стоит она или всё это время падает, сверху ли потолок, и, вообще, есть ли здесь верх и низ. Единственное, что точно существовало, — тёплая ладонь перед глазами и приятный голос.

— Я верю. Верю, как никогда. Потому что я много раз слышала тебя. И меня всё не покидало чувство, что мы важны друг другу. Но я до сих пор не до конца понимаю, с кем я разговариваю. Это, может, прозвучит для тебя наивно, но... кто ты?

— Ты сама. Я — это ты, только существующая под знаком звезды. Такой же свободный разум, но ты — дитя луны, а я — звёзд. Мы — одно целое, но рождены по-разному. И это делает нас противоположностями, к сожалению.

— Запутанно. — Мия улыбнулась, глядя родную руку. — Могу я посмотреть на тебя и на место, где мы находимся? Почему ты закрываешь мне глаза?

— Я переживаю. Это место... — ответ дался собеседнице с большим трудом. — ...оно покажется тебе уродливым. Здесь слишком много всего, произошедшего до твоего рождения. Оно испугает тебя и поглотит, а твои слёзы я хочу видеть меньше всего. Когда создала твоё тело из крови и наделила его разумом, я... отсекла прошлое. Для тебя. Но из моей головы оно никуда не денется, поэтому я просто прошу тебя не смотреть. Здесь — прошлое. Болючее. И опасное.

— Хорошо. А что было до того, как я появилась из крови? Что-то ведь было?

— Ты была луной. Настоящей, просто облачённой в человеческое тело. Моей луной.

— И... что-то случилось, да?

— Да, — голос зазвучал неуверенно. — Сейчас я не найду достаточно храбрости в себе, чтобы рассказать. Прости.

Мия прижала руки существа к своим глазам — знак, что она не вырвется и не подсмотрит. Пусть родные пальцы прячут от неё целую вселенную, без разницы. Пусть прячут, только ещё немного делятся своим теплом. Мия аккуратно занесла руки назад и коснулась лица позади неё. Оно было настоящим, не только голос и не только глаза. Пальцы нащупали тёплые щёки, губы и всё то, что присуще обычному человеку.

— По правде... Так хочется разозлиться на это всё. На твои загадки, на загадки этого мира и больше всего на себя саму. Со временем в голове появляется так много вопросов, что я не могу задать ни одного из них.

— В этом месте ты сможешь задать те, о которых захочешь спросить лишь себя. Когда другие тебе мало чем помогут. И тогда я подскажу, — пообещал голос. — Если это не будет слишком сложно для меня. Здесь луне будет сложно находиться, как и звёздам. Но пока это единственный способ... Поговорить, но не увидеться.

— Разве это не единственная наша встреча?

— Думаю, что нет. И очень, очень сильно на это надеюсь.

— Тогда я совсем не понимаю... — Мия тоскливо покачала головой. — В меня ведь выстрелили. После такого уже никто ни с кем не встречается, даже здесь, понимаешь?

— Понимаю.

— Почему тогда ты говоришь о будущем? Как ты сможешь подсказать мне потом, если после этого разговора...

— Темнота? Так ты представляешь смерть?

— Нет, — проямлила Мия. — Никак не представляю. Наверно.

— Меня очаровывает твой стимул. Всё, что я говорила тебе во время твоих тренировок и снов — создать мотив, это так. Но знала бы ты как мне нравится то, каким он вышел. Я понимаю те чувства, которые испытала девочка, придя в этот мир. Можно действительно считать, что там, в узких улочках большого города, она родилась по-настоящему. Совсем недавно для меня она бездумно шла вперёд. Сама не могла ответить на вопрос, сколько телег ей ещё придётся провезти. Но я прекрасно помню, с каким интересом она смотрела на переходы в небе. Её взгляд становился осознанным, будто пелена перед глазами пропадала. Но потом она возвращалась, ела и начинала всё заново. Это не выглядело так, словно у девочки был шанс выбраться. Но вспомни чувства, которые она испытала, когда ей предложили бросить вызов всей своей жизни. Почему же она ответила «да» человеку, которого даже не знала? Ты ошибаешься, если думаешь, что в тот момент у тебя действительно не было выбора. Потому что я видела девочку, у которой не хватило сил согласиться. Она существовала до недавних пор, но не была настолько же живой. Ты собственноручно убила её в тот момент, когда подняла голову перед теми, кого боялась. Ты полностью растворила параллельную копию себя, которая проиграла, у которой в один момент просто не хватило духа, которая понадеялась на другой шанс. Ты убила то, что и без того было мертво. А той Мие, что стоит передо мной, почему-то захотелось уехать, захотелось прислушаться к внутреннему голосу и отправиться в столицу вместе с семьёй. Эти решения и делают тебя самой живой из всех возможных и существующих других версий тебя, которые ошиблись, сдались или струсил. И этот стимул жить, который мне так понравился, не в праве отнять у тебя ни одна пуля, ни один человек. Поэтому твоя рана — исключительный случай. Всё живое существует по законам, будь то природа, Вездесущие, покровители, здравый смысл или правила, работающие испокон веков. Но мы с тобой будем другими. Вдвоём станем друг другу и жизнью, и смертью, и тягой и отторжением. И боги, и природа вещей нам с тобой не нужны, потому что я — это целый мир, но лишь для одного человека. И ты. Ты тоже.

— Мы... одно? — не сразу спросила Мия. — Жёлтый цвет, ярче самого солнца.

— И красный, из которого родилась кровь. И никакая пуля не способна ни погасить солнце, ни растворить кровь. Мы равны.

Внутри пульсировало что-то немыслимое, что-то очень крепкое. От этого чувства брала дрожь и хотелось поклясться, что они вдвоём — это больше, чем просто пара чистых разумов. В этой связи было что-то, что со временем не угасает. Эта их маленькая бесконечность, видимая только двум существам. Незримая. Неугасаемая и скорее нескончаемая, нежели сиюсекундная.

— Скажи мне... Скажи, пожалуйста. Ты существуешь там, на нашей планете? Как обычный человек. Пусть не сейчас, но когда-то я хочу стоять рядом с тобой не только здесь, с закрытыми глазами. По-настоящему.

— Где-то там, — признался голос. — В далёком-далёком уголке этого маленького

мира. Я действительно существую.

Наслаждение от происходящего, наконец, накатило с полной силой. Мия улыбнулась, стоило лишь подумать о том, какой путь она прошла и с кем она сейчас говорит. Ощущался триумф жизни. Слышался треск скорлупы.

— Меня почему-то греет эта мысль. Может, никто в мире этого не заметит, но это наша общая победа. Я чувствую тот мотив, о котором ты говорила. Понимаю, что он не выражен в чём-то конкретном, но я обязательно, обязательно найду то, что будет моим. Ты сказала правду, сейчас во мне нет чего-то, что жило внутри, пока я не подняла голову перед покровителями. Во мне пропал страх жить. И это...

Она не договорила. Слезы начали быстро течь по щекам, но родная ладонь прятала глаза от всего мира. Здесь, где сама реальность этого места ставилась под вопрос, стало возможно выразить чувства и при этом не казаться слабой. Нельзя было только упасть на колени, ведь какая-то опора под ногами отсутствовала. Поэтому Мия просто плакала, не стесняясь, не пытаясь подавить этот порыв. По уголкам улыбающихся губ в форме воды стекала та тяжесть, которая накапливалась в ней всё это время. Она впитывалась в одежду, падала в никуда или растворялась ещё в полёте. А в голове звучал голос и виднелся размытый образ тех глаз, уже успевших стать нужными. Мия чувствовала, как тело становится легче и легче. Словно и без того воздушная масса становилась светлее и ярче. Это происходило и со всем вокруг, даже ладонь перед глазами словно таяла.

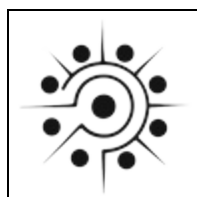
— Уходим, — тоскливо произнес голос позади. — Нам обеим нужно обратно. Я найду способ вернуться сюда. И позову тебя с собой.

— Подожди! — добавила Мия, ненароком чуть не открыв глаза: — Мы сможем встретиться по-настоящему, там, в Виоландо? Хоть когда-то сможем?

Казалось очевидным, что голосу стоит больших усилий не растаять окончательно, а выждать ещё немного. Один короткий вопрос задерживал их обеих. Голос звучал настолько слабо, что пропала уверенность в том, что кто-то находится за спиной. Перед глазами было тепло, как от ладони, но век больше никто не касался. И всё же шёпот нашёл силы ответить.

— Звёзды и луны на ночном небе всегда вместе. Но могут ли они когда-то соприкоснуться? Я не знаю. Не знаю, но нарушила бы все законы природы, лишь бы это было так.

А потом всё в этом непонятном мире исчезло. Из ниоткуда её восприятие и сознание с огромной скоростью врезались во что-то вязкое, но куда более знакомое. Руки не ощущали лёгкости, а тело не казалось сшитым из воздуха. Всё наконец стало таким, каким должно было быть.

Скай вжался в дырявый забор. Через одно из отверстий он высматривал человека, которого сейчас хотелось встретить меньше всего. Вокруг раскинулись маленькие петляющие улочки, точно трещины на стекле от удара. Он оборачивался на каждый шорох и

не торопился бежать.

Пальцы сжимали мягкую обложку альбома без страниц — все листы ушли на то, чтобы не разбиться насмерть. Амарантин был на минимуме, из бумаги остался только небольшой блокнот для личных заметок. На взгляд в нём осталось с тридцать небольших листов, не больше. Скай старался заглушить звук рвущихся страниц, поэтому придавливал корешки пальцами. Он не знал как действовать и уж тем более как победить — что бы тот ни создал, оно умирало слишком быстро, вне зависимости от формы и скорости.

Скай прислушался. Топот ног, но не по земле, а где-то выше. Не за забором. Сверху! Недруг вытянул две руки вперёд. Шквал.

Парень рванул что есть сил, но услышал трескучий звук позади. Его плащ превратился в несколько широких лоскутов. Скай специально старался петлять как можно чаще, сворачивая на всё более и более тонкие улочки.

— Решил настругать из меня верёвки! — сказал он сам себе. — Нет уж, я не стану лапшой. Я не стану лапшой. Никакой лапши сегодня. И никогда. Никогда.

Он задыхался и паниковал. На бегу концентрироваться на аромате совсем не просто, поэтому линии сгиба выходили кривыми. Уродливое простейшее создание из бумаги полетело назад. Оно преодолело поворот и только долетело до следующего, как связь пропала. Листок умер.

— А может, поговорить? — крикнул Скай не останавливаясь. — Компромисс!

Ответа не последовало, но не сказать, что на него было много надежд.

Одна из улочек оказалась длиннее других. Сражаться не осталось ни сил, ни бумаги. Он швырнул все вырванные листки перед собой, и они превратились в невысокую лестницу. Ступенька за ступенькой, и получилось шагнуть на крышу одного из домов. Парень лёг за деревянную перегородку и закрыл рот обеими руками. Он старался дышать как можно тише. Невысокая бумажная лестница осыпалась на землю и каждую секунду Скай думал об этом промахе, что делало его местонахождение очевидным. С самого начала бумага была обречена против хаотично парящих лезвий. Хуже расклад мог быть только с огнём.

— Твой аромат полностью проигрывает моему, — прозвучало снизу.

Хотелось тешить себя надеждой, что его пытаются выманить, ведь не знают где Скай на самом деле. Глупости это всё. Дом даже не двухэтажный, а на полу валяются листы бумаги. Зачем вообще было надеяться на такой глупый план?

— Спускайся оттуда по-хорошему или я поднимусь и нашинкую тебя как капусту.

— Нет-нет, шинковать никого не нужно. Правда.

— Ты ведь поговорить хотел. Давай, значит, прыгивай, иначе с тобой произойдёт ровно то же, что и с твоими страницами. Это я тебе обещаю.

— Хорошо-хорошо. Убедительно, правда. — Скай поднялся и показался за деревянной преградой. Его руки были на весу.

На боль и усталость пришлось наплевать. Парень свесился с невысокой крыши и прыгнул. Приземлившись, он почувствовал тупую, доводящую до тошноты боль в пятках. Незнакомец держал обе руки вытянутыми вперёд. При любых других обстоятельствах эта поза могла показаться смешной. Скай бросил взгляд за спину врага лишь на миг. И каждую последующую секунду, какие бы слова он ни произносил, в голове роилась одна мысль:

«Важно не разрывать визуального контакта. Смотреть только в глаза, и никуда больше».

— Тебя ведь меня не убить послали? Очень надеюсь, что нет.

— Выверни карманы. Очень медленно опускай руки.

— Хорошо. Но у меня там корешок альбома и блокнот. Оба полностью пусты. Я их сейчас аккуратно достану и положу на землю, хорошо?

— Ты забросишь их на крышу.

Скай кивнул и старался контролировать каждое своё движение. Они должны были выглядеть достаточно медленными, достаточно слабыми для того, чтобы в ход шли лезвия. Альбом с блокнотом оказались на крыше. Вывернутые карманы были полыми.

— Вот и всё. Я совершенно безоружен.

— Я уведу тебя под суд и там тебя казнят. А попробуешь сбежать, так я обещаю, что убью тебя и скажу остальным, что иного выбора не было.

— Просто желание заработать?

Незнакомец нахмурился. Он не понимал вопроса.

— Я проиграл. А это просто любопытство, и ты даже не обязан отвечать мне. Но, если можно, позволь понять твою мотивацию. Моя казнь для тебя — это просто способ наёмнику стать богаче?

— Иначе на твоём месте буду я.

— А если нет? Это ведь зависит от обвиняемого и того, кто схватил его за руку.

Тот недобро прищурился и думал, отвечать ли. Носитель окинул парня с ног до головы и презрительно бросил:

— Не включай идиота, ты же знаешь механизм Мейярфа. Хорош или нет, но он практически непобедим. И его нужно защищать.

— А если создать то, что *хочется* защищать? Не то, что нужно, а что дорого?

— Правила уже установлены. Я не готов ставить свою жизнь на кон ради крошечного шанса сменить их.

— Хорошо. Согласен, хорошая мысль. Но последний вопрос, обещаю, а после я пойду с тобой. Если бы я сказал, что механизм остаётся неприступным только потому, что его защищает Вереск и грастийство, ты бы согласился?

Незнакомец посмотрел на Ская исподлобья. Он неодобрительно покачал головой, но взгляд его оставался холодным и враждебным. Не вызывало удивления, почему такой человек выбрал лезвия как проявление себя.

Он так и не ответил — всплеск амарантина двух людей оказался мгновенным. Ароматы, что обычно формировались постепенно, движение за движением, частичка за частичкой, сейчас проявили себя всюю. Скай рискнул всем, и испачканные под ногами листы взлетели. Те клочки, что недавно были ступенями, обрели вторую жизнь. Все они устремились вверх и встретили своего врага. Естественный рефлекс — поднять руки вверх. Лезвия достали до каждой своей цели и раскромсали её. Грязные листки окончательно потеряли всю скорость и посыпались вниз. Они отыграли свою роль.

И тогда вмещалось созидание. В него вложили очень много сил, оттого оно расцвело мгновенно. Руки носителя опоясал твёрдый камень. Его структуру было представить проще всего, но главное — придать твёрдости. Камень оказался непонятной формы, но не давал рукам недруга даже согнуться. Это были кандалы, что начиналась у локтей и заканчивалась в двух фалангах от кончиков пальцев. Скованный человек упал на землю. Он начал ругаться и кричать, но двигать руками не мог. Затем каменный слой охватил и ноги. Последний всплеск сил, и на рту обездвиженного появилась липкая лента. Скай выдохнул и, наконец, за долгое время посмотрел на что-то красивое.

— Ну ты и рассчитала момент. Огонёк, какое же ты чудо... — он пытался справиться с одышкой. — Я тебе и правда обязан жизнью. Самой настоящей.

Эстер с трудом подошла к нему и обмякла. Тот приобнял её и не дал упасть. Они сделали столько шагов, сколько могли, а потом, упёршись в стену, сели. Девушка нервничала, но человек рядом давал понять, что нечто страшное осталось позади.

— Я всё. Это предел. Предвечная, как же я ненавижу последствия всего этого.

— Я понимаю. Но нужно потерпеть. Всё это не зря. Всё не зря. Спасибо.

Она прикусила губу и впилась ногтями в одежду друга. Финальный всплеск аромата выжал досуха их обоих. Говорить получалось только на выдохе.

— Скай, на восточной улице что-то происходит. Что-то плохое. Я никак не смогу им помочь. Что нам делать? Мы проиграли?

— Рано ты делаешь выводы, Огонёк. Рано.

— Их там много. Кажется, намного больше, — Эстер съёжилась. — И я потеряла столько времени. Столько возможностей.

— Но спасла... близкого человека.

— Спасла. Но хочу помочь и им. А не могу. Не могу.

Ответа не последовало. Сознание человека, к которому она прикасалась, выпорхнуло из головы. Эстер прятала свои слёзы от Мейярфа. Они растворялись в голубых тканях до тех пор, пока и её образы в голове не потеряли линии.

* * *

Кейтлин находилась на расстоянии вытянутой руки. Она стояла на коленях, руки её были прижаты к груди, взгляд оставался напуганным, а на щеках засохли чёрные разводы. Мия и сама понимала, что зрелище выдалось не из приятных — часть пола и её одежда были испачканы кровью. Чуть выше живота, на жёлтой ткани одеяний, застыло большое багровое пятно. Кейтлин протянула дрожащую руку, и их пальцы соприкоснулись. Обе ладони были тёплыми, как у настоящих живых людей.

— Мия, — промямлила она. — Ты что... тоже Парадокс? Как? Рана, она же...

— Я не знаю, как объяснить. Оно... всё случилось само собой.

Кейтлин запустила руку под накидку и аккуратным движением дважды провела пальцами вверх от живота. Не нащупав никакой раны, девушка шепотом выругалась и крепко обняла Мию. Объятия оказались взаимными. Несколько секунд кряду руки просто отказывались отпускать дорогого ей человека, который дышал жизнью, который имел запах и дрожал. Это был контакт с таким же настоящим телом, что находилось рядом и раскалывало пополам страх.

После этого Кейтлин пару секунд смотрела ей в глаза. Убедившись, что всё действительно лучше, чем казалось, девушка метнулась к выходу. Она перешагнула через лежащих без сознания покровителей и окликнула подругу: Венди была повернута к ним спиной и упиралась лбом в дверь. Её мысли всё ещё витали где-то вдалеке.

В конце концов, пришлось прийти в себя — Кейтлин так сильно трясла за руку и звала её, что никакой уровень концентрации не помог. Вернув своё сознание, Венди пошатнулась, глянула на Кейтлин и перевела взгляд на вторую свою подругу. Даже по её, обычно куда более невозмутимому лицу, можно было сказать, что в воздухе снова повисло полное непонимание происходящего. Мия не чувствовала боли и усталости ни в единой клеточке

тела, напротив, хотелось куда-то деть накопившуюся внутри энергию.

Венди покосилась на большое красное пятно — ничего удивительного.

— Я в порядке, — заверила Мия. — И не выразить как рада, что вы тоже.

В ответ девушка только закивала головой и на пару-тройку секунд тоже обняла Мию. Объятия разорвались именно тогда, когда должны были. Теперь сентиментальности следовало подождать.

— Чем всё тогда закончилось? Кто-то наш пострадал?

— Один из них выловил и меня, — быстро заговорила Кейтлин. — Внезапно влетел, не пойми откуда, и всё! Он просто обхватил мою шею руками, и мысли будто вывернуло наизнанку. Ужасное, просто отвратительное чувство. И когда я отошла, то передо мной уже крутились эти идиоты, — она показала на покровителей. — Но поменьше, конечно. Что-то ты им приглянулась, или что? Ну и всё приближалось к очень неприятному повороту, но Венди подросла вот прямо вовремя, я тебе даже на словах не передам насколько. После этого мы сразу же ринулись искать тебя, а Сорроу побежал помогать остальным на восточную улицу. И это всё, кажись.

— У них проблемы, — перебила Венди. — Моника сказала, что один из наших информаторов искажил информацию. Каждый человек из Вереска — это носитель, хотя нам передали, что все они хорошо обученные наёмники, которые разбираются в допросах, оружии и налётах. Я так понимаю из-за того, что людей, знающих о Вереске, совсем ничего, перепроверить эту информацию никто из наших не смог. Не знаю, сейчас забивать этим голову нет времени.

— А заключённые что? Мы проиграли?

— Нет. Мне очень сложно описать, что случилось после того, как вы исчезли, — приободрилась Венди и обратилась сразу к обеим своим подругам. — Если по существу, то стену Сандера они так и не смогли разрушить, и пока пытались, у Сорроу получилось перевернуть игру. Потом мы с ним оставили Сандера с лекарем, потому что ему сейчас совсем нехорошо, и передали людей Монике. А после мы разделились: я нашла вас, а Сорроу побежал к Глэдис и остальным. Больше я никого из них не видела. Поэтому сейчас, — Венди открыла дверь, — нам нужно бежать к нашим. Если нужны будут подробности, то расскажу по пути.

Только Венди сделала шаг, как Мия совершенно машинально схватила её за руку. Она перевела взгляд на Кейтлин, потом обратно. Времени оставалось в обрез, поэтому всю робость и стыд Мие удалось растоптать внутри себя почти мгновенно.

— У меня есть просьба. Я понимаю всю опасность и риск происходящего, но сейчас мне нужна ваша помощь, чтобы добраться до одного места. В первую очередь чтобы ты, Венди, узнала дорогу туда. Я каждой клеточкой своего разума, своей интуиции и логики уверена, что сейчас нам нужно именно туда. И без помощи кого-то из вас я просто не справлюсь. Пожалуйста, поверьте мне сейчас так, как верите сами себе. Сейчас там быть намного важнее, чем где-либо.

— Я не люблю такие повороты событий, — насторожилась Венди. — И...

— От этого, может, даже зависят их жизни. И, оказавшись на восточной улице, мы не сможем им помочь.

— С чего ты взяла?

— Венди, это не простая прихоть или желание. Я понимаю, что на кону многое. И нам туда идти нельзя. Ни в коем случае.

Неуверенный и испуганный взгляд Венди останавливался то на одной, то на второй подруге.

— Что ты смотришь? Я склонна ей верить, — произнесла Кейтлин.

— Почему?

— Потому, что такие вещи не говорят по глупости, мне кажется. Или моя логика и интуиция снова играют со мной злую шутку, и я несу чушь. Только ты, Мия, скажи, если шутишь. Я такой юмор не понимаю.

— Не шучу. Пожалуйста, Венди. Я бы не просила рисковать их жизнями, если бы не была уверена. Сейчас нам нужно не к ним.

Венди заметно нервничала. Она думала, но и для неё время было ограничено. Ещё без слов она ответила тогда, когда потянулась к широкому карману своей мантии.

— Предвечная, хорошо. Я верю тебе. — Слова звучали тяжело, чтобы ощущалась вся та ответственность, которую Мия брала на себя. — Пожалуйста, не подведи.

Полыхнула искорка, и из трубки пошёл дымок. Венди один раз вдохнула его и закрыла глаза. Пришлось выждать несколько секунд.

— Я готова. Вся ратуша как на ладони.

* * *

На площади у городской ратуши вершился суд. Вереск не позволял слишком приблизиться к покровителям, которых здесь было не меньше десятка. Горожане держались в нескольких шагах от происходящего, чтобы можно было и наблюдать, и не попасть под горячую руку.

Среди шести виновных, стоящих на коленях, был и Маччери Мортале. Выглядел он неважно — грудь едва вздымалась, голова была опущена, а кровь струилась по шее и затекала за шиворот. За спиной стоял кто-то из Вереска и потому даже поднимать руку, чтобы вытереть кровь, Маччери не решался.

Хлоя приказала остальным послушаться и играть роль. Даже Сорроу сейчас стоял на коленях и наблюдал за Хлоей — даст ли она знак, чтобы события приняли совсем скверный оборот, или есть шанс на мирное решение. Он клялся себе, что никого из них не убьют и больше опасался внезапного выстрела от покровителей, чем какого-то фокуса от Вереска. Парень успел заметить, что на крыше их страховал Парадокс, но настраивал себя так, словно его там нет. Никакого второго шанса, никакого права на ошибку и никаких сожалений, если в дело пойдёт Флавитон.

Покровители говорили по очереди. У ораторов замечательно получалось дополнять друг друга, и каждый взгляд был прикован к ним. Они кричали, желая, чтобы их услышало как можно больше людей. Жители знали, что можно кинуть чего потяжелее в грастию, можно даже браниться на людей из Вереска, но поднимать руку или прерывать покровителей не решался никто. Было слушателю совершенно всё равно на происходящее, поддерживал он эту расправу или он всеми силами хотел не допустить её, всё, что он мог делать сейчас — стоять и наблюдать. Так думал каждый, оттого из пары тысяч людей, кто не хотел мириться, никто не сделал и шага вперёд. Многие из толпы были столь же жаждущими не согласиться, сколь и бездействующими, неготовыми проронить даже слово.

Людей подготавливали к справедливой расправе. Чтобы на их глазах судили маргиналов и диверсантов, в которых не осталось ничего святого. Хлоя не успевала отвечать на вопросы покровителей. Это не походило на диалог, скорее на приговор, что обычно зачитывают судьи.

— По вашей вине сегодня погибло огромное количество людей. Этого вы так добивались? Жертв?

— Где эти жертвы? Покажите мне их, — возразила Хлоя, но тут же утонула в череде слов.

— Животные! Дорогой Мейярф, я лично видел, как они душили человека! Даже не грастию, а обычного горожанина. Зачем?

— Вы заслуживаете казни прямо здесь. Не заключения, а сиюминутной казни.

— Вы превратили этот день в покушения на каждого, кто стоит перед вами и за вашей спиной. Вы умышленно шли отбирать человеческие жизни.

— Вот, мейярфцы! Вот то, к чему может привести своенравие.

— Такие как они всегда оправдываются благими намерениями.

— Но их слова лишь звучат искренними, а в итоге приносят разрушение.

— А ведь эти люди, стоящие перед вами, не выглядят, как сумасшедшие. Но совершенно точно такими являются. Им безразлично счастье Мейярфа и жизни тех, для кого это место — дом.

— Ведь они поверили в то, что наша с вами проверенная тропа может вести к обрыву.

— Та дорога, по которой прошли тысячи людей! Не одно поколение!

— Они решили идти другим путём. И из-за него сегодня погибли люди. Из-за дороги, которая показалась этим людям своей! А кто...

Совершенно внезапно речь покровителей заживо похоронил другой звук. По всему городу, по каждой его улочке и площади, послышалась рябь. Каждый рупор зазвучал на всей громкости. И они впервые передавали совершенно чужой, ранее не слышимый почти никем голос, по всему городу.

— Здравствуй, Мейярф. Вряд ли ты вспомнишь мой голос, потому что он давно запылится на твоих улицах. Как и моё настоящее имя. Я не могу тебе назвать его, потому что для тебя, как и для большинства слушающих, оно совершенно ничего не значит. Но то, что ты слышишь меня, нельзя назвать простой случайностью. Возможно, это очень большой шанс, о котором ты успел забыть. Коснутся ли такого большого города мои слова или нет — я обращаюсь к той части тебя, которая может услышать. Я знаю, что ты от края до края наполнен разными людьми. Их много, и они плавают в тебе, как в огромном золотом океане. Они переплетаются и взаимодействуют. Мне есть что сказать каждому из них.

Этот голос всё ещё казался таким же немислимым, как если бы с жителями решил заговорить сам мегаполис. Но они ждали. И хоть у голоса и не было той размеренности и того ритма, с которым говорил Магтиас Мендакс, люди хотели услышать ещё. В этом звуке была новизна.

— В тебе живут такие, которых очень много. Эти люди привыкли к звезде над головой настолько, что до сегодняшнего дня им сложно было представить, как выглядит лёд. Они, возможно, до сих пор отрицают его существование, потому что жара впиталась глубоко в их кожу и сознание. Кажется, что ни один кусочек льда не сможет снять этот зуд, хоть высыпи целое ведро. Эти люди бредут куда-то, от точки до точки, и порой не знают, чем занять свою голову в эти моменты. Они внимательно слушают, мало говорят вне дома и стараются не

сбиваться с самой короткой дороги. От места к месту, и не более того. Эти люди уведут взгляд, когда рупоры обвиняют кого-то, но не закрывают уши, потому что положено слушать. И становится страшно, что невидимая рука из рупоров утащит их в место, которого они панически боятся. Куда попадают какие-то ненормальные, которые занимаются разного рода глупостями. Поэтому эти люди наклоняют голову и продолжают идти своей дорогой. Но сегодня, Мейярф, дай им шанс услышать о том, что от пекучей Терсиды можно убежать. Что не стыдно на время спрятаться в тени, если ты плавишься под солнцем. Дай шанс задуматься о своём тем, в чьих головах осталось хоть что-то помимо желания поскорее оказаться в нужном месте. Отбери у них страх, чтобы распутать хоть один маленький клубок их мыслей. И пусть все твои рупоры рвутся от наплыва правил, эти люди могут избавиться от кошмара, который накрыл тебя с головой, — страха думать и самовыражаться.

Звук заскрипел и на долю секунды пропал. Для чьих-то ушей облегчением стала тишина, а для чьих-то звучание. Но голос вернулся, такой же уверенный и настоящий.

— И тогда, мой бескрайний город, когда человек бросит вызов всем нескольким сотням рупоров, когда он сам станет своим звуком, ты тоже, наконец, сможешь стать кому-то домом. Только скажи им, что не существует непоколебимой истины, непобедимой жары и беспрекословных правил. Скажи им, что всегда есть те, кто накроет их своей тенью, нужно только оторвать взгляд от пола. Эти люди испуганы, но не брошены. Они не безнадёжны и не потеряны. Только дай им немного смелости, пожалуйста.

Послышался тяжёлый вздох, словно за этими словами остался целый пласт, который принял форму слов, оседающих в голове. Все эти слова больше никто не произнесёт и не услышит — это то, что звучит лишь один раз. Поэтому всё произнесённое просто продолжало трещать внутри. Каждое слово осталось позади, но не спешило испариться.

— Живут в тебе и те, кого мне противно называть человеком. Лжепросветители, мракобесы и переметнувшиеся на их сторону — я презираю саму суть каждого из вас. Тех, кто сам не задаёт вопросов и запрещает это делать другим. Тех, кто мешает узнавать и осуждает излишний интерес другого. Каждый, кто закрывает глаза человеку, который пытается повернуть или поднять голову. Называющие непроглядную темноту благом, а палачей — наставниками. Я знаю, что мои слова для вас ничего не значат. Они могут вызвать страх и неприятие. Вы почувствуете отвращение ко мне, но ничто не заставит вас испытать стыд. И ничто не заставит вас стать лучше, потому что вы — потерянный слой человечества.

Послышался звук, словно по микрофону провели ногтями и хотели его поцарапать. Но последующий выдох заглушил то, что сейчас было лишним. И люди снова слышали слова.

— Вы владельцы безвольных кукол. Ваша радость — хлопки тысяч ладоней и пена изо рта, вызванная гордостью за своих покровителей. Вы существуете за счёт паразитирования, поданного под покрывалом профессионализма и мудрости. Ваш дар убеждения — творчество в самом изуродованном виде. Вы направили его на то, чтобы удушить неродившийся плод. Но ваше существование и ваша идея — рудимент. Я не признаю пустоту, которую вы прививаете людям. Вы искажаете и уродуете поколения. Но пока само понятие «Человек» не исчезло, будут и существовать два сильнейших мотива — жить и оживать. Услышьте меня, тёмные покровители этого города. Вашими устами шепчет яма. Сама ваша суть обречена.

Пауза показалась слишком долгой. Речь шла не о паре секунд. Голос незнакомого человека словно хотел продолжить, но не решался даже на слово. Каждый понимал, что это

не последнее предложение. Хоть слово, хоть какая-то фраза, но она должна была прозвучать. Иначе эти слова ломались, становились видимыми, но заполненными лишь наполовину. Мия понимала это, как и смысл каждой частицы, которой делилась с другими. И сейчас ритм этого города был и её ритмом тоже.

— Внутри тебя, Мейярф, живёт ещё кое-кто. Тот, ради кого мне хочется держать в руках микрофон и произносить эти слова. Один-единственный человек, который не позволил ни скомкать себя, ни расщепить. Ты — жизнь, в самом ярком её проявлении. Ты — единственный, кто может меня услышать. Человек-смысл, я обращаюсь к тебе от лица тебя же самого. В тебе тысячи разных лиц, и моё — только маленькая частичка твоей целостности. Ты сотни раз умирал, но всё равно никогда не перестанешь жить. Твой возраст не имеет чёткой цифры, и я никогда, никогда не смогу увидеть тебя целиком. Но я смогу сказать то, что тебе удастся понять. У меня есть дорога, по которой мне хочется идти. Как и ты, я не знаю, к чему она меня приведёт, но понимаю, что каждый мой шаг — это целая жизнь. И вопреки смерти и страху, я хочу жить, так же сильно, как и ты. Я хочу ощутить и понять движение. И пока целые города накрыты чёрными куполами с фальшивым солнцем над головой, ты бросаешь вызов всему существующему и делаешь шаги с завязанными глазами. Некоторые дорожки обрываются, некоторые виляют слишком сильно, чтобы можно было устоять на ногах. Но в мире, где движение оказалось под запретом, ты всё ещё следуешь своему смыслу. И когда пластмассовые правила и законы обматывали тебя с ног до головы, ты не переставал быть собой.

Мие казалось, что ей повезло признаться в любви чему-то, что по своей природе поймёт каждый произнесённый ею звук. Всё дело было не только в людях, хоть они и заслуживали этих слов. Странно, но всё сказанное проникало и в её собственную голову. Оно делало стержень крепче. Оно смахивало оставшуюся паутину.

— Ты издавна знаешь историю о камне, что отгоняет смерть и дарит вечную жизнь. И сколько бы ты ни спрашивал, тёмные пятна громко и гордо заявляли, что этого камня не существует. Что сама идея звучит абсурдно, а история — не более чем вымысел. Но поверь мне, пожалуйста. Они соврали тебе. У тебя это получилось. Ты нашёл бессмертие, которое расплавляет темноту вокруг тебя. И каждый в тебе смог создать своё уникальное естество, отгоняющее слепую покорность и имеющее цель. Любое твоё проявление, от стихоплёта до учёного, что не разлюбил свою природу в угоду страху, не имеет границ. Ты — неугасим и неубиваем. Ты никогда не исчезнешь и не растворись. И пока есть такие люди, никто не сможет утопить смысл человека в крови и страхе. Я счастлива, потому что не осталась одна. Я счастлива, потому что сама могу определить, насколько ценна моя жизнь. И я хочу донести смысл осознанности до других так же, как ты донёс его до меня. Ты человек с большой буквы, а значит, смог победить смерть. Какая-то часть тебя совсем скоро это поймёт, а какая-то давно это пережила. Вокруг нас с тобой много тех, кто впитывает свет и ничего не источает. Но ты, один только человек, созданный из тысяч переплетающихся умов, намного ярче зла. Потому что ты — созидание. Потому что ты живёшь, а не существуешь.

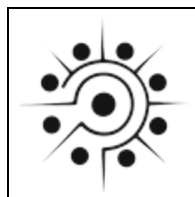
Осень выгорала с каждым словом, высыпанным на город. Накатило самое тёплое из всех чувств — весна показала куда ближе, чем все дни до этого. Она несла с собой счастливую неизвестность, до которой оставались считанные дни. Это время, именно эта весна, стала чем-то совершенно другим: не временем года, не периодом, а целым мировоззрением. И именно она помогала Мие подбирать слова.

— Я хочу жить так же сильно, как и сказать, что люблю тебя, человек по ту сторону. Каждую твою часть, всех полов, возрастов и времён. Я люблю тебя за то, что ты не приравнивал жизнь к пустому звуку. Пусть сейчас у меня есть имя и совсем немного смысла. Но я найду его, свой смысл. И ты найди, пожалуйста. Не оборачиваясь на тёмные руки, что к тебе тянутся. Потому что настанёт время, когда эти руки обожгутся, лишь коснувшись тебя. На твоих глазах тают барьеры, из-за которых не видно ничего, кроме полыхающей звезды. Что-то настолько важное не обязательно должно происходить с огромным шумом и грохотом. Иногда это просто может открыться дверь внутри тебя самого. Кроме тебя этого никто не заметит, но внутри будет продолжение маленькой истории. Может, всего несколько дверей, а может, счёт пойдёт на сотни. Но за каждой из них будет что-то новое. И я знаю, знаю, что за одной из них ты найдёшь то, что уже не сможешь потерять. Главное — не бояться дёргать за ручку и открывать свои двери. Как бы далеко мы ни находились друг от друга, знай — мне интересны все твои идеи, интересно то, что приходит по вдохновению, и то, что рождается от потока мысли. Не бойся поднять голову, потому что небо куда красивее, чем может показаться. А я буду искать вместе с тобой. Идти по своей дороге и открывать свои двери. Но мне кажется, что сегодня что-то неописуемо страшное стало намного дальше от нас обоих. Словно мы вышли за рамки того, что могли себе представить. И кто бы не попробовал отнять у тебя тебя самого, он совершенно точно проиграет, мой любимый человек. В эту самую секунду я чувствую, как мне важна твоя победа. Словно мы с тобой — завязанные в тугий узел идеи, что сумели освободиться. Этот мир в твоих руках. Действуй.

Микрофон упал на пол и через пару секунд совсем отключился. Впервые тишина в Мейярфе была настолько всеобъемлющей, что заслоняла даже солнце.

Глава 19. День города

Эта глава — и твой праздник тоже.

Никто не решался заговорить. Никто просто не имел права начать, но и не хотел, чтобы это делали покровители. Некоторые горожане смотрели на них и надеялись, что они больше не издадут ни звука. И тогда можно будет заговорить самим. Но голос ожил вопреки ожиданиям.

— Вы все слышали слова этого человека, — терпеливо произнёс Мендакс в рупор, проговаривая каждое слово. — Если здесь есть тот, кто верит этим словам, кто видит в них смысл и идею, то пусть он сделает шаг из толпы. Пусть он не побоится выйти.

Он сдерживался, и эта сдержанность пугала.

— Если вы действительно считаете сказанное нормальным и правильным, то покажитесь. Иначе грош вашим убеждениям, если вы даже боитесь заявить о них.

Первой отреагировала молодая женщина в очках. Она подняла руку, сделала уверенный шаг из толпы и приоткрыла рот, чтобы что-то сказать. Мендакс опередил. Он протянул руку и, подойдя, выстрелил в неё. Оружие появилось неожиданно, словно из-под рукава. Послышался испуганный рокот, но толпа словно остолбенела. Каждый в ней испугался так, как не боялся до этого, но не решился убежать.

Женщина не упала. Она почти прикасалась к дулу оружия, но пуля почему-то проиграла. А затем выстрелы, ещё и ещё, чтобы хоть одна из пуль победила, и человек, который должен был умереть, наконец, умер. Но со всеми остальными случилось то же самое — они разучились убивать.

— Прекращай давай, — прохрипел позади осевший на землю и весь измазанный в крови Парадокс.

Тот улыбался красным оскалом и ладонями вытирал стекающие струи. На его груди было четыре отверстия — каждое, как победа над невысказанным. Ему не стало больно, напротив, в его глазах читалась жажда. Парадокс смотрел на стрелявшего и тысячи раз умерщвлял его в своей голове. Один из них стал настоящим.

— Всё. Ты кончился.

— Не всё! — с надрывом крикнул он в толпу. — Пусть следующий, кто готов поставить себя выше нашего дома, выйдет вперёд. Есть среди вас люди, что готовы заслонить своей грудью ту отвратительную мысль, которая только что прозвучала через рупоры? Есть те, кто считает, что эти, — он махнул в сторону Хлои, — могут быть правы? Я готов поставить жизнь за идею, которой я делюсь с вами. Но есть кто-то, кто готов быть настолько же смелым?

Сразу после этих слов вышел взрослый мужчина с густыми усами. Он дрогнул, но не опустил взгляд, и сжал зубы. Когда Мендакс с ненавистью посмотрел на него, мужчина

кивнул.

— Есть.

— Подойди ближе, — сухо приказал покровитель, и тот послушался.

— Наша идея — единство. Наша идея — это сплочённость. Обязанность. Взаимодействие. Ответственность. Успех. Ты не согласен со мной. Ты думаешь по-другому. Что же тогда есть твоя идея?

— Я сам.

— Ты сам? Такая вот позиция?

Тот не успел ответить, как шаг вперёд сделало сразу пятеро человек. Друг за другом, почти одновременно.

— Тогда если грязные люди исчезнут, то и пропадает грязная идея.

Мендакс обернулся, бросая вызов всем, с кем сталкивался взглядом. Он держал разряженное оружие наготове, но выглядел уязвимо.

— Кто ещё? Кто ещё считает, что он — центр этого мира?

Навстречу шагнул лидер Вереска. Шаг за шагом, и он прошёл Мендакса и его свору, не обращая на них внимания. Слово не существовало никакой угрозы и не существовало никаких покровителей. Он обратился к другим.

— Что дальше?

Хлоя с Маччери переглянулись между собой, то же начали делать и некоторые горожане. Маччери оглянулся, куда-то всмотрелся и взбудоражено закивал головой. Один из покровителей хотел было что-то возразить, но Вереск жестом прервал его. Вопрос повис в воздухе, и он произнёс его ещё раз.

— Если не всё это, тогда что? Вам есть что принести взамен?

Народ начал о чём-то судачить и переговариваться. Хлое было не до всех этих перешёптываний. Вся эта робость и неуверенность её не касалась, ей хотелось спать и наесться медовых вафель.

— С чего бы это? — фыркнула она. — Мне — нет, я даже не местная. Но вот этим ребятам, думаю, есть, что сказать.

К центру происходящего пыталась протиснуться группа людей, которых Сорроу вверил Монике. Она вела за собой освобождённых из Мыса Хохотунов и те, уставшие, голодные и до сих пор напуганные, всё равно рвались вперёд.

— Можно мне рупор? — Маччери махал руками, забравшись на несколько наспех сдвинутых столиков. — Рупор, пожалуйста!

Мужчина суетился и чуть не упал пока тянулся. Взяв приспособление в руки, он обратился к каждому, с кем мог пересечься взглядом.

— В первую очередь...

Смуглый человек, один из покровителей, бросился к столам, чтобы попытаться вырвать рупор из его рук. Раздался жужжащий звук, и мужчина упал, едва не набежав на раскалённый уголёк, повисший в воздухе. Лидер Вереска загородил Маччери и тогда покровитель перешёл на крик:

— Они же просто морочат вашу голову! Заберите у него рупор, ради Предвечной.

— Послушайте меня! — крикнул Мендакс, но тут же скорчился от попавшего по нему камню. Вперёд вышел юноша, голос которого от злобы походил на голос пропитого пирата.

— Замолчите! Замолчите и дайте этим людям говорить!

— Ты понимаешь, на чью сторону стал?

Юноша закрыл уши и прокричал так, будто вопль был его последним словом.

— Меня уже тошнит от твоего голоса! Хватит!

Мендакс окинул его взглядом, в котором ничего, кроме ненависти не читалось. Он сделал шаг навстречу, и второго сделать уже не смог — ноги примёрзли к земле. Пракси мог оставаться незаметным, но намеренно показался. Парень скалился и в поведении его читался вызов. Казалось, он задумал неладное: вот-вот двинет рукой, и лёд окончательно одичает. Но Пракси не перешёл грань, как бы ему не хотелось сделать это.

Поднялся гомон, у которого была только одна цель — пожрать ненавистный едкий голос. Покровители не унимались, пока к шуму не присоединились ещё несколько людей из Вереска. Тогда Мендакс и его последователи замолчали, с ними замолчали и жители. Взгляды упали на Маччери, и в них читалась какая-то невероятная жажда.

— Говорите, скорее! — бросила пожилая женщина с первого ряда.

— Пожалуйста, говорите!

— Что же, — Маччери ни на секунду не замаялся, — люди, о которых я рассказывал вам недавно, наконец, оказались на свободе. Поднимите руки, пожалуйста, пусть мейярфцы увидят. — На фоне тысяч людей группка в сто человек казалась маленькой, но каждый из освобождённых поднял руку. — Я хочу, чтобы те, кого высмеивали и изображали дураками доказали, что Мейярф разнообразен и не замкнут. Мы все хороши в своём: Маччери Мортале, то есть я, сколько себя помнит интересовался точными науками, а вот Джинт Канйот, я знаю его лично, гениальный механик. Гениальный, уверяю вас. Я знаю Харстана Талча, который за один разговор рассказал мне о политических строях больше, чем я знал за всю жизнь. Я знаю Калисту Ар и уверен, что на её пьесы будут съезжаться со всей Эмиронии. Рядом с вами стоит и Кард Кардис, который когда-то вытянул меня с того света и спас от чахотки. Сомнительный бухгалтер, что бы там ни говорил его диплом, но вот лучше врача я не знаю.

Маччери резко прервался и было ощутимо, как исчез тот кураж в голосе. Он мог бы перечислять и перечислять имена, но ускорил темп и перешёл к сути.

— Мы видим Мейярф как место, где можно быть лучшим в чём-то своём. Не только этой сотне людей, а тем, у кого в голове есть действительно дельные мысли и достаток опыта в своём деле. Для этого нужно открыть голову для информации, найти своё дело и прожить с ним несколько лет. И ваше дело, верить мне или нет, но это сработает. Я знаком как с сильными, так и со слабыми сторонами нашего города. Мы пока не умеем принимать решения, потому что их принимали за нас. Хотелось бы попробовать иначе.

— Стол, за которым и поэты, и торговцы, и политики? — крикнули из толпы, пока Маччери молчал.

— Конгресс. Это будет конгресс, за которым будут культура, и грастийство, здравоохранение и суд, торговля и образование. Все отрасли важны. Отрасли и люди, разбирающиеся в них. Я предлагаю организовать именно конгресс, где диалог возьмёт верх над беспочвенным законом. И ещё! Конгресс будет поэтапным, это очевидно. И каждый этап я предлагаю транслировать в эфире. Это, мне кажется, нужно и обычным жителям, и тем, кому принимать окончательные решения.

— Вас можно считать лицом новых покровителей?

— Нет, вы что? Нет-нет, моя роль сейчас — найти наиболее подходящих людей. И я понимаю, что вы привыкли, но лучше подобрать другое слово. Это будет ряд лиц, что будут нести ответственность перед гражданами и друг другом. В чём я уверен почти наверняка —

лиц этих будет много и они будут из разных сословий. Разных возрастов и полов. Из разных частей Мейярфа.

— А если у власти окажется тиран какой или, наоборот, лодырь? И если он будет тянуть Мейярф вниз? — выкрикнул кто-то другой.

— Дайте любому человеку, что займёт руководящую должность, срок. Не скажу сейчас какой именно, нужно обсуждать, но пока не суть. Не важно, в какой области, будь то доктор или инженер, каждому нужно время. Но если этот некто не оправдает себя, то он может быть заменён другим. У меня есть мысли на этот счёт, но позвольте сформулировать и достойно выразить их на конгрессе.

— А возможно будет самому выбирать, где получать образование?

— Это я вам гарантирую даже до начала всех обсуждений.

— А мы снесём все рупоры на улицах?

— Не уверен, что в этом есть необходимость. Думаю, здесь играет роль функция, которую они несут. Если того захочет большинство, можем уменьшить их количество.

— Когда вы планируете провести конгресс?

— По моим расчётам, это нужно сделать как можно быстрее, но каждому из представительств нужно время. В моём представлении это две флатии. Может, немного больше, может, меньше.

— А вы планируете расширить список разрешённых профессий?

— Здравоохранение может выступать как отдельная отрасль?

— Вы планируете вводить цензуру?

— А где он пройдёт? Вы решили?

— Вы знаете, кто звучал из рупоров?

Народ не унимался, и голоса заглушали друг друга. Амáру, лидер Вереска, слушал так же внимательно, как и остальные. Слушали и покровители. Но пока вопрос сменял ответ, снова и снова, стоило сказать что-то собственным людям. А он очень плохо клал слово на слово так, чтобы итог получился бесшовным. Амáру повернулся и был рад, что кроме Вереска на него никто не обращал внимания.

— Я понимаю замешательство каждого из вас, но много говорить не стану. Вереск всё. По крайней мере такой, каким он был до этого.

— И дальше что? Всё, поедешь домой, на петлю?

— Нет. Хочу стать мейярфцем. Попробовать получить гражданство.

— Брось, Ам. У наёмных нет родины.

— Да, вот так. Хочу стать и всё. У этих людей есть план, и я его вижу. Представляю в своей голове. И интересно это, в кои-то веки попробовать быть щитом, а не клинком города. Не знаю. Мыслям в моей голове тоже нужен отдельный конгресс.

Ему не ответили и сколько же удовольствия принесло то, что ему не было стыдно за это молчание.

— Пока я не знаю, что именно произойдёт, но это не будет похоже на Вереск, который вы видите сейчас. Я это понимаю. И вы понимаете. Это будет другое. Но сейчас мне кажется, что защиты заслуживает не сильный, а достойный. Я не собираюсь осуждать тех, кто уйдёт. Но если интересно, то милости прошу.

Лишь двое сразу приняли его сторону, среди которых была и самая младшая из Вереска. Остальные не спешили.

— Это не для меня, — один из Вереска бросил стилет за землю. — Я не имею ничего

против твоих слов, Амару. Но я уеду, потому что все эти попытки — не моё. Держать в своих руках идею и нести за неё ответственность я не готов.

— Я понимаю. Твоё решение.

— Моё.

Взгляд лидера упал сначала на одного, затем на второго соратника и так далее по кругу. Из всего круга только сутулый развёл руками.

— Я хочу остаться с этим городом. Но как обычный человек. Не как его защитник. Для таких, как я, подобные эксперименты — это не то, вы и сами знаете. Поэтому осяду.

— Пусть так.

— В любом случае найду что-то другое, если сидячий образ жизни наскучит.

— Найдёшь, — на лице Амару читалась досада. — Я знаю тебя. А все остальные?

— Посмотрю, что этот конгресс вообще такое, — заключила одна из них. — Если не чушь, то может и получится что.

— То же самое, — добавил ещё один. — Посмотрим. Сложно вот так сразу решить.

— Хорошо. Это всё?

Ответа не последовало, все только закивали, словно говоря: «Получается, что всё». Никто не потупил взгляд, хоть на лицах и читалась растерянность. Ровно до того момента, как завопил один из покровителей.

Хлоя тут же бросилась к нему и постарались успокоить взбешённого мужчину, что решил ударить. Их разделили, и пострадавший тут же отполз назад.

— Не нужно вершить самосуд, я очень вас прошу, — произнесла девушка.

— Вы не понимаете, как много, как... Как же много у меня отняли эти люди! Вы просто не понимаете!

— И они будут за это наказаны. Но не нужно сейчас физической расправы, поймите. Иначе это превратится в публичное линчевание.

— Казните их, — он скалил зубы. — Казните или бросьте в яму, что угодно. Но во имя голоса Предвечной, не дайте им и дальше звучать в моей голове. Не дайте им остаться безнаказанными. Не дайте им уйти и...

— Не дадим, — перебил Маччери. — Во что бы то ни стало, не дадим. И можете быть уверены, что заглушит их не мой голос и не голос новых лидеров. А ваш собственный.

Трясущийся и перепуганный, горожанин взглянул на говорящего с доверием, а не отчаянием. Он сжал кулаки, будто всеми силами пытался смотреть на оратора, а не плюнуть в сторону тех, кому желал смерти. В конце концов, его взгляд не проскользил по земле и мерзким лицам, а застыл на небе. Человек закрыл глаза и постарался отстраниться. Важно было и не смотреть на теперь уже по-настоящему безобразные лица покровителей. У него получилось, и больше он никогда не пересекался взглядами ни с одним из них.

Маччери отвечал и отвечал, но вскоре нашлись люди, что стали ему помогать. Многие из них куда лучше большинства понимали, о чём шла речь. Кто-то из них поднимал руку и в своей манере объяснял тот или иной нюанс. Их слова и ход мыслей звучали как один хромо́й поток, что звучал с одной громкостью и на одной частоте. Пока не хватало конкретики и точного плана, но, некоторые полагали, что такой план и не нужен вовсе, главное — немного времени.

Мия, Кейтлин и Венди, едва переступив порог ратуши, тут же стали обычными девушками, частью одной большой толпы. Они слушали и старались постепенно пробираться вперёд. И почему-то каждой из них казалось, что, хоть весь город слышал

важные слова, их маленькой истории внешний мир не узнает никогда. Он не поймёт, что ощущала Венди, открывая дверь в комнату радиовещания. Не поймёт, как дрожали руки Кейтлин, когда оставалось потянуть нужный переключатель. И он никогда, никогда не почувствует то, с какой лёгкостью может звучать искренность.

Мортимер измотался до ужаса, но раздобыл обычный дешёвый флайо, в который смог переодеться. Ему было стыдно показываться на людях в дорогом стильном костюме, на котором и не осталось ничего от чистоты. Мортимер не слушал людей и чувствовал вину за то, что не справился так блестяще, как напридумывал себе. Неимоверно гадкое чувство на сердце, несмотря на окончательный результат их авантюры.

Даже Скай с Эстер оказались на площади, хоть и не без помощи Моники. За парнем с самым острым из всех виданных ароматом пришёл Амару, и уже на площади тот не выглядел как режущий всё на своём пути душевнобольной. Обычный себе человек, что может цапнуть за обидное словцо, не более того. Но что Скай, что Эстер, предпочли наблюдать за всем на расстоянии от этого человека.

Не пришёл только Сандер и доктор, что поначалу бранился и подозревал своих освободителей. Первый лежал весь перебинтованный, от клюва до ног. Из-за странного костюма, который Сандер наотрез отказался снимать, справиться с ранами оказалось не так просто. Первое время он походил на истекающую кровью губку, но врач бросил вызов ранам и не без труда его выиграл. Когда стало безопасно и все остальные слезли, доктор остался сидеть на крыше с пациентом, что успел стать неплохим собеседником. Может, даже товарищем. Они, в отличие от всех, слушали друг друга и говорили о куда менее значительных вещах. Тело болело и было настолько выжатым, что не хотелось шевелить даже пальцем. Оставалось только лежать плашмя и смотреть вверх. Но когда весь город был прикован к Маччери, а о них на миг забыли, Сандер протянул руку к лицу и снял маску. И воздух показался совершенно не тем, что раньше.

Руки накрепко вцепились в плащ художника. Только они втроем стояли на спине огромного ската, единственного в своём роде, сделанного из бумаги. И всё равно он летел, направляемый своим создателем, бросивший вызов ветру, не живой, но настоящий. Казалось, что рождённый для кратковременного полёта, он может унести на себе только тех, кто способен осознать всю свободу неба. В столкновении двух граней трое выбрали невесомость, ветер, развивающий волосы и заглушающий крики, выбрали восторг и возможность заглянуть за горизонт. Мия стояла рядом с Кейтлин и лишь иногда хваталась за плащ Ская. Но только тело находило равновесие, как она разводила руки в стороны и смотрела сверху на целый мир, укутанный ошеломительной простотой. Взгляд скользил по небу, которое, как и прежде, не рассказывало о том, где оно начинается и где заканчивается. Но здесь, где не было места почве, деревьям и строениям, не было места никому, кроме них троих, хотя бы облака казались едва-едва, но всё же достижимыми.

Они стояли вместе, но каждый находился и наедине с собой. С тем самым неосознанным собой, который куда-то пропадал, едва нога коснётся земли. Здесь, в небе, они остались без музыкальных инструментов и чернил, без револьверов и без страха. Смотри на передвигающиеся внизу объекты, похожие на катышки, хотелось почему-то залиться хохотом. Стоило только подумать, что эти зёрнышки — люди, куда-то идущие и о чём-то думающие, как сразу становилось смешно. Они шагали, преодолевая маленькие расстояния, в то время как по небу неслась комета, тараня воздушный слой, мечтающая оказаться у финиша.

Она со всей силы выкрикнула, но тут же услышала, что звук выходит глухим. Дыхание казалось совершенно другим, не таким привычным. Будто каждый вдох наполнял лёгкие настоящим воздухом, не повседневным, не просто для того, чтобы не позволить телу умереть. Маленькие вдохи скорее были сиюсекундными идеями, а глубокие — озарениями, насыщающие мысли чем-то редким и чудесным. Это не была какая-то определённая картина, но каждый раз, когда лёгкие наполнялись, ощущалось настоящее, не требующее доказательств счастье.

Сохраняя равновесие, Мия аккуратно посмотрела вниз. Практически прямо под ними неслась другая стихия. Отсюда она казалась крошечной, но ни капли не менее полноценной. Это была грань льда, создающая свой путь из всего, что находилось впереди. Будто синий лучик, ледяной овал мчался с огромной скоростью, будто вот-вот загорится и расплавится. Это было видно даже отсюда, с неба. Настоящее воплощение целеустремлённости, а не свободы, нацеленности на победу, но не невесомости. Скорее всего, воздух внизу обжигал лёгкие, разогревая сознание и заставляя мчаться ещё и ещё быстрее. Люди там испытывали другие эмоции, в эти секунды совершенно непонятные ей.

Как только Мия заметила, что ледяной диск немного отстал и сбился с пути, бумажный скат тоже сбавил скорость и начал снижаться. Неподдалёку находился только один ориентир

— амбар и мельница прямо возле него. Земля становилась всё ближе, и, наконец, бумажное создание впервые коснулось почвы. Только все трое слезли, как скат замер, будто превратился в статую. К ним медленно, уже не на такой бешеной скорости подъехал ледяной диск, на котором тоже было трое пассажиров. Не успел он растаять, как светловолосый парень начал озвучивать всё, что думает об этой затее.

— Bravo, вы летели по прямой, в то время как нам приходилось маневрировать. Лететь в воздухе по одной дурацкой траектории — вот он, пилотаж высшего уровня. Вы как, серьёзно чувствуете себя победителями?

— Бросай ворчать, Пракси, — издевательски хмыкнула Кейтлин. — Ты же изначально согласился на эту гонку, значит, как-то расценивал свои ничтожные шансы на победу. А теперь владыка льда превращается не в достойного проигравшего, а в нытика, который вопит, что всё вокруг нечестно.

— Но ведь и правда нечестно! — не сдавался тот. — Нас тормозила сила трения об землю, и нам приходилось уворачиваться, чтобы случайно не...

— У воздуха есть сопротивление, и если бы на нашем пути попадались птицы, мы бы тоже маневрировали, — шутя, заверила Мия. — Но в этот раз удача оказалась на нашей стороне, так что мы те ещё счастливики.

— Вот именно, обычное везение, но не дело техники. Нет, ну согласитесь, Докс, Тесс. Что вы стоите и молчите?

— Они нас вздули, — с серьёзным видом отрезал первый, а его подруга так же серьёзно согласилась.

— Разорвали в пух и прах.

— Не оставили и шанса.

— Ошеломляющая победа бумаги надо льдом.

— Грациозная...

— И бесспорная.

Ещё с несколько секунд парочка не подавала виду, но первым прыснул Докс, а за ним расхохотались и другие. Пракси скептически и сдержанно улыбался, по-дружески сверля взглядом остальных пятерых.

Когда все немного успокоились, Скай цокнул и мотнул головой, показывая на своё бумажное творение.

— Возвращаемся? — спросил Скай, пряча руки в карманах и кивая в сторону ската.

— На твоей бумажке? Ещё чего?! Мы поедem, и всё тут, точка. И в этот раз не проиграем, уж поверь.

— Звучит как ещё один вызов.

— Ты недооцениваешь лёд. Ох, недооцениваешь, Скай.

— Ну давай, давай. Я за, — он запрыгнул на спину существа. — Готов?

— Полностью. — Под ногами Пракси начал появляться широкий ледяной диск. — Теперь ты точно обрёл себя на поражение!

Парень улыбнулся, но Мия понимала, что это шуточная самоуверенность, ничего более. Оба кивнули друг другу и разошлись по местам.

Полёт обратно оказался по-настоящему спокойным. Никакой скорости, никакого ветра, который бы развевал волосы и одежду. Если путешествие к мельнице было вызовом небу, встречей с ним лицом к лицу, то возвращение напоминало рандеву с безграничной синей стихией. Скай держал руки в карманах и смотрел вдаль. Он словно с помощью какого-то

крошечного аппарата в кармане мог управлять этим существом, но подойти задать такой глупый вопрос Мия всё же не решилась.

Её взгляд застывал на переходах, некоторые из которых в этот раз оказались достаточно близко, чтобы возникло желание спрыгнуть со ската и полететь к ним самой. И правда, счастливая мысль крепко засела в голове. Было что-то необъяснимо общее между ней и этим небом, между переходами и бумажным скатом, между домом, в который они летели, и желанием услышать чарующие звуки музыки. Всё это связывалось в клубок чувств. Было непонятно, при чём тут бабочки и оттепель, почему здесь не бывает зимы, и наконец, почему ей в небе сейчас теплее, чем под тёплым одеялом в осенние дни. Никаких вычислений и логики, просто окутало полное осознание ощущений и момента.

На крыше замка находились все те, кого так хотелось видеть. Мия сошла с бумажной безупречности. Она осталась стоять на краю, в одном шаге от падения, но никто не сказал ей ни слова. На этой крыше теперь было больше людей, чем раньше. Их хотелось согреть в своих эмоциях и полностью утонуть в тех, которые готовы подарить они сами. Но всё это чуть позже, а пока — ощущения, выраженные чернилами на бумаге.

Меня поразили даже не сам полёт, а всё то, благодаря чему я могу его ощутить. Мы дети неба и пространства, которые мчались в гонке эйфории с хаотичной ледяной сущностью. И хоть наша суть заключается в безмятежности, а их — в скорости, нам удалось прийти первыми. Поэтому мне кажется, что небо даёт нам нечто такое, что никогда не смогут понять те, кто привык касаться земли. Чувство, что я всем сердцем люблю скорость, но самое дорогое, что у меня есть, — это небо и эта весна. Обе эти части меня самой были прямо перед глазами, но только сейчас я чувствую великое, о котором мне рассказывали. То, что начиналось с малого и достигло невероятных размеров. С совсем малого, чтобы я тогда могла это ценить. А сейчас моё небо не ограничивается горизонтом, и моя весна не ограничивается месяцами.

Над моей головой синий атлас. Я нахожусь дома. Облака плывут, а переходы, как и всегда, остаются на месте. Во мне порхает чувство, будто я могу победить то, что победить нельзя. И эти порывы, пусть даже секундные, этот смех над роковым и есть жизнь. Я знаю, что в конечном счёте проиграю времени и моя суть исчерпает себя. Моя история закончится. Но сейчас я ощущаю себя бессмертной, и это нельзя сравнить ни с одним другим чувством.

Я понимаю, почему мне так хочется растаять вверху. Небо, весна и каждый из нас — мы связаны одной элементарной основой. Это уже новые страницы дневника, новые полёты и истории. От самой земли и до высочайшей границы в небе — это подарок мне, это моё место! И теперь я знаю, как нарисовать самое заветное, знаю какую форму оно примет. Это будет простой циклический символ. Как и у всего самого сокровенного, у него не будет ни конца, ни края, но обязательно будет свой плюс и свой минус